

Т. 9, № 1 • 2024

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Серия Общество. История.
Современность

OMSK SCIENTIFIC BULLETIN

Series Society. History.
Modernity

ИСТОРИЯ HISTORY

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

ЭКОНОМИКА ECONOMY

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Серия
«Общество. История.
Современность»

Издается с июля 2016 г.
Выходит 4 раза в год

Том 9 № 1 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Омский государственный
технический университет»

Свидетельство о регистрации
ПИ № ТУ55-00555 от 29.03.2017 г.
выдано Управлением Роскомнадзора
по Омской области

Сайт журнала:
<https://journals.omgtu.ru>

Страница журнала
на сайте учредителя:
[http://www.omgtu.ru/
general_information/
media_omgtu/
journal_of_omsk_research_journal/](http://www.omgtu.ru/general_information/media_omgtu/journal_of_omsk_research_journal/)

Подписной индекс
в каталоге Роспечать 80638

Ответственный секретарь
М. Ф. Федорчук

Редактор
Т. П. Семина

Компьютерная верстка
О. Н. Чирун

Макет обложки
Н. С. Плотникова

© Редакция журнала
«Омский научный вестник»
Серия «Общество. История.
Современность»,
ОмГТУ

Подписано в печать 19.02.2024 г.
Дата выхода в свет 28.02.2024 г.

Формат 60x84 1/8.
15,58 усл. печ. л.
Бумага офсетная.

Отпечатано на дупликаторе
отдела научной информации ОмГТУ

Тираж 500 экз.
(1-й завод 1–100).

Заказ 10
Цена свободная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Нехаев Андрей Викторович (главный редактор),
доктор философских наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Сущко Алексей Владимирович (заместитель главного редактора),
доктор исторических наук, профессор,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия
Омский автобронетанковый инженерный институт, Омск, Россия

Бернацкий Владилен Осипович,
доктор философских наук, профессор,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Борисов Евгений Васильевич,
доктор философских наук, доцент,
Томский государственный университет, Томск, Россия

Владимирски Ирена,
доктор исторических наук, профессор,
Академический колледж Ахва, Беэр Тувия, Израиль

Гагкуев Руслан Григорьевич,
доктор исторических наук,
Институт российской истории РАН, Москва, Россия

Гончаренко Марк Васильевич,
доктор философских наук, доцент,
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет, Томск, Россия

Дидикин Антон Борисович,
доктор философских наук, кандидат юридических наук,
«Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева»,
Астана, Республика Казахстан

Калинина Ольга Владимировна,
доктор экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Ковалев Василий Александрович,
доктор экономических наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Кротова Мария Владимировна,
доктор исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Кулинок Святослав Валентинович,
кандидат исторических наук,
Национальный архив Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Ладов Всеволод Адольфович,
доктор философских наук, доцент,
Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия

Мартишина Наталья Ивановна,
доктор философских наук, профессор,
Сибирский государственный университет
путей сообщения, Новосибирск, Россия

Мячин Юрий Васильевич,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Новиков Сергей Валентинович,
доктор исторических наук, профессор,
Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина, Омск, Россия

Петин Дмитрий Игоревич,
кандидат исторических наук, доцент
Исторический архив Омской области, Омск, Россия

Пученков Александр Сергеевич,
доктор исторических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Растова Юлия Ивановна,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Федотова Марина Геннадьевна,
доктор философских наук,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Фоменков Артем Александрович,
доктор исторических наук,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Харченко Лариса Павловна,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Шевцов Вячеслав Вениаминович,
доктор исторических наук, доцент,
Томский государственный университет, Томск, Россия

Яковлева Елена Владимировна,
доктор экономических наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

OMSK SCIENTIFIC BULLETIN

Series
«Society. History.
Modernity»

Published Since July 2016
4 Times per Year

Volume 9 No. 1 2024

FOUNDER

Federal State
Autonomous Educational Institution
of Higher Education
«Omsk State Technical University»

Mass Media Registration Certificate
ПМ № TY55-00555 from 29.03.2017
issued by the Federal Service for
Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media,
Omsk region

Journal Website:
<https://journals.omgtu.ru>

Journal Page on Founder's Website:
[http://www.omgtu.ru /
general_information/media_omgtu/
journal_of_oms_k_research_journal/](http://www.omgtu.ru/general_information/media_omgtu/journal_of_oms_k_research_journal/)

Subscription Index
in Federal Agency on Press and Mass
Communications Catalog 80638

Executive Secretary
M. F. Fedorchuk

Editor
T. P. Semina

Computer Page-Proofs
O. N. Chirun

Cover Layout
N. S. Plotnikova

© Editorial Board of
«Omsk Scientific Bulletin»
Series «Society. History.
Modernity», OmSTU

Signed in Print 19.02.2024
Date of Publication 28.02.2024

Format 60x84 1/8. Conventional
Printed Sheets 15,58. Offset Paper.

Printed on a Duplicator
at Scientific Publishing Office,
Omsk State Technical University

Circulation 500 Copies.
(The 1st Printing Factory 1-100).

Order 10
Open Price

EDITORIAL STAFF

Nekhaev Andrei Viktorovich (Chief Editor),
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Sushko Aleksey Vladimirovich (Deputy Chief Editor),
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia
Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Omsk, Russia

Bernatsky Vladilen Osipovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Borisov Evgenii Vasilievich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk State University, Tomsk, Russia

Vladimirsky Irena,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Achva Academic College, Beer Tuvia, Israel

Gagkuev Ruslan Grigorievich,
Doctor of Historical Sciences,
Institute of Russian History of RAS, Moscow, Russia

Goncharenko Mark Vasilievich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

Didikin Anton Borisovich,
Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law,
M. Narikbayev KAZGUU University, Astana, Republic of Kazakhstan

Kalinina Olga Vladimirovna,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

Kovalev Vasilii Aleksandrovich,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Krotova Mariia Vladimirovna,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Kulinok Svyatoslav Valentinovich,
Candidate of Historical Sciences,
The National Archives of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Ladov Vsevolod Adolfovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk Scientific Center of SB RAS, Tomsk, Russia

Martishina Natalia Ivanovna,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia

Myachin Yuriy Vasilievich,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Novikov Sergey Valentinovich,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk, Russia

Petin Dmitry Igorevich,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Historical Archive of Omsk Region, Omsk, Russia

Puchenkova Aleksandra Sergeevna,
Doctor of Historical Sciences,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Rastova Yuliya Ivanovna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Fedotova Marina Gennadiyevna,
Doctor of Philosophical Sciences,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Fomenkov Artem Aleksandrovich,
Doctor of Historical Sciences,
Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia

Kharchenko Larisa Pavlovna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Shevtsov Vyacheslav Veniaminovich,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Tomsk State University, Tomsk, Russia

Yakovleva Elena Vladimirovna,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

От редколлегии	5
----------------	---

Актуальная история

Р. Г. Гагкуев. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...»	6
---	---

По итогам V Международной научно-практической конференции «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие»

А. В. Сушко, Д. И. Петин. Омская конференция по истории Гражданской войны на востоке России: история проведения и перспективы развития	13
Н. А. Заяц. Эволюция настроений ижевско-воткинских рабочих в октябре 1917—декабре 1918 гг.	25
В. И. Тетерин. Гражданская война и антибольшевистские земские финансы: опыт Пермской губернии	34
А. Л. Киселев. Попытки нормативно-правового регулирования обращения иностранной валюты на Дальнем Востоке России антибольшевистской властью в 1919 году	42
Сунь Ичжи. Газета «Шанхайская жизнь»: источниковедческий обзор	49
Д. И. Петин. Коллективный портрет бывших белогвардейцев, репрессированных в Омске по делу «организации Артамонова» в 1937 г.	54

Имя в истории

Д. С. Аннаоразов. Действующие лица Гражданской войны в Туркменистане: правда и вымысел о Джунaid-хане	65
---	----

ФИЛОСОФИЯ

А. Д. Парфенов. Коммунитарные модели культурного консерватизма	75
--	----

ПРОВОКАЦИИ

К. МакГинн. Абсурдный утилитаризм = C. McGinn. Absurd Utilitarianism/ пер. с англ. А. В. Нехаева	85
--	----

IN MEMORIA CLASSICA

С. Коулинг. Кантианское смирение и онтологические категории = S. Cowling. Kantian Humility and Ontological Categories/ пер. с англ. А. В. Нехаева	91
---	----

ПОЗИЦИИ И А-ПОЗИЦИИ

Х. Идальго. Выживание при телепортации = J. Hidalgo. You Survive Teletransportation/ пер. с англ. А. В. Нехаева	97
А. М. Кардаш. Телепорт и оригами	102

ЭКОНОМИКА

Е. В. Леун, С. Е. Пчелкин, Т. Н. Гупалова. Исследование особенностей инновационной активности организаций в области рыбоводства и рыболовства в 2003—2022 годах с учетом анализа параметров результатов интеллектуальной деятельности	108
Е. В. Ходорева, В. В. Шалай. Механизм развития систем управления образованием для увеличения вовлечения вузов в производственную деятельность предприятия	120
Э. Р. Аблитаров, А. О. Каминская. Внешнеторговые отношения России и Армении: особенности и тенденции	128

CONTENTS

HISTORY

From the editorial board	5
---------------------------------	---

Actual History

R. G. Gagkuev. «Today we need to talk about the Civil War with restraint, without the desire to take anyone's side...»	6
---	---

On the references of the Vth International Scientific and Practical Conference «Civil War in the East of Russia: a look through the documentary heritage»

A. V. Sushko, D. I. Petin. Omsk conference on the history of the Civil War in Eastern Russia: history and development prospects	13
N. A. Zayats. The evolution of the mood of the Izhevsk-Votkinsk workers in October 1917–December 1918	25
V. I. Teterin. Civil War and anti-Bolshevik zemstvo finances: the experience of the Perm province	34
A. L. Kiselev. Attempts to regulate the circulation of foreign currency in Russian Far East Anti–Bolshevik Power in 1919	42
Sun Yizhi. «The Shanghai Life»: a Source-Study Review	49
D. I. Petin. A collective portrait of the ex–White Guards repressed in Omsk in the case of the «Artamonov's organization» in 1937	54

History Name

D. S. Annaorazov. Actors of the Civil War in Turkmenistan: the truth and fiction about Junaid Khan	65
---	----

PHILOSOPHY

A. D. Parfenov. Communitarian models of cultural conservatism	75
--	----

PROVOCATION

C. McGinn. Absurd Utilitarianism / trans. from Engl. A. V. Nekhaev	85
---	----

IN MEMORIA CLASSICA

S. Cowling. Kantian Humility and Ontological Categories / trans. from Engl. A. V. Nekhaev	91
--	----

Pros and Cons

J. Hidalgo. You survive Teletransportation / trans. from Engl. A. V. Nekhaev	97
A. M. Kardash. Teletransporter and origami	102

ECONOMY

E. V. Leun, S. E. Pchelkin, T. N. Gupalova. The study of innovative activity features of organizations in the field of fish farming and fishing in 2003–2022 taking into account the analysis of parameters results of intellectual activity	108
E. V. Khodoreva, V. V. Shalay. A mechanism for development of education management systems to increase the involvement of universities in production activities of the enterprise	120
E. R. Ablitarov, A. O. Kaminskaya. Foreign trade relations between Russia and Armenia: features and trends	128

От редколлегии

18–19 октября 2023 г. на базе Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области состоялась V Международная научно-практическая конференция «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие», посвященная 130-й годовщине со дня рождения Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского и 100-летию событий антибольшевистского Якутского мятежа. Мероприятие во взаимодействии организовали Российское историческое общество, Министерство культуры Омской области, Исторический архив Омской области, Омский государственный технический университет и Омский автобронетанковый инженерный институт. Площадка объединила 104 очных участника.

К началу конференции оргкомитет подготовил и разместил в наукометрической базе «Российский индекс научного цитирования» сборник ее материалов. В издание вошла 61 работа. Круг авторов и спикеров — это 66 академических специалистов и представителей общественности из Москвы, Санкт-Петербурга, республик Татарстан и Якутия, Красноярского, Пермского, Приморского и Хабаровского краев, Ханты-Мансийского автономного округа, Владимирской, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Орловской, Тамбовской, Томской, Самарской, Сахалинской, Свердловской и Ульяновской областей, а также Израиля, Казахстана, Китая, США и Туркменистана.

В рамках работы секций конференции освещались аспекты военно-политической и социально-экономической истории Сибири в 1917–1923 гг. Анализировались последствия, вызванные событиями военно-революционного периода, а также то, как эти процессы и явления повлияли на Российское государство и общество. Перечисленная проблематика рассматривалась, в том числе, сквозь призму уникальных сюжетов военно-исторической антропологии, связанных с комбатантами и свидетелями братоубийственного противостояния на востоке России.

Во исполнение резолюции предыдущей конференции редколлегия продолжает практику подготовки тематических выпусков журнала, содержащих в формате, расширенном до объема статьи, наиболее значимых наработок, апробированных в рамках докладов, которые обсуждались на конференции.

Проведение очередного мероприятия его оргкомитетом запланировано на 2025 г.

Д. И. ПЕТИН,
член редколлегии,
руководитель Центра изучения истории
Гражданской войны
Исторического архива Омской области,
доцент кафедры ИФиСК ОмГТУ,
кандидат исторических наук, доцент (ВАК, Россия)

УДК 94(47):355.40
DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-6-12
EDN: IQPMHC

Р. Г. ГАГКУЕВ

Институт российской
истории РАН,
г. Москва

«РАССКАЗЫВАТЬ СЕГОДНЯ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НУЖНО СДЕРЖАННО, БЕЗ СТРЕМЛЕНИЯ ВЗЯТЬ ЧЬЮ-ТО СТОРОНУ...»

Руслан Григорьевич Гагкуев — доктор исторических наук, председатель Правления Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества», ведущий научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории РАН. Известный исследователь истории Гражданской войны в России. Руслан Григорьевич неоднократно бывал в Омске по научным делам. О данном интервью было договорено во время подготовки V Международной научно-практической конференции «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие». Интервью было дано дистанционно, а затем и отредактировано Русланом Григорьевичем из Москвы в октябре 2023 г. Беседа посвящена современному состоянию изучения Гражданской войны в России и развитию отечественной исторической науки.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Российское историческое общество, Омск, офицерство, иностранная военная интервенция, А. В. Колчак, Центр изучения истории Гражданской войны.

— Вы являетесь признанным академическим специалистом, много сделавшим для изучения истории Гражданской войны. В том числе Вы занимаетесь историей иностранной военной интервенции через исследования личности французского генерала Мориса Жанена [1–3 и др.]. Какова, на Ваш взгляд, роль интервентов в исходе военно-политического противостояния белых и красных в России?

— Важно, думаю, говорить не о роли интервентов в исходе военно-политического противостояния белых и красных в России, а о том, насколько это повлияло на продолжительность противостояния, на характер той борьбы, которая велась. Если бы белые победили в войне, если бы они при использовании оказываемой им помощи одержали верх, тогда можно было бы говорить о какой-то роли в исходе событий. Но война закончилась поражением контрреволюции. Говоря об интервенции, важно понимать, что для стран Антанты до конца Первой мировой войны главное значение имела не организация самой интервенции против советской власти, а воссоздание Восточного фронта, который мог бы в том или ином виде оттянуть ресурсы с фронта Западного, облегчить положение англичан, французов и их союзников по Антанте, которые противостояли Четвертому блоку.

Руслан Григорьевич ГАГКУЕВ выступает на IV Международной научно-практической конференции «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие» 20 октября 2021 г. в Центре изучения истории Гражданской войны

Вообще немецкая угроза в России была главной движущей силой интервенции в 1918 году. Представители Антанты очень боялись, что Германия сможет использовать российские ресурсы для продолжения войны, для обеспечения себя всем необходимым. Боялись и того, что Германия сможет использовать тех своих солдат и офицеров, которые находились на территории России в плену. Страны Антанты очень опасались, что они вернутся в состав германской и австро-венгерской армий. Развитие событий показало, что эти опасения были беспочвенны. Во-первых, Германия так и не добилась необходимого влияния на развитие событий в России. Во-вторых, и моральное, и физическое состояние находившихся в плену солдат и офицеров в большинстве своем оставляло желать лучшего. Реальное использование бывших военнопленных в интересах стран Четверного блока так и не состоялось.

Да, конечно, существенную часть ресурсов для продолжения борьбы Германия и Австро-Венгрия взяли с территории бывшей Российской империи. Можно вспомнить и про оккупацию Украины, и про вывоз хлеба, про дополнительное соглашение к Брестскому миру, по которому Советская Россия обязывалась выплачивать довольно крупные суммы. Но при этом реальной военной помощи, опираясь на большевиков и занятую ими территорию, страны Четверного союза так и не смогли получить.

Если мы берем второй этап интервенции, который фактически начался после заключения Компьенского перемирия 11 ноября 1918 года, то мы увидим, что страны Антанты в значительной мере потеряли интерес к событиям, которые происходили в России. Да, первоначально были планы проведения полномасштабной интервенции, прежде всего в своих интересах.

Речь, с одной стороны, шла о недопущении распространения большевизма на другие страны мира, и прежде всего страны Европы — это очень сильно пугало представителей западной элиты.

С другой стороны, страны Запада стремились получить выгоду от использования российских ресурсов или же приоритетное право на их разработку по окончании Гражданской войны. Помощь со стороны союзников, конечно, не была бескорыстной. Интервенция, прежде всего, заключалась в финансовой и материально-технической помощи: поставках вооружения, материального обеспечения, которые на протяжении конца 1918—1919 года производились по всем фронтам Белого движения в разном масштабе. С учетом того, что ни один из белых фронтов, ни одно из белых правительств не имело в своем распоряжении достойной промышленной базы, эта помощь была очень существенной для обеспечения вооруженных сил и снабжения армии.

Историки не пришли к единому мнению о масштабах этой помощи. Точных данных, сколько всего получил тот или иной фронт, на сегодня нет, но объем этих поставок говорит о том, что, например, с точки зрения вооружения винтовками и патронами к ним, артиллерией и снарядами — большую часть необходимого белые армии получали из-за рубежа. То же можно сказать об обмундировании, в которое были одеты белые армии. Ведь даже базы для производства униформы в большинстве случаев у белых не было, поэтому эти поставки также были критически важными. Я уже не говорю о поставках современных видов вооружения — танков и самолетов. В ряде случаев наличие такой

техники давало преимущество при прорыве линии фронта или обороны: например, в боях в Донбассе весной 1919 года наличие британских танков сыграло значимую роль. Многие из них позднее в качестве трофеев попали в Красную армию.

— **Омск сегодня является одним из академических центров изучения истории Гражданской войны в России [4]. Хотя личность А. В. Колчака воспринимается общественностью весьма неоднозначно [5, с. 94–98]. Но наш город широко известен даже за рубежом, в том числе благодаря имени адмирала, ставшего для Омска историко-культурным и туристическим брендом [6–7]. Какова Ваша оценка исторической фигуры Верховного правителя?**

— Александр Васильевич Колчак, безусловно, значимая фигура не только для истории Гражданской войны, но и для всей российской истории начала XX века. Человек многогранный, проявивший себя в самых разных сферах деятельности. Если говорить о его заслугах, то в первую очередь следует сказать об участии Колчака в полярных исследованиях. Сделанное им навсегда останется в истории освоения Арктики Россией. Свое имя в эту летопись он вписал.

Если говорить о нем как о морском офицере и флотоводце, то и здесь его вклад достаточно значим: это и участие в боевых действиях на Балтийском море, минные постановки, и его командование Черноморским флотом в 1916–1917 годах — те события, которые вошли в историю Первой мировой войны и о которых важно помнить. Георгиевское оружие за Русско-японскую войну и орден святого Георгия 4-й степени за Первую мировую характеризуют его как храброго офицера и командира.

Последующее участие А. В. Колчака в Гражданской войне во многом является определяющим фактором в формировании отношения к нему как к исторической фигуре со стороны тех, кто сегодня, уже спустя больше 100 лет, ставит себя на сторону Красной армии и советской власти, или, наоборот, — видит себя сторонником Белого движения. Для одних Колчак — диктатор, утопивший Сибирь в крови, продавшийся интервентам. Для других — национальный лидер, отстаивающий традиционные для российского общества ценности, спасавший Россию от большевизма.

На мой взгляд, подобные одномерные трактовки Колчака как одной из важнейших фигур Гражданской войны неправильны. По моему мнению, Колчак — сложная, во многом трагическая фигура. Человек, который оказался во главе большого государственного образования, которое претендовало на победу в Гражданской войне наравне с Советской Россией. При этом сам он не имел должной подготовки ни для управления государством, ни для командования вооруженными силами. Проблема, конечно, была не только в этом. Большевики ранее тоже не имели никакого опыта государственного строительства, но при этом опирались на специалистов Российской империи — как гражданских, так и военных. В отношении же Колчака важно отметить большую нехватку кадров на востоке России как в гражданской, так и в военной сфере. Он сам признавался, что и рад был бы заместить того или иного чиновника, но не на кого.

Как политик А. В. Колчак не сумел добиться единства всего Восточного фронта Белого движения, который раздирали противоречия на протяжении большей части его нахождения у власти.

Представители демократической контрреволюции — прежде всего правые эсеры и меньшевики — изначально выступали против «диктатора Колчака». Приход к власти в результате переворота 18 ноября 1918 года, свергнувшего «демократическую Директорию» (Временное Всероссийское правительство), и провозглашение верховным правителем Колчака сделали его фигуру неприемлемой для большинства социалистов. А ведь они были также противниками большевиков, хотя и считали их меньшим злом, чем военную диктатуру, видя в ней реакцию.

Не все было ладно и в военном стане белых. Достаточно вспомнить противостояние верховного правителя адмирала А. В. Колчака с атаманом Г. М. Семеновым. Последний, после конфликта в ноябре 1918 года, фактически не признавал его власти до мая 1919 года. Верховный правитель попытался отрешить атамана от командования 5-м армейским корпусом, но реальной силы для этого не имел. В конечном счете именно Колчаку пришлось пойти на уступки и отменить свой приказ в отношении Семенова.

В своей борьбе с советской властью Колчак опирался, прежде всего, на армию, служилые сословия российского общества, крепкое крестьянство. И такую поддержку он имел. Ошибки, совершенные во внутренней политике, недостаток людских и материальных ресурсов, в конечном счете, привели к тому, что любые значимые поражения на фронте грозили белому Восточному фронту катастрофическими последствиями. В итоге что и произошло. К тому же огромные пространства Сибири и Дальнего Востока так и не были в полной мере подконтрольны Колчаку. Явление «атаманщины», по сути, не подконтрольной центральной власти, имевшее место на белом Восточном фронте, стало нарицательным для всего периода Гражданской войны.

Колчаку часто ставят в вину белый террор в Сибири, прежде всего — против крестьян-повстанцев. Восставшие крестьяне были далеко не мирными протестующими, в ходе своих выступлений они жестоко убивали противников, прежде всего представителей местных органов власти. Эти восстания в тылу изначально поставили белую власть в опасное положение и вызывали жесткую реакцию. Колчак лично не отдавал приказов казни красных повстанцев. Но это, конечно, не отменяет жестокое подавление выступлений крестьян на протяжении 1919 года. Как лицо, стоявшее во главе государства, он все же отвечал за все в нем происходящее, в том числе и за те карательные акции, которые проводились войсками.

Но, говоря о его ответственности, нужно в равной мере говорить и об ответственности лидеров советского государства за красный террор в годы Гражданской войны. Она лежит и на В. И. Ленине, и Л. Д. Троцком, и на других советских лидерах. Советские деятели более чем откровенно заявляли о терроре в отношении целых классов и проводили его в жизнь. Террор как средство внутренней политики применялся всеми участниками Гражданской войны. К сожалению, жизнь человеческая в те годы стоила немного. Споры о том, с чьей стороны террор был более массовым, едва ли когда-то завершатся, источниковая база по разным причинам слишком скудна.

Еще раз повторю, что личность Колчака — сложная для оценки, и одной белой или черной краской его объективный портрет написать едва ли получит-

ся. Да и не нужно это. Спустя больше 100 лет со дня своей трагической гибели он нуждается в объективной оценке, как один из заслуженных русских офицеров и один из лидеров Белого движения. На мой взгляд, наиболее удачная его биография на сегодня написана Павлом Николаевичем Зыряновым [8].

— **Вы посвятили ряд своих трудов русскому офицерству. На Ваш взгляд, офицеры в Гражданской войне и бывшие офицеры в советской России 1920–1930-х гг. — единый социальный феномен? Или два разных?**

— Речь идёт об одних и тех же людях, об одном и том же служивом сословии. Другое дело, что значительная часть этого сословия оказалась в эмиграции, где продолжала на протяжении довольно длительного времени сохранять армейский уклад своей жизни. Ряд кадрированных объединений, в составе которых они воевали в Гражданской войне, существовал на протяжении двух десятилетий со дня ее окончания. Белые офицеры готовились к весеннему походу на Советскую Россию на протяжении всей своей жизни, многие из них всю свою жизнь подчиняли борьбе с советской властью.

Во втором случае мы говорим об офицерах, ставших военными специалистами. Хотя и не только о них. Многие, в том числе и бывшие чины белых армий, по разным причинам остались в Советской России. От того, что бывшие офицеры во многих случаях полностью сменили свой род деятельности, они не перестали быть носителями того образования и воспитания, которое получили в Российской империи. Да, их опыт далеко не всегда в Советском Союзе был востребован, но там, где он был востребован, может быть, сами того не всегда сознавая, они несли свои знания и свое отношение к воинской службе, передавая их Красной армии.

— **Российское общество сегодня по-прежнему, как и 100 лет назад, делится на сторонников белых и красных. Ситуацию неизжитой в общественном сознании гражданской войны наглядно иллюстрирует ситуация со снятием в Санкт-Петербурге мемориальной доски А. В. Колчаку и протесты в Омске коммунистически ориентированной общественности, не позволившей поставить в городе уже изготовленный памятник адмиралу [9]. В Омске на месте двух православных храмов стоят советские памятники В. И. Ленину, которые вызывают неприятие у значительной части православных омичей. Эти монументы местные коммунисты не дают переставить и восстановить храмы. Вы скажите свою точку зрения на описанные факты и то, как нужно сохранять память о Гражданской войне в России и формировать историческое сознание наших граждан.**

— Действительно, Гражданская война сегодня остается незаживающей раной для большей части общества, и те примеры, которые Вы привели, это показывают. Сегодня ситуации с установкой памятной доски участнику Гражданской войны с одной стороны, или снос памятника — с другой — могут приводить к достаточно острой дискуссии в обществе, которая едва ли не переходит в противостояние. По моему глубокому убеждению, сегодня нам нужно старательно уходить от деления друг друга на красных и белых. Сегодня многие люди, называющие себя преемниками красных или белых, часто не понимают, о чем они говорят, и едва ли могут в полной мере осознать их политические программы.

Рассказывать сегодня о Гражданской войне, как во время выступлений, так и в публикациях — не-

важно, научная статья это, популярная книга или учебник — нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону. Кстати сказать, в большинстве наших крупных музеев сегодня именно так построены экспозиции, рассказывающие об этом сложном времени. Что касается памятников участникам Белого движения, внесшим свой весомый вклад в нашу историю, — уверен, они будут появляться, наряду с тем, что сохранятся и советские памятники.

— **Вы уже бывали в Омске и хорошо знакомы с деятельностью Центра изучения истории Гражданской войны — научной и выставочной площадкой Исторического архива Омской области [10–11]. Вы, как архивный работник в прошлом, как относитесь к подобному формату деятельности регионального архива, а также насколько актуален подобный опыт работы омских историков-архивистов для других регионов? Видите ли Вы перспективы развития Центра?**

— Сегодня важно сохранять память о Гражданской войне, как об одном из самых трагических эпизодов нашей истории, когда страна оказалась разделенной на два основных лагеря. В ходе гражданского противостояния мы понесли огромные потери. Не только убитыми и умершими от болезней, погибшими в ходе террора, но и людские потери в связи с вынужденным отъездом многих граждан в эмиграцию. Все это, безусловно, сказалось в XX веке на потенциале России. Эти события должны постоянно напоминать нам о том, чего может стоить нам рост социальной напряженности в обществе и гражданское противостояние. И это напоминание должно нас предостерегать от повторения ошибок столетней давности в будущем.

Деятельность Центра изучения истории Гражданской войны, которым руководит кандидат исторических наук Дмитрий Игоревич Петин, заслуживает пристального внимания. Подкупает, что в центре Омска не только сохраняется Дом Батюшкина, в котором в годы Гражданской войны находилась резиденция Верховного правителя адмирала А. В. Колчака, но в нем постоянно проводятся выставки, посвященные самым разным событиям истории нашей страны, с которыми могут ознакомиться и омичи, и гости города.

Если говорить непосредственно о самой экспозиции, то это едва ли не единственный пример в стране, когда экспозиция целиком посвящена истории Гражданской войны. Знаю, что большая работа по созданию музея Гражданской войны идет в Волгограде, и надеюсь, что он откроется в ближайшие годы. Но сегодня Омск остается единственным городом, где на основе Исторического архива Омской области создан Центр изучения Гражданской войны, активно занимающийся научно-исследовательской и просветительской деятельностью.

С точки зрения работы выставочного зала знаю только один аналог — Выставочный зал федеральных архивов. Перспективы развития Центра, на мой взгляд, очень хорошие. В нем регулярно проводятся научные конференции, издаются сборники по истории Гражданской войны, ведется активная просветительская деятельность. Думаю, что эта практика должна быть продолжена и расширена общероссийской тематикой.

— **Каковы Ваши впечатления об историческом сообществе Омска и что Вы ожидаете от рестарта деятельности здесь регионального отделения Российского исторического общества?**

— Давно и хорошо знаю многих омских историков, поэтому с радостью узнал об их инициативе открытия отделения Российского исторического общества в Омской области. Сейчас во главе отделения Иван Иванович Кротт, в недавнем прошлом — ректор Омского государственного педагогического университета, а сейчас — заместитель Председателя правительства Омской области и министр образования Омской области. Вместе с коллегами за время, прошедшее с момента воссоздания отделения, он провел большую работу по реализации историко-просветительских проектов, в том числе — и при поддержке фонда «История Отечества». Совет отделения принимает деятельное участие в жизни Российского исторического общества. Представитель от отделения вошел в состав Комиссии Российского исторического общества по высшему историческому образованию.

— **В связи со Специальной военной операцией государство изменило политику в области исторического образования. В учебный процесс вузов вернулась дисциплина «История России», за что активно выступало Российское историческое общество. В утвержденной Минобрнауки России Концепции преподавания этой дисциплины заложены методологический плюрализм, значительная составляющая зарубежной истории в дисциплине «История России». Поясните, почему в современных условиях борьбы с коллективным Западом не приняты решения преподавать историю России единообразно на основе цивилизационного подхода к прошлому? Зачем нужна такая объемная составляющая зарубежной истории?**

— Важность увеличения часов для преподавания истории и внедрение Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей, на мой взгляд, вполне очевидны. В текущем году по инициативе Министерства науки и высшего образования России Российское историческое общество проводило контрольный срез знаний среди студентов-первокурсников неисторических специальностей разных вузов. И его результаты подтвердили необходимость увеличения времени, отведенного на изучение истории России. Данные этого контрольного среза показали, что только треть учащихся показывает даже не «хороший», а «удовлетворительный» уровень знаний по истории нашей страны. Это является следствием того, что в старших классах ребята, готовящиеся к ЕГЭ, не уделяют изучению истории необходимого внимания.

И в этом отношении нужно подумать о перечне обязательных экзаменов. Вполне возможно, что история могла бы занять место обществознания, которое как предмет по выбору принимается в очень большом числе вузов России.

Что касается содержания концепции, замечу, что предмет все-таки называется именно «История России». Его обсуждение велось на протяжении почти полугода, было получено несколько тысяч замечаний разного рода — от концептуальных до самых мелких. Первоначально в курсе не было всеобщей истории, но в ходе обсуждения было большое количество пожеланий добавить ее ключевые события, что и было сделано. Что касается цивилизационного подхода — высказывались и такие предложения, но, в конечном счете, от них было решено отказаться в пользу более привычной для большего числа преподавателей структуры. В то же время

не исключаю, что в будущем, по итогам накопившейся практики преподавания по этой концепции, в нее могут вноситься и правка, и дополнения.

— **Руслан Григорьевич, благодарю за интервью и желаю Вам дальнейшей плодотворной работы!**

Беседовал Алексей СУШКО.

Библиографический список

1. Гагкуев Р. Г. Верховный правитель против атамана: конфликт адмирала А. В. Колчака и атамана Г. М. Семенова в ноябре – декабре 1918 г. в документах французского генерала М. Жанена // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 4. С. 154 – 166. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.4.14.
2. Гагкуев Р. Г. «Адмирал становится для нас опасным подопечным». Оценка французским генералом М. Жаненом ситуации на белом Восточном фронте в декабре 1918 г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 10 – 17. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-10-17. EDN: RVPDCQ.
3. Гагкуев Р. Г. «Диктатура Колчака»: генерал Морис Жанен и начало работы Французской военной миссии в Сибири в ноябре – декабре 1918 г. // Исторический вестник. 2021. Т. 37. С. 204 – 230.
4. Петин Д. И., Тишкина К. А. Вспоминая трагичные дни России: конференция по истории Гражданской войны в Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 1 (33). С. 239 – 247. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(1).239-247.
5. Петин Д. И. История омского рода Батюшкиных. Омск: Золотой тираж (ООО «Омскбланкиздат»), 2021. 140 с.
6. Пученков А. С. Омские Форсайты и «Дом Колчака» // Российская история. 2023. № 2. С. 205 – 208. DOI: 10.31857/S2949124X23020190.
7. Базанов П. Н. Местная или всероссийская культура? Рецензия на книгу: Петин Д. И. История омского рода Батюшкиных / М-во культуры Омск. обл. Омск: тип. Золотой

тираж, 2021. 140 с. ISSN 978-5-8042-0752-7 // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. № 3. С. 186 – 188. DOI: 10.30725/2619-0303-2022-3-186-188.

8. Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, Верховный правитель России. Москва: Молодая гвардия, 2006. 637 с.

9. Сушко А. В., Петин Д. И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А. В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 9 – 17. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-9-17. EDN: HKQJJC.

10. Чекалина Л. А. Центр изучения истории Гражданской войны как общественное пространство Исторического архива Омской области // Отечественные архивы. 2022. № 3. С. 25 – 34.

11. Федотова И. В. Отметив первый юбилей: обзор научных мероприятий в Омске к 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны // Сибирский архив. 2022. № 2. С. 179 – 204.

ГАГКУЕВ Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва.

SPIN-код: 3803-4060

AuthorID (РИНЦ): 293012

ORCID: 0000-0002-1413-6684

AuthorID (SCOPUS): 57189051187

ResearcherID: AAC-7834-2022

Адрес для переписки: gagkuev@yandex.ru

Для цитирования

Гагкуев Р. Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 6 – 12. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-6-12.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023 г.

© Р. Г. Гагкуев

«TODAY WE NEED TO TALK ABOUT THE CIVIL WAR WITH RESTRAINT, WITHOUT THE DESIRE TO TAKE ANYONE'S SIDE...»

Ruslan Grigorievich Gagkuev — Doctor of Historical Sciences, Chairman of the Board of the Russian Historical Society, Executive Director of the History of the Fatherland Foundation, leading researcher at the Center for Military History of Russia at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Well-known researcher of the history of the Civil War in Russia. Ruslan Grigorievich visited Omsk several times on scientific affairs. This interview was agreed upon during the preparation of the V International Scientific and Practical Conference «Civil War in the East of Russia: A Look Through the Documentary Heritage». The interview was given remotely and then edited by Ruslan Grigorievich from Moscow in October 2023. The conversation is devoted to the current state of the study of the Civil War in Russia and the development of domestic historical science.

Keywords: Civil War in Russia, Russian Historical Society, Omsk, officers, foreign military intervention, A. V. Kolchak, Center for the Study of Civil War History.

References

1. Gagkuev R. G. Verkhovnyy pravitel' protiv atamana: konflikt admirala A. V. Kolchaka i atamana G. M. Semenova v noyabre—dekabre 1918 g. v dokumentakh frantsuzskogo generala M. Zhanen [Supreme Ruler Versus Ataman: The Conflict Between Admiral A. V. Kolchak and Ataman G. M. Semenov in November—December 1918 in the Documents of French General M. Janin] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2022. Vol. 27, no. 4. P. 154—166. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.4.14. (In Russ.).
2. Gagkuev R. G. «Admiral stanovitsya dlya nas opasnym podopechnym». Otsenka frantsuzskim generalom M. Zhanenom situatsii na belom Vostochnom fronte v dekabre 1918 g. [«The Admiral is becoming a dangerous ward for us» French General M. Janen's assessment of situation on the White Eastern Front in December 1918] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2022. Vol. 7, no. 2. P. 10—17. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-10-17. EDN: RVPDCQ. (In Russ.).
3. Gagkuev R. G. «Diktatura Kolchaka»: general Moris Zhanen i nachalo raboty i nachalo raboty Frantsuzskoy voyennoy missii v Sibiri v noyabre—dekabre 1918 g. [«Kolchak's dictatorship»: General Maurice Janin and the beginning of the work and beginning of the work of the French military mission in Siberia in November–December 1918] // Istoricheskiy vestnik. *Historical Reporter*. 2021. Vol. 37. P. 204—230. (In Russ.).
4. Petin D. I., Tishkina K. A. Vspominaya tragichnyye dni Rossii: konferentsiya po istorii Grazhdanskoy voyny v Omske [Remembering the tragic days of Russia: conference about the history of the Civil War in Omsk] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki». *Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»*. 2022. Vol. 9, no. 1. P. 239—247. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(1).239-247. (In Russ.).
5. Petin D. I. Istoriya omskogo roda Batyushkinykh [The History of the Omsk clan of Batyushkin]. Omsk, 2021. 140 p. (In Russ.).
6. Puchenkov A. S. Omskiye Forsayty i «Dom Kolchaka» [Omsk Foresights and Kolchak's house] // Rossiyskaya istoriya. *Russian History*. 2023. No. 2. P. 205—208. DOI: 10.31857/S2949124X23020190. (In Russ.).
7. Bazanov P. N. Mestnaya ili vserossiyskaya kul'tura? Retsenziya na knigu: Petin D. I. Istoriya omskogo roda Batyushkinykh / M-vo kul'tury Omsk. obl. Omsk: tip. Zolotoy tirazh, 2021. 140 s. ISSN 978-5-8042-0752-7 [Local or national culture? Book review: Petin D. I. The history of the Omsk family of the Batyushkins. Omsk: typ. Golden edition, 2021. 140 p. ISSN 978-5-8042-0752-7 / Ministry of Culture Omsk region] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*. 2022. No. 3. P. 186—188. DOI: 10.30725/2619-0303-2022-3-186-188. (In Russ.).
8. Zyryanov P. N. Admiral Kolchak, Verkhovnyy pravitel' Rossii [Admiral Kolchak, Supreme Ruler of Russia]. Moscow, 2006. — 637 p. (In Russ.).
9. Sushko A. V., Petin D. I. Bitvy za pamyat': k voprosu o memorializatsii imeni admirala A. V. Kolchaka v Omske [Battles for memory: on the issue of memorializing the name of Admiral A. V. Kolchak in Omsk] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019. Vol. 4, no. 4. P. 9—17. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-9-17. EDN: HKQPJC. (In Russ.).
10. Chekalina L. A. Tsentr izucheniya istorii Grazhdanskoy voyny kak obshchestvennoye prostranstvo Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti [Center for the study of the Civil War History as a public space of the Historical archive of the Omsk Region] // Otechestvennyye arkhivy. *Domestic Archives*. 2022. No. 3. P. 25—34. (In Russ.).
11. Fedotova I. V. Otmetiv pervyy yubiley: obzor nauchnykh meropriyatiy v Omske k 10-letiyu Tsentra izucheniya istorii

Grazhdanskoy voyny [Celebrated the first anniversary: review of scientific events in Omsk on the 10th anniversary of the Center for the study history of the Civil War] // Sibirskiy arkhiv. *Siberian Archive*. 2022. No. 2. P. 179–204. (In Russ.).

GAGKUEV Ruslan Grigorievich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow.

SPIN-code: 3803-4060

AuthorID (RSCI): 293012

ORCID: 0000-0002-1413-6684

AuthorID (SCOPUS): 57189051187

ResearcherID: AAC-7834-2022

Correspondence address: gagkuev@yandex.ru

For citations

Gagkuev R. G. «Today we need to talk about the Civil War with restraint, without the desire to take anyone's side...» // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 6–12. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-6-12.

Received November 01, 2023.

© R. G. Gagkuev

По итогам V Международной
научно-практической конференции
«Гражданская война на востоке России:
взгляд сквозь документальное наследие»

УДК 93/94+001.92
DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-13-24
EDN: FKPRKE

А. В. СУШКО¹
Д. И. ПЕТИН^{1,2}

¹ Омский государственный
технический университет,
г. Омск

² Исторический архив
Омской области,
г. Омск

ОМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ИСТОРИЯ ПРОВЕДЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Представлена история возникновения и становления, а также динамика развития научно-практической конференции «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие», проводимой с 2014 г. в Омске. Анализируются ключевые характеристики прошедших конференций (тематика и количество материалов в сборниках, география авторов, наличие у них ученых степеней, общее число участников и др.). Авторы статьи (активные члены оргкомитета) рассматривают конференцию как актуальное явление научной жизни, реализуемое в особых для России и ее академической науки внешне- и внутривнутриполитических обстоятельствах. Обзор адресован широкому кругу читателей, в числе которых исследователи истории исторической науки, историографии Гражданской войны на востоке России, исторической памяти, истории архивного дела в Сибири и краеведения.

Ключевые слова: историческая наука, научная жизнь, научная коммуникация, научные конференции, историческая память, архивное дело, краеведение, Омск.

Постановка проблемы. Одним из традиционных жанров публикаций в академических журналах по историческим наукам являются аналитические заметки о проведении научных мероприятий (конференций, круглых столов, коллоквиумов и иных площадок публичной истории), преподносимых, как правило, в жанре обзорной статьи или краткого сообщения. В таких работах (в значительной их массе) речь идет об отдельно взятом и недавно состоявшемся мероприятии. Применительно к изучению событий Русской революции и Гражданской войны в России специалистов в большей степени привлекает написание кратких групповых обзоров о мероприятиях по одной тематике [1–3]. В историографии, связанной с Омском, преобладают примеры подобных аналитических обзоров [4–6] и,

в их числе, существуют обзоры четырех конференций, посвященных Гражданской войне на востоке России [7–10].

Редкими можно назвать публикации, каковые обобщают многолетний опыт проведения некоей продолжающейся конференции по историческим наукам, имеющей определенную тематику. К таким трудам относится статья сопредседателя оргкомитета первых трех конференций «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие», омского историка М. И. Машкарин (1955–2021 гг.). В ней он провел анализ опыта работы данной площадки публичной истории за 2014, 2017, 2019 гг., сделав первичные обобщения по заявленной теме [11]. В издании «Энциклопедия омского краеведения» конференции посвящена обзорно-

справочная статья [12, с. 87–89]. Эти наработки определили начальное направление мысли в нашем исследовании.

Обзоры конференций вполне устоялись в отечественной историографии как жанровая форма научной статьи. Такие работы позволяют с качественной и количественной стороны оценить отдельные научные мероприятия, давая возможность в общем смысле получить представления о развитии исторической науки, об историографических тенденциях и научной коммуникации, а также о формировании исторической памяти.

Со времени подготовки М. И. Машкариным указанного обзора состоялись еще две конференции по истории Гражданской войны на востоке России в 2021 и 2023 гг.; а за неполное десятилетие с 2014 по 2023 гг. всего их было проведено пять. Эти обстоятельства побудили подготовить их аналитический обзор, приуроченный к 10-летию существования данного форума в качестве научной институции.

Цель исследования — на основе анализа ключевых качественных характеристик представить динамику развития в Омске научно-практической конференции «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие», как авторитетной академической коммуникативной площадки, расширяющей горизонты институционального влияния исторической науки.

Источниковой базой исследования выступили сборники материалов конференции и опубликованные резолюции [13–17], принятые по итогам их проведения [7–10].

Основная часть. Гражданская война на востоке России — весьма актуальная тема для российской науки. С 1995 по 2013 гг. главной исторической конференцией об антибольшевистском движении на востоке России являлась «История Белой Сибири», 10 раз организованная и проведенная С. П. Звягиным в Кемерово. Значение этого научного форума для изучения соответствующих вопросов прошлого региона громадно. На конференции российскими и зарубежными специалистами обсуждались и определялись векторы исследования проблем истории Гражданской войны на территориях от Прикамья до Приморья, давалась оценка последствиям тех событий для государства и общества, в значительном объеме вводились в научный оборот новые источники. Вместе с тем название конференции содержало определенный идеологический акцент, отражавший общую направленность изучения братоубийственного противостояния в России. В тот период в соответствии со сменявшейся общественной парадигмой отечественная историография на время «позабыла» о «красных», сосредоточив внимание, в первую очередь на «белых» и других противниках большевиков. К началу 2010-х гг. стало очевидно, что время подобного идеологического и тематического перекося истекает и нужен научно-объективный, основанный на документах, разносторонний и комплексный взгляд на события Гражданской войны в России.

Необходимо отметить, что формулировку тематики научной конференции «Гражданская война на Востоке России» впервые воплотили в жизнь пермские историки-архивисты. В Перми 25–26 ноября 2008 г. конференция с таким названием была успешно проведена Агентством по делам архивов Пермского края, Пермским государственным архивом новейшей истории, Государственным архивом Пермского края и Всероссийским обществом охра-

ны памятников истории и культуры. Научное мероприятие собрало ведущих отечественных исследователей, получив положительные оценки в научных обзорах [18–19], но стало разовым, не обретя дальнейшего развития.

Еще одним разовым, но важным научным мероприятием с названием «Гражданская война на востоке России», стала конференция в Новосибирске, организованная и проведенная 18–20 ноября 2019 г. на базе Института истории СО РАН. Она была приурочена к 100-летней годовщине освобождения войсками РККА Западной Сибири от белогвардейцев и интервентов, что завершило наиболее острую фазу вооруженной борьбы на востоке России [20].

Мысль об организации принципиально новой конференции по истории Гражданской войны на востоке России летом 2013 г. озвучили омские историки-архивисты Г. Ю. Бородин и Д. И. Петин, предложив для ее проведения площадку Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области (далее Центр). Инициатива получила одобрение Министерства культуры Омской области. Здесь необходимо отметить, что в 2000-е гг. архивной службой Омской области осуществлялись попытки организации продолжающейся академической краеведческой конференции [12, с. 52]. Затем идею учреждения и регулярного проведения на базе Центра научно-практической конференции с названием «Гражданская война в Сибири» «в целях продолжения традиции, заложенной Историческими чтениями, посвященными 130-летию со дня рождения А. В. Колчака, прошедшими в Омске 4 ноября 2004 г.» официально зафиксировали в Концепции деятельности Центра, утвержденной распоряжением Министерства государственного правового развития Омской области (далее МГПР) № 304р/2 от 30 мая 2011 г. (пункт 12 раздела II. Основные направления деятельности Центра) [21, с. 18].

Но конференцию с запланированным, указанным выше названием, как мероприятие в очном формате, так и не провели. Хотя весной 2013 г. увидело свет издание, вышедшее под эгидой архивного управления МГПР и Исторического архива Омской области. Оно позиционировалось как «материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции «Гражданская война в Сибири». В этот сборник вошли 34 материала, которые подготовили авторы из Москвы, Барнаула, Екатеринбурга, Казани, Кемерово, Новосибирска, Омска, Хабаровска и Республики Казахстан. Показательно, что представители омского региона было 16 чел. [22]. Да, эта конференция не состоялась полноценно, но она отчасти дала основу по кругу авторов и тематике, натолкнув также на мысль о том, что мероприятию необходим определенный ребрендинг. Осуществить задуманное в итоговом виде удалось с 2014 г., опираясь на более чем 2-летний на тот момент опыт деятельности Центра, и появление «человеческого ядра» — взявшего на себя реализацию данного проекта сплоченного коллектива во главе с Г. Ю. Бородиной (руководила Центром в 2011–2021 гг. [12, с. 61–62]).

Символично, что на пленарном заседании I конференции в Центре 13 ноября 2014 г. выступил С. П. Звягин — «идейный отец» и бессменный организатор конференции «История Белой Сибири». Он пожелал, чтобы в бывшей столице Белой Сибири появилась всероссийская научная площадка, где

бы в современном формате регулярно проводились научные конференции, посвященные исследованию Гражданской войны на востоке России. Так, патриарх тематики благословил организацию в Омске научного форума и последующее 10-летие покажет, что он удастся. Также за «перенос» научной площадки из Кемерово в Омск еще в июне 2013 г. высказался авторитетный новосибирский историк, специалист по воинским формированиям белой Сибири Д. Г. Симонов.

Конференция изначально обрела статус одного из ведущих омских научных форумов, полнящих локально-историческое знание. Все члены оргкомитета конференции и многие авторы материалов являются заметными фигурами в государственном краеведении [12, с. 61–62, 159–160, 233–234, 246, 273–274, 281, 285, 307, 320]. Так сложилось исторически: ряд региональных событий Гражданской войны обрели всероссийский масштаб значимости, что и в научной среде породило дискуссии на эту тему [23–24]. Здесь, безусловно, важен научный и культурный феномен Белого Омска, сегодня активно продвигаемый на официальном уровне более 10 лет [25]. В этом смысле знаковым оказался выбор места проведения конференции; им стал бывший особняк Батюшкиных, являвшийся в 1918–1919 гг. Личной резиденцией Верховного правителя А. В. Колчака. В то же время Центр, выполняя для Исторического архива Омской области функцию научно-просветительского, интегрирующего и публичного пространства, своей деятельностью (в том числе, через конференцию) ориентирует академические круги и общественность на взвешенное и равновесное восприятие событий «Смуты XX века» [26].

Каждая из проведенных конференций была посвящена какой-либо годовщине или годовщинам исторических событий (табл. 1). Функционально мероприятие имеет не только познавательную научно-исследовательскую составляющую, которая

без сомнения является главной; вместе с этим конференция формирует историческую память об одном из самых сложных и «общественно болезненных» для осмысления событий в истории Отечества. Организаторы научного мероприятия при выборе дат, к которым оно приурочено, не проводят односторонней политизированной линии, рассматривая Гражданскую войну в России как национальную трагедию, разделившую соотечественников на «красных», «белых» и «зеленых». Публично выражая уважение к памяти всех борцов за лучшее будущее страны, которое виделось противоборствовавшими сторонами по-разному, участники конференции традиционно возлагают цветы к мемориальной доске общероссийского лидера белого движения адмирала А. В. Колчака на особняке Батюшкиных и к мемориалу в Сквере Борцов Революции — месту памяти красных участников Гражданской войны. Такая линия особенно важна для Омска — бывшей столицы Белой Сибири, города, где уже десятилетиями идут ожесточенные «битвы за память» как персонально по вопросу оценки личности адмирала А. В. Колчака, так и о событиях Гражданской войны в целом [27].

Организаторы конференции при рецензировании поступивших материалов придерживаются принципа идеологического и методологического плюрализма. Руководствуясь критериями научности, они принимают к публикации материалы вне зависимости от политических и методологических предпочтений их авторов. Отличительной особенностью материалов в сборниках конференций является использование авторами передовых методологических установок. В частности, одним из приоритетов здесь можно назвать историческую антропологию в ее военном, религиозном и иных ответвлениях [28–31].

Отметим, что начиная с 2017–2018 гг. в ряде субъектов страны стали проводиться научные форумы под эгидой архивистов (что, как правило,

Таблица 1

Хронология проведения конференций «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие»

Номер конференции	Статус конференции	Дата проведения конференции	К чему была приурочена конференция	Количество		Количество участников (спикеров и слушателей)
				материалов в сборнике	озвученных докладов	
I	Всероссийская	12–13 ноября 2014 г.	140-летие со дня рождения А. В. Колчака, 95-летие с момента восстановления советской власти в Омском Прииртышье	41	15	87 чел.
II	Всероссийская с международным участием	25–26 октября 2017 г.	100-летие революции 1917 г. в России, 100-летие Государственной архивной службы России	69	33	114 чел.
III	Всероссийская	13–14 ноября 2019 г.	100-летие восстановления советской власти в Сибири	59	23	88 чел.
IV	Международная	20–21 октября 2021 г.	100-летие Западно-Сибирского восстания, 10-летие Центра изучения истории Гражданской войны	45	20	79 чел.
V	Международная	18–19 октября 2023 г.	130-летие со дня рождения М. Н. Тухачевского, 100-летие событий антибольшевистского Якутского мятежа	61	24	104 чел.

связывалось со 100-летием Русской революции, 100-летием Государственной архивной службы России, 100-летием образования архивной службы конкретного региона); часть этих конференций стали продолжающимися. В этом отношении омские архивисты и их конференции оказались в русле общероссийской тенденции, но не учредив новую, а значительно улучшив реализацию своей имеющейся научно-просветительской инициативы, возникшей задолго до указанных исторических юбилеев.

Проведение I конференции сулило хорошие перспективы для ее успешного развития, но для этого, исходя из опыта, был необходим больший круг учреждений-организаторов. В связи с этим качественные изменения последовали в 2017 г. в организации второй по счету конференции, когда в оргкомитет мероприятия вошли Омский государственный технический университет и Омский автобронетанковый инженерный институт. Конференция тогда приобрела утвердившееся название (изначально «Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие»), принципиально улучшился состав спикеров, часть из них перешла в состав постоянных участников. Конференция с 2017 г. стала проводиться регулярно: 1 раз в 2 года (I и II конференции прошли с интервалом 3 года).

По решению IV конференции с 2023 г. в число организаторов мероприятия вошло Российское историческое общество [10, с. 242]. Представитель правления этой организации Р. Г. Гагкуев, озвучив доклад на пленарной части IV конференции, горячо поддержал данную идею. На открытии V конференции, приветствуя публику, выступили два статусных управленца из состава руководства региона — это заместитель председателя Правительства Омской области, министр образования Омской области И. И. Кротт и министр культуры Омской области Ю. В. Трофимов. Подчеркнем, что они являются академическими специалистами, чьи имена достаточно хорошо известны в сибирском историко-краеведческом сообществе; кроме того, они возглавляют омские региональные отделения ключевых российских общественно-государственных организаций научной и историко-патриотической направленности: Российское историческое

общество и Русское географическое общество (И. И. Кротт), Российское военно-историческое общество (Ю. В. Трофимов) [12, с. 144, 294].

Для иллюстрации значимости расширения числа организаций, участвующих в подготовке и проведении конференции, достаточно отметить, что сборник I конференции формировался по итогам ее проведения и был презентован публике лишь спустя 11 месяцев с момента, как состоялось мероприятие. Для всех последующих конференций сборники трудов были напечатаны и вручены авторам до начала работы мероприятий при регистрации. Также издания поступают по обязательной рассылке в государственные научные библиотеки России. Идя в ногу со временем, организаторы форума стали оперативно размещать материалы конференции (буквально вслед за проведением мероприятия) в научной электронной библиотеке «eLibrary.Ru», интегрированной с Российским индексом научного цитирования (РИНЦ). Обращение к наукометрической системе показывает, что материалы стабильно востребованы историками (сведения приведены по состоянию на 9 января 2024 г.; табл. 2).

С 2017 г. конференция стала площадкой для апробации научных наработок, выполненных, в том числе, при поддержке государственных научных фондов (Российский научный фонд, Российский фонд фундаментальных исследований). Это свидетельствует о росте авторитета в академическом сообществе. Наиболее активно проявили себя участники проекта «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», реализованного в Санкт-Петербургском государственном университете [32]. Подчеркнем, что руководитель этого гранта А. С. Пученков с 2017 г. входит в число постоянных спикеров конференции.

С 2021 г. на основании резолюции IV конференции [10, с. 242] мероприятие обрело официальную связь с рецензируемым академическим журналом «Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность». Это произошло благодаря тому, что Омский государственный технический университет является одним из соорганизаторов конференции и учредителем журнала и, соответственно, работающие в нем члены редколлегии

Таблица 2

Текущая востребованность учеными материалов конференций
«Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие»

Номер конференции	I	II	III	IV	V
Количество цитирований по РИНЦ	61	94	80	41	1
Количество цитирований по ядру РИНЦ	4	12	10	3	0

Таблица 3

Наличие ученых степеней авторов материалов конференций
«Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие»

Ученая степень	Конференция				
	2014	2017	2019	2021	2023
Всего авторов издания, чел. / 100 %	40	73	61	52	66
— докторов наук, чел. / доля от общего числа	6 / 15 %	10 / 14 %	13 / 21 %	13 / 25 %	16 / 24 %
— кандидатов наук, чел. / доля от общего числа	10 / 25 %	29 / 40 %	24 / 39 %	21 / 40 %	27 / 41 %

Таблица 4

**География авторов сборников конференций
«Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие»**

Место проживания	Конференция					ИТОГО, участий
	2014	2017	2019	2021	2023	
Российская Федерация, чел.						
Москва	1	2	2	2	4	11
Санкт-Петербург	2	4	3	5	7	21
Ханты-Мансийский АО	—	1	1	2	2	6
Республика Алтай	—	—	1	—	—	1
Республика Башкортостан	—	2	—	—	—	2
Республика Татарстан	—	1	1	—	1	3
Республика Саха (Якутия)	—	—	—	—	1	1
Республика Хакасия	—	1	1	1	—	3
Алтайский край	—	2	3	1	—	6
Забайкальский край	1	—	2	—	—	3
Красноярский край	2	8	2	—	1	13
Пермский край	1	1	2	1	3	8
Приморский край	1	—	1	—	2	4
Хабаровский край	1	—	—	—	1	2
Волгоградская область	—	1	—	—	—	1
Вологодская область	—	1	—	—	—	1
Владимирская область	1	1	1	1	1	5
Иркутская область	—	1	5	2	1	9
Кемеровская область	1	—	—	—	1	2
Нижегородская область	—	1	1	1	—	3
Новосибирская область	1	1	1	1	5	9
Омская область	26	35	28	17	19	125
Орловская область	—	—	1	—	1	2
Ростовская область	—	—	—	1	—	1
Самарская область	—	—	—	—	2	2
Саратовская область	—	—	1	—	—	1
Сахалинская область	—	—	—	—	1	1
Свердловская область	1	1	3	1	2	8
Тамбовская область	—	—	—	—	1	1
Томская область	—	—	—	3	1	4
Тюменская область	—	1	1	2	—	4
Ульяновская область	1	1	—	1	2	5
Челябинская область	—	—	—	1	—	1
ВСЕГО, чел.	40	66	61	43	59	269
Зарубежные государства, чел.						
ДНР	—	1	—	1	—	2
Израиль	—	1	—	1	1	3
Казахстан	—	4	—	1	3	8
ЛНР	—	—	—	1	—	1
Китай	—	—	—	—	1	1
Молдова	—	1	—	—	—	1
США	—	—	—	—	1	1
Туркменистан	—	—	—	—	1	1
Узбекистан	—	—	—	1	—	1
Украина	—	—	—	1	—	1
Уругвай	—	—	—	1	—	1
Чехия	—	—	—	2	—	2
ВСЕГО, чел.	—	7	—	9	7	23
ИТОГО, чел.	40	73	61	52	66	292

Основные научные проблемы, обсуждаемые на конференциях
«Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие»

Основная проблематика докладов конференций	Конференция					ВСЕГО
	2014	2017	2019	2021	2023	
Историография	1	4	2	1	3	11
Источниковедение	7	9	10	3	10	39
Военная история (в том числе иностранная военная интервенция)	3	5	4	4	3	19
Политическая история	6	15	12	9	9	51
Биографические исследования	8	13	10	10	9	50
Национальный вопрос	—	—	1	1	—	2
Религиозная жизнь	—	4	2	4	6	16
Социальная история	1	5	5	1	1	13
Культурная жизнь	3	4	—	—	2	9
Экономическая история	—	5	3	3	3	14
Повседневность	2	1	8	5	6	22
Деятельность спецслужб, политические репрессии	—	—	—	1	3	4
Историческая память	6	3	2	3	5	19
Рецензии на издания	4	1	—	—	1	6
ИТОГО	41	69	59	45	61	275

журнала — авторы данной статьи — входят в оргкомитет конференции. По результатам работы IV конференции редакция журнала подготовила в 2022 г. тематический номер работ ее участников, где некоторые из них опубликовали свои труды в форме полноформатной журнальной статьи (Т. 7, № 2).

Решение о подготовке аналогичного выпуска издания принято и по итогам V конференции. Таким образом, конференция и журнал взаимно помогают своему развитию [33, с. 127].

Особенность состава авторов конференции — сочетание академических историков с неравнодушными к прошлому представителями общественности. Формальную сторону роста авторитета конференции среди ученых отражают такие показатели, как количество авторов с учеными степенями и география участия (табл. 3, 4). При этом научный форум, учрежденный омскими историками-архивистами, закономерно привлекает к участию значительное число их коллег не только из омского региона, но и других субъектов нашей страны. В мероприятии с 2017 г. также традиционно стали принимать участие историки и архивисты из Казахстана (являются наиболее активными иностранными участниками и авторами материалов сборников конференции). Таким образом, данная научная площадка вносит определенный вклад в развитие диалога академических специалистов двух соседствующих государств [34].

С 2014 г. общее количество исследователей, опубликовавших свои работы в сборниках материалов конференции, возросло более чем на треть. При этом если на I конференции общее число авторов материалов, имевших ученые степени докторов и кандидатов наук, составляла 35 %, то на IV и V конференциях этот показатель стабильно держался на отметке 65 %. Анализируя значительный рост числа участников мероприятий, отметим ряд аспектов:

— география участников научного форума из российских регионов достаточно представительна, наблюдается ее расширение; за время существования конференции в ней принимали участие представители 33 субъектов Российской Федерации;

— наибольшее представительство на конференции устойчиво демонстрируют регионы Сибири и Урала; среди них лидер — Омская область, что закономерно, в том числе по причине общности исторических процессов в военно-революционный период 1917–1922 гг. и в силу наличия краеведческого сегмента форума; также солиден интерес к научной площадке со стороны академических специалистов из Москвы и Санкт-Петербурга;

— с 2017 г. в конференции стали принимать участие иностранцы, что в 2021 г. позволило мероприятию приобрести международный статус; здесь важно подчеркнуть участие в работе форума отдельных представителей не только ближнего (Казахстан, Молдова, Туркменистан, Узбекистан, Украина), но и дальнего зарубежья (Израиль, Китай, США, Уругвай, Чехия).

В целом, за почти 10 лет работы конференция обрела достаточно устойчивый круг авторов, кто своим активным участием повлиял на сформировавшуюся научную проблематику. Для понимания этого аспекта мы условно разделили по основным темам все материалы, опубликованные в пяти сборниках конференций. Ряд работ имеет смешанную проблематику; в этом случае из анализа текста нами был выделен содержательный приоритет в освещении избранного исследовательского вопроса. Количественный и качественный анализ научных проблем, освещавшихся на конференциях (табл. 5), позволяет проследить ряд закономерностей:

— по популярности среди исследователей абсолютными лидерами являются политическая история и биографические исследования (соответственно 51 и 50 материалов), что связано в первом случае с общей спецификой мероприятия, во втором —

с состоявшимся в исторической науке антропологическим поворотом;

— третье место по количеству публикаций в сборниках конференций занимают источниковедческие исследования (39 работ); столь большой интерес к источниковедению объясняется активным участием в организации и работе конференции архивистов, именно они удачно заложили в название конференции формулировку о «взгляде сквозь документальное наследие», привлекающую исследователей обращаться к подобным вопросам, вводить в научный оборот неопубликованные источники и переосмысливать опубликованные ранее;

— на порядок меньший, чем описанные выше, но достаточно устойчивый интерес у исследователей вызывают проблемы истории повседневности (22 работы), военной истории (19 работ), исторической памяти (19 работ), религиозной жизни (16 работ), экономической истории (14 работ), социальной истории (13 работ), историографии (11 работ);

— в сборниках конференций публиковались рецензии на издания (6 работ); для материалов конференций это не слишком распространенный вид научной публикации; при их анализе обращает на себя внимание, что большая часть таких материалов — в первом сборнике (4 работы), по 1 работе напечатано во втором и пятом сборниках, что сохранило этот вид публикаций в материалах конференции;

— наименее востребованы в рамках данной конференции аспекты культурной жизни (9 публикаций); деятельности спецслужб, истории политических репрессий (4 публикации), национального вопроса (2 публикации); эта тематика представлена в материалах конференции эпизодически.

Результаты проведения каждой конференции отражались в принимаемых резолюциях. Резолюция I конференции предвляла сборник ее материалов [13, с. 6–8]. Итоги последующих конференций публиковались в научных рецензируемых изданиях в виде традиционных по жанру аналитических обзоров [8–10]. Решения конференций имеют очевидную практико-ориентированную направленность и ориентированность на проведение в жизнь конкретных инициатив. Значимым достижением здесь является регулярное обсуждение и утверждение с его учетом в печать рукописей трудов омских архивистов — монографии «История омского рода Батушкиных» [35; 23–24, 36–38], трех уникальных для российской академической науки и практики архивного дела научно-справочных изданий, облегчающих в фондах Исторического архива Омской области поиск документов о бывших белых офицерах, оставшихся в Советской России, о жертвах Гражданской войны в регионе и о военнопленных Первой мировой войны, содержащихся в регионе в 1914–1920 гг. [39–41, 42–43].

Также зафиксированные печатно решения научных форумов сыграли роль в утверждении и развитии деятельности Центра изучения истории Гражданской войны. IV конференция вошла в перечень официальных мероприятий Министерства культуры Омской области, приуроченных к 10-летию создания научно-просветительской площадки омских архивистов — неизменного места проведения анализируемого научного форума [44].

Современная историография Гражданской войны в России продолжает свое приращение, обращаясь к новым методологическим приемам [45]. В связи с этим, по результатам анализа количествен-

ных и качественных характеристик конференции, ключевыми перспективами ее развития в данном направлении видятся дальнейшее увеличение круга авторов-спикеров (в том числе, молодых ученых), а также расширение проблематики рассматриваемых тем.

Результаты исследования. Выросшая в международную, конференция «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие» оформилась за почти десятилетие своей работы как интеллектуальный бренд омской науки. В свою очередь, обмен экспертными мнениями позволяет расширять горизонты институционального влияния исторического знания как в регионе, так и профессиональном пространстве. Несомненно, эта площадка публичной истории важна для общего академического имиджа омского региона и его архивной службы, а также государственного краеведения. Обнародуемые авторитетными специалистами на основе вновь выявленных документов сведения о прошлом не только Омской области, но и Сибири, подчеркивают уникальный исторический колорит макрорегиона и его значение в истории России. В целом конференция, благодаря использованию ее спикерами междисциплинарных практик, актуальна для развития гуманитарных наук.

Но высока также общественная значимость мероприятия, в связи с чем существенное внимание в резолюциях уделено перспективам роста исторической науки и научного просвещения в Омской области. Особый акцент при подведении итогов конференций делается на проекты, ориентированные на интеграции работников указанной отрасли с академическим сообществом (научно-исследовательскими институтами, музеями, библиотеками, ведомственными архивами). И для исторической науки, и для российского общества в целом сегодня это весьма актуальный момент. Новые источники, обстоятельно анализируемые специалистами в рамках докладов на конференциях, выступают неопровержимыми доказательствами, помогая противодействовать фальсификациям прошлого нашей страны и развеивать устоявшиеся в массовом сознании ошибочные заблуждения. В этом смысле конференция намерена и дальше продолжать способствовать преодолению сохраняющегося до настоящего времени в общественном сознании политического раскола на сторонников «белых» и «красных». Ратую за строго научное осмысление всенародной драмы 1917–1922 гг., организаторы научной этой площадки напоминают широкой публике о категоричном недопущении повторения подобных событий в России.

Библиографический список

1. Буддаков В. П., Емельянов-Лукьянчиков М. А., Разин С. Ю. [и др.]. 1917 год в свете научных конференций // Отечественная история. 2008. № 6. С. 212–215. EDN: JVVBNH.
2. Будник Г. А. Великая Российская революция в свете новейших конференций // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 289–293. EDN: ZWJEEZ.
3. Голдин В. И. Гражданская война в России и на Русском Севере: проблемы изучения и исторические уроки (по материалам научных конференций) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1. С. 141–145. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.1.141. EDN: YXFYSYD.

4. Томилов Н. А. История археолого-этнографических исследований в омских этноархеологических научных сериях // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 3. С. 150–155. DOI: 10.25513/2312-1300.2017.3.150-155. EDN: ZSUDVH.
5. Келлер Л. И. Из истории проведения областной молодежной научной краеведческой конференции «Омское Прииртышье: природа, история, культура» // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2018. № 21. С. 160–164. EDN: YNVXQD.
6. Петин Д. И. «Гражданская война в России (1917–1922 гг.): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения» // Отечественные архивы. 2016. № 4. С. 130–131. EDN: UBUVTJ.
7. Петин Д. И., Коновалова Н. А. Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие // Отечественные архивы. 2015. № 1. С. 129. EDN: THJLZD.
8. Стельмак М. М. Главная конференция о революции и Гражданской войне в Омске: итоги научной дискуссии // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 1. С. 57–64. EDN: YVGAON.
9. Петин Д. И. 100-летие Гражданской войны в Сибири: научно-просветительская рефлексия в Омске (2019) // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 2. С. 131–142. DOI: 10.31806/2542-1158-2020-4-2-131-142. EDN: UZZKZY.
10. Петин Д. И., Тишкина К. А. Вспоминая трагические дни России: конференция по истории Гражданской войны в Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 1. С. 239–247. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(1).239-247. EDN: MYKQSZ.
11. Машкарин М. И. «Смута XX века» в Сибири: взгляд сквозь документальное наследие (историко-архивные конференции в Омске по истории Революции и Гражданской войны в России) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 1. С. 70–74. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-70-74. EDN: OHFJIM.
12. Энциклопедия омского краеведения / Под ред. П. П. Вибе. Омск: Изд-во ОГИКМ, 2023. 352 с. EDN: ODJLDF.
13. Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Омск, 12–13 ноября 2014 г. / Под ред. Д. И. Петина. Омск: Амфора, 2015. 232 с. ISBN 978-5-906706-40-6.
14. Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Омск, 25–26 октября 2017 г. / Под ред. М. И. Машкарина, Г. И. Растягаевой, А. В. Сушко [и др.]. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. 440 с. ISBN 978-5-8149-2541-1. EDN: ZVTXMT.
15. Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию восстановления совет. власти в Сибири. Омск, 13–14 ноября. 2019 г. / Отв. ред. Д. И. Петин. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2019. 340 с. ISBN 978-5-8149-2936-5. EDN: TXTUOP.
16. Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Западносибирского восстания и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны. Омск, 20–21 октября. 2021 г. / Редкол.: Г. И. Растягаева, А. В. Сушко, М. М. Стельмак [и др.]. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2021. 344 с. ISBN 978-5-8149-3347-8. EDN: WBRTPC.
17. Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 130-й годовщине со дня рождения Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского и 100-летию событий антибольшевистского Якутского мятежа. Омск, 18–19 октября 2023 г. / Под ред. Г. И. Растягаевой, А. В. Сушко, М. М. Стельмака [и др.]. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2023. 444 с. ISBN 978-5-8149-3712-4. EDN: SJRDXS.
18. Нечаев М. Г. «Гражданская война на востоке России» // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 115. EDN: JVVWALB.
19. Кострюков А. А. Вопросы национально-религиозной политики на конференции «Гражданская война на востоке России» // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. II, № 1 (30). С. 153–155. EDN: JGWNGI.
20. Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917–декабрь 1922 г.): сб. материалов Всерос. науч. конф. / Редкол.: Н. С. Ларьков, В. А. Ламин, В. М. Рынков [и др.]. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. 480 с. ISBN 978-5-7692-1664-0. EDN: WWGPIX.
21. Бородина Г. Ю. Об истории создания и концепции деятельности Центра изучения истории Гражданской войны // Социально-экономическое развитие и историко-культурное наследие Тарского Прииртышья: материалы VI Регион. науч.-практ. конф., посвященной 120-летию со дня рождения А. В. Ваганова. Омск, 1–2 марта 2012 г. Омск: Амфора, 2012. С. 14–18.
22. Гражданская война в Сибири: материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. / Под ред. Д. И. Петина, Т. А. Терехиной. Омск: [Б. и.], 2013. 216 с. ISBN 978-5-9904463-1-1.
23. Базанов П. Н. Местная или всероссийская культура? // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. № 3 (52). С. 186–188. DOI: 10.30725/2619-0303-2022-3-186-188. EDN: JJYTWR.
24. Пученков А. С. Омские Форсайты и «Дом Колчака» // Российская история. 2023. № 2. С. 205–208. DOI: 10.31857/S2949124X23020190. EDN: BLVRET.
25. Сорокин А. П., Лосунов А. М. Мифологема «столичности» города Омска: исторические основания и современный контекст // Культурологический журнал. 2012. № 3. С. 3–9.
26. Чекалина А. А. Центр изучения истории Гражданской войны как общественное пространство Исторического архива Омской области // Отечественные архивы. 2022. № 3. С. 25–33. EDN: BTJPYR.
27. Сушко А. В., Петин Д. И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А. В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 9–17. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-9-17. EDN: HKQPJC.
28. Скипина И. В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003. 208 с.
29. Анфертьев И. А. Современные историографические проблемы революционных событий 1917 г.: последствия для России // Гуманитарные чтения РГГУ-2017: Пути преобразования общества и их осмысление в гуманитарных науках: войны – революции – реформы: сб. материалов. Москва, 29 марта – 07 апреля 2017 г. Москва: Изд-во РГГУ, 2018. С. 162–176. EDN: XMBPLF.
30. Сенявская Е. С. Человек на войне, или Тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43. EDN: KGMYGD.
31. Ходяков М. В. Ответы на вопросы по истории Гражданской войны в России // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2018. Т. 6. С. 119–124. EDN: YLVCDB.
32. Пученков А. С. Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика: грант № 21–18–00266 // Российский научный фонд. 2021–2023. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53902424> (дата обращения: 09.01.2024).
33. Бакшт Д. А., Мамонтова М. А. Пятилетие журнала «Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность»: научный и идейный потенциал // Северные архивы и

экспедиции. 2022. Т. 6, № 1. С. 122–139. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-1-122-139. EDN: PCLZVL.

34. Чекалина Л. А. Деятельность Исторического архива Омской области в контексте развития российско-казахстанского сотрудничества // Сибирский архив. 2020. № 1 (3). С. 53–64. EDN: EQUEUAO.

35. Петин Д. И. История омского рода Батюшкиных: моногр. Омск: Золотой тираж, 2021. 140 с. ISBN 978-5-8042-0752-7.

36. Коршунков В. А. Архивный поиск в локальной и семейной истории: город Омск и новое в изучении его прошлого // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1271–1279. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1271-1279. EDN: DPEFMV.

37. Комлева Е. В. Судьба страны через судьбу династии. Рецензия на книгу: Петин Д. И. История омского рода Батюшкиных. Омск: «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2021. 140 с. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10, № 1 (37). С. 161–167. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(1).161-167. EDN: JJYCMW.

38. Гермизеева В. В. Храня прошлое во имя будущего: рецензия на монографию Д. И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Исторический курьер. 2023. № 5. С. 276–286. DOI: 10.31518/2618-9100-2023-5-20. EDN: LTZUKQ.

39. «Белые офицеры — красная власть»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919–1920-е гг.) / Отв. ред. Д. И. Петин. Омск: Амфора, 2017. 408 с. ISBN 978-5-906985-10-1.

40. Жертвы Гражданской войны: справочник-матриолог по актовым записям метрических книг храмов Омского региона (июнь 1918–декабрь 1919 гг.): науч.-справ. изд. / Отв. сост. и науч. ред. Д. И. Петин; сост. М. М. Стельмак. Омск: Амфора, 2020. Вып. 1. 232 с. ISBN 978-5-6045377-9-4.

41. Военнопленные Первой мировой войны: межфондовый именной указатель к метрическим книгам храмов Омского региона (1914–1920 гг.): науч.-справ. изд. / Отв. сост. и науч. ред. Д. И. Петин; сост.: Н. А. Аксенова, М. С. Геннеберг, Д. И. Петин [и др.]. Омск: Амфора, 2023. Вып. 2. 216 с. ISBN 978-5-605-09780-8.

42. Блинова О. В. «Красные белоармейцы»: заметки о новом справочном издании омских архивистов // Актуальные проблемы изучения истории Гражданской войны в России: материалы Всерос. науч. конф., посвященной 100-летию начала Гражданской войны и 100-летию гос. архивной службы России. Омск, 15 ноября 2018 г. Омск: Изд-во ОмЮА, 2019. С. 10–20. EDN: IOIBLQ.

43. Олихов Д. В. Памяти всех: рецензия на научно-справочное издание «Жертвы Гражданской войны: справочник-

матриолог по актовым записям метрических книг храмов Омского региона (июнь 1918–декабрь 1919 гг.)» // Сибирский архив. 2021. № 1 (7). С. 141–159. EDN: TWPPBC.

44. Федотова И. В. Отметив первый юбилей: обзор научных мероприятий в Омске к 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны // Сибирский архив. 2022. № 2 (12). С. 179–204. EDN: XRTSNM.

45. Василенко А. С. История эмоций как метод исследования истории Гражданской войны в Сибири // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 224–236. DOI: 10.31518/2618-9100-2021-6-18. EDN: CXHZLW.

СУШКО Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета (ОмГТУ), г. Омск.

SPIN-код: 6496-4278

AuthorID (РИНЦ): 446621

ORCID: 0000-0002-6703-8535

AuthorID (SCOPUS): 57201470030

Адрес для переписки: alexsushko_1974@mail.ru

ПЕТИН Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), руководитель Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области; доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» ОмГТУ, г. Омск.

SPIN-код: 9987-3347

AuthorID (РИНЦ): 742782

ORCID: 0000-0003-1614-8133

AuthorID (SCOPUS): 57188761451

ResearcherID: A-8542-2017

Адрес для переписки: dimario86@rambler.ru

Для цитирования

Сушко А. В., Петин Д. И. Омская конференция по истории Гражданской войны на востоке России: история проведения и перспективы развития // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 13–24. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-13-24.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024 г.

© А. В. Сушко, Д. И. Петин

OMSK CONFERENCE ON THE HISTORY OF THE CIVIL WAR IN EASTERN RUSSIA: HISTORY AND DEVELOPMENT PROSPECTS

The history of the emergence and formation, as well as the dynamics of development of the scientific and practical conference «Civil War in the East of Russia: a look through the documentary heritage», held since 2014 in Omsk, is presented. The key characteristics of past conferences are analyzed (topics and number of materials in collections, geography of authors, whether they have academic degrees, the total number of participants, etc.). The authors of the article (active members of the organizing committee) consider the conference as a current phenomenon of scientific life, realized in external and internal political circumstances that are special for Russia and its academic science. The review is addressed to a wide range of readers, including researchers in the history of historical science, historiography of the Civil War in Eastern Russia, historical memory, the history of archival affairs in Siberia and local history.

Keywords: historical science, scientific life, scientific communication, scientific conferences, historical memory, archival work, local history, Omsk.

References

1. Buldakov V. P., Yemel'yanov – Luk'yanchikov M. A., Razin S. Yu. [et al.]. 1917 god v mire nauchnykh konferentsiy [The year 1917 in the light of scientific conferences] // Otechestvennaya istoriya. *Domestic History*. 2008. No. 6. P. 212–215. EDN: JVWBHT. (In Russ.).
2. Budnik G. A. Velikaya Rossiyskaya Revolyutsiya v mire noveyshikh konferentsiy [Great Russian Revolution in the view of the latest conferences] // Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Seriya: gumanitarnyye nauki. *News of Higher Schools. Series «Humanities»*. 2017. Vol. 8, no. 4. P. 289–293. EDN: ZWJEEZ. (In Russ.).
3. Goldin V. I. Grazhdanskaya voyna v Rossii i na Russkom Severe: izucheniye problem i istoricheskiye uroki (po materialam nauchnykh konferentsiy) [Civil War in Russia and the Russian North: Problems of research and historical lessons (Based on Conference Proceedings)] // Vestnik severnogo (arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series «Humanitarian and Social Sciences»*. 2019. No. 1. P. 141–145. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.1.141. EDN: YXFYSD. (In Russ.).
4. Tomilov N. A. Istoriya arkheologo-etnograficheskikh issledovaniy v omskikh etnoarkheologicheskikh nauchnykh seriyakh [The History of Archeological and Ethnographic Research in the Omsk Ethnoarcheological Scientific Series] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «istoricheskiye nauki». *Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»*. 2017. No. 3. P. 150–155. DOI: 10.25513/2312-1300.2017.3.150-155. EDN: ZSUDVH. (In Russ.).
5. Keller L. I. Iz istorii provedeniya oblastnoy molodezhnoy nauchnoy krayevedcheskoy konferentsii «Omskoye Priirtysh'ye: priroda, istoriya, kul'tura» [From the history of the regional youth scientific local history conference «Omsk Irtysh region: nature, history, culture»] // Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya. *News of the Omsk State History and Local Lore Museum*. 2018. No. 21. P. 160–164. EDN: YNVXQD. (In Russ.).
6. Petin D. I. «Grazhdanskaya voyna v Rossii (1917–1922 gg.): istoricheskaya pamyat' i problemy memorializatsii «krasnogo» i «belogo» dvizheniya» [«The Civil War in Russia (1917–1922): historical memory and problems of memorialization of the «Red» and «White» movements»] // Otechestvennyye arkhivy. *Domestic Archives*. 2016. No. 4. P. 130–131. EDN: UBUVTJ. (In Russ.).
7. Petin D. I., Konovalova N. A. Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii: ob'yektivnyy vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyе [Civil war in the east of Russia: an objective looks through the documentary heritage] // Otechestvennyye arkhivy. *Domestic Archives*. 2015. No. 1. P. 129. EDN: THJLZD. (In Russ.).
8. Stelmak M. M. Glavnaya konferentsiya o revolyutsii i Grazhdanskoy voyne v Omske: itogi nauchnoy diskussii [The main conference on the revolution and the Civil War in Omsk: the results of the scientific discussion] // Severnyye arkhivy i ekspeditsii. *North Archives and Expeditions*. 2018. Vol. 2, no. 1. P. 57–64. EDN: YVGAON. (In Russ.).
9. Petin D. I. 100-letiyе Grazhdanskoy voyny v Sibiri: nauchno prosvetitel'skaya refleksiya v Omske (2019) [100th anniversary of the Civil War in Siberia: scientific and educational reflection] // Severnyye arkhivy i ekspeditsii. *Northern Archives and Expeditions*.

2020. Vol. 4, no. 2. P. 131–142. DOI: 10.31806/2542-1158-2020-4-2-131-142. EDN: UZZKZY. (In Russ.).

10. Petin D. I., Tishkina K. A. Vspominaya tragichnyye dni Rossii: konferentsiya po istorii Grazhdanskoy voyny v Omske [Remembering the tragic days of Russia: a conference on the history of the Civil War in Omsk] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki». *Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»*. 2022. Vol. 9, no. 1. P. 239–247. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(1).239-247. EDN: MYKQSZ. (In Russ.).

11. Mashkarin M. I. «Smuta XX veka» v Sibiri: vzglyad skvoz' dokumental'noye nasledie (istoriko-arkhivnyye konferentsii v Omske po istorii Revolyutsii i Grazhdanskoy voyny v Rossii) [«Troubles of the 20th century» in Siberia: a look through documentary heritage (historical and archival conferences in Omsk on history of the Revolution and the Civil War in Russia)] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2020. Vol. 5, no. 1. P. 70–74. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-70-74. EDN: OHFJIM. (In Russ.).

12. Entsiklopediya omskogo krayevedeniya [Encyclopedia of Omsk Local History] / Ed. P. P. Wiebe. Omsk, 2023. 352 p. EDN: ODJLDF. (In Russ.).

13. Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii: ob'yektivnyy vzglyad skvoz' dokumental'noye nasledie [Civil War in the East of Russia: an objective view through the documentary heritage] / Ed. by D. I. Petina. Omsk, 2015. 232 p. ISBN 978-5-906706-40-6. (In Russ.).

14. Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye nasledie [Civil War in the East of Russia: a look through the documentary heritage] / Ed. by M. I. Mashkarina, G. I. Rastyagayevoy, A. V. Sushko [et al.]. Omsk, 2017. 440 p. ISBN 978-5-8149-2541-1. EDN: ZVTXMT. (In Russ.).

15. Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye nasledie [Civil War in the East of Russia: a look through the documentary heritage] / Resp. ed. by D. I. Petin. Omsk, 2019. 340 p. ISBN 978-5-8149-2936-5. EDN: TXTUOP. (In Russ.).

16. Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye nasledie [Civil War in the East of Russia: a look through the documentary heritage] / Ed. board: G. I. Rastyagayeva, A. V. Sushko, M. M. Stelmak [et al.]. Omsk, 2021. 344 p. ISBN 978-5-8149-3347-8. EDN: WBRTPC. (In Russ.).

17. Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye nasledie [Civil War in the East of Russia: a look through the documentary heritage] / Ed. by G. I. Rastyagayevoy, A. V. Sushko, M. M. Stelmak [et al.]. Omsk, 2023. 444 p. ISBN 978-5-8149-3712-4. EDN: SJRDXS. (In Russ.).

18. Nechayev M. G. «Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii» [«Civil War in the East of Russia»] // Otechestvennyye arkhivy. Domestic Archives. 2009. No. 1. P. 115. EDN: JVWALB. (In Russ.).

19. Kostryukov A. A. Voprosy natsional'no-religioznoy politiki na konferentsii «Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii» [Issues of national-religious policy at the conference «Civil War in the East of Russia»] // Vestnik pravoslavnogo sviatotikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. *St. Tikhon's University Review. Series II: History. The History of the Russian Orthodox Church*. 2009. Issue II, no. 1 (30). P. 153–155. EDN: JGWNGI. (In Russ.).

20. Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii (Noyabr' 1917–Dekabr' 1922 g.) [Civil War in the East of Russia (November 1917–December 1922)] / Ed. board: N. S. Lar'kov, V. A. Lamin, V. M. Rynkov [et al.]. Novosibirsk, 2019. 480 p. ISBN 978-5-7692-1664-0. EDN: WWGPIX. (In Russ.).

21. Borodina G. Yu. Ob istorii sozdaniya i kontseptsii deyatel'nosti Tsentra izucheniya istorii Grazhdanskoy voyny [On the history of the creation and concept of the activities of the Center for the Study of the History of the Civil War] // Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye i istoriko-kul'turnoye nasledie tarskogo priirtysh'ya. *Socio-Economic Development and Historical*

and Cultural Heritage of the Tara Irtysh Region. Omsk, 2012. P. 14–18. (In Russ.).

22. Grazhdanskaya voyna v Sibiri [Civil War in Siberia] / Ed. by D. I. Petin, T. A. Terekhina. Omsk, 2013. 216 p. ISBN 978-5-9904463-1-1. (In Russ.).

23. Bazanov P. N. Mestnaya ili vserossiyskaya kul'tura? [Local or national culture?] // Vestnik Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*. 2022. No. 3 (52). P. 186–188. DOI: 10.30725/2619-0303-2022-3-186-188. EDN: JJYTWR. (In Russ.).

24. Puchenkov A. S. Omskie Forsaity i «Dom Kolchaka» [Omsk Foresights and Kolchak's House] // Rossiyskaya istoriya. *Russian History*. 2023. No. 2. P. 205–208. DOI: 10.31857/S2949124X23020190. EDN: BLVRET. (In Russ.).

25. Sorokin A. P., Losunov A. M. Mifologema «stolichnosti» goroda Omska: istoricheskie osnovaniya i sovremennyy kontekst [Omsk as the capital city: historic grounds and contemporary context of mythologisation] // Kul'turologicheskii zhurnal. *Cultural Journal*. 2012. No. 3. P. 3–9. (In Russ.).

26. Chekalina L. A. Tsentr izucheniya istorii Grazhdanskoy voyny kak obshchestvennoye prostranstvo Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti [Center for the Study of the History of the Civil War as a public space of the Historical Archive of the Omsk Region] // Otechestvennyye arkhivy. *Domestic Archives*. 2022. No. 3. P. 25–33. EDN: BTJPYR. (In Russ.).

27. Sushko A. V., Petin D. I. Bitvy za pamyat': k voprosu o memorializatsii imeni admiral A. V. Kolchaka v Omske [Battles for memory: on the issue of memorializing the name of Admiral A. V. Kolchak in Omsk] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019. Vol. 4, no. 4. P. 9–17. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-9-17. EDN: HKQPJC. (In Russ.).

28. Skipina I. V. Chelovek v usloviyakh Grazhdanskoy voyny na Urale: istoriografiya problem [The Man in the Civil War in the Urals: the historiography of the problem]. Tyumen, 2003. 208 p. (In Russ.).

29. Anfert'yev I. A. Sovremennyye istoriograficheskiye problemy revolyutsionnykh sobytiy 1917 g.: posledstviya dlya Rossii [Modern historiographical problems of the revolutionary events of 1917: consequences for Russia] // Puti preobrazovaniya obshchestva i ikh osmysleniye v gumanitarnykh naukakh: voyny–revolyutsii–reform. *Ways of Transforming Society and Their Understanding in the Humanities: Wars–Revolutions–Reforms*. Moscow, 2018. P. 162–176. EDN: XMBPLF. (In Russ.).

30. Senyavskaya E. S. Chelovek na voyne, ili Ternistyy put' ot voyennoy istorii k voyennoy antropologii [Man at War. The thorny path from military history to military anthropology] // Istoricheskiy vestnik. *Historical Herald*. 2018. Vol. 24. P. 10–43. EDN: KGMYGD. (In Russ.).

31. Khodyakov M. V. Otveti na voprosy po istorii Grazhdanskoy voyny v Rossii [Answers to questions about the history of the Russian Civil War] // Rossiya v epokhu revolyutsiy i reform. Problemy istorii i istoriografii. *Russia in the Era of Revolutions and Reforms. Problems of History and Historiography*. 2018. Vol. 6. P. 119–124. EDN: YLVCDB. (In Russ.).

32. Puchenkov A. S. Religioznyy faktor v Rossii v gody Grazhdanskoy voyny: fenomen, znachenie i regional'naya spetsifika [The religious factor in Russia during the Civil War: phenomenon, significance, and regional specifics]: Grant No. 21–18–00266 // Rossiyskiy Nauchnyy Fond. 2021–2023. *Russian Science Foundation*. 2021–2023. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53902424> (accessed: 01.09.2024). (In Russ.).

33. Baksht D. A., Mamontova M. A. Pyatiletiye zhurnala «Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'»: nauchnyy i ideynyy potentsial [The fifth anniversary of the Journal Omsk scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity: scientific and ideological potential] // Severnyye arkhivy i ekspeditsii. *Northern Archives and Expeditions*.

2022. Vol. 6, no. 1. P. 122–139. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-1-122-139. EDN: PCLZVL. (In Russ.).

34. Chekalina L. A. Deyatel'nost' Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti v kontekste razvitiya rossiysko-kazakhstanskogo sotrudnichestva [Activities of the Historical Archive of the Omsk Region in the context of the development of Russian-Kazakhstan cooperation] // Sibirskiy arkhiv. *Siberian Archive*. 2020. No. 1 (3). P. 53–64. EDN: EQEUAO. (In Russ.).

35. Petin D. I. Istoriya omskogo roda Batyushkinykh [The History of the Omsk clan of Batyushkin] / Resp. ed. by D. I. Petin. Omsk, 2021. 140 p. ISBN 978-5-8042-0752-7. (In Russ.).

36. Korshunkov V. A. Arkhivnyi poisk v lokal'noi i semeinoi istorii: gorod Omsk i novoe v izuchenii ego proshlogo [Archival Research on the Local and Family History: The City of Omsk City and New Research of Its Past] // Vestnik arhivista. *Herald of an Archivist*. 2022. No. 4. P. 1271–1279. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1271-1279. EDN: DPEFMV. (In Russ.).

37. Komleva E. V. Sud'ba strany cherez sud'bu dinastii. Retenziya na knigu: Petin D. I. Istoriya omskogo roda Batyushkinykh. Omsk: Tip. «Zolotoy tirazh» (OOO «Omskblankizdat»), 2021. 140 s. [The Fate of the Country through the Fate of the Dynasty. Book Review: Petin D. I. The History of the Omsk Batyushkin Family, Omsk, Zolotoy Tirazh (Omskblankizdat) Publ., 2021, 140 p.] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki». *Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»*. 2023. Vol. 10, no. 1 (37). P. 161–167. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(1).161-167. EDN: JJYCMW. (In Russ.).

38. Germizeeva V. V. Khranya proshlogo vo imya budushchego: retenziya na monografiyu D. I. Petina «Istoriya omskogo roda Batyushkinykh» [Keeping the Past for the Sake of the Future: Review of the Monograph by D. I. Petin «The History of the Batyushkin's Family in Omsk»] // Istoricheskiy kur'yer. *Historical Courier*. 2023. No. 5 (31). P. 276–286. DOI: 10.31518/2618-9100-2023-5-20. EDN: LTZUKQ. (In Russ.).

39. «Belye ofitsery — krasnaya vlast'»: imennoy ukazatel' k fondam Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti (konets 1919 g. — 1920-e gg.) [«White officers — Red Power»: a nominal index to the funds of the Historical Archive of the Omsk Region (late 1919–1920)]. Omsk, 2017. 406 p. ISBN 978-5-906985-10-1. (In Russ.).

40. Zhertvy Grazhdanskoy voyny: spravochnik-martirolog po aktovym zapisyam metriceskikh knig khramov Omskogo regiona (Iyun' 1918–Dekabr' 1919 gg.) [Victims of the Civil War: a reference book-martyrology on the act records of the parish registers of the temples of the Omsk region (June 1918–December 1919)] / Rep. comp., ed. D. I. Petin; comp. M. M. Stelmak. Omsk, 2020. Issue. 1. 232 p. ISBN 978-5-6045377-9-4. (In Russ.).

41. Voyennoplennyye Pervoy mirovoy voyny: mezhfondovyy imennoy ukazatel' k metriceskim knigam khramov Omskogo regiona (1914–1920 gg.) [Prisoners of war of the First World War: inter-stock name index to the metric books of churches in the Omsk region (1914–1920)] / Rep. comp., ed. D. I. Petin; comp.: N. A. Aksenova, M. S. Genneberg, D. I. Petin [et al.]. Omsk, 2023. Issue. 2. 216 p. ISBN 978-5-605-09780-8. (In Russ.).

42. Blinova O. V. «Krasnye beloarmeitsy»: zametki o novom spravochnom izdании omskikh arkhivistov [«Red white arms' soldiers»: notes about new reference edition of Omsk archivists] //

Aktual'nye problemy izucheniya istorii grazhdanskoi voyny v Rossii. *Actual Problems of Studying the History of the Civil War in Russia*. Omsk, 2019. P. 10–20. EDN: IOIBLQ. (In Russ.).

43. Olikhov D.V. Pamyati vsek: retenziya na nauchno-spravochnoe izdanie «Zhertvy grazhdanskoi voyny: spravochnik-martirolog po aktovym zapisyam metriceskikh knig khramov Omskogo regiona (Iyun' 1918–Dekabr' 1919 gg.)» [In memory of all: a review of the scientific reference publication «Victims of the Civil War: a reference book-martyrology on the records of the metric books of the churches of the Omsk region (June 1918–December 1919)»] // Sibirskii arkhiv. *Siberian Archive*. 2021. No. 1 (7). P. 141–159. EDN: TWPPBC. (In Russ.).

44. Fedotova I. V. Otmety pervyy yubiley: obzor nauchnykh meropriyatiy v Omske k 10-letiyu Tsentra izucheniya istorii Grazhdanskoy voyny [Celebrated the first anniversary: review of scientific events in Omsk on the 10th Anniversary of the center for the study history of the Civil War] // Sibirskiy arkhiv. *Siberian Archive*. 2022. No. 2 (12). P. 179–204. EDN: XRTSNM. (In Russ.).

45. Vasilenko A. S. Istoriya emotsiy kak metod issledovaniya istorii Grazhdanskaya voyna v Sibiri [History of emotions as a method of study the history of the Civil War in Siberia] // Istoricheskiy kur'yer. *Historical Courier*. 2021. No. 6 (20). P. 224–236. DOI: 10.31518/2618-9100-2021-6-18. EDN: CXHZLW. (In Russ.).

SUSHKO Aleksey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University (OmSTU), Omsk.

SPIN-code: 6496-4278

AuthorID (RSCI): 446621

ORCID: 0000-0002-6703-8535

AuthorID (SCOPUS): 57201470030

Correspondence address: alexsushko_1974@mail.ru

PETIN Dmiy Igorevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, OmSTU, Omsk; Head of the Center for the Study of the History of the Civil War of the Historical Archive of the Omsk Region, Omsk.

SPIN-code: 9987-3347

AuthorID (RSCI): 742782

ORCID: 0000-0003-1614-8133

AuthorID (SCOPUS): 57188761451

ResearcherID: A-8542-2017

Correspondence address: dimario86@rambler.ru

For citations

Sushko A. V., Petin D. I. Omsk Conference on the History of the Civil War in Eastern Russia: history and development prospects // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 13–24. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-13-24.

Received January 09, 2024

© A. V. Sushko, D. I. Petin

ЭВОЛЮЦИЯ НАСТРОЕНИЙ ИЖЕВСКО-ВОТКИНСКИХ РАБОЧИХ В ОКТЯБРЕ 1917—ДЕКАБРЕ 1918 гг.

В статье рассматривается проблема определения взглядов ижевско-воткинских рабочих в 1917—1918 гг., которые привели их к участию в антисоветском восстании 1918 г. Цель исследования — пересмотр прежних представлений о данном предмете и получение достоверных научных знаний о настроениях и интересах населения Ижевска и Воткинска в 1918 г. На основе наработок историографии, а также вводимых в научный оборот архивных источников установлено, что настроения рабочих на данных заводах определялись материальными и личными интересами, отличались патриархальностью и слабой политизацией, популярностью умеренных лозунгов Учредительного собрания и неучастия в войне. В заключение подчеркивается, что слабая оформленность настроений рабочих и аполитизм большинства из них позволили утвердиться у власти сначала большевикам, а после их противникам, однако индифферентность большинства рабочих в обоих случаях ослабляли положение властей.

Ключевые слова: Ижевско-Воткинское восстание, антибольшевистское движение, рабочий класс, повстанческое движение, Гражданская война, «демократическая контрреволюция».

Вопрос о том, каким образом на Ижевском и Воткинском заводах с преобладанием пролетариата и сильными большевистскими организациями в августе 1918 г. могло быть поднято антисоветское восстание, давно занимал исследователей. Важнейшей в этом отношении является проблема взглядов и интересов рабочих в данный период. В советские годы считалось, что их обманом на участие в восстании спровоцировали эсеры, меньшевики и офицеры [1; 2, с. 92—126]. В белоэмигрантских сочинениях причины виделись в жестокости большевиков и патриотических настроениях рабочих [3, с. 41—46; 4, с. 149—150]. Сегодняшние многочисленные исследования, несмотря на большое число выявленных данных и интересные подходы, еще не поставили точку в этом вопросе [5, с. 310—316]. Данная статья делает попытку разобраться в этой проблеме на основании прежних исследований и архивных данных, часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Основная часть. Исследователям хорошо известно, что долгие годы ижевско-воткинский рабочий класс был патриархальным и политически слабо развитым. Его жизнь напрямую была связана с казенными заводами Ижевска и Воткинска, хорошо снабжавшимися из казны. Поддерживая лояльность рабочих, администрация давала им ряд определенных льгот вроде личных покосов, скота, огородов; сквозь пальцы смотрела на дисциплину, оценивая только норму выработки. Поколениями привязанные к заводу, рабочие нередко обрастали мелкой собственностью вроде домов, наград, сбережений. В начале XX в. с пробуждением в России общественно-политической жизни положение стало меняться. Окончательно изменила все Февральская революция, втянувшая десятки тысяч рабочих

в политику. Вначале большинство шло за меньшевиками и эсерами, но их неготовность к решительным изменениям сыграла против них. Упала и без того традиционно невысокая дисциплина, выросло недовольство на заводах [6, с. 6—21].

Поэтому, получив 27 октября 1917 г. весть об Октябрьской революции, ижевские большевики легко добились ее признания. Их противники покинули Совет, и большевики быстро начали преобразование: введение рабочего контроля, установление 8-часового дня, отмену сдельщины и т.д. Это было в интересах рабочих, поэтому Совет пользовался поддержкой, а численность большевиков многократно возросла. Эсеро-меньшевики были повсюду переизбраны. Распространение получили также и левацкие, синдикалистские настроения, популярные в Прикамье с его преобладанием неквалифицированных рабочих, — а именно анархисты и эсеры-максималисты. Последние стали второй по важности партией. Особенно много их было в Красной гвардии. Максималисты держали себя независимо и даже вызывающе к коммунистам, часто с ними конфликтуя даже по мелочам. Бесконтрольные действия Красной гвардии, ее реквизиции и даже убийства приведут в итоге в апреле 1918 г. к вооруженному противостоянию, которое закончится разоружением максималистов. Однако обстановка вынудила обе стороны сохранить политический блок [7, с. 35—37].

Казалось бы, положение большевиков было достаточно крепкое. Однако прибывшие в январе 1918 г. эсеро-меньшевики выявили антисоветские настроения части рабочих из-за разгона Учредительного собрания и стали на этом играть [8, л. 22]. А весной 1918 г. положение ухудшилось из-за разрухи, недостатка продовольствия, безработицы.

Многие иногородние «чистые» пролетарии уехали из-за демобилизации промышленности. На этом фоне оживилась оппозиция. Большевики же из-за отсутствия опыта и занятости на административной работе начали терять влияние и допустили разложение своих рядов. 25 мая председатель исполкома И. Д. Пастухов и секретарь Ф. Фокин писали ЦК, что если после Октября у них было 1700 членов, то теперь осталось 400. Основной причиной они видели влияние других партий — эсеров, меньшевиков и даже приехавших из Кронштадта анархистов. Авторы просили крепких партийных кадров для развития агитации среди рабочих [5, с. 266].

Результаты кризиса быстро выявились. 27 мая 1918 г. в Ижевске прошли перевыборы Совета, в который из 134 чел. прошло 70 эсеро-меньшевиков и беспартийных [7, с. 45]. Эсеро-меньшевики предложили резолюцию, фактически требовавшую отказа от советской власти. Беспартийные же в целом признали резолюцию большевиков о признании власти Советов, но внесли некоторые уточнения, например, что они признают власть Совнаркома, выполняющего решения ВЦИК. В итоге голосование прошло по вопросу «власть Советов или Учредительного собрания?». За Советы голосовало 64, за Учредительное собрание — 70. На следующий день при голосовании по цехам оказалось, что рабочие раскололись почти надвое: за Советы — 15 резолюций, за Учредительное собрание — 14. Эсеро-меньшевикам пришлось предложить временно оставить старый состав исполкома. Наконец в июле прошли новые перевыборы, которые дали эсеро-меньшевикам большинство. Главой Совета стал эсер В. И. Бузанов, его заместителем — меньшевик П. Михайлов [7, с. 45–50]. Осознав, что они не могут победить политическими средствами, большевики пошли на разгон исполкома. 17–21 июля он был распущен, часть социалистов арестована, и власть вернулась к старому составу. Интересно, что внешне рабочие почти не отреагировали на это, кроме нескольких протестовавших мастерских [5, с. 263; 9, с. 6–7]. Характерно в этой связи решение собрания сверлильно-токарной мастерской от 17 июля 1918 г.: «Постановили единогласно вопрос оставить открытым, т.к. от нашей мастерской арестованных нет» [7, с. 50].

Причины этого подробно раскрывает доклад комиссара С. И. Холмогорова в центр. Он четко делил рабочих на ничего не имеющих бедняков, в основном приезжих, и рабочих-собственников, имеющих дома, покосы, сбережения и занимавших привилегированное положение вместе с местными зажиточными крестьянами. И если первая группа вначале преобладала, то к майским перевыборам, по его оценке, из-за увольнения с завода приезжих и сокращения рабочих, они соотносились уже как 40 % к 60 %. Холмогоров предупреждал: «...партия располагает очень слабой реальной и еще слабее политической идейной силой в данное время, и в среде мелкобуржуазной массы она не в силах справиться самостоятельно с надвинувшейся угрозой» [10, с. 67–69].

При всей драматичности событий в них явно участвовала лишь небольшая доля политизированных рабочих. Среди остальных выросли абсентеизм и равнодушие к власти [5, с. 261]. Так, в майских выборах 1918 г. Совета принимало участие не более 20 % рабочих, причем большинство в Совете получили беспартийные. Это неудивительно — весной-летом 1918 г. это явление отмечалось по всей

стране, т.к. большевики не могли быстро ликвидировать накопившиеся проблемы, а эсеро-меньшевики были заметно скомпрометированы неэффективной работой в 1917 г. Как итог, рост усталости, аполитичности и одновременно оппозиционности эсеро-меньшевистских элементов был очень распространен среди рабочего класса.

Все же, по некоторым данным, на фоне силового подавления оппозиции некоторые рабочие поддерживали правящую власть. Например, на электростанции на собрании рабочих от 27 июля по поводу посылки делегатов в Совет большинство высказывалось за представителей крайне левого течения. Меньшевик Мерзляков в итоге был сменен на большевика Зторыгина [7, с. 50–51]. Вполне возможно, что часть рабочих действовала не из идейных, а из конформистских или меркантильных мотивов. Так, яркий пример на той же электростанции — некий Андрей Цепенюк после свержения самодержавия стал, как и большинство, меньшевиком и был делегирован в Совет. После Октября он был из Совета отозван и надолго затих. А уже весной 1918 г. он неожиданно стал ярким анархистом и участвовал в перевыборах цехкома [11, л. 31–32].

Положение завода также приоткрывает доклад инструктора ВЦИК Гольдберга, посетившего его в июне 1918 г. Его данные подтверждают собственный характер многих рабочих и распространившийся среди них абсентеизм, когда из 17 тыс. членов профсоюза металлистов взносы платили только 4 тыс.: «Здесь также обсуждался вопрос о вытеснении полупролетариата, но так как большинство рабочих — полупролетариат, то этот вопрос бояться затронуть». По его данным, «рабочие завода, ничего не делая, зарабатывают бешеные деньги», и завод осаждали тысячи крестьян, желавших высоких зарплат. Производство пало, потому что цеховые комитеты установили себе минимальные нормы выработки, выполнявшиеся за 4 часа вместо 8: «Тарифные ставки здесь приняты петроградские со скидкой на 10 %, несмотря на то, что цены на продукты здесь во много раз ниже петроградских. Хлеба здесь вполне достаточно по 30 рублей за пуд, тоже можно сказать и про мануфактуру, которая совершенно свободно продается без карточек. В средствах завод не стеснен, и за все время революции тут ни разу не было заминки в деньгах, и рабочие живут здесь припеваючи, не интересуясь совершенно политической жизнью страны» [12, л. 2–3].

Не все в докладе стоит принимать на веру — известно, что в начале 1918 г. Совет остро конфликтовал с Главным артиллерийским управлением, не желавшим отпускать средства заводу, управляемому рабочими. Но показательно, что инструктор не увидел никаких тяжелых угрожающих обстоятельств. Нет также веских данных, что здесь был запрет на свободную торговлю. Напротив, писавший очерк восстания в 1920-е Н. Сапожников упоминает лавки с очередями, продававшие хлеб по низким ценам, но ничего о запрете торговли. Нет и сведений о серьезном недостатке мануфактуры или массовых репрессиях. Совет конфисковал частные дома у зажиточных домовладельцев, но и это явно не было общей проблемой.

Подтверждает идейный кризис на заводе попытка представителей 2-й Армии набрать в июле 1918 г. добровольцев. По воспоминаниям политкомиссара А. П. Кучкина, последовал полный провал. Разболтанных рабочих удалось собрать с трудом,

и они к призывам остались равнодушны. Максимально они слушали более благожелательно (видимо, как «легальную оппозицию»), но добровольцев все равно записалось считанные единицы. Чуть лучше было в Воткинске, где рабочие верили раненому с фронта и некому сибирскому анархисту, и резолюция о поддержке советской власти собрала приличное число голосов. Но записавшихся на фронт было также мало. Даже ижевские большевики смотрели на делегацию «как на трусов, не могущих стойко биться с чехами» [13, с. 159–161]. Большевик А. Сафронов также упоминал, что срыву набора добровольцев способствовали анархисты во главе с эмиссарами из центра [11, л. 31]. Поэтому большевикам и их союзникам пришлось отправить на фронт многих своих членов, что ослабило их позиции на заводе.

Таким образом, основная масса рабочих к тому времени была безразлична к происходящим событиям и разочарована в большевизме, следствием чего стала возросшая популярность других партий. В то же время далеко не все из рабочих были настроены к советской власти и даже большевикам настолько враждебно, чтобы подняться против них с оружием в руках. Их позицию скорее можно определить как невмешательство.

Поэтому фактически инициативу восстания взяли на себя не рабочие и не полулегальные эсеро-меньшевики, а местный «Союз фронтовиков». История его появления и деятельности хорошо известна. В Ижевске он объединял бывших военно-служащих и появился весной 1918 г. на волне демобилизации старой армии. Он состоял в основном из местных уроженцев, из-за чего похожий «Союз солдат-рабочих, прибывших из войск», объединивший иногородних, отказался от слияния. «Фронтовики» не спешили признавать Советы, поэтому их устав не был утвержден. Это, впрочем, не помешало «союзу» присоединиться к «Союзу вечных воинов», и его глава, фельдфебель С. Солдатов, даже стал делегатом в Совете. В Воткинске же аналогичный союз был легальным, его глава тоже входил в Совет. Обе организации не проявляли себя в политике, однако держались независимо и даже весной пытались добиться права участвовать в управлении заводом [14, с. 6–8].

Каких-либо точных сведений о настроениях «союза» нет. Однако по многочисленным примерам подобных организаций можно судить, что это была типичная группа деклассированных военных, озабоченных в первую очередь личными выгодами и настроенная к большевикам отрицательно по материальным мотивам [15]. Данные аналогии косвенно подтверждаются свидетельствами. Так, большевик И. А. Окулов в с. Козловка вспоминал, что в начале восстания был арестован фронтовиками, среди которых были и большевики: «Таких товарищей у нас в волости насчитывалось больше десятка, всё время я с ними был не в ладах, так как они занимались больше непартийными делами: они обложили контрибуцией в свою пользу солдат старой армии, находившихся на работах в Ижевске, одних кулаков разоряли в корень, а других за небольшую мзду выгораживали». Теперь они с легкостью перешли на сторону врага, о чем почти прямо сказали самому Окулову: «Нас на фронте большевики обманом заманили в партию, а ты работаешь идейно» [16, л. 46]. Также известно, что «фронтовики» часто были озлоблены на большевиков из-за милитаристских убеждений, полученных на фронте. Такие

моменты тоже видны в Ижевске. В момент восстания они обвиняли большевиков, что те «предатели России, агенты Германии, изменники Родины». Антинемецкая пропаганда и лозунг борьбы с «германо-большевизмом» станут очень распространены в захваченном Ижевске [5, с. 272].

Как во многих других аналогичных «союзах», здесь так же было заметно влияние офицеров. По разным данным, только в Ижевске их насчитывалось от 200 до 350 чел., причем многие поступили на завод рабочими и служащими. В Воткинске младшие офицеры даже заняли все правление «союза», а один из них, М. М. Непряхин, также был членом эсеровского комитета [14, с. 10, 12–14]. Как и в других городах (например, Кузнецк, Верх-Исетск, Сатка, Красново́дск), это позволило офицерам устроить заговор. В этом отношении офицеры играли среди «фронтовиков» на их корпоративном единстве как военных, что отмечалось в воззваниях и после восстания.

Формальным поводом для него стала мобилизация, объявленная на созванном ранним утром митинге большевиками 7 августа 1918 г. после взятия белыми Казани. Рабочие встретили весть спокойно, а около 300 человек из молодежи даже охотно записались на фронт. Это не должно особенно удивлять — есть много примеров того, как мобилизация позволяла пресечь колебания и коллективно вывести готовых подчиняться [5, с. 267].

По целому ряду воспоминаний можно судить, что эсеро-меньшевики сразу после этого стали агитировать рабочих, убеждая их не идти на фронт и защищать Учредительное собрание. Но непосредственно страсти накалила агитация «фронтовиков», что большевики арестовали не подчинившихся им членов «союза» и готовящихся их расстрелять [16, л. 65–66; 17, л. 1]. Реальной причиной ареста было требование «фронтовиков» вооружить их на месте, в чем легко были видны планы мятежа. 8 августа после митинга у Угольных ворот завода фронтовики сагитировали рабочих захватить винтовки в поверочной мастерской и начать восстание. Таким образом, оно было результатом сознательной провокации «фронтовиков» и эсеро-меньшевиков, которые, видимо, даже не упоминали о каких-то социальных проблемах.

По всей видимости, восстание опиралось на прежнюю политизированную часть рабочих с эсеро-меньшевистскими симпатиями. Однако не все были настолько мотивированными — хватало и колеблющихся элементов. Это видно из того, что некоторая часть рабочих и даже самих восставших проявляла неуверенность, и вначале, не желая кровопролития, склонялась к сложению оружия. По этой причине «фронтовики» задержали многих рабочих на заводе в первые же часы восстания, для чего были закрыты ворота — часть из них в итоге разбежалась, перебравшись через забор. Некоторые «умеренные» лица были даже среди «фронтовиков», как, например, член правления «союза» В. И. Солин [14, с. 15]. За переговоры выступили и некоторые социалисты. В итоге в Совет была послана делегация во главе с меньшевиком Попцовым. Однако в результате провокации «фронтовиков» переговоры были сорваны, и восставшие захватили город, а вскоре ими был захвачен и Воткинск [5, с. 274–275].

В Воткинске все развивалось очень похоже. Первоначально в нем Совет и профсоюзы заняли жесткую позицию по отношению к Совнаркому.

Однако уже в декабре стало заметным падение поддержки эсеров-меньшевиков. Даже в Союзе служащих после ухода из него большевиков с сочувствующими стало не хватать кворума [9, с. 4]. Как говорили очевидцы, в начале 1918 г. воткинский пролетариат раскололся на три части: «Настроение большинства рабочих было за то, зачем разогнали Учр. Собрание, другая часть защищала Советскую власть и третья совершенно не признавала никакой власти» [16, л. 3]. В январе 1918 г. большевики заняли большинство в Совете, но даже тогда их ряды не были крепки. Рабочий А. Назаров вспоминал, что к февралю на заводе было около 1000 большевиков, но «организация показалась слабой, и в этом я не ошибся» [16, л. 39]. Помогало им то, что их конкуренты выпустили инициативу из рук и тоже переживали упадок. Меньшевик Смирнов вспоминал, что в его партии началось разложение и отток. Несколько раз партком созывал собрание по этому поводу, но ничего не добился. К середине 1918 г. из 250 меньшевиков осталось 124 члена на 11 цехов и 4 городские ячейки. Большинство держались пассивно, «боясь втиснуться в борьбу лишь потому, что были мелкие собственники и жители Воткинска — просто обыватели» [16, л. 36]. Похоже, и в Воткинск пришли разочарование и уклон в «беспартийность».

Дальнейший ход событий очень напоминал положение в Ижевске. Как и в Ижевске, в Воткинске левацкие настроения захватили Красную гвардию. В апреле большевикам тоже пришлось разоружать «союзников» — анархистов, увлекшихся бесконтрольными «реквизициями» якобы для создания коммуны. Весна-лето тоже прошли для воткинских большевиков в ожесточенной борьбе. Оппозиция тщательно старалась их скомпрометировать. Так, квартирохозяевам было указано сдавать плату с постояльцев муниципальному отделу. Оппозиция это использовала, играя на собственнических интересах рабочих: «В этот период меньшевики, кадеты и эсеры вели усиленную травлю большевиков, разъясняя искажённо декрет об отмене частной собственности на дома, говоря, что все лачуги от рабочих отберутся и передадутся неимеющим в пользование, и это подтверждали фактами, а именно: что вот, мол, взяли большевики магазин Лепендина и разделили между собой, так возьмут и у вас дома, а население, как не знающее этого декрета, верило им и возмущалось — "как же так, я строил, я наживал, а другие придут и будут жить в нём"» [16, л. 5].

К лету популярность большевиков упала. Выборы заводоуправления от 11 июня 1918 г. их не устроили, и фактически оно было распущено. Та же история произошла с городским Советом [5, с. 281]. 19 июня пришлось созвать Воткинский съезд Советов, который признал советскую власть, но при этом 22 делегата предпочли с голосования просто сбежать. В то же время съезд потребовал отменить хлебную монополию, карательные экспедиции в деревню и «единоличную диктатуру на железных дорогах» [9, с. 6]. Видимо, в июле тоже пришлось собирать общезаводское собрание и митинг по вопросу «Советы или Учредительное собрание», и большинство высказалось за Советы. Вскоре новый состав Совета из большевиков с помощью красногвардейцев заставил старый передать дела [16, л. 4–5]. Эсеро-меньшевики частично были арестованы, фактически стали полулегальными и ушли в подполье.

Ижевское восстание тоже показало неспаянность местных коммунистов, к которым присоединилось много несознательных, а лучшие силы были на фронте. Первое же поражение — разгром посланного к Ижевску отряда в 250 человек — совершенно их деморализовало. Один из них подробно писал об этом: «Вот с этого дня ряды наши пошатнулись, коммунары стали нервничать. Вот только и смотри, сделают восстание. Малейшее упущение и весь актив будет перебит. Сделали отбор до 70 человек надёжных ребят и из него составили боевую роту. Заняли подпольную квартиру, куда поместился штаб, и 13-го августа партию объявили распущенной». Конечно, это убийственно для Совета, который растерял, по оценке автора, до 1500 вооруженных человек, включая анархо-максималистов, коммунаров и дружественную секцию матросов: «...наша партия в 1918 г. по количеству была большая, но в момент вливания в неё неустойчивых элементов и перебежчиков из других партий... из-за шкурнических личных интересов, ослабило нашу организацию» [16, л. 42–43]. То же о первых днях после восстания говорил и воткинец Туров: «Большинство членов партии большевиков заявило открыто, что они из партии выходят... даже нашлись и такие, что сами принялись сдавать винтовки, что говорило за то, что в партии не было понятия ни о дисциплине, ни о тактике и даже программе» [16, л. 5].

Считается, что вначале в восстании активно принимали участие около 3 тыс. «фронтовиков», 3 тыс. рабочих и 300 офицеров [2, с. 95]. Судя по отрывочным данным, преобладали квалифицированные рабочие. Так, очевидец А. Кузнецов был арестован самодобилизовавшимися рабочими-меньшевиками Постольской железной дороги [16, л. 66–67]. Известны резолюции и пожертвования новой власти из механической, сверлильно-токарной и других мастерских. Также уже на первых порах в восстании активно приняли участие местные учащиеся. В числе первых был создан «отряд техников» из квалифицированных рабочих, служащих на заводе офицеров и слушателей Ижевской оружейной школы. О школе оставил воспоминания ее ученик А. В. Посажеников. Будучи технической, она была по быту близка к военному училищу, и ее выпускники психологией и мотивацией походили на царских юнкеров, т.к. получали при выпуске военные чины. Поэтому в целом политически темный состав учеников не сразу поддержал даже Временное правительство и резко не принял большевиков, распустивших армию [18, с. 14; 19, с. 10–11]. Неудивительно, что «отряд техников» стал одной из наиболее боеспособных частей повстанцев.

Фактически же власть перешла эсеро-меньшевикам и штабу «фронтовиков». Именно «фронтовики», как видно из документов, заняли лидирующие позиции в ряде органов. Они надзирали над контрразведкой, армией и порядком в ней — в военно-полевых судах и контрольных комиссиях. Верховенство в штабе принадлежало офицерам, что быстро вызвало недовольство — несмотря на единение в «союзе», с войны «фронтовики» вынесли антиофицерские настроения. Так, очевидец писал, что на офицеров смотрели как «на необходимое зло» [4, с. 156]. Штабу даже пришлось успокаивать массы в воззваниях, что офицеры не хотят «власти для себя» [20].

Что же касается основной массы рабочих, то об их взглядах на происходящее судить тяжело.

Очевидно, арестовав своих врагов, новые лидеры, не встречая сопротивления, быстро убедили их свернуть от советской власти к Учредительному собранию. За это говорит хотя бы то, что многие рабочие послушно служили в караульных командах, армии, органах новой власти. По словам свидетеля Гражданской войны М. А. Дорофеева, «рабочие, по-видимому, относились к новому порядку если не сочувственно, то со значительной долей доверия. На заседании разных учреждений и организаций выносились соответствующие резолюции, устраивались моления и крестные ходы, хотя участников в них было немного, но все же они имели коллективный характер» [21, с. 22]. Воткинский очевидец вспоминал: «...настроение большинства на 99 % из солдат было против большевиков и шли в бой с охотой (в то время в Воткинске было сильное влияние эсеров)» [16, л. 9].

Однако косвенные данные дают основание считать, что и после восстания среди большинства сохранился аполитизм. Так, 9 августа 1918 г. на Ижевском заводе прошел митинг по выбору коменданта города, в котором участвовало не более 1000 человек, а голосовало и вовсе не более 300 [7, с. 62]. Вскоре состоялись пере выборы правления завода. Из 60000 жителей в них участвовало 4137 рабочих, причем 325 опустили незаполненные бюллетени. Подавляющим большинством были избраны меньшевик Д. И. Крупин, эсеры В. И. Бузанов и П. А. Барышников [5, с. 303]. Косвенно инертность рабочих, даже тех, кто принял новую власть, показывает введение принудительной мобилизации. Хотя вначале власть не планировала этого делать, оказалось, что «добровольцами» удалось собрать 7–8 тыс. человек. Для первых боев приходилось даже хватать людей по улицам [2, с. 95].

Всего мобилизация дала, по разным данным, 20–35 тыс. чел. Она же в конечном итоге сыграла против учредильцев, т.к. вобрала в армию многих, не желавших воевать в принципе. Как отмечал журналист Гутман-Ган, «началась обычная в то время пропаганда — примирения с большевиками и прекращения "братоубийственной" войны» [4, с. 156]. Характерно, что первые признаки этого были уже в конце августа. 19 августа Ижевский исполком постановил замеченных в агитации против переворота и «провокационных слухах» увольнять с завода [5, с. 320]. 26 августа по этой же причине было восстановлено военное положение, запрещены митинги и собрания. А 28 августа исполком передал власть Прикамскому комитету членов Учредительного собрания [22, с. 35, 25].

Все это только усилило деморализацию. В сентябре перебежчики сообщали: «Белые оборачивают вокруг пальца ижевцев. Накануне они объявили, что пришли спасать рабочих от мобилизации. Рабочие решили, что очень хорошо можно за спиной «белых благодетелей» попользоваться покоем мира. Но велико было их разочарование, когда чуть ли не на другой день по воцарении белые приказали всем стать под ружье, а кто не может идти с ружьем — обязан был под угрозой штыка рыть окопы» [23, л. 22]. То же было и в Воткинске: «Когда проводилась мобилизация, то много лиц не желало бы идти служить у белых, но, вследствие того, что большинство верило в восстановление Учр. собрания, а меньшинство, затаив злобу, подчинилось и попадая на фронт, переходило на сторону красных» [16, л. 5]. Воткинец П. Н. Луппов писал: «...руководители нового порядка сразу надавали

кучу обещаний различных свобод, всевозможных благ, а главное — дешевизны на продукты первой необходимости... Когда ни благ, ни свободы не было, а дороговизна с каждым днём увеличивалась, Воткинск превратился в какой-то малообитаемый остров, оторванный от всего мира. Степень доверия общества к новому порядку стала понижаться и сменилась наконец страхом перед грядущей Красной армией, которая в течение всех двух с половиной месяцев раскрашивалась всеми красками ада. Одни молились о чуде, которое бы даровало победу Народной армии, другие зывали только о спасении, ...третьи лихорадочно готовились к бегству...» [24, с. 205–206].

Есть также ценный документ, показывающий интересы восставших изнутри, а не на основе их громких воззваний — доклад двух офицеров, пробравшихся через этот район, штабу Сибирской армии: «Восставшие ижевцы... объединены большим воодушевлением, главным образом, в защите своего добра от большевиков, но не в целях общерусских. ...Кадровых офицеров не любят и отрицательно относятся к отличиям офицеров. Особенно неприязненно настроена против офицеров молодёжь, которая боится офицеров из-за отдания чести и из-за того, что офицеры их будут бить. Старики же держат себя людьми старого порядка и заставляют молодёжь идти в армию» [25, л. 101–102]. Эти мотивы видны и в разговоре колчаковского журналиста Вс. Иванова с ижевцами уже в 1919 г.: «Да, мы подняли восстание! — говорил один ижевец. — А почему? Да потому, что мы сами на заводе призывали к свободе. У нас и в старое-то время полиция по струнке ходила, безобразия не делала. Так почему же нам было сносить своевольство после революции? Жили мы на заводе тихо, мирно, у каждого свое хозяйство — коровы, куры, земля. А тут наехали питерчики, ни кола ни двора, отвалили кое-как свое на заводе, да и за поученье: и то не так, и это не так! Ну, и пошло дело» [26, с. 32].

В этих независимых друг от друга свидетельствах мы видим те же откровенно собственнические и консервативно-психологические мотивы. Армия на такой базе не могла быть прочной. Последний месяц восстания она буквально разваливалась из-за разложения. Дезертирство стремительно увеличивалось, что видно из многочисленных приказов командования. Была восстановлена смертная казнь, но она запоздала. 7–8 ноября красными был взят Ижевск, а 12 ноября — Воткинск.

И все же при крахе фронта многие повстанцы ушли не к красным, а на восток. Впрочем, не всегда причиной были убеждения. Напротив, есть много свидетельств, что отступали по чисто психологическим причинам — боясь мести и расправы: «Из-за боязни быть расстрелянными, многим, совершенно безучастным к восстанию, пришлось отступить в Сибирь», — писал воткинский меньшевик Смирнов, который сам бежал к знакомым на Урал, а после служил в Ижевской дивизии [16, л. 37]. Страхи эти тщательно культивировались пропагандой. Перебежчики сообщали: «Ряды белых редуют с каждым днем. Кулаки ведут агитацию, говоря, что те, которые находятся в руках белых, хотя бы и в качестве мобилизованных, будут расстреляны. ...Усиленно распространяются провокационные слухи о зверствах Красной армии и о том, что в рядах... находятся немцы, которые не щадят ни детей, ни женщин» [23, л. 2]. В Воткинске было то же: «Сами белые зверствовали страшно, а про крас-

ных распространяли самую подлую клевету, пугали красными, говорили, что если в Воткинск вернутся красные, то будут с живых сдирать кожу» [27, с. 448]. Как показывают свидетельства, многие верили в эту пропаганду и потому спасали свои жизни, попав на сторону белых в силу обстоятельств. Кроме того, по некоторым данным, как минимум из Воткинска военные старались увезти с собой все мужское население, способное носить оружие [17, л. 14].

Что до оставшихся, то внешне их настроения изменились. Например, многие рабочие участвовали в организованных властью митингах и собраниях. Уже 10 ноября 1918 г. на Ижевском заводе состоялся масштабный митинг, в котором участвовало до 10 тыс. рабочих. Собравшиеся отпраздновали Октябрьскую революцию с красными знаменами и поклялись увеличить производительность завода [28, л. 8].

Однако есть основания считать, что и тут население держалось пассивно, так как было запутано и запугано происходящим. Так, агитатор Шиханов сообщал в областной комитет партии: «Оппонентов б[ольшевикам] нет. Ораторам аплодируют. Но моё убеждение таково, что аплодисментами лишь откупаются от преследования и подозрения... Ижевский рабочий, в массе являясь высококвалифицированным, получал высокие ставки и до войны. За войну в особенности, и потому он «мелкобуржуазился», и его заветная мечта — накопить грошей, выстроить двухэтажный домик и обеспечить себе старость по "сберегательной"» [29, л. 240]. Как и до и даже после восстания, на заводе отмечалась слабая, чисто патриархальная дисциплина. На заседаниях от 14 ноября власти отмечали: «Рабочие, как было до сего времени, к работе относятся халатно, являясь и уходя не по гудкам, работают слабо» [30, л. 15]. Лучше было положение в Воткинске, где белый террор (300 убитых, несколько сотен содержащихся на баржах, десятки жестоко заколотых штыками) был лучшей агитацией против учредильцев: «Теперь заявляют остальные рабочие в своих резолюциях "не может быть речи о половинчатости и середине... и весь рабочий класс, все рабочие должны быть на стороне второго лагеря"» [29, л. 241]. Но, видимо, и там были похожие тенденции. Воткинец Луппов тоже вспоминал парад прибывших советских войск и торжества по случаю революции, но считал их бессмысленными и ненужными [24, с. 212].

Причины были те же — собственнический характер рабочих и их аполитичность. Сохранилось много документов, что это вызывало у коммунистов яркую неприязнь. Так, политработники 2-й Армии сообщали командованию: «Большинство рабочих Ижевского завода — мелкая буржуазия. Они имеют дома, скот, огороды, сеют хлеба, косят луга, спекулируют. Вообще подходят к типу кулаков. Пролетарского элемента мало» [31, л. 7]. Аналогично они обличали рабочих даже в печати: «Жизнь ижевцев роскошь в сравнении с жизнью пролетариата больших городов — это «рабочие-собственники»... Лучшие люди, приезжавшие сюда для агитации и пропаганды, гибли, но все-таки не рассеяли мрак сытой атмосферы ижевских буржуа» [32]. То же говорит донесение члена ВЦИК Захарова: «...масса рабочих сбежала с учредильцами, да и остальной-то элемент в большой мере косо поглядывает на нас. Здесь масса рабочих с Обуховского завода и стариков, которые, так сказать, "с корнем вросли", обяза-

вались домишками, полями и лугами, ну и подавай им учредилку. Вот это главная причина Ижевского бунта». Он не сомневался, что придется убрать не-лояльных и предлагал заменить их питерцами куда более сознательными [33, л. 43 об.].

Наконец неприятный итог выяснился на выборах Совета 9 декабря 1918 г., в которых участвовало 26 тыс. чел. За коммунистов было отдано 10 тыс., за максималистов больше 8 тыс., 7 тыс. воздержались. Лозунгами «За Учредительное собрание», «За монархию», «Долой Советы» испорчено 482 бюллетеня. В итоге выборы пришлось объявить недействительными [21, с. 22].

Заключение. По итогам исследования можно прийти к следующим выводам. Настроения рабочих в 1917–1918 гг. определялись материальными обстоятельствами: улучшением условий труда и положением на заводе. В период подъема революции, проходившего с участием иногородних неимущих рабочих, это привело к популярности советской власти, большевиков и идей левого синдикализма. Однако в начале 1918 г. с прекращением войны и оттоком иногородних получившие необходимое от революции рабочие, часто имевшие мелкую ответственность, изменили настроения. Большинство ушли в пассивность и конформизм, более активная часть квалифицированных рабочих отличалась симпатиями к эсеро-меньшевикам. На стороне большевиков и максималистов было меньшинство, к тому же не отличавшееся стойкостью. Опираясь на это, «фронтовики» и эсеро-меньшевики смогли поднять восстание и втянули в него значительные массы рабочих. Пользовавшаяся до последнего популярностью советская власть была быстро сменена на лозунг Учредительного собрания, который устраивал широкие умеренные слои своим нейтральным характером. Однако это было лишь политическое оформление. Реальная позиция рабочих — мелких собственников во многом зависела от личных мотивов. В начале большую роль играли желание избежать мобилизации и экономических тягот времени — потом конформизм и защита завода и себя от мести красных. В дальнейшем позиция оставшихся рабочих по-прежнему во многом определялась соображениями сохранения личных прав, собственности, конформизмом, бытовым консерватизмом.

Библиографический список

1. Дмитриев П. Н., Куликов К. И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. 392 с. ISBN 5-7659-0388-6.
2. Гражданская война в Удмуртии, 1918–1919 гг.: сб. ст. Ижевск, 1988. 175 с.
3. Ефимов А. Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. Москва, 2008. 415 с. ISBN 978-5-8112-3360-1.
4. Гутман-Ган А. Два восстания // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1927. Т. 3. С. 148–160.
5. Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России: 1917–1918 годы. Москва, 2004. 367 с.
6. Куликов К. И. История Удмуртии. XX век. Ижевск: Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 544 с. ISBN 5-7691-1649-8.
7. Сапожников Н. Ижевско-Воткинское восстание // Пролетарская революция. Москва, 1924. № 8–9. С. 5–41.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 1. Д. 478.
9. Бехтерев С. Л., Бехтерева Л. Н. Повстанческое движение на востоке России на начальном этапе Гражданской войны: причины и предпосылки // Вестник Нижегородского государственного университета. 2018. № 4. С. 3–9.

10. Удмуртия в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны: сб. док. В 2 т. Ижевск: Удмуртское кн. изд-во, 1960. Т. 1. 321 с.
11. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОСО). Ф. 41. Оп. 2. Д. 168.
12. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 183.
13. Кучкин А. П. К истории Ижевского восстания // Пролетарская революция. 1929. № 6. С. 153–162.
14. Дмитриев П. Н. Организации бывших военнослужащих накануне Ижевско-Воткинского восстания // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. 2014. № 1. С. 5–28. EDN: RWXHTB.
15. Заяц Н. «Союзы фронтовиков» в 1917–1918 гг. и их роль в революции и Гражданской войне // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты: сб. ст. и материалов. Москва: АИРО-XXI, 2014. С. 509–547.
16. ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 385.
17. ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 216.
18. Посаженников А. В. Ижевск накануне восстания // Иднакар. Методы историко-культурной реконструкции. 2014. № 3 (20). С. 5–21. EDN: QFIQGI.
19. Маратканов В. А. Ижевская оружейная школа (1870–1918 гг.). Ижевск, 2016. 121 с. ISBN 978-5-9631-0501-6.
20. Ижевский защитник (Ижевск). 1918. 23 августа. № 1.
21. Кобзев И. Под красным знаменем против красных // Уральский следопыт. 1991. № 6. С. 18–24.
22. Цветкова В. Ж. Ижевско-Воткинское восстание. 1918 г. Москва: Посев, 2000. 116 с.
23. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 477.
24. Луппов П. О событиях 1918 г. // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2018. № 1 (36). С. 193–215. EDN: XZCLGP.
25. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39617. Оп. 1. Д. 178.
26. Иванов В. Н. Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1994. № 12. С. 3–75.
27. Коробейников К. А., Ларионова О. Ю. Воткинск в огне Гражданской войны. Ижевск, 2018. 714 с. ISBN 978-5-4344-0575-1.
28. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 376.
29. ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 456.
30. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 346.
31. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 128.
32. Борьба (Ижевск). 1918. 15 ноября. № 36.
33. РГВА. Ф. 169. Оп. 2. Д. 1с.

ЗАЯЦ Николай Алексеевич, кандидат исторических наук, учитель истории средней общеобразовательной школы № 1430, г. Москва.
 SPIN-код: 8404-6016
 AuthorID (РИНЦ): 959848
 ORCID: 0009-0008-3265-2456
 Адрес для переписки: nikza91@yandex.ru

Для цитирования

Заяц Н. А. Эволюция настроений ижевско-воткинских рабочих в октябре 1917–декабре 1918 гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 25–33. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-25-33.

Статья поступила в редакцию 08.09.2023 г.

© Н. А. Заяц

THE EVOLUTION OF THE MOOD OF THE IZHEVSK-VOTKINSK WORKERS IN OCTOBER 1917–DECEMBER 1918

The article examines the problem of determining the views of Izhevsk-Votkinsk workers in 1917–1918, which led them to participate in the anti-Soviet uprising of 1918. The purpose of the study is to revise previous ideas about this subject and obtain reliable scientific knowledge about the moods and interests of the population of Izhevsk and Votkinsk in 1918. Based on the developments of historiography, as well as archival sources introduced into scientific circulation, it is established that the mood of the workers at these factories is determined by material and personal interests, characterized by patriarchy and weak politicization, the popularity of the moderate slogans of the Constituent Assembly and non-participation in the war. In conclusion, it is emphasized that the weak formalization of the workers' sentiments and the apoliticism of most of them allowed first the Bolsheviks, and then their opponents, to establish themselves in power, but the indifference of the majority of workers in both cases weakened the position of the authorities.

Keywords: Izhevsk-Votkinsk uprising, anti-Bolshevik movement, working class, insurrectionary movement, Civil War, «democratic counter-revolution».

References

1. Dmitriyev P. N., Kulikov K. I. Myatezh v Izhevsko-Votkinskom rayone. [Mutiny in Izhevsk-Votkin district]. Izhevsk, 1992. 392 p. ISBN 5-7659-0388-6. (In Russ.).
2. Grazhdanskaya voyna v Udmurtii, 1918–1919 gg. [Civil War in Udmurtia, 1918–1919]. Izhevsk, 1988. 175 p. (In Russ.).
3. Efimov A. G. Izhevtsy i Votkinsy. Bor'ba s bol'shevikami [Izhevtsy and votkinsy. The struggle against the Bolsheviks 1918–1920]. Moscow, 2008. 415 p. ISBN 978-5-8112-3360-1. (In Russ.).
4. Gutman-Gan A. Dva vosstaniya [Two uprisings] // Beloye Delo. Letopis' Beloy Bor'by. *The White Cause. Chronicle of the White Struggle*. Berlin, 1927. Vol. 3. P. 148–160. (In Russ.).
5. Churakov D. O. Revolyutsiya, gosudarstvo, rabochiy protest: formy, dinamika i priroda massovykh vystupleniy rabochikh v Sovetskoy Rossii: 1917–1918 gody [Revolution, State, Workers' Protest: Forms, Dynamics and Nature of Mass Protests of Workers in Soviet Russia: 1917–1918]. Moscow, 2004. 367 p. (In Russ.).
6. Kulikov K. I. Istoriya Udmurtii. XX vek [History of Udmurtia. XX century]. Izhevsk, 2005. 544 p. ISBN 5-7691-1649-8. (In Russ.).
7. Sapozhnikov N. Izhevsko-Votkinskoye vosstaniye [Izhevsk-Votkinsk uprising] // Proletarskaya Revolyutsiya. *Proletarian Revolution*. Moscow, 1924. No. 8–9. P. 5–41. (In Russ.).
8. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH)]. File: 71/1/478. (In Russ.).
9. Bekhterev S. L., Bekhtereva L. N. Povstancheskoye dvizheniye na vostokey Rossii na nachal'nom etape Grazhdanskoy voyny: prichiny i predposylki [Insurrectionary Movement in Eastern Russia at the Initial Phase of the Civil War: Reasons and Preconditions] // Vestnik Nizhnevartovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. 2018. No. 4. P. 3–9. (In Russ.).
10. Udmurtiya v period inostrannoy voyennoy interventsii i Grazhdanskoy voyny: sb. Statey. V 2 t. [Udmurtia in the period of foreign military intervention and Civil War. Collection of documents: collection of articles: collection of documents. In 2 vols.]. Izhevsk, 1960. Vol. 1. 321 p. (In Russ.).
11. Tsent dokumetatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti (TsDOSOO) [Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (CDPOS)]. File: 41/2/168. (In Russ.).
12. RGASPI [RSASPH]. File: 71/34/183. (In Russ.).
13. Kuchkin A. P. K istorii Izhevskogo vosstaniya [To the history of the Izhevsk uprising] // Proletarskaya Revolyutsiya. *Proletarian Revolution*. 1929. No. 6. P. 153–162. (In Russ.).
14. Dmitriyev P. N. Organizatsii byvshikh voyennosluzhashchikh nakanune Izhevsko-Votkinskogo vosstaniya [Organizations of former military personnel on the eve of the Izhevsk-Votkinsk uprising] // Idnakar: Metody Istoriko-Kul'turnoy Rekonstruktsii. *Idnakar: Methods of Historical and Cultural Reconstruction*. 2014. No. 1. P. 5–28. EDN: RWXHTB. (In Russ.).
15. Zayats N. «Soyuzy frontovikov» v 1917–1918 gg. i ikh rol' v revolyutsii i Grazhdanskoy voyne [«Unions of front-line soldiers» in 1917–1918. and their role in the revolution and civil war] // Ot «Germanskoy» k Grazhdanskoy: Stanovleniye Korpusa Narodnykh Vozhakov Russkoy Smuty. *From «German» to Civil: the Formation of the Corps of People's Leaders of the Russian Troubles*. Moscow, 2014. P. 509–547. (In Russ.).
16. TsDOOSO [CDPOS]. File: 41/2/385. (In Russ.).
17. TsDOOSO [CDPOS]. File: 41/2/216. (In Russ.).
18. Posazhennikov A. V. Izhevsk nakanune vosstaniya [Izhevsk on the eve of the uprising] // Idnakar: Metody Istoriko-Kul'turnoy Rekonstruktsii. *Idnakar: Methods of Historical and Cultural Reconstruction*. 2014. No. 3 (20). P. 5–21. EDN: QFIQGI. (In Russ.).
19. Maratkanov V. A. Izhevskaya oruzheynaya shkola (1870–1918 gg.) [Izhevsk armory school (1870–1918)]. Izhevsk, 2016. 121 p. ISBN 978-5-9631-0501-6. (In Russ.).
20. Izhevskiy zashchitnik (Izhevsk). *Izhevsk Defender (Izhevsk)*. 1918. August 23. No. 1. (In Russ.).

21. Kobzev I. Pod krasnym znamenem protiv krasnykh [Under the red banner against the reds] // Ural'skiy Sledopyt. *Ural Pathfinder*. 1991. No. 6. P. 18–24. (In Russ.).
 22. Tsvetkova V. Zh. Izhevsko-Votkinskoye vosstaniye. 1918 g [Izhevsk-Votkinsk uprising. 1918]. Moscow, 2000. 116 p. (In Russ.).
 23. RGASPI [RSASPH]. File: 71/33/477. (In Russ.).
 24. Luppov P. O sobyitiyakh 1918 g. [About events of 1918] // Idnakar: Metody Istoriko-Kul'turnoy Rekonstruktsii. *Idnakar: Methods of Historical and Cultural Reconstruction*. 2018. No. 1 (36). P. 193–215. EDN: XZCLGP. (In Russ.).
 25. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenny arkhiv (RGVA) [Russian State Military Archive (RSMA)]. File: 39617/1/178. (In Russ.).
 26. Ivanov V. N. Iskhod. Povestvovaniye o vremeni i o sebe [Exodus. A story about time and yourself] // Dal'niy Vostok. *Far East*. 1994. No. 12. P. 3–75. (In Russ.).
 27. Korobeynikov K. A., Larionova O. Yu. Votkinsk v ogne grazhdanskoy voyny [Votkinsk in the fire of Civil War]. Izhevsk, 2018. 714 p. ISBN 978-5-4344-0575-1. (In Russ.).
 28. RGASPI [RSASPH]. File: 71/34/376. (In Russ.).
 29. TsDOOSO [CDPOS]. File: 41/2/456. (In Russ.).
 30. RGASPI [RSASPH]. File: 71/34/346. (In Russ.).
 31. RGASPI [RSASPH]. File: 71/35/128. (In Russ.).
 32. Bor'ba (Izhevsk). *Struggle (Izhevsk)*. 1918. November 15. No. 36. (In Russ.).
 33. RGVA [RSMA]. File: 169/2/1c. (In Russ.).
- ZAYATS Nikolai Alekseevich**, Candidate of Historical Sciences, Teacher of History, Secondary General Education School No. 1430, Moscow.
 SPIN-code: 8404-6016
 AuthorID (RSCI): 959848
 ORCID: 0009-0008-3265-2456
 Correspondence address: nikza91@yandex.ru

For citations

Zayats N. A. The evolution of the mood of the Izhevsk-Votkinsk workers in October 1917–December 1918 // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 25–33. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-25-33.

Received September 8, 2023.

© N. A. Zayats

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЕ ЗЕМСКИЕ ФИНАНСЫ: ОПЫТ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

В исследовании проанализирована работа Пермского земства по решению традиционных для местного самоуправления финансово-экономических и хозяйственных вопросов в период нахождения Пермской губернии под властью «омского правительства». В статье показано, как в прифронтовой полосе Гражданской войны хозяйственные вопросы приобретали особую значимость. Анализируются мероприятия земства в сфере сбора налогов, формирования бюджета и других экономических вопросов. На основе неопубликованных источников сделаны выводы о месте финансовой деятельности Пермского земства при установлении в губернии антибольшевистской власти.

Ключевые слова: местное самоуправление, Пермское земство, финансы, налоги, А. В. Колчак, Пермская губерния, Гражданская война в России.

Постановка проблемы. Система местного самоуправления стала одним из ключевых элементов российской модернизации начала XX века. Эта же роль земства и городского самоуправления проявилась, в том числе, и в условиях Гражданской войны. Этот переломный момент в истории страны не мог не отразиться и на органах самоуправления, которые заняли позицию поддержки новой власти, пришедшей на смену монархии. Временное правительство в условиях революции 1917 г. делало на них свою ставку на местах, но пришедшие к власти большевики стали упразднить систему земского самоуправления. Антибольшевистские силы, в свою очередь, поддерживали земства и городские думы, в том числе как альтернативу Советам. «Омское правительство», устанавливая свою власть на новых территориях в период 1918–1919 гг., одним из первых своих решений восстанавливало функционирование системы местного самоуправления. При этом свой отпечаток не мог не наложить прифронтовой статус Пермской губернии, в результате чего политическая власть на местах осуществлялась военной администрацией. Земство, которое получило новые для себя политические функции в ходе революции 1917 г., после восстановления в конце 1918–начале 1919 г. должно было сосредоточиться только на традиционных для дореволюционного местного самоуправления финансовых, хозяйственных и социальных проблемах губернии. Это в том числе развитие системы образования, здравоохранения, агрономия и ветеринария и т.д. Однако, чтобы приступить к решению этих проблем, земское и городское самоуправление должны были преодолеть финансовые трудности.

В современной российской историографии все больше внимания уделяется внутренней политике большевистских и антибольшевистских сил в условиях Гражданской войны в России. Такое вни-

мание не обошло стороной и территории, подконтрольные белогвардейской администрации в Омске. Об этом свидетельствует повышенный интерес общественности, который отмечается в рамках продолжающихся академических дискуссий. На этих площадках публичной истории внимание уделяется не только собственно личности адмирала Колчака, но и ряду аспектов антибольшевистской государственно-политической деятельности, реализации аспектов региональной политики и т.п. [1–4].

Непосредственно феномену местного самоуправления в условиях Гражданской войны уделено не самое значительное место в историографии [5–7]. Эти исследования фокусируются только на опыте Сибири, не рассматривая прифронтовую зону, куда попадает и Пермская губерния. В то же время в Сибири, в отличие от Урала, не сложилось к тому времени устойчивой традиции земского самоуправления. Земства здесь стали создавать уже после революции 1917 г., а значит, они не могли похвастаться накопленным опытом работы. А вот Пермское земство свою деятельность начало еще в 1870 г., и здесь был накоплен значительный опыт. К рассматриваемому периоду пермское самоуправление имело устойчивые позиции в обществе. Такое положение отражалось и на отношениях с центральной властью, а значит, особенно интересно проанализировать опыт взаимоотношения в разных плоскостях гласных пермского земства и «омского правительства».

Среди прочих отдельного внимания в контексте данного исследования заслуживают исследования В. М. Рынкова, в основу которых легли вопросы, связанные с финансовой деятельностью всех антибольшевистских сил Сибири и Урала [8]. В своих работах он затрагивает, в том числе, и финансовые проблемы земства, однако органы местного самоуправления затронуты лишь косвенно, в контексте

общей ситуации. В этом же контексте финансовую работу земств затрагивают историки, обращающиеся к теме регулирования локального денежного обращения в военно-революционный период [9–10].

Отдельные проблемы, связанные с деятельностью земства в изучаемый период в тех или иных сферах, отражены в достаточно большом массиве статей [11–14]. Указанные работы и другие подобные исследования посвящены локальным нюансам земского самоуправления разных регионов России — от Юга до Сибири. Но даже при наличии такого широкого пула исследований достаточного внимания опыту Пермской губернии не было уделено. Указанные причины, дополняемые внушительным корпусом доступных сегодня источников, значительно повышают актуальность проведения исследований по данной теме.

Целью данного исследования стало изучение финансовой деятельности Пермского земства и городских дум в ходе восстановления их работы «омским правительством». Исходя из поставленной цели, можно определить основные задачи как необходимость изучить трудности, с которыми столкнулась система местного самоуправления в процессе восстановления работы; изучить финансовое состояние земства и городских дум в сложившихся на тот период обстоятельствах; оценить сложившийся опыт взаимодействия в финансовой сфере центральной власти и местной военной администрации, с одной стороны, и органов самоуправления — с другой.

Основным методологическим подходом в рамках общего изучения земства в период революции 1917 г. и Гражданской войны может служить теория модернизации. Именно она дает возможность разносторонне изучить деятельность земства и городских дум в точке бифуркации. Земства и городские думы предстают при этом как части общей системы, оказавшейся в кризисе. В рамках широкого применения модернизационного подхода к революции и Гражданской войне в целом непосредственно в статье были применены проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы. Эти методы позволили объективно проанализировать финансовую деятельность земства и городских дум в изучаемый период, определить их специфику на общероссийском уровне, а также проанализировать причины их последующей ликвидации большевиками. Для наглядного представления изучаемых проблем использовались статистические данные.

Комплексный анализ финансовой деятельности органов местного самоуправления в период восстановления их деятельности «омской властью» в 1918–1919 гг. выражает научную новизну данного исследования. На основе архивных источников, периодической печати и статистических данных сделаны общие выводы о финансовом положении пермского земства в изучаемый период. Наиболее информативным источником из числа неопубликованных стали стенограммы и журналы очередных и чрезвычайных заседаний земских и городских гласных в изучаемый период. Не менее важным источником стали делопроизводственные документы — переписка земских и городских управ с «омским правительством», губернским и уездными комиссарами, телеграммы и распоряжения МВД. Основной массив привлеченных источников находится в Государственном архиве Пермского края.

Основная часть. Одним из итогов установления власти большевиков осенью 1917 г. стало сворачи-

вание деятельности органов местного самоуправления в Пермской губернии. К весне 1918 г. были ликвидированы последние уездные земства в Осе и Красноуфимске. Однако уже летом 1918 г. ситуация начинается меняться, после того как зауральские уезды Пермской губернии подпадают под контроль Временного Сибирского правительства. Новая власть сразу стала восстанавливать старую систему самоуправления, но уже под контролем военной администрации. Одним из ключевых при этом становится вопрос финансирования и формирования бюджета на новых территориях. Министерство финансов Временного Сибирского правительства решило этот вопрос очень просто, разделив смету на 1918 г. на две части по полугодиям: первое считалось при большевиках, а второе — уже при новой власти [15, л. 1]. Циркуляр министерства сначала был подготовлен для расчета бюджетов казенных палат, однако такой же подход был реализован и органами местного самоуправления в освобожденных зауральских уездах Пермской губернии.

Такая чехарда власти, когда одни органы заменяли другие, а каждая новая администрация устанавливала свои порядки, не могла не отразиться самым негативным образом на городском и земском хозяйстве. Первой же проблемой для гласных вновь созданных земств стали финансовые проблемы. Так, в самом крупном зауральском городе Пермской губернии Екатеринбурге смета на второе полугодие 1918 г. (согласно Цирюляру Министерства финансов) отражала дефицит в размере 2 млн руб., а к началу 1919 г. эта сумма удвоилась [16, л. 73]. Даже столь социально важные в тех условиях статьи расходов, как борьба с тифом и заготовка дров, попали под секвестр, на них не нашлось средств в городском бюджете.

В первом же номере воссозданной вместе с земством газеты «Пермская земская неделя» публикуется статья «Финансовое положение земства» [17, с. 10]. Уже во вступлении указано, что за годы Первой мировой войны и борьбы с большевиками некогда богатое Пермское земство достигло такого состояния, что не просто не может выполнять свои задачи, но даже не обеспечивает неотложных потребностей населения. Объяснялось это в том числе «громадным недобором земских сборов с плательщиков». Такая ситуация в губернии была связана с тем, что большевики планомерно уничтожали отлаженный налоговый аппарат земства, а доходы для своих нужд извлекали просто — путем контрибуций или грабежей, а также печатным станком.

В результате для решения финансовых проблем требовалось обеспечить устойчивое повышение налоговых поступлений, прежде всего с основного источника дохода самоуправления — с недвижимости. Однако в условиях Гражданской войны, когда уральские города неоднократно брались штурмом противоборствующими сторонами, необходимо было фактически заново провести учет недвижимости, которая подпадала под налогообложение. В Екатеринбурге городским самоуправлением для этой цели были выделены средства в размере 15 000 руб. [18, л. 34]. Согласно смете, за два месяца эту работу должны были провести десять оценщиков, которым предстояло обследовать более 900 владений. Смета была утверждена городским самоуправлением.

Однако даже весной 1919 г. сохранялись финансовые сложности — Екатеринбургской городской думе был представлен доклад председателя

городского попечительства о бедных, в котором он говорил о бедственном финансовом положении вверенного ему учреждения [18, л. 51]. В связи со стремительным ростом цен были трудности с заготовкой продовольствия. Ситуацию осложняли большие долги попечительства, часть которых требовала немедленной оплаты. В результате взаимодействия с городским самоуправлением было достигнуто соглашение о помощи с выплатами долгов за счет средств думы и привлечения кредитов под залог имущества Попечительства. Этого было явно недостаточно, в первую очередь надо было взыскать недоимки по налоговым сборам, и Управляющий губернией даже привлек к этому милицию. Земские и городские управы должны были подавать сведения о недоимках в органы правопорядка, а те уже проводили мероприятия по сбору долгов, особое внимание уделяя недобору по прошлым годам [19, л. 21]. Это, конечно, позволило частично решить вопрос с недоимками, но сильно отразилось на отношении населения к органам самоуправления.

Финансовые проблемы наблюдались повсеместно и затрагивали не только крупные города губернии, но и уезды. Хорошим примером может служить очередное собрание земства в Верхотурском уезде, на котором вопросы по финансовым недоимкам и общему дефициту бюджета были вынесены как основные на текущий момент. Акцент делался на том, что все финансовые трудности были вызваны недолгим, но разрушительным для земского самоуправления периодом власти большевиков. Вся повестка этого собрания включала в себя доклады по тем или иным финансовым вопросам, в том числе доклад ревизионной комиссии [20, л. 3]. Основной задачей стало формирование адекватной картины финансового состояния земства, чтобы на основе этого начать восстанавливать работу. В частности, в одном из докладов речь шла о нарушенной работе кассы мелкого земского кредита. На собрании гласные приняли решение о реорганизации кассы. Вместо нее создавались муниципальные банки для кредитов сельского хозяйства [20, л. 23].

Ко всем сложностям добавлялась необходимость погашения расходов земства, не погашенных еще до упразднения их большевиками в 1918 г. Речь шла о значительных для уездного земства суммах. Причем часто это были траты на важные для власти статьи, но не входившие ранее в прямую обязанность земства, например, на содержание милиции [21, л. 1]. Во время революции было принято решение о возможности ходатайства перед Правительством о возмещении затрат. Но в 1919 г. ходатайства в Омске оставались без положительного ответа, что дополнительно ложилось на итак истощенное земство.

Стоит отметить, что одной из главных проблем для региона в целом стало большое разнообразие ходивших в этот период денежных ассигнаций. С этим столкнулись и органы местного самоуправления. Как указывает В. М. Рынков, на Урале это явление приобрело особенно угрожающий характер. Отдельные предприятия, заводы, органы местной власти выступали в качестве эмитентов денежной массы [8, с. 190]. Все это вносило дополнительную сумятицу и без того сложноустроенные финансовые дела пермского земства.

Решением этой проблемы становилось, в первую очередь, адаптация налоговой системы в соответствии с моментом. На заседании городской

думы Екатеринбурга 18 февраля 1919 г. был утвержден новый налоговый сбор за производство осмотров возводимых построек, перестроек и ремонта зданий [18, л. 37–37 об.]. Был установлен сбор с владельцев возводимых зданий в размере 5 руб. за каждую куб. сажень с каменных зданий, 4 руб. со смешанных, 3 руб. с деревянных. Для ремонтирующихся зданий сумма сбора была установлена исходя из затрат на ремонт: по 5 руб. с каждой 1000 руб., считая каждую неполную тысячу полной. В условиях состояния Екатеринбурга после революции, пьяных погромов, Гражданской войны недостатка в ремонтируемых и строящихся зданиях в городе быть не могло. На это и был расчет, с другой стороны, вместо восстановления это могло способствовать замедлению восстановления города. Тем не менее в условиях финансового кризиса и острой нехватки наличных средств. Такой налог мог стать выходом для городского самоуправления.

26 марта 1919 г. Пермская городская дума издала постановление, подтвержденное приказом Пепеляева об учёте всего сдаваемого в городе жилья [22, л. 85]. Теперь все арендные отношения должны были фиксироваться в специально открытом Регистрационном бюро. Это, с одной стороны, позволяло упорядочить жилищные отношения, а значит, и повысить собираемость жилищных сборов, а с другой — давало возможность военной администрации отслеживать всех, кто снимал жилье в городе, тем самым проводя контрразведывательную работу. Однако Регистрационное бюро при городской думе не справлялось с поставленной задачей, в результате его функции приказом от 26 апреля были переданы Особому военно-распределительному бюро при управлении коменданта города Перми [22, л. 110]. Городское самоуправление было отодвинуто от решения столь важного вопроса. Бюро теперь решало жилищные вопросы и на территории Мотовилихи. Приоритетом для его деятельности было определение жилья для военных нужд.

Однако как бы гласные не надеялись на налоговые сборы, этого явно не хватало. Поэтому земство использовало все возможные инструменты, чтобы добиться поддержки от центральной власти. Наиболее благоприятным моментом для этого стал приезд А. В. Колчака в Пермь в феврале 1919 г. Во время запланированных встреч гласные напрямую обратились к Верховному правителю, обозначив необходимые нужды земства, исходя из утвержденного бюджета в 30 млн руб. для губернского земства и порядка 200 млн руб. для уездных земств. Часть бюджета можно было реализовать за счет налоговых поступлений, но для решения оперативных задач их не хватало. А. В. Колчак подтвердил решение правительства выделить 12 млн руб. пермскому земству на эти нужды [23, с. 4].

В изменившихся условиях необходимо было пересматривать многие решения, принятые еще до революции и не соответствовавшие военному времени. Для городского самоуправления это было насущной проблемой, так как от этого напрямую зависела атмосфера, царившая в городах, в том числе поддержка существующего строя и самих гласных. Так, например, екатеринбургская городская управа поставила вопрос перед думой о новом регламенте лёгкого извозчицкого промысла [18, л. 36]. Действовавшее на тот момент постановление было принято ещё в 1915 г. и не было актуальным. Легкий транс-

порт в большом промышленном городе имел большое значение, поэтому регламентация этой отрасли была одной из приоритетных для думы. Сами поправки не несли ничего принципиально нового, изменялись лишь таксы провоза. Однако важным изменением стало 6-е примечание к принятым таксам, согласно которому плата извозчикам при катании начислялась не по таксе, а по личному соглашению. Это предложение было внесено по инициативе профессионального союза извозчиков. Так дума пыталась идти навстречу потенциальным избирателям. При этом установленная такса могла устроить как извозчиков, так и их клиентов.

При установлении новой власти милиция перешла из ведения местного самоуправления к МВД. Однако ввиду сложности военного положения обеспечивать ее работу все равно вынуждено было земство. Так, в первый же месяц пермское уездное земство выделило милиции лошадей, обеспечило их сеном и овсом, отопливаемыми помещениями и т.д. Для уездного земства это оказалось непомерной нагрузкой — только за январь сумма составила 17 486 руб. 37 коп. Эту сумму земство вынуждено было просить у начальника пермской уездной милиции «вследствие полного истощения земской кассы» [24, л. 2—2 об.].

К весне 1919 г. многие трудности в деятельности пермских органов местного самоуправления уже были преодолены, возобновлена традиционная работа земства в области образования, медицины, агрономии и т.д. На страницах «Пермской земской недели» появляются оптимистичные заметки о реализации мероприятий по основным направлениям работы. Но в условиях военного времени полностью решить проблемы было невозможно. Поэтому в тех же публикациях отмечается, что финансовый кризис земства в целом сохраняется. Это же подтверждается журналами заседаний земства, в которых первоочередными вопросами остаются финансовые [25, с. 12]. На всех уровнях земства общим рефреном звучат просьбы о дополнительных средствах, о невозможности реализовать те или иные необходимые мероприятия без дополнительного финансирования и т.д. Но такие запросы земства вынуждены были просто принимать к сведению без возможности их удовлетворить [21, л. 27].

В апреле 1919 г. Главный начальник Уральского края С. С. Постников рассылает циркуляр в адрес Пермской губернской и уездных земских управ, в котором содержалось требование немедленно организовать сбор денежных средств по окладным листам на 1919 г. При этом сумма должна была составлять половину от сборов 1917 г. [26, л. 3]. Объяснялось это необходимостью в «смягчении крайней нужды земства в денежных средствах». При этом все вопросы по формированию земских окладных сборов, даже на уровне волостных земств, выводились в сферу контроля управляющими губернией или уездами соответственно [27, л. 13].

Исполняющий обязанности управляющего губернией М. В. Кукаретин по наряду Пермского губернского по земским и городским делам присутствия выразил протест на постановление городской думы от 30 апреля 1919 г. № 18 о взимании квартирного сбора и установлении добавочного к правительственному подоходному налогу городского сбора за 1918 г. и на будущее время [28, л. 2—3 об.]. Он указывал, что был нарушен порядок утверждения сметы — она должна была быть рассмотрена не позднее 1 декабря предшествующего сметному

года. Пермь же была освобождена от большевиков только 24 декабря. Но к моменту принятия дополнительного сбора городское самоуправление функционировало уже 4 месяца, а формальные процедуры так и не были соблюдены. Кроме того, принятое в 1919 г. решение нельзя было распространять на 1918 г. В итоге постановление не вступило в силу, а сама ситуация свидетельствует о гораздо более жестком контроле со стороны администрации, чем это было в 1917 г. На практике это означало существенное сокращение возможностей земства в решении финансовых вопросов, а это, в свою очередь, отражалось на всей деятельности органов местного самоуправления.

В Кунгуре в мае 1919 г. был установлен даже прожиточный минимум, установивший твердые цены на основные продукты [21, л. 54]. Например, мясо было оценено в 10 руб. за 15 фунтов (исходя из потребности 1/2 фунта в день), что составляло 150 руб. в месяц. Керосин — 35 руб. в месяц (1/4 фунта в день), комната — 100 руб. в месяц. Всего за месяц на двоих взрослых выходило 1458 руб., что значительно превышало зарплаты многих служащих.

Земские управы регулярно объявляли сборы в пользу армии. В ходе подготовки к весеннему наступлению, когда перевес еще был на стороне Сибирской армии, удавалось собрать достаточно крупные суммы. Для повышения сборов военная администрация публиковала соответствующие отчеты, приказы с благодарностями, объявления. Например, к началу февраля 1919 г. Екатеринбургская уездная земская управа смогла собрать через волостные органы сумму в размере девяноста двух тысяч пятисот сорока руб. 85 коп. Наибольший вклад поступил от Кыштымской волостной земской управы — 45 609 руб. 72 коп. [22, л. 40].

Наряду с прочими расходами, на органы местного самоуправления накладывались и дополнительные обязательства по социальным обязательствам. В частности, земства занимались содержанием богаделен, и для продолжения их работы также необходимо было собрать сведения о состоянии после большевиков [29, л. 3—6]. В Чердынском уезде уже к февралю 1919 г. удалось составить сметы на содержание богаделен, список нуждающихся в помощи граждан, наладить текущую работу по приему и рассмотрению заявок на помещение в богадельни уезда [29, л. 7—9 об.]. Попадали в богадельни по разным причинам, в основном бытового характера. Например, З. С. Митюков писал о несчастном случае во время охоты на медведя, нападавшего на домашний скот: во время «свалки с медведем ранен ружейным выстрелом в правую ногу» [30, л. 4]. Восстановиться после ранения было невозможно, а значит, самостоятельно обеспечить себя уже не получалось. В одной только Чердынской управе за 1919 г. были десятки подобных заявлений, и это с учетом того, что боевые действия в то время еще не затронули уезд. Это вынуждало земство обращать особое внимание на работу с нуждающимися. Не все из них нуждались в размещении в богадельне либо такой возможности просто не было; в таких случаях земские управы назначали пособия [30, л. 38]. На дополнительные пособия рассчитывали и те, кто формально не находился в ведении земства. Например, 15 января к председателю Чердынской уездной земской управы обратилась настоятельница Чердынского Иоанно-Богословского женского монастыря с ходатайством о выдаче пособия на содержания 47 детей, находящихся на при-

зрении при монастыре [31, л. 4]. Все это накладывало дополнительные финансовые обязательства на органы местного самоуправления, создавая нагрузку на общий бюджет, и так сводимый с большим трудом в этих условиях.

Все это в совокупности вело к тому, что земские органы на всех уровнях пытались самостоятельно решить финансовые проблемы и изыскать дополнительные источники дохода. Не всегда такие решения находили поддержку центральных органов власти. Кроме того, они могли краткосрочно решать проблему, но в итоге все равно вели к убыткам, что особенно негативно отражалось на целевых благотворительных сборах, которые проводились в пользу армии. В результате земство могло восприниматься центральной властью как источник проблем, а не инструмент для их решения.

Ярким примером тут может служить Мотовилихинская земская управа, которая самовольно установила 15 % сбор с продаж для местных электротeatров «Луч» и «Заря» [32, л. 14]. Это в итоге привело к падению посещаемости и сборов, а в перспективе и к общему росту недовольства.

Еще один пример — городское самоуправление Екатеринбурга выступило с обращением к «омскому правительству» [16, л. 72 об.]. Городской глава запросил средства за постой солдат в городе. Правительство сначала отказало в удовлетворении этого ходатайства. Но после долгих обсуждений 13 июня 1919 г. был предложен другой вариант пополнения бюджета — городскому самоуправлению утвердили ссуду в размере 1 000 000 руб. под 7 % годовых сроком по 1 января 1920 г. Уже 17 июня было отдано распоряжение о выдаче аванса через Пермскую казенную палату. Наконец, 1 июля было решено увеличить сумму до 1 500 000 руб. [16, л. 73 об.]. Однако это уже не могло спасти ситуацию, Белая армия А. В. Колчака стремительно отступала, а Пермская губерния перешла под контроль большевиков.

Результаты исследования. Трансформация политической и социальной структуры российского общества в результате Великой русской революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войной отразилась на всех уровнях существования Российского государства. Не обошли эти изменения и систему местного самоуправления. Комплексное изучение массива доступных на сегодняшний день источников выявляет общую тенденцию по сближению органов центральной власти и местного самоуправления в изучаемый период. С самого создания перед органами земского и городского самоуправления была поставлена задача формирования благоприятной среды для проживания. Сами гласные понимали это еще более широко, стремясь достигнуть всеобщего благополучия и справедливости, становясь, таким образом, проводником формирования гражданского общества. В новых условиях эти идеалы земства не теряли актуальности, но свой отпечаток накладывало нахождение Пермской губернии в прифронтовой зоне Гражданской войны. Это не могло не отразиться на взаимоотношениях центральной власти и местного самоуправления. Тем не менее гласные с большим воодушевлением встретили падение монархии и приход к власти Временного правительства, а вслед за этим и приход новой «омской власти» на смену большевикам. По мере освобождения уездов Пермской губернии местные земства и городские думы массово слали поздравительные телеграммы в Омск. В 1917 г. гласные на местах получили широкий круг полно-

мочий, в том числе и новые для себя политические функции. Того же они ждали и от новой власти. Но в условиях Гражданской войны ситуация принципиально отличалась от 1917 г. Пермская губерния находилась в зоне активных военных действий, и ведущее положение здесь сразу имела военная администрация. Земство и городские думы в результате сложившихся колоссальных финансовых проблем было поставлено в зависимое положение от центра. Кроме того, экономическая обстановка постоянно ухудшалась, и реализовывать даже традиционную для земства социальную и культурную деятельность было затруднительно.

Для решения первоочередных финансовых проблем земства городские думы пытались увеличить поступления от налоговых сборов, но это не могло полностью устранить проблему. К тому же в условиях общей неразберихи и постоянной смены власти многие жители уклонялись от выплат земских и городских сборов, а в бюджетах фиксировались большие недоимки. Земства и городские думы в результате в основном были заняты «латанием дыр» в бюджете. Стратегического планирования на долгий срок в этих условиях быть не могло. В свою очередь, зависимость от финансовых поступлений из центра и общая неразбериха вели к усилению давления и контроля со стороны местной военной администрации и правительства А. В. Колчака в Омске. Конечно, в речах гласных и многочисленных публикациях в местной прессе прослеживается определенный энтузиазм, который был связан с будущим мирным устройством России. Но в тех реалиях, в условиях отступления армии А. В. Колчака эти мечты уже не могли быть реализованы. Пришедшие к власти большевики упраздняют земства и городские думы, заменяя их Советами.

Библиографический список

1. Петин Д. И. 100-летие Гражданской войны в Сибири: научно-просветительская рефлексия в Омске (2019) // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 2. С. 131–142. DOI: 10.31806/2542-1158-2020-4-2-131-142. EDN: UZZKZY.
2. Стельмак М. М. Крутой стол «Адмирал Колчак: ученый, флотоводец, Верховный правитель»: обзор работы // Сибирский архив. 2020. № 1 (3). С. 222–235. EDN: BESYCP.
3. Петин Д. И. Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 4. С. 38–49. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-4-38-49. EDN: IMZVOF.
4. Петин Д. И., Тишкина К. А. Вспоминая трагичные дни России: конференция по истории Гражданской войны в Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 1 (33). С. 239–247. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(1).239-247. EDN: MYKQSZ.
5. Абрамов В. Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. Москва: Ника, 1996. 166 с.
6. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. Москва: РОССПЭН, 2001. 613 с. ISBN 5-8243-0280-4.
7. Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. Москва: Наука, 1990. 262 с. ISBN 5-02-008496-4.
8. Рынков В. М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918–начало 1920 гг.). Новосибирск: Изд-во Института истории СО РАН, 2006. 211 с. ISBN 5-94356-331-8.
9. Петин Д. И. Денежно-эмиссионная политика советской власти и антибольшевистских режимов в Сибири (октябрь 1917–ноябрь 1920 г.): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2011. 293 с.

10. Ходяков М. В. Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 гг. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2019. 312 с. ISBN 978-5-288-05869-1.
11. Сушко А. В. К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 148–157. DOI: 10.17223/15617793/411/20. EDN: WYOJNR.
12. Московкин В. В., Скипина И. В. Политическая ситуация на Урале после ухода армии Колчака в 1919 г. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3, № 2. С. 150–160. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-150-160. EDN: ZAXZXN.
13. Гордеев А. Г. Восстановление деятельности Алтайской губернской земской управы (июнь–июль 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 58–62. DOI: 10.17223/15617793/410/9. EDN: WVPYXT.
14. Шувалова Ю. Б. Жизненные стратегии населения Среднего Урала на заключительном этапе Гражданской войны (вторая половина 1919–1921 гг.) // Ретроспектива. 2013. № 2. С. 8–10. EDN: VPYWRZ.
15. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р–746. Оп. 1. Д. 3.
16. ГАПК Ф. 43. Оп. 2. Д. 144.
17. Финансовое положение земства // Пермская земская неделя. 1919. №1.
18. ГАПК Ф. 43. Оп. 2. Д. 114.
19. ГАПК Ф. Р–618. Оп. 1. Д. 6.
20. ГАПК Ф. 43. Оп. 1. Д. 1703.
21. ГАПК Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 22.
22. ГАПК Ф. Р–618. Оп. 1. Д. 5.
23. Взгляд земства и правительства на вопросы момента // Пермская земская неделя. 1919. № 2.
24. ГАПК Ф. Р–618. Оп. 1. Д. 9.
25. Власть и самоуправление // Пермская земская неделя. 1919. № 14.
26. ГАПК Ф. Р–746. Оп. 1. Д. 1.
27. ГАПК Ф. Р–746. Оп. 1. Д. 20.
28. ГАПК Ф. 43. Оп. 2. Д. 115.
29. ГАПК Ф. 470. Оп. 2. Д. 36.
30. ГАПК Ф. 470. Оп. 2. Д. 29.
31. ГАПК Ф. 470. Оп. 2. Д. 15.
32. ГАПК Ф. Р–618. Оп. 1. Д. 13.

ТЕТЕРИН Вадим Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Пермского государственного аграрно-технологического университета им. академика Д. Н. Прянишникова, г. Пермь.

SPIN-код: 3547-0880

AuthorID (РИНЦ): 677585

ORCID: 0000-0001-6873-3946

Адрес для переписки: teterinvi@gmail.com

Для цитирования

Тетерин В. И. Гражданская война и антибольшевистские земские финансы: опыт Пермской губернии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 34–41. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-34-41.

Статья поступила в редакцию 05.12.2023 г.

© В. И. Тетерин

CIVIL WAR AND ANTI-BOLSHEVIK ZEMSTVO FINANCES: THE EXPERIENCE OF THE PERM PROVINCE

The article discusses the work of the Perm Zemstvo on solving financial, economic and economic issues traditional for local self-government during the period when the Perm province was under the rule of the government of A. V. Kolchak. The article shows how economic issues acquired special significance in the front line of the Civil War. The activities of the zemstvo in the field of tax collection, budget formation and other economic issues are analyzed. Based on unpublished sources, conclusions are drawn about the place of the financial activities of the Perm zemstvo during the establishment of anti-Bolshevik power in the province.

Keywords: local self-government, Perm Zemstvo, finance, taxes, A. V. Kolchak, Perm province, Civil War in Russia.

References

1. Petin D. I. 100-letiyе Grazhdanskoy voyny v Sibiri: nauchno-prosvetitel'skaya refleksiya v Omske (2019) [100th anniversary of the Civil War in Siberia: scientific and educational reflection in Omsk (2019)] // Severnyye arkhivy i ekspeditsii. *Northern Archives and Expeditions*. 2020. Vol. 4, no. 2. P. 131–142. DOI: 10.31806/2542-1158-2020-4-2-131-142. EDN: UZZKZY. (In Russ.).
2. Stelmak M. M. Kruglyy stol «Admiral Kolchak: uchenyy, flotovodets, Verkhovnyy pravitel'»: obzor raboty [Round table «Admiral Kolchak: scientist, naval commander, Supreme ruler»: review of work] // Sibirskiy arkhiv. *Sibirskiy Arkhiv*. 2020. No. 1 (3). P. 222–235. EDN: BESYCP. (In Russ.).
3. Petin D. I. Mify v lokal'noy istorii: obzor raboty kruglogostola v Omske [Myths in the local history: an overview of the round table in Omsk] // Sibirskiy antropologicheskyy zhurnal. *Siberian Journal of Anthropology*. 2020. Vol. 4, no. 4. P. 38–49. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-4-38-49. EDN: IMZVOF. (In Russ.).
4. Petin D. I., Tishkina K. A. Vspominaya tragichnyye dni Rossii: konferentsiya po istorii Grazhdanskoy voyny v Omske [Remembering the tragic days of Russia: conference about the history of the Civil War in Omsk] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». *Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»*. 2022. Vol. 9, no. 1 (33). P. 239–247. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(1).239-247. EDN: MYKQSZ. (In Russ.).
5. Abramov V. F. Rossiyskoye zemstvo: ekonomika, finansy i kul'tura [Russian zemstvo: economics, finance and culture]. Moscow, 1996. 166 p. (In Russ.).
6. Narskiy I. V. Zhizn' v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg. [Life is a disaster. Everyday life of the population of the Urals in 1917–1922]. Moscow, 2001. 613 p. ISBN 5-8243-0280-4. (In Russ.).
7. Gerasimenko G. A. Zemskoye samoupravleniye v Rossii [Zemstvo self-government in Russia]. Moscow, 1990. 262 p. ISBN 5-02-008496-4. (In Russ.).
8. Rynkov V. M. Finansovaya politika antibol'shevistskikh pravitel'stv vostoka Rossii (vtoraya polovina 1918–nachalo 1920 gg.) [Financial policy of anti-Bolshevik governments in eastern Russia (second half of 1918–early 1920)]. Novosibirsk, 2006. 211 p. ISBN 5-94356-331-8. (In Russ.).
9. Petin D. I. Denezhno-emissionnaya politika sovetskoy vlasti i antibol'shevistskikh rezhimov v Sibiri (oktyabr' 1917–noyabr' 1920 g.) [Monetary emission policy of the Soviet government and anti-Bolshevik regimes in Siberia (October 1917–November 1920)]. Barnaul, 2011. 293 p. (In Russ.).
10. Khodyakov M. V. Den'gi revolyutsii i Grazhdanskoy voyny: 1917–1920 gody [Monetary emission policy of the Soviet government and anti-Bolshevik regimes in Siberia (October 1917–November 1920)]. Saint Petersburg, 2019. 312 p. ISBN 978-5-288-05869-1. (In Russ.).
11. Sushko A. V. K voprosu o kharaktere i znachenii kolchakovskoy propagandy v Grazhdanskoy voyne [On the nature and value of the kolchak propaganda in the Civil War] // Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. *Tomsk State University Journal*. 2016. No. 411. P. 148–157. DOI: 10.17223/15617793/411/20. EDN: WYOJNR. (In Russ.).
12. Moskovkin V. V., Skipina I. V. Politicheskaya situatsiya na Urale posle ukhoda armii Kolchaka v 1919 godu [The political situation in the Urals after the departure of Kolchak's army in 1919] // Vestnik Tyumenskogo Gosudarstvennogo Universiteta. *Gumanitarnyye Issledovaniya. Humanities. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. 2017. Vol. 3, no. 2. P. 150–160. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-150-160. EDN: ZAXZXN. (In Russ.).
13. Gordeyev A. G. Vosstanovleniye deyatel'nosti Altayskoy gubernskoy zemskoy upravy (iyun'–iyul' 1918 g.) [Restoration of the Altai provincial zemstvo council activities in June–July 1918] // Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. *Tomsk State University Journal*. 2016. No. 410. P. 58–62. DOI: 10.17223/15617793/410/9. EDN: WVPYXT. (In Russ.).
14. Shuvalova Yu. B. Zhiznennyye strategii naseleniya Srednego Urala na zaklyuchitel'nom etape Grazhdanskoy voyny (vtoraya polovina 1919–1921 gody) [Life strategies of the population of the middle Urals at the final stage of the Civil War (second half of 1919–1921)] // Retrospektiva. *Retrospektiva*. 2013. No. 2. P. 8–10. EDN: VPHYWRZ. (In Russ.).
15. Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraya (GAPK) [State Archives of Perm Region (SAPR)]. File: P–746/1/3. (In Russ.).
16. GAPK [SAPR]. File: 43/2/144. (In Russ.).

17. Finansovoe polozhenie zemstva [The Financial situation of the Zemstvo] // Permskaya zemskaya nedelya. *Perm Zemstvo Week*. 1919. No. 1. (In Russ.).
18. GAPK [SAPR]. File: 43/2/114. (In Russ.).
19. GAPK [SAPR]. File: p618/1/6. (In Russ.).
20. GAPK [SAPR]. File: 43/1/1703. (In Russ.).
21. GAPK [SAPR]. File: P–746/2/22. (In Russ.).
22. GAPK [SAPR]. File: P–618/1/5. (In Russ.).
23. Vzglyad zemstva i pravitel'stva na voprosy momenta [The view of the zemstvo and the government on the issues of the moment] // Permskaya Zemskaya Nedelya. *Perm Zemstvo Week*. 1919. No. 2. (In Russ.).
24. GAPK [SAPR]. File: P–618/1/9. (In Russ.).
25. Vlast' i samoupravleniye [Power and self-government] // Permskaya Zemskaya Nedelya. *Perm Zemstvo Week*. 1919. No. 14. (In Russ.).
26. GAPK [SAPR]. File: P–746/1/1. (In Russ.).
27. GAPK [SAPR]. File: P–746/1/20. (In Russ.).
28. GAPK [SAPR]. File: 43/2/115. (In Russ.).
29. GAPK [SAPR]. File: 470/2/36. (In Russ.).
30. GAPK [SAPR]. File: 470/2/29. (In Russ.).

31. GAPK [SAPR]. File: 470/2/15. (In Russ.).
32. GAPK [SAPR]. File: P–618/1/13. (In Russ.).

TETERIN Vadim Igorevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History and Philosophy Department, Perm State Agro-Technological University, Perm.

SPIN-code: 3547-0880

AuthorID (RSCI): 677585

ORCID: 0000-0001-6873-3946

Correspondence address: teterinvi@gmail.com

For citations

Teterin V. I. Civil War and anti-Bolshevik zemstvo finances: the experience of the Perm province // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 34–41. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-34-41.

Received December 05, 2023.

© V. I. Teterin

ПОПЫТКИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ ИНОСТРАННОЙ ВАЛЮТЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТЬЮ В 1919 году

На основе анализа выявленных источников в статье рассматриваются меры антибольшевистских властей по нормативно-правовому регулированию обращения иностранной валюты на Дальнем Востоке России в 1919 г. в контексте исторических событий Гражданской войны и интервенции. Теоретической основой исследования стали такие методы исторического исследования, как историко-генетический, историко-сравнительный, а также метод контент-анализа. Описываются попытки противодействия валютному засилью денежного рынка русского Дальнего Востока, указаны причины неудач данных мероприятий белых властей.

Ключевые слова: нормативно-правовые акты, иностранная валюта, Гражданская война, интервенция, финансовая политика, денежное обращение, финансовое законодательство, Дальний Восток.

Постановка проблемы. Революционные события октября 1917 года и начавшаяся Гражданская война нанесли серьезный урон всем отраслям жизни Российской империи. Последовавшая, под предлогом оказания помощи, военная интервенция союзников антибольшевистского движения на Севере и Дальнем Востоке России, не принесла в страну порядка. Одной из основных отраслей, подвергшейся серьезному расстройству, явились финансы. Некогда устойчивая денежная система России под влиянием глубокого политического, экономического и социального кризиса оказалась в полном упадке. В этой ситуации, используя нестабильность курса русского рубля, на первый план начала выходить иностранная валюта, которая постепенно стала основным средством расчета на рынках региона, что особо коснулось периферии.

Основная часть. Операции с валютой и золотом в Российской империи до 1914 г. производились на основании требований ст. 1401 «Свода Законов Российской империи», согласно которым «запрещались сделки по покупке и продаже на срок золотой валюты, тратт и тому подобных ценностей, писанных на золотую валюту, совершаемые исключительно с целью получения разницы между курсом валюты условленным сторонами и действительным на какой либо назначенный ими срок, а также сделки по покупке и продаже золотой валюты и упомянутых ценностей, известные под названием сделок с премиями, стеллажей и сделок с правом до требования или кратных» [1, л. 8 об. 9; 2, с. 123].

Первая мировая война нанесла серьезный экономический урон России. С ее началом и в целях

сохранения золотого запаса с июля 1914 г. был приостановлен размен русских кредитных билетов на золото¹ [3, с. 31–32]. Чуть позже был введен разрешительный принцип сделок с валютой и ограничено право передачи принадлежащей российским гражданам валюты в руки иностранцев путем продажи или вывоза ее за границу² [3, с. 33].

Первая половина 1917 г. характеризовалась начавшимся стремительным падением курса рубля на иностранных биржах, которые постепенно понижали его расценки.

Это поставило перед Министерством финансов России серьезные задачи: «Принятие мер к приостановлению этого угрожающего явления и упорочение курса рубля и затем изыскание средств для производства платежей в тех местах, где до тех пор расплачивались рублями и где он в слишком крупной степени потерял силу и значение денежной единицы» [4].

Временное правительство подтвердило принятые ранее постановления и распоряжения в денежно-кредитной политике [3, с. 32]. Вскоре Министерство финансов во главе с А. И. Шингаревым попыталось принять меры для борьбы с «утечкой» капиталов [5, с. 844] и наводнением заграничных денежных рынков рублями и падением их курса. С этой целью 5 июня 1917 г. был принят Закон «О воспрещении денежных переводов за границу, а равно взносов рублей на счета находящихся за границей лиц и учреждений без особого на то разрешения Минфина, выдававшего его в исключительных случаях». Действие закона было распространено также на полосу отчуждения КВЖД,

где спекуляция с рублями достигла к тому времени крупных размеров [3, с. 32; 4].

Нормы данного закона фактически затронули в основном «средних» капиталистов. С сентября 1917 г. факты нарушения положений закона стали обычным явлением, а запрещение стало благополучно обходиться чиновниками финансовых ведомств, предлагавших содействие в денежных переводах [5, с. 844; 6, с. 339]. При этом русские финансисты были крайне недовольны принятым законом [7, с. 391], а происходящие в стране события оставили этот закон «на бумаге».

Одновременно этот период времени характеризовался значительным сокращением валютных ресурсов, результатом которого было: «невозобновление» английским правительством финансового соглашения с Россией, невозможность использовать японский денежный рынок в необходимых размерах, полное истощение имевшейся наличности американской валюты и, наконец, общей конъюнктуры международного денежного рынка, где стало затруднительным, а подчас и невозможным приобретение валюты некоторых нейтральных стран [4].

К октябрю 1917 г. финансовый кризис обрел небывалые масштабы; покупательная способность рубля упала до 6–7 коп. [8, с. 37]. Дальнейшие события лишь усугубили положение дел. 17 октября 1917 г. Кредитной канцелярией Министерства финансов был издан циркуляр, который, расширяя постановление от 5 июня, устанавливал контроль над продажей русскими банками своим клиентам наличной валюты, «ибо продажа ее, хотя бы и клиентам в России, рано или поздно влечет перевод денег за границу» [5, с. 844; 7, с. 391].

Дальний Восток России всегда находился в особом положении. На это в первую очередь влияла его отдаленность от центра. Кроме этого, интенсивное развитие экономических связей регионов с такими крупными государствами, как Китай и Япония, было предопределено его географическим соседством. Край был тесно связан с этими государствами прочными торговыми отношениями на протяжении всей своей многокилометровой границы. Он находился внутри кольца стран и районов с твердой денежной единицей и с золотым или серебряным (связанным с золотом) обращением. Твердое валютное окружение, в условиях географической и экономической оторванности от Европейской части России, создало здесь преобладающее влияние твердых денег, связанных с внешними рынками [9, с. 13; 10, с. 4].

Эти факты сыграли свою роль. Население приграничья находилось в тесном общении с китайцами, покупая у них продовольствие, мануфактуру, спирт и другие товары. В Китай же вывозились: золото, пушнина, рыба, морская капуста, панты, опий и масло. Торговля велась на иены, даяны, золото, серебряные рубли [9, с. 1]. Из Японии и через Японию в регион поступали: соль, сахар, рис, мануфактура и большинство фабрично-заводских изделий, рыболовные снасти и другие товары. В Японию вывозились: лес, рыба, бобы, льняное семя, кости. Торговля с Японией происходила исключительно на иену. Основные контакты с японцами происходили на побережье, где они оплачивали иенами рыбу, лес и труд наемных русских рабочих. Так, в регион проникала твердая иностранная валюта, на которой была основана хозяйственная система края. Рынок существовал не на основе внутреннего товарообмена, а на осно-

ве постоянных торговых связей с рынками соседних стран [9, с. 13–14].

Таким образом, хозяйственная система региона постепенно приспособилась к твердой валюте других стран. В связи с тем, что эти рынки, в свою очередь, были связаны с мировыми и были основаны на золоте, то и денежное обращение Дальнего Востока органически срослось с теми системами, которые существовали у соседей. В сложившихся обстоятельствах экономическое развитие региона было возможным только при условии создания в нем денежного обращения, основанного на твердой валюте, связанной с мировым хозяйством [9, с. 14]. А опыт истории не раз демонстрировал, что денежное обращение представляет собой своего рода индикатор общего состояния финансово-экономической отрасли в государстве [11, с. 13].

В период интервенции, пользуясь сложившейся на Дальнем Востоке России ситуацией, все «союзники» — участники интервенции единогласно уверяли о готовности оказать помощь дружественной антибольшевистской России. В общем комплексе средств оказания «помощи» немалое место отводилось мероприятиям финансового характера, направленным на «нормализацию» денежного обращения в Сибири и на Дальнем Востоке России [12].

В итоге под их прикрытием, в ходе военной и валютной интервенции, осуществлялись попытки установления иностранного контроля над русскими финансами [13, л. 228], пребывавшими тогда в полном упадке, тяготевшем к хаосу. Вслед за распадом государственно-политического пространства множились выпуски денежных знаков. Единого денежного курса уже не существовало. Присутствовало лишь некое подобие курса для каждого вида платежных средств [14, л. 3], что не могло не сказаться на состоянии денежного обращения в регионе. На первый план стала выходить иностранная валюта, выступавшая теперь своего рода средством унификации денежного рынка.

С началом интервенции на Дальнем Востоке России действовавшие ранее русские кредитные учреждения заметно сократили свои операции, а на их месте в «явочном» порядке стали возникать отделения иностранных банков. Происходящее было обусловлено тем фактом, что поток денег (в которых всегда нуждался Дальний Восток), ранее шедший из центра России, отныне замещался на поступление денег из-за рубежа. Воспользовавшись моментом, когда фактически власть во Владивостоке осуществлялась представителями иностранных держав и лишь номинально была власть Верховного уполномоченного, иностранные банки открыли здесь свои отделения [15].

С началом их деятельности в регионе наблюдалось общее недовольство их работой, которая сводилась исключительно к спекуляции с валютой. В «омский» Минфин поступали многочисленные заявления с мест от общественных и торговых организаций, главным образом Дальнего Востока, о чрезвычайном курсе иены по сравнению с курсами на международных рынках и необходимости борьбы с ее высоким курсом путем запрещения ввоза товаров (кроме продовольственных) и предметов первой необходимости [16]. Управляющему Центральным управлением Госбанка Российского правительства С. И. Рошковскому в марте 1919 г. сообщили из Хабаровска, что его предположение о спекуляции во Владивостоке с иенами является правильным [1, л. 1]. Минфин, учитывая справедлив-

вость заявлений и рациональность рекомендуемых мер, предполагал предпринять соответствующие шаги, если в ближайшее время иена не опустится до нормального курса [16]. К примеру, в середине 1919 г. в Норвегии курс иены составлял 3 руб. 50 коп. Этим фактом пользовались предприимчивые русские коммерсанты, закупавшие там иены на крупные суммы денег [17].

«Омское» Министерство финансов, наблюдая непрерывающуюся спекуляцию с иностранной валютой, вспомнило о принятом еще Минфином Временного правительства законе от 5 июня 1917 г. о запрещении частных сделок с иностранной валютой, направленном на борьбу со спекуляцией русским рублем и иностранной валютой [18]. Были узаконены «все имевшие место ранее распоряжения по указанному вопросу», при одном послаблении — предоставляющее право вывоза за границу на человека не до 500 руб., как было установлено ранее, а до 2500 руб. «кредитными билетами или иными денежными знаками»³ [3, с. 32].

В мае 1919 г. Минфин разослал циркуляр всем работающим на территории Сибири и Дальнего Востока банкам «о восстановлении силы указанного закона ...» [18]. Вскоре данный циркуляр поступил во Владивосток, где были сконцентрированы почти все отделения иностранных банков. В свете этого представитель Совета кредитных учреждений Владивостока В. Я. Исакович обратился к директору иностранного отделения Минфина А. А. Никольскому с просьбой приостановить действие циркуляра, мотивируя эту просьбу «местными исключительными условиями». Никольский согласился с предложением и подготовил соответствующее представление в Омск министру финансов И. А. Михайлову [18]. Вскоре стало ясно, что принятое «послабление», при существовавшем тогда курсе не являлось «разрешением валютно-обменной проблемы» [3, с. 32]. Не разрешил ее и новый закон колчаковского правительства от 7 июня 1919 г., запрещавший торговые сделки на иностранную валюту [3, с. 32].

Банки и частные предприниматели, получив сообщение о полном запрете всяких операций с русским рублем, были поставлены в положение невозможности обмена русских денег на иностранную валюту (в данном случае на иену). Не имея наличного запаса иен и имея в них нужду, они шли на улицу к японским и китайским менялам за иенами, которые были необходимы им для покупки товаров и осуществления различных платежей. Усиленный спрос на иену учли спекулянты, подняв ее курс до 8 руб. 35 коп. Банк перестал продавать иену и доллары. Исклучения делались только для тех, кто готов был заплатить за них по «курсу дня». Отделения японских банков предоставляли возможность желающим сделать денежный перевод в Японию на необходимое количество иен, но по курсу рубля.

Фактически торговец не получал на руки иены, но уплачивал за них по курсу дня. Банки же делали перевод в Японию, сообщая получение фирме, счета которой предъявлены. Фирма так же не получала иен, а получив уведомление, оставляла деньги на текущем счету или переводила чеком в другой банк или своему кредитору. Но не все могли обойтись банковскими переводами рублей в иены. Так, лицам, выезжающим в Японию, необходим был наличный запас иен, но, поскольку они не могли их получить в банках, то шли к уличным спекулянтам [19].

Как признавалось официально антибольшевистскими властями, деятельность всех иностранных банков сводилась по факту исключительно к спекуляциям с валютой [1, л. 1]. При этом японские представители промышленных кругов на совещании в Осаке высказывали «...резкие упреки по адресу спекулянтов, японских банкиров, ради своих корыстных целей понижающих русский рубль и этим убивающий японский вывоз». На совещании была вынесена резолюция в адрес Министерства финансов о принятии мер против «...финансовых дельцов, ведущих игру [на] понижение русского рубля» [20].

За Владивостоком, исходя из сложившихся обстоятельств, «было признано особое значение, как за рынком валюты». Особенная канцелярия по кредитной части Минфина, учрежденная постановлением Российского правительства во Владивостоке в феврале 1919 г., вместо урегулирования сделок с валютой была втянута бесчисленными уполномоченными правительства в торговые сделки и потеряла свое значение. Через несколько месяцев после ее учреждения, по распоряжению министра финансов, уполномоченным ведомствам было предложено приостановить покупку иностранной валюты. Такое же распоряжение получили представители частных фирм и кооперативов во Владивостоке. Однако, не считаясь ни с каким курсом, покупка иен и долларов продолжалась [3, с. 32].

Отмечалось, что общая неразбериха с грузами, товарами, подрядами и отпавками, охватившая Владивосток во второй половине 1919 г., самым непосредственным образом сказывалась на курсе «сибирских» денег, а также, в существе своем, таила противоречие со всеми постановлениями о запрете сделок на валюту [3, с. 33].

Тем временем во Владивостоке становилось все больше лиц, в основном китайцев и японцев, занимающихся скупкой «сибирок» на иены и на китайские даяны [21]. В начале августа 1919 г., по приказу Министерства финансов, Иностранный отдел Кредитной канцелярии во Владивостоке запретил торговлю валютой в меняльных лавках и на улице, установив обязательную отчетность банков по валютным операциям. Но по настоянию А. А. Никольского, который озвучил свое мнение на совещании по валютным вопросам у Начальника Приамурского края, из текста постановления были исключены запрещения всех валютных сделок и взятие на учет всех валютных счетов, так как это привело бы к параличу всей внешнеэкономической деятельности. В дополнение к введению Закона от 5 июня 1917 г. о контроле над валютой А. А. Никольский предлагал установить лимит приобретения валюты для частных лиц или фирм (250 руб. золотом в месяц). Вопрос превышения данного лимита должен был решаться комиссией при Иностранном отделе Особенной канцелярии по кредитной части [22, с. 128].

10 августа 1919 г. исполняющий обязанности коменданта Владивостокской крепости полковник Х. Е. Бутенко издал обязательное постановление № 23, в котором запретил производство всех операций с валютой на улицах, в магазинах, в кофейнях и во всех публичных местах, за исключением частных банков и банковских контор. Все меняльные лавки были закрыты. Также запретили публиковать в периодике объявления о покупке и продаже иностранной валюты. Был запрещен лаж на «романовские» деньги и керенки. Нарушители данного

обязательного постановления должны были подвергаться тюремному заключению на срок до 3-х месяцев или денежному штрафу на сумму до 3 000 руб., или же приданию суда в соответствии с законом от 5 июня 1917 г. [23, л. 7 об.; 24].

1 ноября 1919 г. Командующий войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края генерал-лейтенант С. Н. Розанов издал обязательное постановление № 54. Отныне запрещались в пределах края все сделки по покупке иностранной валюты на рубли на суммы более 100 иен, или соответствующую сумму в другой иностранной валюте (исчисляя по паритету) без разрешения Иностранного отделения Особенной канцелярии по кредитной части. Виновные в нарушении данного постановления должны были подвергнуться штрафу на сумму до 10 000 руб. или заключению в тюрьму на срок до трех месяцев [3, с. 33; 25].

Иностранное отделение Особенной Канцелярии по Кредитной части вскоре дало разъяснение данного постановления. Для выдачи разрешения при отделении была образована комиссия. В ее состав вошли: директор Иностранного отделения (председатель комиссии) и председатели Министерств торговли и промышленности, Государственного контроля, Комитета по внешней торговле, Владивостокского биржевого комитета, Совета съездов торговли и промышленности, кооперативных организаций. Кроме этого, могли входить другие лица, участие которых было признано полезным. При положительном решении должно было выдаваться удостоверение в том, что валюта приобретается для оплаты товаров, а также в отдельных, особо уважительных случаях. Было оговорено, что до созыва комиссии разрешения будут выдаваться Иностранным отделением Особенной канцелярии по кредитной части. Заявления, оплаченные гербовым сбором, должны были приниматься ежедневно, кроме праздников, по адресу: ул. Светланская, 35, с 10.00 до 13.00. Разрешение не требовалось при приобретении валюты на сумму менее 100 иен [26].

Но в условиях иностранной интервенции и общего падения авторитета колчаковской власти во Владивостоке это обязательное постановление осталось без внимания [3, с. 33]. Создалась монополия иностранных банков и японских частных фирм, которые имели в своих руках всю инициативу на рынках. Основную роль здесь играли японские банки, а также английский «Гонконг-Шанхайский банк». Данные финансовые учреждения отказались официально продавать иену, но постоянным клиентам (главным образом японцам) реализация валюты осуществлялась без ограничения сумм [27]. Известны случаи, когда «Чосен банк», официально заявляя об отсутствии продажи иен, осуществлял их продажу, но исключительно японцам. Мотивировалось это тем, что «русские же все сообщают» [28] о том, что банк производит продажу валюты, несмотря на ограничения.

Вскоре стало понятно, что постановление было на руку спекулянтам и банкам. Так как банки иностранные, соответственно, и работали с валютой совершенно свободно. «Пока не будут найдены средства борьбы с иностранными банками, до тех пор мероприятия окажутся неуспешными» — резюмировало издание «Русский экономист». Колчаковский Минфин в этом направлении фактически никаких мер не принимал. После падения белого Омска и в ситуации эвакуации государственных

учреждений поздней осенью 1919 г. ведомство было вынуждено решать иные многочисленные насущные вопросы. А иностранные банки, паразитируя, продолжали выкачивание из страны денег, не давая ничего взамен [29]. Вскоре стало понятно, что принимаемые меры ни к чему не приводят. Вытесняя рубль, иностранная валюта постепенно стала завоевывать местные рынки, вскоре став доминантой в местной экономике.

Результаты исследования. Таким образом, в 1919 г. за основу нормативно-правового регулирования иностранной валюты на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны и интервенции был взят закон Временного правительства от 5 июня 1917 г. Основываясь на его положениях, «омские» антибольшевистские власти выносили свои нормативные акты. Но все попытки упорядочивания обращения иностранной валюты, начавшей вытеснять русский рубль в регионе, потерпели неудачу. Главным фактором в этом стало присутствие в регионе открывшихся здесь с началом интервенции отделений иностранных банков, поддерживаемых иностранными военными отрядами, деятельность которых во многом сводилась к спекуляции с иностранной валютой в целях обогащения. В заключение подчеркнем, что всякие попытки нормализации этого болезненного для российских дальневосточных финансов вопроса могло иметь место только в условиях политических успехов колчаковского правительства. Военные неудачи Белой армии и развал фронта осенью 1919 г. оказались фатальны и для всяких устремлений к стабилизации денежного рынка.

Примечания

¹ См. Собрание Указаний и Распоряжений Правительства от 24 июля 1914 г. № 196, ст. 2063 // Погребецкий А. И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период Войны и Революции (1914–1924 гг.) Харбин: Общество изучения Маньчжурского края, 1924. С. 31–32.

² См. Собрание Указаний и Распоряжений Правительства 1914 г. ст. 2923 и 1915 г. ст. 1384 // Погребецкий А. И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период Войны и Революции (1914–1924 гг.) Харбин: Общество изучения Маньчжурского края, 1924. С. 33.

³ См. Собрание указаний и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате г. Омск I/IX 19 г. № 12, ст. 147. Постановление от 14 апреля 1919 г. // Погребецкий А. И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период Войны и Революции (1914–1924 гг.) Харбин: Общество изучения Маньчжурского края, 1924. С. 32.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–198. Оп. 8. Д. 56.
2. Свод Законов Российской империи. В 15 т. Т. 10. Ч. 1. Законы гражданские. Санкт-Петербург, 1900. 245 с.
3. Погребецкий А. И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период Войны и Революции (1914–1924 гг.). Харбин: Общество изучения Маньчжурского края, 1924. 419 с.
4. Из отчета о деятельности Иностранного отделения Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов с 27 февраля по 25 октября 1917 г. // Экономическое положение накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Март–октябрь 1917 г. Ч. 2. Документы и материалы. Москва–Ленинград: АН СССР, 1957. С. 387–389.

5. Пушкарева И. М. Финансовое положение России при Временном правительстве в 1917 г.: новый взгляд на историографию вопроса // *Via In Tempore. История. Политология*. Т. 47, № 4. 2020. С. 836–853. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-836-853. EDN: WZPXNZ.
6. Бурыйшкін П. А. Москва купеческая. Мемуары. Москва: Столица, 1990. 352 с.
7. Голицын Ю. П., Петров Ю. А. Финансовое положение. Февраль 1917—осень 1918 г. // *Российская революция 1917 г.: власть, общество, культура*. В 2 т. / отв. ред. Ю. А. Петров. Москва: РОССПЭН, 2017. Т. 1. С. 384–453.
8. История Государственного банка СССР в документах / Сост. Атлас М. С., Барковский Н. Д., Виноградов Ю. М. [и др.]. Москва: Финансы, 1971. 790 с.
9. Куртеев К. К. Денежное обращение в Приморской губернии (окончание) // *Дальневосточное хозяйство*. Чита, 1923. 14 июля. № 10. С. 13–17.
10. Куртеев К. К. Итоги денежной реформы в Приморье // *Советское Приморье*. Владивосток, 1925. Апрель. № 4. С. 3–11.
11. Петин Д. И. Проблемы правового регулирования денежного обращения на востоке России в период Первой мировой войны // *Вестник Омской юридической академии*. 2014. № 1. С. 13–16. EDN: RWMXNR.
12. Петин Д. И. Иностранные союзники сибирского антибольшевистского движения и пути решения национального валютного вопроса летом 1918 г.: взгляд сквозь призму аналитической записки // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2018. № 1. С. 264–271. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.1.264-271.
13. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–2023. Оп. 1. Д. 8.
14. ГАХК. Ф. Р–2023. Оп. 1. Д. 53.
15. Киселев А. Л. К вопросу об открытии отделений японских банков на Дальнем Востоке в период иностранной интервенции в 1918–1919 гг. // *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф.* Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 130–137.
16. Борьба с курсом иены // *Голос Приморья*. Владивосток. 1919. 31 мая. № 488.
17. Иена вне Дальнего Востока // *Голос Приморья*. Владивосток. 1919. 28 июля. № 511.
18. Закон о запрещении частных сделок с иностранной валютой // *Русский экономист*. Владивосток. 1919. 4 августа. № 17. С. 2.
19. Понижение рубля // *Эхо*. Владивосток. 1919. 2 апреля. № 27.
20. Восточный курьер. Чита. 1919. 22 августа. № 19. С. 4.
21. Скупщики денег // Приложение к газете «Амурская жизнь». Благовещенск. 1919. 7 (25) августа. № 166 (228). б/с.
22. Будницкий О. В. Золото Колчака. Москва: Новое литературное обозрение, 2022. 456 с. ISBN 9785392366101-1.
23. ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 31.
24. Борьба со спекуляцией на русских деньгах // *Наш край*. Хабаровск. 1919. 18 августа. № 4.
25. Обязательное постановление Командующего войсками Приамурского военного округа и главного начальника Приамурского края № 54 от 1 ноября 1919 года // *Голос Родины*. Владивосток. 1919. 4 ноября. № 48. С. 2.
26. От Иностранного отделения Особенной Канцелярии по Кредитной части // *Голос Родины*. Владивосток. 1919. 4 ноября. № 48. С. 1.
27. Денежный рынок (обзор за неделю) // *Русский экономист*. Владивосток. 1919. 20 октября. № 25. С. 2.
28. Денежный рынок // *Русский экономист*. Владивосток. 1919. 2 сентября. № 21. С. 3.
29. Обзор денежного рынка // *Русский экономист*. Владивосток. 1919. 10 ноября. № 26. С. 3.

КИСЕЛЕВ Андрей Леонидович, соискатель по кафедре российской и всеобщей истории Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.
 SPIN-код: 5135-6999
 AuthorID (РИНЦ): 1114599
 ORCID: 0000-0002-2845-4157
 ResearcherID: AAT-1931-2021
 Адрес для переписки: and94859610@yandex.ru

Для цитирования

Киселев А. Л. Попытки нормативно-правового регулирования обращения иностранной валюты на Дальнем Востоке России антибольшевистской властью в 1919 году // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2024. Т. 9, № 1. С. 42–48. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-42-48.

Статья поступила в редакцию 24.08.2023 г.
 © А. Л. Киселев

ATTEMPTS TO REGULATE THE CIRCULATION OF FOREIGN CURRENCY IN RUSSIAN FAR EAST ANTI-BOLSHEVIK POWER IN 1919

Based on the analysis of the identified sources, the article examines the measures taken by the anti-Bolshevik authorities to regulate the circulation of foreign currency in the Russian Far East in 1919 in the context of historical events of the Civil War and intervention. The theoretical basis of the research is such methods of historical research as historical-genetic, historical-comparative methods, as well as the method of content analysis. Attempts to counter the currency dominance of the money market of the Russian Far East are described, the reasons for the failures of these measures of the white authorities are indicated.

Keywords: regulatory legal acts, foreign currency, Civil War, intervention, financial policy, currency, financial legislation, the Far East.

References

1. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [The State Archive of the Russian Federation (SARF)]. File: R – 198/8/56. (In Russ.).
2. Svod Zakonov Rossiyskoy imperii. V 15 t. T. 10. Ch. 1. Zakony grazhdanskiye [Code of Laws of the Russian Empire. In 15 vols. Vol. 10. Part 1. Civil laws]. Saint Petersburg, 1900. 245 p. (In Russ.).
3. Pogrebetskiy A. I. Denezhnoye obrashcheniye i denezhnyye znaki Dal'nego Vostoka za period Voyny i Revolyutsii (1914–1924 gg.) [Monetary circulation and banknotes of the Far East during the War and Revolution (1914–1924)]. Harbin, 1924. 419 p. (In Russ.).
4. Iz otcheta o deyatelnosti Inostrannogo otdeleniya Osobennoy kantselyarii po kreditnoy chasti Ministerstva finansov s 27 fevralya po 25 oktyabrya 1917 g. [From the report on the activities of the Foreign Department of the Special Chancellery on the credit part of the Ministry of Finance from 27 February to 25 October 1917] // Ekonomicheskoye polozheniye nakanune Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii. Mart – oktyabr' 1917 g. Ch. 2. Dokumenty i materialy. *Economic situation on the eve of the Great October Socialist Revolution. March-October 1917. Part 2: Documents and Materials*. Moscow – Leningrad, 1957. P. 387–389. (In Russ.).
5. Pushkareva I. M. Finansovoye polozheniye Rossii pri Vremennom pravitel'stve v 1917 g.: novyy vzglyad na istoriografiyu voprosa [The financial situation of Russia under Provisional Government in 1917: historiography revisited] // Via In Tempore. Istoriya. Politologiya. *Via In Tempore. History. Political Science*. Vol. 47, no. 4. 2020. P. 836–853. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-836-853. EDN: WZPXNZ. (In Russ.).
6. Buryshkin P. A. Moskva kupecheskaya. Memuary. [Moscow merchant. Memoirs]. Moscow, 1990. 352 p. (In Russ.).
7. Golitsyn Yu. P., Petrov Yu. A. Finansovoye polozheniye. Fevral' 1917 – osen' 1918 g. [Financial situation. February 1917 – Autumn 1918] // Rossiyskaya revolyutsiya 1917 g.: vlast', obshchestvo, kul'tura. V 2 t. [The Russian Revolution of 1917: Power, Society, Culture. In 2 vols.] / Ed. Yu. A. Petrov. Moscow, 2017. Vol. 1. P. 384–453. (In Russ.).
8. Istoriya Gosudarstvennogo banka SSSR v dokumentakh [History of the State Bank of the USSR in documents] / Comp. Atlas M. S., Barkovskiy N. D., Vinogradov Yu. M. [et al.]. Moscow, 1971. 790 p. (In Russ.).
9. Kurteev K. K. Denezhnoye obrashcheniye v Primorskoj gubernii (okonchaniye) [Monetary circulation in the Primorsky province (ending)] // Dal'nevostochnoye khozyaystvo. *Far Eastern Economy*. Chita, 1923. July 14. No. 10. P. 13–17. (In Russ.).
10. Kurteev K. K. Itogi denezhnoy reformy v Primor'ye [The results of the monetary reform in Primorye] // Sovetskoye Primor'ye. *Sovetskoye Primorye*. Vladivostok, 1925. April. No. 4. P. 3–11. (In Russ.).
11. Petin D. I. Problemy pravovogo regulirovaniya denezhnogo obrashcheniya na vostokeye Rossii v period Pervoy Mirovoy Voyny [Problems of legal regulation of currency circulation in Eastern Russia during the First World War] // Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii. *Bulletin of the Omsk Law Academy*. 2014. No. 1. P. 13–16. EDN: RWMXNR. (In Russ.).
12. Petin D. I. Inostrannyye soyuzniki sibirskogo antibol'shevistskogo dvizheniya i puti resheniya natsional'nogo valyutnogo voprosa letom 1918 g.: vzglyad skvoz' prizmu analiticheskoy zapiski [Foreign Allies Siberian Anti-Bolshevik movement and solutions national monetary affairs in summer 1918: the light research note] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki. *Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»*. 2018. No. 1. P. 264–271. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.1.264-271. (In Russ.).
13. Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraja (GAKHK) [State Archive of the Khabarovsk Territory (SAKHT)]. File: R – 2023/1/8. (In Russ.).
14. GAKHK [SAKHT]. File: R – 2023/1/53. (In Russ.).
15. Kiselev A. L. K voprosu ob otkrytii otdeleniy yaponskikh bankov na Dal'nem Vostoke v period inostrannoy interventsii v 1918–1919 gg. [On the issue of opening branches of Japanese banks in the Far East in the period of foreign intervention in 1918–1919] // Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. *Russia and China: History and Prospects of Cooperation*. Blagoveshchensk, 2019. P. 130–137. (In Russ.).

16. Bor'ba s kursom iyen [Struggle with the yen exchange rate] // Golos Primor'ya. *Voice of Primorye*. Vladivostok. 1919. May 31. No. 488. (In Russ.).

17. Iyena vne Dal'nego Vostoka [Yen outside the Far East] // Golos Primor'ya. *Voice of Primorye*. Vladivostok. 1919. July 28. No. 511. (In Russ.).

18. Zakon o zapreshchenii chastnykh sdelok s inostrannoy valyutoy [The law on the prohibition of private transactions with foreign currency] // Russkiy ekonomist. *Russian Economist*. Vladivostok. 1919. 4 August. No. 17. P. 2. (In Russ.).

19. Skupshchiki deneg [Money buyers] // Prilozheniye k gazete «Amurskaya zhizn'». *Supplement to the Amurskaya Zhizn Newspaper*. 1919. August 7 (25). No. 166 (228). (In Russ.).

20. Ponizheniye rublya [The decline of the ruble] // Ekho. *Ekho*. Vladivostok. 1919. April 2. No. 27. (In Russ.).

21. Vostochnyy kur'yer. *Eastern Courier*. Chita. 1919. August 22. No. 19. P. 4. (In Russ.).

22. Budnitskiy O. V. Zoloto Kolchaka [Kolchak's Gold]. Moscow, 2022. 456 p. ISBN 9785392366101-1. (In Russ.).

23. GARF [SARF]. File: R-198/6/31. (In Russ.).

24. Bor'ba so spekulyatsiyey na russkikh den'gakh [The fight against speculation on Russian money] // Nash kray. *Our Region*. Khabarovsk. 1919. August 18. No. 4. (In Russ.).

25. Obyazatel'noye postanovleniye Komanduyushchego voyskami Priamurskogo voyennogo okruga i glavnogo nachal'nika Priamurskogo kraia № 54 ot 1 noyabrya 1919 goda [Mandatory resolution of the Commander of the Amur Military District and the chief Chief of the Amur Region No. 54 dated November 1, 1919] // Golos Rodiny. *Motherland's Voice*. Vladivostok. 1919. November 4. No. 48. P. 2. (In Russ.).

26. Ot Inostrannogo otdeleniya Osobennoy Kantselyarii po Kreditnoy chasti [From the Foreign branch of the Special

Chancellery for the Credit part] // Golos Rodiny. *Motherland's Voice*. Vladivostok. 1919. November 4. No. 48. P. 1. (In Russ.).

27. Denezhnyy rynek (obzor za nedelyu) [Money market (review for the week)] // Russkiy ekonomist. *Russian Economist*. Vladivostok. 1919. October 20. No. 25. P. 2. (In Russ.).

28. Denezhnyy rynek [Money market] // Russkiy ekonomist. *Russian Economist*. Vladivostok. 1919. September 2. No. 21. P. 3. (In Russ.).

29. Obzor denezhnogo rynka [Money market review] // Russkiy ekonomist. *Russian Economist*. Vladivostok. 1919. November 10. No. 26. P. 3. (In Russ.).

KISELEV Andrey Leonidovich, Post-graduate of Russian and General History Department, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk.

SPIN-code: 5135-6999

AuthorID (RSCI): 1114599

ORCID: 0000-0002-2845-4157

ResearcherID: AAT-1931-2021

Correspondence address: and94859610@yandex.ru

For citations

Kiselev A. L. Attempts to regulate the circulation of foreign currency in Russian Far East Anti-Bolshevik Power in 1919 // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 42–48. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-42-48.

Received August 24, 2023.

© A. L. Kiselev

ГАЗЕТА «ШАНХАЙСКАЯ ЖИЗНЬ»: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР

Статья посвящена источниковедческому исследованию газеты «Шанхайская жизнь», исторических путей ее распространения за пределами Китая и степени сохранности в настоящее время. В связи с отсутствием данной газеты в коллекциях архивов и библиотек Шанхая информация о степени ее сохранности в архивах, библиотеках и музеях других стран является актуальной как для китайских, так и для российских исследователей. В течение нескольких лет автор статьи предпринимал попытки собрать наиболее полную коллекцию номеров данной газеты и воссоздать комплексную картину по истории распространения газеты вне Китая, оценить степень сохранности номеров в различных библиотеках, архивах и музеях мира.

Ключевые слова: «Шанхайская жизнь», Коммунистическая партия Китая, Коминтерн, Шанхай, Китай, русская эмиграция.

Благодарности

Статья выполнена при поддержке проекта «Сингапура-2024» (Государственный совместный исследовательский центр революционных культурных реликвий Мемориального музея Первого съезда Коммунистической партии Китая и Шанхайского университета) по теме «上海俄文生活报整理与研究 (Упорядочивание и исследование газеты «Шанхайская жизнь»)».

Постановка проблемы. Газета «Шанхайская жизнь» — одна из крупнейших русскоязычных газет, издаваемая в Шанхае во время Гражданской войны в России. Она выходила в печать с сентября 1919 г. по октябрь 1922 г. Газета была основана бывшим меньшевиком, членом Приморской областной земской управы, главным редактором владивостокской газеты «Далекая окраина» и ярким антиколчаковцем Г. Ф. Семешко.

Газета в течение 1919–1920 гг. постепенно переходила под контроль большевистского правительства. В феврале 1920 г. Г. Ф. Семешко договорился с В. Д. Виленским-Сибиряковым о получении большевистского финансирования, а уже в сентябре того же года советский центр получил полный контроль над газетой. Г. Ф. Семешко ушел с поста главного редактора и начал работать при Народном комиссариате иностранных дел (НКВД), соответственно, главным редактором газеты был назначен прибывший в Шанхай Н. К. Новицкий, другой известный социалистический журналист Владивостока.

Газета «Шанхайская жизнь» имела определенное влияние на создание Коммунистической партии Китая (КПК), многие работники редакции имели контакты с видными коммунистическими деятелями Китая. В связи с этим китайская историография обращает на нее значительное внимание. В 2003 г. вышла статья Ли Даньян (李丹阳) и Лю Цзянь (刘建一) «Шанхайская жизнь» и ранняя большевистская деятельность в Китае» [1],

в которой авторы подробно рассмотрели роль газеты в создании ранних коммунистических организаций в Шанхае. В 2021 г., накануне 100-летия основания КПК, усилиями профессора исторического факультета Шанхайского педагогического университета Су Чжиляна (苏智良) в Шанхае было обнаружено здание, в котором находилась редакция «Шанхайской жизни». На данный момент здание находится в процессе реставрации. В настоящее время в нескольких научных центрах Шанхая обсуждается генеральный проект по исследованию газеты «Шанхайская жизнь» в контексте комплексного изучения истории КПК.

С другой стороны, для китайской историографии в целом характерна проблема источниковедческого характера — в самом Китае номера газеты недоступны. В отличие от других русскоязычных газет в Шанхае, в особенности газеты «Шанхайская заря», номера которых почти полностью сохранились в Фонде редких книг Сикавэя (徐家汇藏书楼) Шанхайской муниципальной библиотеки, номера газеты «Шанхайская жизнь» отсутствуют в доступных коллекциях городских библиотек, архивов и музеев.

Для дальнейшего детального исследования газеты «Шанхайская жизнь» необходимо подробным образом изучить степень ее сохранности в разных архивах, библиотеках и музеях мира, дать общую картину распространения данной газеты вне Китая.

Пути распространения газеты вне Китая. 29 июня 1919 г., еще до создания «Шанхайской жизни», Г. Ф. Семешко начал издавать в Шанхае собственную газету «Шанхайская хроника», которая была сразу же ликвидирована полициями Международного селтльмента и китайской власти Шанхая по просьбе генконсула России из-за антиколчаковской и антиконсульской позиции газеты. В целом, согласно материалам полиции Международного селтльмента и воспоминаний Г. Ф. Семешко, тираж единственного номера «Шанхайской хроники» составлял около 400 экз. [2; 3, с. 283]. Из них документально можно подтвердить продажу лишь

Рис. 1. Шапка газеты «Шанхайская хроника»
Источник: Шанхайская хроника. 1919. 29 июня.
Коллекция Музея русской культуры в Сан-Франциско

80 копий, остальные экземпляры, с большой вероятностью, были конфискованы полицией.

Предыдущие исследователи, в том числе Ли Данын и Лю Цзяньи, могли знакомиться с материалами «Шанхайской хроники» только через сохранившиеся в документах полиции Международного селтльмента переводы газетных статей на английском языке. Автор данной статьи после тщательного источниковедческого поиска выяснил, что даже при таком малом тираже экземпляр номера «Шанхайской хроники» все-таки сохранился до наших дней.

Всего существует два экземпляра. Первый экземпляр хранится в Музее русской культуры в Сан-Франциско (рис. 1). Точный источник поступления неизвестен, но, с большой вероятностью, это экземпляр из личной коллекции эмигранта, прибывшего в США из Шанхая. Второй экземпляр хранится в Национальной библиотеке Чешской Республики (Národní knihovna České republiky). Согласно каталогу С. П. Постникова, данный экземпляр входил в коллекцию Русского заграничного исторического архива (далее — РЗИА) [4, с. 389].

В обоих экземплярах отсутствуют особые отметки или рукописные поправки. В чешском экземпляре нет почтового штемпеля. Что касается экземпляра Музея русской культуры в Сан-Франциско, то у него на первой полосе присутствует почтовый штемпель г. Ханькоу, что подтверждает распространение газеты «Шанхайская хроника» в этом «русском» городе. Кроме того, на шапке данного экземпляра рядом с «№ 1» была от руки приписана фраза «и последний».

Газета «Шанхайская жизнь» сохранилась в разных архивах, библиотеках и музеях России и Европы.

Согласно ныне доступным материалам, всего существует четыре линии распространения газеты «Шанхайская жизнь» за пределами Китая: 1) сибирская линия; 2) дальневосточная линия; 3) московская линия; 4) европейская линия.

Распространение номеров «Шанхайской жизни» в Сибирь началось еще в 1919 г. Это самая ранняя линия распространения данной газеты за пределами Китая. 5 декабря 1919 г. тогдашний директор Бюро иностранной информации колчаковского правительства Н. В. Устрялов дал указание Л. Давыдову, заведующему Шанхайским отделением Русского телеграфного агентства (далее — РТА), выписывать для Иркутска «русскую шанхайскую газету, издаваемую Семешко» [5, л. 97]. 17 декабря того же года Л. Давыдов ответил, что он выписал номера «Шанхайской жизни» за декабрь «для Вас [Устрялова] и для Владивостока» [5, л. 108].

В целом, перед своим падением колчаковская власть на Дальнем Востоке в конце 1919 г. начала тщательно следить за данной газетой. Корреспонденция из Владивостока в редакцию в Шанхае подвергалась цензуре со стороны власти. Некоторые

письма редакции, отправленные из Владивостока в Шанхай в декабре 1919 г., доходили до Шанхая лишь в начале 1921 г. и имели на конверте штемпель «колчаковской «военной цензуры» [6].

Номера за декабрь, выписанные Л. Давыдовым для колчаковского правительства, отсутствуют в научной библиотеке Государственного архива Российской Федерации (далее — ГА РФ) и фонде Российского телеграфного агентства (РТА), находящемся в ГА РФ. В местной библиотеке Иркутска также нет этих номеров. С большой вероятностью, эти номера стали источником создания газетных вырезок для правительства Колчака. Кроме того, согласно телеграмме Л. Давыдова, он также выписал для Владивостока декабрьские номера «Шанхайской жизни». В Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (далее — РГИА ДВ) и Государственном архиве Приморского края (далее — ГА ПК) нет номеров «Шанхайской жизни» за декабрь 1919 г. В Музее истории Дальнего Востока (г. Владивосток) автор обнаружил один экземпляр № 56 «Шанхайской жизни» от 31 декабря 1919 г. Однако, согласно словам сотрудников Отдела редких книг, все эмигрантские издания, хранящиеся в музее, являются дарами от потомков эмигрантов и не имеют отношения к белогвардейским правительствам.

Что касается дальневосточной линии распространения газеты «Шанхайская жизнь», то 1 марта 1923 г. советское правительство создало Приморское губернское архивное бюро во Владивостоке, просуществовавшее с 1923 по 1925 гг. [7, с. 5]. На некоторых экземплярах газеты, хранящихся в научных библиотеках ГА РФ и ГА ПК, проставлена печать данного архивного бюро. Однако, согласно ныне доступным материалам, автор статьи не имеет возможности определить, были ли номера выписаны различными правительствами Владивостока в течение 1920–1922 гг. или вывезены советским правительством из Китая во Владивосток уже после окончания Гражданской войны в 1922 г.

В связи с тем, что в сентябре 1920 г. советский центр получил полный контроль над газетой, номера «Шанхайской жизни» также отправляли в Москву. Стоит отметить, что хотя газета представляла большевистские интересы и фактически была советским рупором после сентября 1920 г., однако полученные Москвой экземпляры все равно хранились в советское время в спецхране вместе с «контрреволюционными», «реакционными» и «белыми» изданиями. Ныне эти номера хранятся в Фонде литературы русского зарубежья в Российской государственной библиотеке (далее — РГБ). В данной партии номеров встречаются рукописные отметки и поправки, сделанные советскими цензорами и работниками того времени. Во многих номерах есть следы вырезок. Это показывает, что московский центр активно пользовался данной партией номеров.

Москва получала в то время именно свежие номера «Шанхайской жизни». Согласно отметкам в некоторых экземплярах, номера, вышедшие в середине сентября 1920 г., уже к концу октября того же года были отправлены в Москву и использованы сотрудниками московских органов (рис. 2).

Как мы отметили выше, Москва активно пользовалась номерами «Шанхайской жизни». Согласно отметкам на полосах, возможно, они были использованы ВЧК как источники разведывательной информации (рис. 3).

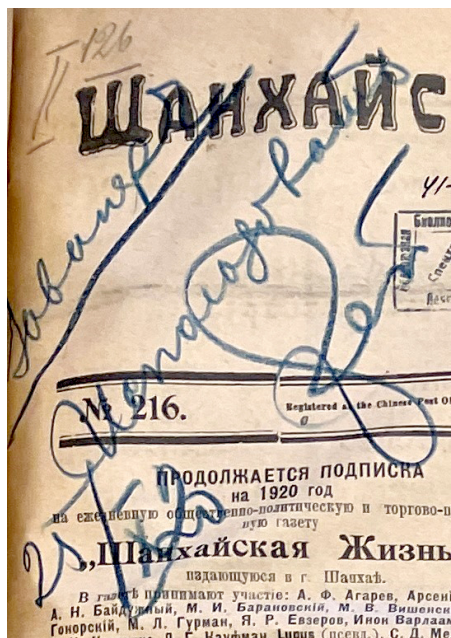

Рис. 2. Рукописные отметки в номере «Шанхайской жизни», хранящемся в РГБ
Написано: «Иосиф. Использовать. 25 октября [19]20 г. [подпись]»
Источник: Шанхайская жизнь. 1920. 15 сентября. Коллекция РГБ

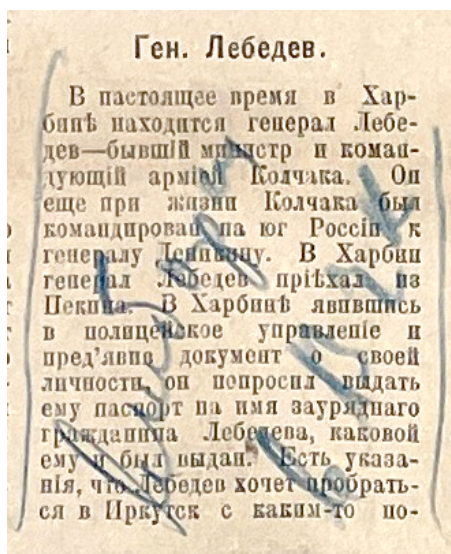

Рис. 3. Рукописные отметки в номере «Шанхайской жизни», хранящемся в РГБ
Написано: «Выборка в ВЧК»
Источник: Шанхайская жизнь. 1920. 13 октября. Коллекция РГБ

Что касается линии распространения газеты в Европу, то номера «Шанхайской жизни» поступали в РЗИА. Ныне эти номера находятся в Национальной библиотеке Чешской Республики и научной библиотеке ГА РФ. Чешская коллекция является самой полной. Согласно каталогу С. П. Постникова, РЗИА имел почти все номера «Шанхайской жизни» (кроме № 17–37, 305–360, 644–658) [4, с. 389].

В некоторых номерах после июня 1920 г. сохранились пометки и поправки. Так, например, в номере от 26 июня 1920 г. под шапкой красным карандашом написано «Воля России». На третьей и пятой полосе красным и синим карандашом выделены

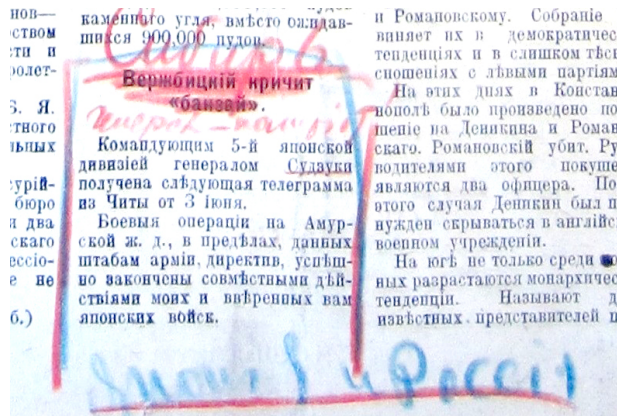

Рис. 4. Поправки в номере «Шанхайской жизни», хранящемся в Национальной библиотеке Чешской Республики
Источник: Шанхайская жизнь. 1920. 26 июня. Коллекция Национальной библиотеки Чешской Республики

Рис. 5. Поправки в номере «Шанхайской жизни», хранящемся в Национальной библиотеке Чешской Республики
Слева от поправки большими буквами написано «Вернуть [в редакцию?]Источник: Шанхайская жизнь. 1920. 5 ноября. Коллекция Национальной библиотеки Чешской Республики

некоторые репортажи. Раздел «На Дальнем Востоке» зачеркнут косым крестом. Название репортажа «Верхний кричит «банзай»» зачеркнуто, внизу красным карандашом написана ироническая фраза «генерал-патриот!» (рис. 4).

Номер от 26 июня 1920 г. с поправкой из коллекции РЗИА, скорее всего, не был редакторским: в том же номере, но из коллекции РГБ, есть раздел «На Дальнем Востоке», который был зачеркнут в номере РЗИА.

В ноябрьских и декабрьских номерах 1920 г. из коллекции РЗИА есть ряд интересных поправок, написанных, с большой вероятностью, одним человеком в связи со схожестью почерка. Рядом со всеми поправками стоят подписи «петир», значение которого, к сожалению, не ясно. Эти поправки присутствуют в номерах от 5 ноября, 2, 11, 22 и 28 декабря 1920 г. Некоторые поправки написаны прямо на полосах, а некоторые — на отдельной бумаге, приклеенной к полосам (рис. 5).

Хотя нет возможности сделать сравнительный анализ и сверить содержание номеров этих дней в связи с их отсутствием в коллекциях других библиотек и архивов, тем не менее, согласно содержанию поправок в этих номерах, с большой вероятностью, они были редакторскими экземплярами. Возможно, эти поправки принадлежали перу Н. К. Новицкого,

Таблица 1

Степень сохранности газеты «Шанхайская жизнь» по годам

Год выпуска	Общее количество выпущенных номеров	Количество доступных автору номеров
1919 г.	56	9 (16 %)
1920 г.	304	144 (47 %)
1921 г.	298	262 (88 %)
1922 г.	251	251 (100 %)
Всего	909	666 (73 %)

Таблица 2

Степень сохранности газеты «Шанхайская жизнь» по периодам развития

Период развития	Общее количество выпущенных номеров	Количество доступных автору номеров
I: сентябрь 1919 г. – февраль 1920 г.	107	12 (11 %)
II: марта 1920 г. – август 1920 г.	152	60 (39 %)
III: сентябрь 1920 г. – 1922 г.	650	594 (91 %)

главного редактора газеты, назначенного советским центром после Г. Ф. Семешко. В силу обстоятельств редакционные экземпляры большевистской газеты «Шанхайская жизнь» попали не в Москву, а в Чехию, в РЗИА. С большой вероятностью, они были получены РЗИА из рук некоего эмигранта, который выкупил эти номера после прекращения выпуска «Шанхайской жизни» в октябре 1922 г. или даже после прекращения выпуска газеты «Новая шанхайская жизнь», преемницы «Шанхайской жизни», в 1926 г.

Степень сохранности газеты. Кроме исторических путей распространения газеты «Шанхайская жизнь» за пределами Китая, не менее важны сведения о степени сохранности номеров данной газеты в настоящее время. Ниже в таблице отражена степень сохранности газеты «Шанхайская жизнь» согласно доступным автору статьи материалам (табл. 1).

История развития «Шанхайской жизни» делится на три периода: 1) период полной самостоятельности (сентябрь 1919 г. – февраль 1920 г.); 2) период советского финансирования (февраль – сентябрь 1920 г.); 3) период полного советского контроля (сентябрь 1920 г. – 1922 г.). Ниже в таблице отражена степень сохранности газеты по этим трем периодам (табл. 2).

Как видно, ранние номера газеты сохранились не полностью. Номера первого периода развития, можно сказать, почти не сохранились, номера второго периода сохранились меньше чем наполовину. Такая источниковедческая ситуация отрицательно сказывается на изучении ранней истории газеты — истории развития до сентября 1920 г., когда она еще не была выкуплена советским центром и контролировалась первым учредителем Г. Ф. Семешко.

Выводы. Изучение исторических путей распространения газеты «Шанхайская жизнь» за пределами Китая и степени ее сохранности в настоящее время позволяет исследователям создать общую источниковедческую картину газеты, являющейся одним из крупнейших плацдармов большевистской пропаганды за пределами России во время Гражданской войны. Результаты нашего исследования показывают, что в дальнейшем необходимо комплексно подходить к изучению ранней «добольшевистской» истории развития газеты в связи с крайне неудовлетворительным состоянием сохранности ранних номеров.

Благодарности

Автор статьи хотел бы искренне поблагодарить заведующего кафедрой Новейшей истории России Института истории СПбГУ М. В. Ходякова, профессора Шанхайского педагогического университета Су Чжиляна (苏智良), директора Музея русской культуры в Сан-Франциско М. К. Меняйленко, русскую исследовательницу в Праге к.и.н. М. А. Гулеву, а также в.н.с. Института российской истории РАН В. Г. Шаронову за предоставленную помощь в написании данной работы.

Библиографический список

1. 李丹阳 (Ли Даньян), 刘健一 (Лю Цзяньи). 《上海俄文生活报》与布尔什维克早期在华活动 (《Шанхайская жизнь» и ранняя большевистская деятельность в Китае) // 近代史研究 (Исследование Новой истории). 2003. № 2. С. 1–43.
2. Shanghai Municipal Police Files (SMPF). IO 2837.
3. Пашенко Л. С., Мамонтова Е. А., Петрова С. Г. [и др.]. Вениамин Вегман. Государственная, научная и общественная деятельность: сб. док. к 90-летию Сибархива. Новосибирск: ООО Альфа-Порте, 2010. 450 с. ISBN 978-5-91864-009-8.
4. Постников С. П. Политика, идеология, быт и ученые труды Русской эмиграции 1918–1945. New York: Ross, 1993. 526 с. ISBN 0-88354-355-9.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-4626. Оп. 2. Д. 43.
6. Шанхайская жизнь. 1921. 18 января.
7. Путеводитель по фондам Государственного архива Приморского края. В 2 т. 2-е изд. Владивосток: Русский остров, 2009. Т. 1. 560 с. ISBN 978-5-93577-049-3.

СУНЬ Ичжи, лаборант-исследователь Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; независимый исследователь, г. Шанхай.

SPIN-код: 5356-7369

AuthorID (РИНЦ): 984697

ORCID: 0000-0002-2656-2859

AuthorID (SCOPUS): 57208392899

ResearcherID: ABA-4273-2021

Адрес для переписки: yizhisun961203@gmail.com

Для цитирования

Сунь Ичжи. Газета «Шанхайская жизнь»: источниковедческий обзор // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 49–53. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-49-53.

Статья поступила в редакцию 26.10.2023 г.

© Сунь Ичжи

«THE SHANGHAI LIFE»: A SOURCE-STUDY REVIEW

The article is devoted to the source study of «The Shanghai Life», its dissemination outside China and current collection situation. Due to the absence of this newspaper in the collections of Shanghai archives and libraries, information about its collection in archives, libraries and museums of other countries is relevant for both Chinese and Russian researchers. For several years, the author of this article has been trying to gather the most complete collection of issues of this newspaper and to reconstruct a comprehensive picture of the history of the newspaper's dissemination outside China, to know the current collection situation of this newspaper in various libraries, archives and museums around the world.

Keywords: «The Shanghai Life», Communist Party of China, Comintern, Shanghai, China, Russian Émigré.

Acknowledgments

The author thanks professor of Saint-Petersburg State University M. V. Khodjakov, professor of Shanghai Normal University Su Zhiliang, Director of Museum of Russian Culture in San Francisco M. K. Menyaylenko, Russian researcher in Prague M. A. Guleva and researcher in Institute of Russian History, Russian Academia of Science, V. G. Sharonova for their help in this paper.

References

1. Li Danyang, Liu Jian. 《上海俄文生活报》与布尔什维克早期在华活动 («Shankhayskaya zhizn'» i rannaya bol'shevistskaya deyatel'nost' v Kitaye) [«Shanghai Life» and the Early Bolshevik Activities in China] // 近代史研究 (Issledovaniye Novoy Istorii). *Modern History Research*. 2003. No. 2. P. 1–43. (In Chinese).
2. Shanghai Municipal Police Files (SMPF). IO 2837. (In Engl.).
3. Pashchenko L. S., Mamontova E. A., Petrova S. G. [et al.]. Veniamin Vegman. Gosudarstvennaya, nauchnaya i obshchestvennaya deyatel'nost' [Benjamin Wegman. State, scientific and public activities]. Novosibirsk, 2010. 450 p. ISBN 978-5-91864-009-8. (In Russ.).
4. Postnikov S. P. Politika, ideologiya, byt i uchenyye trudy Russkoy emigratsii 1918–1945 [Politics, Ideology, Life and Scholarly Writings of the Russian Emigration 1918–1945]. New York, 1993. 526 p. ISBN 0-88354-355-9. (In Russ.).

5. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [The State Archive of Russian Federation (SARF)]. File: P-4626/2/43. (In Russ.).

6. Shankhayskaya zhizn'. *The Shanghai Life*. 1921. 18 January. (In Russ.).

7. Putevoditel' po fondam Gosudarstvennogo arkhiva Primorskogo kraya. V 2 t. [Guide to the Collections of the State Archive of Primorsky Krai. In 2 vols.]. 2nd ed. Vladivostok, 2009. Vol. 1. 560 p. ISBN 978-5-93577-049-3. (In Russ.).

SUN Yizhi, Associate-Researcher, Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg; Independent Researcher, Shanghai.

SPIN-code: 5356-7369

AuthorID (RSCI): 984697

ORCID: 0000-0002-2656-2859

AuthorID (SCOPUS): 57208392899

ResearcherID: ABA-4273-2021

Correspondence address: yizhisun961203@gmail.com

For citations

Sun Yizhi. «The Shanghai Life»: a Source-Study Review // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 49–53. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-49-53.

Received October 26, 2023.

© Sun Yizhi

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ БЫВШИХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ, РЕПРЕССИРОВАННЫХ В ОМСКЕ ПО ДЕЛУ «ОРГАНИЗАЦИИ АРТАМОНОВА» В 1937 г.

В статье на основе анализа материалов дела «организации Артамонова» реконструирован обобщенный социальный портрет жителей Омской области, подвергшихся массовым политическим репрессиям в годы Большого террора за принадлежность в период Гражданской войны к командному составу Белой армии. Теоретическая основа исследования — сочетание антропологического подхода, просопографического, сравнительно-исторического, историко-генетического и статистического методов. Цель работы — в контексте исторических условий Омского региона проанализировать типичные социальные характеристики представителей бывшего офицерства, ставших в годы Большого террора жертвами массовых политических репрессий. В заключение оценены информационные потенциалы исторических источников и обозначены дальнейшие перспективы разработки тематики политических массовых репрессий в отношении бывших белогвардейцев.

Ключевые слова: историческая антропология, офицеры, Гражданская война в России, Белая армия, Большой террор, политические репрессии, Омск.

Постановка проблемы. Изучение событий Большого террора входит в число актуальных проблем современной российской историографии. В текущее десятилетие аспектом, весьма часто привлекающим внимание историков, стала просопография репрессий. Первоисточником здесь выступают архивные уголовные (следственные) дела. Но для реконструкции коллективных социальных портретов жертв Большого террора исследователи нередко используют такие массовые и более доступные источники, как региональные книги памяти. Созданные на их основе позднее сетевые базы данных аккумулируют персонифицированную информацию из мартирологов, давая возможность ее ускоренного автоматизированного поиска и анализа. Специалисты выработали методику подобных исследований [1–6], уже проанализировав отдельные региональные сюжеты просопографии репрессий [7–11].

Но подобный опыт пока не применялся при изучении событий Большого террора в Омской области, где Гражданская война значительно повлияла на советскую карательную политику в отношении представителей «исторической контрреволюции». Первая советская власть в регионе пала летом 1918 г. из-за успешных действий офицерского антибольшевистского подполья [12, с. 25–96; 13]. Затем до середины ноября 1919 г. Омск являлся военным и административным центром белой России. Эти обстоятельства в 1920–1930-е гг. учитывались в оперативных разработках советских органов безопасности региона. Активные мероприятия по нейтрализации очевидных и потенциальных «врагов

революции» начались вслед за восстановлением в городе большевистских порядков [14–15]. В начале 1930-х гг. «белогвардейское прошлое» вновь стало в Западной Сибири одним из «лейтмотивов» карательной политики коммунистического государства в отношении «бывших людей» [16, с. 186–201; 17, с. 126–163]. Вплоть до начала Великой Отечественной войны (когда Омск стал режимным (закрытым) городом) об особенной «контрреволюционной» атмосфере Омска и обилии здесь «антисоветского элемента» указывали местные чекисты [18, л. 2, 11 об.].

Дискуссия: историография и источники. В годы Большого террора одним из крупных процессов в Омске стало фабрикованное дело «организации Артамонова». По «версии» следствия «целью» создания этого антисоветского подпольного формирования, восстановленного в Западной Сибири после «разгрома» в 1933 г., являлось свержение советской власти при нападении на СССР Японии, а также осуществление диверсий в тылу РККА. «Координировал» контрреволюционную работу 65-летний Н. Н. Артамонов — бывший генерал-майор, военный финансист «старой» и Белой армии, отставной военспец РККА [19]. Ядро «организации» составляли бывшие офицеры и военные чиновники Белой армии. В историографии этот локальный сюжет изучен лишь обзорно [17, с. 134, 137–138; 20, с. 28–36]. Актуальность нашей работы связана с расширением представлений о данном эпизоде Большого террора в Западной Сибири. Стоит учесть, что Омск в 1920–1930-е гг. входил в число городов за Уралом, где был весьма велик процент

бывших белогвардейцев с немалой долей среди них представителей офицерства. Причем эти люди занимали, подчас, видные административные должности, обладая, подчас, весомым авторитетом в общественной среде [21]. По оценкам омских чекистов в 1927 г. каждый 150-й омич, имея чин от юнкера до генерала, служил в годы Гражданской войны в Белой армии [22, с. 1130].

В историографии есть противоречия о количестве фигурантов дела «организации Артамонова», при том, что все перечисленные далее труды, опираются на первоисточник — судебно-следственную документацию. Так, справочно-информационное издание «Забвению не подлежит» [23] (далее — книга памяти) содержит имена 88 мужчин, приговоренных по политическим мотивам к высшей мере наказания, расстрелянных в 1937 г. в Омске, в 1957 г. полностью реабилитированных. Все они проходят по одному архивному уголовному делу [24] (о чем в книге памяти есть отметка в конце поисковой статьи о каждом из этих лиц). Ту же цифру указывает омский историк В. М. Самосудов, но не давая каких-либо уточнений [20, с. 28]. Исследователи истории спецслужб В. П. Василевский и А. В. Сушко приводят данные о том, что по делу «организации Артамонова» арестовали 84 человека, из них 83 — расстреляли, а одного подследственного (предполагаемый агент НКВД) отпустили [17, с. 138].

В книге памяти упоминаний об этом человеке нет, хотя издание содержит немало примеров тех персоналий, кто в годы Большого террора был

арестован органами НКВД, но затем в течение нескольких месяцев освобожден за недоказанностью обвинения.

Ключевым источником в нашем исследовании стали поисковые статьи из книги памяти о 88 фигурантах дела «организации Артамонова». Вспомогательную роль сыграли опубликованные биографии и справочные материалы. На их основе типичные социальные характеристики указанных жертв массовых политических репрессий были выделены и обобщены.

Сравнительный анализ социального состава фигурантов дела «организации Артамонова» по месту рождения, месту проживания на момент ареста, национальному признаку, армейскому прошлому и характеру занятий на 1937 г. Фигуранты процесса по возрасту на момент ареста представлены в таблицах по условным группам, исходя из традиционного в социологических исследованиях деления на десятилетия.

Как видно, по делу фактически проходили представители двух поколений, а именно лица, родившиеся в 1862—1900 гг. (каковым на момент репрессий было от 37 до 75 лет). Но преобладали среди них родившиеся в 1877—1896 гг. (табл. 1, 2) — та часть мужского населения, которая в период Первой мировой и Гражданской войн (будучи тогда в возрасте 20—40 лет) стала социальным ядром для формирования командно-административного корпуса армии (это касалось как кадровых офицеров, так и подготовленных в военное время).

Таблица 1

Состав фигурантов дела по месту рождения

Годы рождения	Возраст, лет	Уроженцы			ИТОГО, чел.
		Омска	Омской области	Других регионов	
1897—1900	37—40	—	3	9	12
1887—1896	41—50	11	1	30	42
1877—1886	51—60	3	1	18	22
1867—1876	61—70	1	—	5	6
1862—1866	71—75	2	—	4	6
ВСЕГО, чел.		17	5	66	88

Таблица 2

Состав фигурантов дела по месту проживания на момент ареста

Годы рождения	Возраст, лет	Место проживания на момент ареста				ИТОГО, чел.
		Омск	Тара	Омская область	Ишим	
1897—1900	37—40	11	—	—	—	11
1887—1896	41—50	41	—	2 ¹	—	43
1877—1886	51—60	18	2	1 ²	1	22
1867—1876	61—70	4	1	1 ³	—	6
1862—1866	71—75	5	1	—	—	6
ВСЕГО, чел.		78	4	5	1	88

¹ Жители совхоза № 239 Омского района и села Изылбаш Черлакского района;

² Житель села Петровка Ишимского района (ныне Тюменская область);

³ Житель села Екатеринославка Тарского района.

События эпохи социальных катаклизмов 1914–1922 гг. для населения послужили причиной социальной мобильности (иногда вынужденной). Подчас люди оказывались весьма далеко от родных мест, нередко к подобным перемещениям приводили обстоятельства военной службы [25]. В частности, уроженцами других регионов являлись две трети фигурантов дела «организации Артамонова» (табл. 1).

События Революции и Гражданской войны окончательно упразднили все существовавшие ранее в Русской армии формальные ограничения для производства в офицеры (в том числе по национальному признаку) [26]. Но «великороссы» преобладали в командно-административном составе Белой армии на востоке России [27, с. 59, 61]. Это явление имело место здесь даже несмотря на наличие национальных воинских формирований. Другой особенностью колчаковской армии был «умеренный антисемитизм» (например, по сравнению с югом России и деникинской армией), в результате чего число офицеров-евреев в белой Сибири было весьма невелико [28]. Соответственно, по фигурантам дела «организации Артамонова» мы видим аналогичную тенденцию: 79 из 88 арестованных (90 % от общего количества) идентифицировали себя как русские. Представители других (в том числе достаточно крупных) национальных диаспор, существовавших в первой трети XX в. в Омском регионе, среди фигурантов дела в буквальном смысле единичны.

В следственных материалах (в том числе в обвинительном заключении) «организация Артамонова» неоднократно проходит с формулировкой «контрреволюционная офицерская/белогвардейская повстанческая», «являвшаяся восстановленной»

после «разгрома» в 1933 г. «на основе осевшего в Омске и Омской области белогвардейского офицерства» [20, с. 28–29]. Если в конце 1920-х гг. в Омске проживало порядка 1200 бывших белых офицеров, то к 1937 г. эта категория населения региона стала менее многочисленной. Сказались естественные демографические процессы (прежде всего, миграция и смертность), а также начавшиеся массовые политические репрессии (не менее 296 омичей в 1933 г. получили сроки заключения по делу о «Белогвардейском заговоре» [16, с. 197], а число вынесенных расстрельных приговоров еще требует уточнения). Тем не менее обращение к анализу социального состава фигурантов дела «организации Артамонова» (табл. 3) показывает, что бывших офицеров и военных чиновников «старой» и Белой армии среди омичей оставалось еще немало.

Но с целью выявления данного рода информации в отношении жертв Большого террора вряд ли стоит обращаться к мартирологам. В частности, в книге памяти практически нет сведений о принадлежности фигурантов «дела Артамонова» к офицерству, их службе в Белой армии. Упомянут как «бывший генерал-майор» сам «глава организации» и указан как «бывший полковник царской армии» один из его «первых помощников» — Н. В. Бобов [23, Т. 1, с. 200, с. 121, 292]. Обращение к справочным изданиям [29] и историографии [20, с. 28–36] позволило установить факт службы в Белой армии большинства (порядка 70 %) арестованных по делу «организации Артамонова»: 52 чел. в статусе офицера, 10 чел. — в статусе военных чиновников (табл. 3) (допускаем, что истинный показатель может быть несколько выше). Все они служили в сухопутных войсках. Значительная часть этих людей (40 обер-офицеров) получила производство

Таблица 3

Служебная иерархия фигурантов дела в Белой армии

Армейский чин	Годы рождения / возраст, лет					ИТОГО, чел.
	1897–1900 / 37–40	1887–1896 / 41–50	1877–1886 / 51–60	1867–1876 / 61–70	1862–1866 / 71–75	
Генерал-майоры	—	—	—	1	1	2
Полковники	—	—	1	—	3	4
Подполковники	—	—	1	2	—	3
Капитаны	—	—	1	—	—	1
Штабс-капитаны	—	5	1	—	—	6
Поручики	1	5	—	—	—	6
Подпоручики / хорунжие	3 / —	5 / 3	3 / —	—	—	11/3
Прапорщики	2	9	3	—	—	14
Портупей — юнкеры	1	—	—	—	—	1
Подпрапорщики	—	1	—	—	—	1
Коллежские асессоры	—	1	2	—	—	3
Титулярные советники	—	1	—	—	—	1
Чиновники военного времени	—	1	5	—	—	6
Не установлен точно ¹	—	1	—	—	—	1
Не установлен вообще	5	10	5	3	2	25
ВСЕГО, чел.	12	42	22	6	6	88

¹ Бухман Сергей Николаевич имел офицерский чин, но не известно, какой именно.

Характер трудовой занятости фигурантов дела на момент ареста

Профессия	Годы рождения / возраст, лет					ИТОГО, чел.
	1897 – 1900 / 37 – 40	1887 – 1896 / 41 – 50	1877 – 1886 / 51 – 60	1867 – 1876 / 61 – 70	1862 – 1866 / 71 – 75	
Бухгалтеры	3	16	8	1	—	28
Педагоги	1	5	2	1	1	10
Малоквалифицированные рабочие	2	1	3	—	1	7
Административные работники	2	4	—	—	—	6
Инженеры	—	4	2	—	—	6
Ревизоры	2	2	1	—	—	5
Юристы	—	1	1	2	—	4
Счетоводы	—	1	2	—	1	4
Агрономы	1	1	2	—	—	4
Снабженцы	1	2	—	—	—	3
Артисты театра	—	2	1	—	—	3
Музыканты	—	2	—	—	—	2
Духовенство	—	—	—	1	1	2
Иждивенцы	—	—	—	1	1	2
Художники	—	1	—	—	—	1
Пенсионеры	—	—	—	—	1	1
ВСЕГО, чел.	12	42	22	6	6	88

в чин в условиях военного времени [21]; а к кадровому составу армии относилось весьма небольшое количество фигурантов дела — главным образом лица, рожденные в 1860–1880-е гг.

Информационным недостатком архивных уголовных (следственных) дел 1930-х гг. является искажение при составлении документов такого показателя, как чины бывших офицеров, как правило, в пользу «завышения» на одну ступень. Было ли это сознательной «припиской» или становилось следствием невнимательности делопроизводителя — сказать сложно. Но в итоге, нередко, спустя полтора десятка лет после окончания Гражданской войны в документах ОГПУ — НКВД штабс-капитаны «становились» капитанами, подполковники — полковниками и т.п. С неточностями встречаются и обратные ситуации, как в случае с Н. В. Бобовым, который, указан как «бывший полковник царской армии» [23, Т. 1, с. 292], который по факту являлся, в том числе, и белым офицером. В частности, в подполковники (как и затем в последующий чин) он был произведен в октябре 1918 г., состоя в должности коменданта города Омска: то есть уже служа в Белой Сибирской армии [30].

Разночтения в советских следственных документах, подобные описанным (пусть и не слишком большие), вносят неясности при проведении биографических и генеалогических реконструкций, особенно, когда речь идет о последнем чине и месте офицера в служебной иерархии в «старой» или Белой армии.

Принадлежность к офицерству в отношении 25 лиц, репрессированных по делу (28 % от общего количества), не установлена (табл. 3). При этом известно, что ряд фигурантов, которым следствие

«установило» видные руководящие роли в составе подполья, в принципе являлись сугубо штатскими лицами. Например, экс-директор канцелярии колчаковского МВД Н. И. Бевад, священники П. И. Игнатьев и А. С. Журавлёв [23, Т. 1, с. 225; Т. 3, с. 277, 408] и др. Этим гражданам в «организации» отводились координационные и духовно-пропагандистские функции [20, с. 31–32].

Подавляющее количество арестованных по делу проживало в Омске; сельчан из них было всего 10 чел. (табл. 2). Это явление закономерно объясняется тем, что в 1920–1930-е гг. в Омске дислоцировались крупные части РККА, в которых служило немало бывших офицеров и чиновников царской и Белой армий. Увольняясь с военной службы, многие из них оставались в качестве гражданских специалистов в уже знакомом крупном и развительно городе. Здесь для этих людей с достаточно высоким по меркам времени образовательным цензом и служебным опытом могли найтись достойные варианты трудоустройства, подразумевавшего административно-управленческую, интеллектуальную или творческую работу. В СССР 1920–1930-е гг. стали временем формирования бюрократического аппарата нового государства. Рост числа лиц, ставших тогда служащими, отмечался и среди бывших офицеров Белой армии, живших в Омске [21]. Количественные данные по фигурантам дела «организации Артамонова» это подтверждают, подчеркивая, что в значительной части это мероприятие Большого террора в Омске затронуло работников финансового сектора и учебных заведений (табл. 4).

Такой показатель, как образовательный ценз репрессированных лиц, детально можно проследить лишь через обращение к первоисточникам (архив-

Национальный состав фигурантов дела

Национальность	Русские	Белорусы	Украинцы	Армяне	Евреи	Латыши	Немцы	Не указано
Кол — во, чел.	79	2	2	1	1	1	1	1

ным уголовным делам либо более ранним биографическим документам). Книга памяти отражает эту информацию «избирательно»: так, лишь в отношении 11 фигурантов дела «организации Артамонова» такие сведения сообщены. В частности, трое имели высшее образование, четверо — среднее, другие четверо — неоконченное среднее [23]. Но характер труда большей части из 88 чел. (табл. 5) предполагал в качестве минимального ценза для занятия должности общее среднее образование. А, к примеру, работа инженеров и педагогов вузов, соответственно, требовала высшего профильного образования.

Исходя из особенностей военной специальности и рода войск в Русской (императорской) армии, как правило, высокой являлась интеллектуальная подготовки обер- и штаб-офицеров артиллерии, инженерных войск, топографической службы. Наличие профильного образования при условии должных деловых качеств были ключевыми формальными факторами, традиционно учитываемыми при назначении на армейские офицерские вакансии [31–32].

Но при этом занятость на момент ареста в качестве неквалифицированного сотрудника даже для образованного человека в 1930-е гг. могла иметь место, будучи временной или вынужденной мерой. Потеря стабильной престижной работы для многих бывших белогвардейцев на рубеже 1920–1930-х гг. нередко становилась последствием первой стадии политических притеснений — лишения избирательных прав и кадровых чисток, проводившихся по классовому принципу [33–34]. Подчеркнем, что в Омске в начальной стадии этих процессов — к середине 1927 г. — в числе лишенцев оказался 1131 бывший офицер и военный чиновник. Из них 357 чел. (32 % от общего количества) были вскоре восстановлены в правах [22, с. 1130]. Но это, как правило, не спасло их от дальнейших злоключений.

Аресты и осуждения по делу «организации Артамонова» в статистических оценках. В поисковые статьи, помещенные в мартирологи жертв политических репрессий, включены сведения о дате ареста, характере и дате вынесения приговора, дате его приведения в исполнение. Обобщение этой информации позволяет сделать выводы о ходе репрессивного процесса в отношении «организации Артамонова». Но, предвзяв этот анализ, отметим, что книги памяти и их сетевые всероссийские аналоги содержат данные о предшествовавших репрессиях по политическому признаку.

Такая информация выявлена применительно к рассматриваемому случаю об 11 чел. Из них двоих в 1920 г. арестовывали, в итоге отпустил (Н. И. Бевад и бывший подпоручик И. В. Носов). Один (И. П. Свертохин) был раскулачен в 1930 г. Трех задерживали в 1931 г.: двоих осудили к трем и пяти годам заключения (бывший штабс-капитан А. Н. Андреев, бывший подполковник А. И. Родионов), одного отпустили (штабс-капитан Е. С. Седышев). Четверых осудили в 1933 г.: одного к высылке (Н. Д. Богданов), троих к пяти годам заключения (бывший прапорщик И. И. Ванькевич, бывший поручик Н. М. Морозов, бывший титулярный совет-

ник Н. И. Степанов). Один был осужден в 1934 г. к трем годам заключения (бывший прапорщик И. Н. Захаров) [23].

Из упомянутых граждан обращают на себя внимание лица, незадолго до повторного ареста в 1937 г. вернувшиеся из мест заключения. Это осужденные в 1933 г. к отбыванию срока в исправительно-трудовом лагере фигуранты «Белогвардейского заговора» — громкого репрессивного процесса в отношении «бывших людей» (в том числе представителей офицерства), живших в Западной Сибири [16, с. 186–201].

Но поиск сведений о предыдущих политических преследованиях все же следует вести, обращаясь или к архивному уголовному (следственному) делу, или к опубликованным биографическим исследованиям. В данном случае несостоятельность мартирологов и их сетевых версий в том, что далеко не всегда в поисковые статьи в полном объеме включались указанные сведения об арестах и пребывании в заключении. Как минимум, в трех случаях это подтверждается в отношении фигурантов дела «организации Артамонова». В частности, в 1920 г. арестовывались и состояли под следствием «за службу в Белой армии» военспецы, бывшие генералы Н. Н. Артамонов и Н. Е. Варахсин. В 1931 г. арестовывали бывшего капитана М. М. Поспеева. Причем двух последних арестовали в Омске [19; 35; 36].

Вероятно, такие прецеденты вполне могли присутствовать и в судьбах других фигурантов изучаемого дела. Основанием «непопадания» сведений в книгу памяти, вероятно, следует считать то, что архивные уголовные (следственные) дела по отдельным эпизодам до 1937 г. сохранились не в полном объеме, в связи с этим их фигуранты не оказались в поле зрения составителей книг памяти в период массовых реабилитаций жертв политических репрессий.

Задержания по делу «организации Артамонова» начались 12 марта 1937 г. и продлились более полугода. Первым арестовали главного бухгалтера областной конторы «Госсортфонд», бывшего поручика Белой армии Н. Ф. Чеснокова [23, т. 8, с. 376; 29, с. 374]. До июля 1937 г. аресты носили единичный характер. За июль арестовали всего 20 чел., в их числе «главу организации» Н. Н. Артамонова. Пик задержаний пришелся на сентябрь (всего, 49 чел., из них 10 чел. — максимум человек в день — арестовали 14 сентября). Последним по делу 4 октября 1937 г. арестовали художника, бывшего прапорщика Белой армии М. М. Орешникова [21, т. 6, с. 168; 29, с. 245] (табл. 6).

Тройка при УНКВД по Омской области, осудив 88 задержанных по делу по трем пунктам 58-й статьи УК РСФСР, приговорила всех их к высшей мере наказания. «По версии» следствия большая часть этих людей «занималась» пропагандой, призывая к свержению советского строя и «готовя» контрреволюционные преступления. Согласно книге памяти (табл. 7), приговоры выносили в коллективном порядке в течение двух месяцев с интервалом

Таблица 6

Календарная динамика арестов по делу

Дата ареста	Кол-во, чел.	Дата ареста	Кол-во, чел.
12 марта	1	5 августа	1
29 марта	1	7 августа	1
30 марта	1	9 августа	1
22 апреля	1	23 августа	1
25 июня	1	27 августа	2
3 июля	1	2 сентября	1
10 июля	2	4 сентября	2
15 июля	1	5 сентября	2
18 июля	1	9 сентября	1
21 июля	1	10 сентября	1
22 июля	1	11 сентября	9
25 июля	2	12 сентября	7
27 июля	1	13 сентября	8
28 июля	2	14 сентября	10
29 июля	3	15 сентября	2
30 июля	4	16 сентября	3
31 июля	1	21 сентября	2
1 августа	3	29 сентября	1
3 августа	1	4 октября	1
4 августа	2	11 октября	1

ровно четыре недели, но значительную часть фигурантов дела, осудив 25 октября 1937 г., расстреляли 28 октября (в их числе «главу организации» Н. Н. Артамонова). В ноябре 1956 г. все 88 чел. были реабилитированы Омским областным судом за отсутствием состава преступления и недоказанностью обвинений.

Выводы. В историографии сложилось критичное отношение к книгам памяти жертв политических репрессий, как к источникам, содержащим

(в силу своего ключевого назначения) лишь схематичную, краткую, а иногда неполную информацию. Но на рассмотренном примере можно убедиться, что ряд базовых параметров, важных для социальной истории, может быть восстановлен репрезентативно именно благодаря характерной «шаблонности», присущей этому источнику. Хотя, безусловно, наиболее полным информационным ресурсом для коллективного социального портрета бывших белоохранцев, репрессированных в период Большого террора, являются архивные уголовные (следственные) дела (к примеру, по части армейской службы в военно-революционный период 1914–1922 гг.), максимальная полнота картины может быть лишь достигнута при сопоставлении сведений из иных научно-справочных изданий и биографических исследований. Как минимум, такова общая ситуация с Омском. Из проделанного исследования вытекает, что в массе своей фигуранты дела «организации Артамонова» — это жители Омска, 40–50 лет, служащие, уроженцы иных местностей, в годы Гражданской войны, служившие в Белой армии в чине обер-офицера.

Дискуссионной составляющей остается вопрос о численном «масштабе» «организации Артамонова». Нами проанализированы сведения только в отношении лиц, проходивших по ключевому архивному уголовному делу (какое видится таковым по признаку наличия материалов в отношении «главы организации»).

Историк В. М. Самосудов говорит о ряде бывших белоохранцев (жителей Омска и Тары), упомянутых (подчас не раз), как члены «организации Артамонова», в следственных материалах названного дела [20, с. 28–36]. Но эти люди стали фигурантами другого аналогичного процесса [35], который имел место в Омской области в то же самое время и затронул 69 чел. (в массе представителей бывшего офицерства). В связи с этим проделанное исследование, обретя логическое продолжение, может дать ряд содержательных обобщений, позволяющих, благодаря методикам просопографии, более полно оценить региональные процессы Большого террора с позиций социальной истории и краеведения.

Таблица 7

Статистика осуждения фигурантов дела по 58-й статье УК РСФСР и приведения вынесенных приговоров в исполнение

Основание, пункты статьи	Дата вынесения приговора			ИТОГО, чел.	Дата приведения приговора в исполнение		ИТОГО, чел.
	25 сентября	25 октября	25 ноября		28 октября	1 ноября	
2 ¹ , 10 ² , 11 ³	—	3	1	4	3	1	4
10	—	1	1	2	1	1	2
10, 11	3	77	1	80	77	3	80
Без ссылки на закон	—	2	—	2	2	—	2
Всего, чел.	3	82	3 ⁴	88 ⁵	83	5	88 ⁵

Характер предъявленных обвинений:

¹ Вооружённое восстание, любое действие с намерением насильственно отторгнуть от СССР любую часть его территории или вторжение с целью захватить власть;

² Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений;

³ Организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений;

⁴ Приговор вынесен фактически «после расстрела» [23, Т. 3, с. 277, 408, Т. 4, с. 400]. Но по мартирологии неясно: произошло ли это из-за нарушения процессуальных норм или эта информация стала следствием ошибочного внесения сведений в книгу памяти;

⁵ 87 чел. реабилитированы 29 ноября 1956 г.; 1 чел. — 9 ноября [см. подр.: 23].

1. Кириллов В. М. Книги памяти жертв политических репрессий: историография и методология // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 5. С. 71–86.
2. Лягушкина Л. А. К оценке информационного потенциала «Книг памяти» в сравнении со следственными делами жертв «Большого террора» // Исторический журнал: научные исследования. 2014. Т. 2. С. 157–166.
3. Дьячков В. Л. «Наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие — как часовые...»: Книги памяти как источник в изучении социальной истории России 1860 — 1930-х гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 120–126.
4. Мишина Е. М. «Книги памяти» жертв политических репрессий как исторический источник (1941–1945 гг.): анализ информационного потенциала // Cahiers du monde russe. 2021. № 4. С. 581–602. DOI: 10.4000/monderusse.12667.
5. Лягушкина Л. А. Опыт классификации социального положения репрессированных в СССР с помощью метода опорных векторов // Историческая информатика. 2022. № 1. С. 128–139. DOI: 10.7256/2585-7797.2022.1.37719.
6. Мишина Е. М. «Книги памяти» жертв политических репрессий в СССР как источник для реконструкции социального портрета репрессированных в 1935–1937 гг.: анализ полноты и репрезентативности данных // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 152–162. DOI: 10.17223/19988613/80/18.
7. Синиченко В. В. История Прибайкалья: «Книги памяти» жертв политических репрессий в Республике Бурятия и Иркутской области // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2008. С. 601–603.
8. Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): анализ базы данных по книгам памяти Нижегородской области // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 30–43.
9. Лягушкина Л. А. Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937–1938 гг.) в Карельской АССР // Вестник Пермского университета. История. 2014. Вып. 3. С. 36–44.
10. Мишина Е. М. Социальные характеристики репрессированных на Алтае в 1935–1937 гг.: анализ базы данных и архивных материалов // Вестник Пермского университета. История. 2014. № 3. С. 45–56.
11. Хабитуев Б. В., Фартусов Д. Б. Разработка архитектуры электронной Книги памяти жертв политических репрессий по Республике Бурятия // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2017. № 1. С. 27–33.
12. Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году: моногр. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. 610 с.
13. Шудяков В. А. Тайные военные организации Омска в декабре 1917–начале июня 1918 гг., материалы к истории // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2018. № 21. С. 61–90.
14. Стельмак М. М., Сушко А. В. «Расстрел врагов революции»: к вопросу о карательной политике советского государства в отношении бывших белогвардейцев в Омске в 1920 г. // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (19–20 окт. 2022 г., Омск). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2022. С. 208–215.
15. Сушко А. В. Массовые политические репрессии в 1920 г. в Омске: к оценке антисоветского заговора Драчука–Орлеанова в историографии // Омские социально-гуманитарные чтения-2023: материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. (22–24 марта 2023 г.). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2023. С. 130–134.
16. Уйманов В. Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919–1941 г.): моногр. Томск: Изд-во ТГУ, 2012. 586 с.
17. Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье: моногр. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. 280 с.
18. Архив УФСБ России по Омской области (АУФСБОО). Ф. 87. Оп. 3. Д. 562.
19. Петин Д. И., Каминский В. В. Генерал-майор Генштаба Н. Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 274–300.
20. Самосудов В. М. Записки из кровавого года. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2000. 168 с.
21. Петин Д. И., Стельмак М. М., Сушко А. В. «Золотопогонники» в советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175. DOI: 10.17223/15617793/486/18.
22. Сушко А. В. Антисоветские организации и группы в Омском округе в 1927 г.: сообщение Омского окружного отдела ОГПУ местному партийному руководству // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1125–1137. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1125-1137.
23. Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области: в 11 т. Омск: Омское кн. изд-во, 2000. Т. 1. 478 с.
24. АУФСБОО. Ф. 4. АУД. П–5226.
25. Шишкин В. И. Политическая адаптация населения Сибири в XX веке: теоретико-методологические подходы и историографические результаты изучения // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Новосибирск: Параллель, Институт истории СО РАН, 2015. С. 3–44.
26. Курдюк А. А. Об особенностях правил приема в военные училища во время Первой мировой войны // Право и образование. 2005. № 4. С. 232–245.
27. Волков Е. В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования: моногр. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. 336 с.
28. Сушко А. В., Стельмак М. М. «...Еврейство Сибири и Урала с тревогой ждет ответа»: докладная записка М. А. Новомейского Российскому правительству А. В. Колчака (май 1919 г.) // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 2. С. 555–567. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.216.
29. «Белые офицеры — красная власть»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919–1920-е гг.): науч.-справ. изд. / авт. предисл. и отв. ред. Д. И. Петин. Омск: Амфора, 2017. 408 с.
30. Приказ Сибирской армии о военных чинах // Сибирский вестник (Омск). 1918. № 55. 29 октября. С. 1.
31. Суряев В. Н. «Нелёгкое служебное движение армейского офицерства». Чинопроизводство и прохождение службы офицерами русской армии накануне Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 9. С. 50–56.
32. Суряев В. Н. Комплектование корпуса офицеров русской армии: образовательный ценз (1900–1914 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 114–122.
33. Саламатова М. С. «Лучше бы расстреляли меня сразу...»: судьбы офицеров белых армий в Сибирском крае (1921–1929 гг.) // Тюменский исторический сборник. 2015. № XVII. С. 214–228.
34. Петин Д. И. Увольнение бывших офицеров в ходе чисток советских учреждений 1928–1929 годов (на примере окружных финансовых отделов Сибири) // Исторический курьер. 2023. № 1. С. 90–104. DOI: 10.31518/2618-9100-2023-1-7.
35. Петин Д. И. Капитан М. М. Поспеев: опыт реконструкции жизненного пути кадрового офицера топографической службы // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 140–146. DOI: 10.17223/15617793/452/17.
36. Жукова Н. С., Петин Д. И. Военный инженер и педагог генерал-майор Н. Е. Вараксин (1862–1937) — современ

менник трагического века // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4. С. 137–145. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.4.137-145.

37. АУФСБО. Ф. 4. АУД. П – 8349.

ПЕТИН Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск.

SPIN-код: 9987-3347

AuthorID (РИНЦ): 742782

ORCID: 0000-0003-1614-8133

AuthorID (SCOPUS): 57188761451

ResearcherID: A-8542-2017

Адрес для переписки: dimario86@rambler.ru

Для цитирования

Петин Д. И. Коллективный портрет бывших белогвардейцев, репрессированных в Омске по делу «организации Артамонова» в 1937 г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 54–64. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-54-64.

Статья поступила в редакцию 15.07.2023 г.

© Д. И. Петин

A COLLECTIVE PORTRAIT OF THE EX-WHITE GUARDS REPRESSED IN OMSK IN THE CASE OF THE «ARTAMONOV'S ORGANIZATION» IN 1937

The article, based on an analysis of materials from the case of «Artamonov's organization», reconstructs a generalized social portrait of residents of the Omsk region who were subjected to massive political repression during the years of the Great Terror for belonging to the command staff of the White Army during the Civil War. The theoretical basis of the study is a combination of anthropological approach, prosopographical, comparative-historical, historical-genetic and statistical methods. The purpose of the work is to analyze, in the context of the historical conditions of the Omsk region, the typical social characteristics of representatives of the former officers who became victims of mass political repression during the years of the Great Terror. In conclusion, the information potential of historical sources is assessed and further prospects for developing the topic of political mass repressions against former White Guards are outlined.

Keywords: historical anthropology, officers, Civil War in Russia, White Army, Great Terror, political repressions, Omsk.

References

1. Kirillov V. M. Knigi pamyati zhertv politicheskikh repressiy: istoriografiya i metodologiya [Books in Memory of Victims of Political Repressions: Historiography and Methodology] // Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya. *Historical Journal: Scientific Research*. 2011. No. 5. P. 71–86. (In Russ.).
2. Lyagushkina L. A. K otsenke informatsionnogo potentsiala «Knig pamyati» v sravnenii so sledstvennymi delami zhertv «Bol'shogo terrora» [On the assessment of the information potential of the «Books of Memory» in comparison with the investigative cases of the victims of the «Great Terror»] // Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya. *Historical Journal: Scientific Research*. 2014. Vol. 2. P. 157–166. (In Russ.).
3. D'yachkov V. L. «Nashi mertvyie nas ne ostavyat v bede, nashi pavshiye — kak chasovyye...»: Knigi pamyati kak istochnik v izuchenii sotsial'noy istorii Rossii 1860–1930–kh gg. [«Our dead will not leave us in trouble, our fallen — like sentries ...»: Books of memory as a source in the study of the social history of Russia in the 1860s–1930s] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*. 2015. No. 2. P. 120–126. (In Russ.).
4. Mishina E. M. «Knigi pamyati» zhertv politicheskikh repressiy kak istoricheskiy istochnik (1941–1945 gg.): analiz informatsionnogo potentsiala [«Books of memory» of victims of political repression as a historical source (1941–1945): analysis of information potential] // Cahiers du monde Russe. *Cahiers Du Monde Russe*. 2021. No. 4. P. 581–602. DOI: 10.4000/monderusse.12667. (In Russ.).
5. Lyagushkina L. A. Opyt klassifikatsii sotsial'nogo polozheniya repressirovannykh v SSSR s pomoshch'yu metoda opornykh vektorov [The experience of classifying the social position of the repressed in the USSR using the support vector method] // Istoricheskaya informatika. *Historical Informatics*. 2022. No. 1. P. 128–139. DOI: 10.7256/2585-7797.2022.1.37719. (In Russ.).
6. Mishina E. M. «Knigi pamyati» zhertv politicheskikh repressiy v SSSR kak istochnik dlya rekonstruktsii sotsial'nogo portreta repressirovannykh v 1935–1937 gg.: analiz polnoty i reprezentativnosti dannykh [Analysis of Completeness and Representativeness of Data of Political Terror Victims «Books of Memory» as a Source for Reconstruction of Social Profile of Political Terror Victims in 1935–1937] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. *Istoriya. Tomsk State University Journal of History*. 2022. No. 80. P. 152–162. DOI: 10.17223/19988613/80/18. (In Russ.).
7. Sinichenko V. V. Istoriya Pribaykal'ya: «Knigi pamyati» zhertv politicheskikh repressiy v Respublike Buryatiya i Irkutskoy oblasti [History of the Baikal region: «Books of memory» of victims of political repressions in the Republic of Buryatia and the Irkutsk region] // Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii yezhegodnik. *Irkutsk Historical and Economic Yearbook*. 2008. P. 601–603. (In Russ.).
8. Lyagushkina L. A. Sotsial'nyy portret repressirovannykh v khode Bol'shogo terrora (1937–1938 gg.): analiz bazy dannykh po knigam pamyati Nizhegorodskoy oblasti [Social portrait of the repressed during the Great Terror (1937–1938): analysis of the database on the memory books of the Nizhny Novgorod region] // Istoricheskaya informatika. *Historical Informatics*. 2012. No. 1. P. 30–43. (In Russ.).
9. Lyagushkina L. A. Sotsial'nyye kharakteristiki repressirovannykh v gody Bol'shogo terrora (1937–1938 gg.) v Karel'skoy ASSR [Social characteristics of the repressed during the years of the Great Terror (1937–1938) in the Karelian ASSR] // Vestnik Permskogo universiteta. *Istoriya. Perm University Herald. History*. 2014. Issue. 3. P. 36–44. (In Russ.).
10. Mishina E. M. Sotsial'nyye kharakteristiki repressirovannykh na Altaye v 1935–1937 gg.: analiz bazy dannykh i arkhivnykh materialov [Social features of the terror victims in Altai Region, 1935–1937: analysis of database and

archive materials] // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. Perm University Herald. History. 2014. No. 3. P. 45–56. (In Russ.).

11. Khabituyev B. V., Fartusov D. B. Razrabotka arkhitektury elektronnoy Knigi pamyati zhertv politicheskikh repressiy po Respublike Buryatiya [Development of the architecture of the electronic book in memory of the victims of political repressions in the Republic of Buryatia] // Vestnik Vostochno-Sibirskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv. Bulletin of the East Siberian State Academy of Culture and Arts. 2017. No. 1. P. 27–33. (In Russ.).

12. Simonov D. G. Belaya Sibirskaya armiya v 1918 godu [The White Siberian Army in 1918]. Novosibirsk, 2010. 610 p. (In Russ.).

13. Shuldyakov V. A. Taynyye voyennyye organizatsii Omska v dekabre 1917–nachale iyunya 1918 gg., materialy k istorii [The secret military organizations of Omsk in december 1917–the beginning of june 1918: materials to history] // Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya. News of the Omsk State Museum of History and Local Lore. 2018. No. 21. P. 61–90. (In Russ.).

14. Stelmak M. M., Sushko A. V. «Rasstrel vragov revolyutsii»: k voprosu o karatel'noy politike sovetetskogo gosudarstva v otnoshenii byvshikh belogardeytssev v Omske v 1920 g. [«Shooting enemies of the revolution»: on the question of the punitive policy of the Soviet state against former White Guards in Omsk in 1920] // Deyatel'nost' otechestvennykh spetssluzhbb v epokhu sotsial'nykh kataklizmov. Activities of Domestic Special Services in the Era of Social Cataclysms. Omsk, 2022. P. 208–215. (In Russ.).

15. Sushko A. V. Massovyye politicheskiye repressii v 1920 g. v Omske: k otsenke antisovetskogo zagovora Drachuka–Orleanova v istoriografii [Mass political repressions in 1920 in Omsk: on the assessment of the anti-Soviet conspiracy Drachuk–Orleanov in historiography] // Omskiye sotsial'no-gumanitarnyye chteniya–2023. Omsk Social and Humanitarian Readings–2023. Omsk, 2023. P. 130–134. (In Russ.).

16. Uymanov V. N. Likvidatsiya i reabilitatsiya: politicheskiye repressii v Zapadnoy Sibiri v sisteme bol'shevistskoy vlasti (konets 1919–1941 g.) [Liquidation and rehabilitation: political repressions in Western Siberia in the system of Bolshevik power (end of 1919–1941)]. Tomsk, 2012. 586 p. (In Russ.).

17. Vasilevskiy V. P., Sushko A. V. «Strazhi revolyutsii»: organy GPU–OGPU v Omskom Priirtysh'ye [«Guards of the Revolution»: organs of GPU–OGPU in Omsk Irtysh Region]. Omsk, 2017. 277 p. (In Russ.).

18. Arkhiv UFSB Rossii po Omskoy oblasti (AUFSSBOO) [Archive of the FSB of Russia for the Omsk region (AFSSBORR)]. File: 87/3/562. (In Russ.).

19. Petin D. I., Kaminskiy V. V. General-mayor Genshtaba N. N. Artamonov (1872–1937): biografiya skvoz' prizmu novykh istochnikov [Major General of the General Staff N. N. Artamonov (1872–1937): biography through the prism of new sources] // Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist. 2017. No. 3. P. 274–300. (In Russ.).

20. Samosudov V. M. Zapiski iz krovavogo goda [Notes from the bloody year]. Omsk, 2000. 168 p. (In Russ.).

21. Petin D. I., Stelmak M. M., Sushko A. V. «Zolotopogonniki» v sovetsskoy Rossii: kolektivnyy sotsial'nyy portret byvshikh belykh ofitserov v 1920-e gg. (na primere Omska) [«Gold chasers» in Soviet Russia: a collective social portrait of former White officers in the 1920s (on the example of Omsk)] // Vestnik Tomsko go gosudarstvennogo universiteta. Tomsk State University Journal. 2020. No. 467. P. 165–175. DOI: 10.17223/15617793/486/18 (In Russ.).

22. Sushko A. V. Antisovetskiye organizatsii i gruppy v Omskom okruge v 1927 g.: soobshcheniye Omskogo okruzhnogo otdela OGPU mestnomu partiynomu rukovodstvu [Anti-Soviet Organizations and Groups in the Omsk Region in 1927: Report of the Omsk Regional OGPU Department to Local Party Leadership] // Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist. 2022. No. 4. P. 1125–1137. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1125-1137 (In Russ.).

23. Zabveniyu ne podlezhit. Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy Omskoy oblasti: v 11 t [Not to be forgotten. Book of Memory of victims of political repressions in the Omsk region. In 11 vols.]. Omsk, 2000. Vol. 1. 478 p. (In Russ.).

24. AUFSSBOO [AFSSBORR]. File: 4/P–5226. (In Russ.).

25. Shishkin V. I. Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v XX veke: teoretiko-metodologicheskiye podkhody i istoriograficheskiye rezul'taty izucheniya [Political adaptation of the population of Siberia in the XX century: theoretical and methodological approaches and historiographic results of the study] // Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy treti XX veka. Political Adaptation of the Population of Siberia in the First Third of the XX Century. Novosibirsk, 2015. P. 3–44. (In Russ.).

26. Kurdyuk A. A. Ob osobennostyakh pravil priyema v voyennyye uchilishcha vo vremya Pervoy mirovoy voyny [On the peculiarities of the rules for admission to military schools during the First World War] // Pravo i obrazovaniye. Law and Education. 2005. No. 4. P. 232–245. (In Russ.).

27. Volkov E. V. Kolchakovskiy ofitser: opyt istoricheskogo issledovaniya [Kolchak officers: experience of historical research]. Chelyabinsk, 2001. 336 p. (In Russ.).

28. Sushko A. V., Stelmak M. M. «...Evreystvo Sibiri i Urals trevogoy zhdet otveta»: dokladnaya zapiska M. A. Novomeyskogo Rossiyskomu pravitel'stvu A. V. Kolchaka (may 1919 g.) [«... The Jewry of Siberia and the Urals anxiously awaits an answer»: a report by M. A. Novomeysky to Russian government of A. V. Kolchak (may 1919)] // Noveyshaya istoriya Rossii. Modern History of Russia. 2021. Vol. 11, no. 2. P. 555–567. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.216. (In Russ.).

29. «Belyye ofitsery — krasnaya vlast'»: imennoy ukazatel' k fondam Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti (konets 1919–1920-e gg.) [«White officers — red power»: a nominal index to the funds of the Historical Archive of the Omsk Region (late 1919–1920s)]. Omsk, 2017. 406 p. (In Russ.).

30. Prikaz Sibirskoy armii o voyennykh chinakh [Order of the Siberian Army on military ranks] // Sibirskiy vestnik (Omsk). Sibirsky Vestnik (Omsk). 1918. No. 55. October 29. P. 1. (In Russ.).

31. Suryayev V. N. «Nelegkoye sluzhebnoye dvizheniye armeyskogo ofitserstva». Chinoproizvodstvo i prokhozheniye sluzhby ofitserami russkoy armii nakanune Pervoy mirovoy voyny [«The hard service career of army officers». Officers' promotion in rank and service career in the Russian army on the eve of World War I] // Voenno-istoricheskiy zhurnal. Military Historical Journal. 2014. No. 9. P. 50–56. (In Russ.).

32. Suryayev V. N. Komplektovaniye korpusa ofitserov russkoy armii: obrazovatel'nyy tsenz (1900–1914 gg.) [Staffing of Russian Army Officers: Education Qualification (1900–1914)] // Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya. Humanitarian and Law Research. 2017. No. 1. P. 114–122. (In Russ.).

33. Salamatova M. S. «Luchshe by rasstrelyali menya srazu...»: sud'by ofitserov belykh armiy v Sibirskom krae (1921–1929 gg.) [«It would have been better if they shot me right away...»: the fate of the officers of white armies in Siberian region (1921–1929)] // Tyumenskiy istoricheskiy sbornik. Tyumen History Collection. 2015. No. XVII. P. 214–228. (In Russ.).

34. Petin D. I. Uvol'neniye byvshikh ofitserov v khode chistok sovetsskikh uchrezhdeniy 1928–1929 godov (na primere okruzhnykh finansovykh otdelov Sibiri) [Dismissal of Ex-Officers during the Purges of Soviet Institutions 1928–1929 (On the Example of the District Financial Departments of Siberia)] // Istoricheskiy kur'yer. Historical Courier. 2023. No. 1. P. 90–104. DOI: 10.31518/2618-9100-2023-1-7. (In Russ.).

35. Petin D. I. Kapitan M. M. Pospayev: opyt rekonstruktsii zhiznennogo puti kadrovogo ofitsera topograficheskoy sluzhby [Captain Mikhail Pospayev: An Experience of a Reconstruction of the Life Path of a Topographical Officer] // Vestnik Tomsko gosudarstvennogo universiteta. Tomsk State University Journal. 2020. No. 452. P. 140–146. DOI: 10.17223/15617793/452/17. (In Russ.).

36. Zhukova N. S., Petin D. I. Voyenny inzhener i pedagog general-mayor N. Ye. Varaksin (1862–1937) — sovremennik tragicheskogo veka [Military Engineer and Teacher General-Mayor N. E. Varaksin (1862–1937) — the Contemporary of the Tragic Age] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki». *Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»*. 2018. No. 4. P. 137–145. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.4.137-145. (In Russ.).

37. AUFSBOO [AFSBROR]. File: 4/P–8349. (In Russ.).

PETIN Dmitriy Igorevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk.
SPIN-code: 9987-3347

AuthorID (RSCI): 742782

ORCID: 0000-0003-1614-8133

AuthorID (SCOPUS): 57188761451

ResearcherID: A-8542-2017

Correspondence address: dimario86@rambler.ru

For citations

Petin D. I. A collective portrait of the ex-White Guards repressed in Omsk in the case of the «Artamonov's organization» in 1937 // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 54–64. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-54-64.

Received July 15, 2023

© D. I. Petin

УДК 94(575.4)
DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-65-74
EDN: JGNTQM

Д. С. АННАОРАЗОВ

Туркменский государственный
университет имени Махтумкули,
г. Ашхабад,
Республика Туркменистан

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТУРКМЕНИСТАНЕ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ О ДЖУНАИД-ХАНЕ

В статье рассказывается о малоизвестных страницах жизни одного из ключевых военных и политических лидеров периода Гражданской войны в Туркменистане Джунaid-хане — Курбанмамед Сердаре (1862–1938). Дана критика историографии вопроса. На основе неопубликованных источников из фондов государственных и ведомственных архивов уточнены детали биографии указанного деятеля, связанные с его участием в братоубийственном противостоянии. Теоретическая основа исследования — сочетание военной антропологии, проблемного и сравнительно-исторического методов. Подводя итоги, автор дает оценку личности Джунaid-хана на фоне противоречивой эпохи, в которую жил этот военный и политический деятель.

Ключевые слова: историческая антропология, Гражданская война, Белое движение, повстанчество, басмачество, Хивинское ханство, Хорезмская Народная Советская Республика, Туркмения.

Постановка проблемы. В имперский (1869–1917) и советский (1917–1991) периоды, продолжавшиеся более чем сто лет, в Туркменистане произошли неоспоримые по местным меркам количественные и качественные изменения в политическом, социально-экономическом и культурном развитии, а самое главное — из разрозненных племен сформировался передовой туркменский народ. Это было время, когда появилась целая плеяда известных личностей, которые оставили большой след в истории своего народа.

Курбанмамед Сердар Ходжабай оглы (1862–1938), известный среди народа как Джунaid-хан, был выдающейся личностью и вместе с тем неординарной фигурой туркменской истории рассматриваемого нами периода. Несмотря на то, что не только в советской исторической, но и в художественной литературе, а также в кинематографе был создан образ «жестокого бандита» и «убийцы-басмача Джунaida», среди той части народа, кто напрямую не пострадал от его действий, а таких было подавляющее большинство, его имя получило широкую популярность как олицетворение стойкости и воли, мужества и свободы. Как бы ни очерняла пропаганда того времени личность Джунaid-хана и, несмотря на его суровые поступки, всякое упоминание о нем вызывало в сознании простых людей

уважение и восхищение, а у противников — гнев и трепет.

О нем ходили легенды как о справедливом, но и суровом сардаре — народном вожде и крупном военном стратеге, а потому оппоненты всячески старались очернить его имя и принизить его роль в истории.

Следует отметить, что Джунaid-хан, получивший известность еще в имперский период, прежде всего был человеком Гражданской войны, которая, по нашему мнению, в Туркменистане продолжалась почти до середины 30-х гг. прошлого века [1]. Сегодня в изучении Гражданской войны мы в целом исходим из того, как российская историография характеризует эти сложные события начального периода Советской истории. За последние более чем 30 лет в Российской Федерации большинство белогвардейцев, воевавших против большевиков, в целом характеризуются как патриоты своей страны. В трудах российских историков постсоветского периода были воссозданы положительно-трагические образы руководителей Белого движения — Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина, А. В. Колчака, П. Н. Врангеля, А. И. Дутова, Н. Н. Юденича и др.

Однако современная российская историография тверда в своих суждениях в отношении среднеазиатских белогвардейцев-«басмачей»: Джунaid-хана,

Ибрагим-бека, Курширмат, Мадемин-бека, Муетдина, Хал Ходжы, Клыч-Мергена, Ходжакули-хана и многих других, которые по-прежнему «грабители и убийцы», «отпетые бандиты» и т.п. Что касается Джунаид-хана, то в советской историографии, кроме «грабежей и убийств» его бездоказательно обвиняли и в том, что он английский шпион, но, как отмечал ученый из Узбекистана В. А. Германов: «До настоящего времени ни один исследователь не привел ни одного серьезного доказательства этого утверждения» [2, с. 129].

Как и вышеперечисленные руководители российского Белого движения, так и Джунаид-хан был «белым генералом» своего времени, но он имел дело с большевиками и после окончания Гражданской войны. К слову сказать, что руководство Полномочного представительства Хорезмской Народной Советской Республики в Москве в докладе, отправленном в НКВД РСФСР от 18 февраля 1921 г., назвал Джунаид-хана «хорезмским Деникином» [3, л. 11–15 об.]. Но, в отличие от лидеров российского Белого движения, Джунаид-хан не был таким непримиримым врагом большевиков, каким его представляла советская историография и ряд постсоветских историков. Он вел переговоры с большевиками, не раз заключал с ними мирные договоры и даже фотографировался с их представителями. Даже в имперский период он был склонен найти общий язык с царскими властями и пойти с ними на переговоры. Джунаид-хан дважды пользовался амнистиями, объявленными Временным правительством и Советской властью. Но, несмотря на очевидные факты, имя Джунаид-хана до сих пор в списке «неисправимых профессиональных разбойников, грабителей и убийц».

Цель нашего исследования — на основе критики историографии и вновь вводимых в оборот источников представить политический портрет Джунаид-хана на фоне эпохи Гражданской войны в Средней Азии.

Основная часть. Постсоветская туркменская историография, за исключением Р. Эсенова [4] и автора этих строк [1], до сих пор не сказала своего слова о Джунаид-хане.

В прошлом и в настоящее время историки разных стран и исторических школ по-разному оценивали и продолжают оценивать роль Джунаид-хана в истории. В постсоветской российской историографии в работах некоторых авторов, несмотря на некоторую долю предвзятости, превалирует объективная оценка его роли и места в истории, хотя суждения и выводы многих авторов тенденциозны.

Современные узбекские историки в целом взвешенно характеризуют личность Джунаид-хана. Однако сегодня однобокая традиция советской историографии по этому вопросу продолжается благодаря стараниям некоторых каракалпакских историков. Например, Д. К. Жуманиязов отмечал: «Джунаид-хан выступил с самого начала своей разбойничьей и военной карьеры как способный и хитрый организатор. Примкнув к восстанию 1916 г., он во время этих восстаний со своим «избранным отрядом» занимался исключительно грабежами и убийствами мирного населения городов и сел ханства» [5, с. 83].

Вместе с тем автор жалуется, что, дескать, «в современной историографии некоторые историки в погонях за жареным фактом хотят превратить из личности Джунаид-хана образ национального героя. Еще 1970-е годы английский историк Энн Шихи написала сенсационную статью под назва-

нием «Джунаид-хан — король Каракумов». <...> К сожалению, в разделе «Новой истории Узбекистана» допускалось новое прочтение, в результате которого образ Джунаид-хана представлен как непримиримый враг Советской власти и борец за независимость» [5, с. 83]. Д. К. Жуманиязов уверяет, что если для «зарубежных авторов Джунаид-хан — «король пустыни Каракум», то для народов Приаралья он — разбойник с большой дороги» [5, с. 83]. Но, видимо, автор недостаточно уверен в своих выводах поэтому он обращается к научному сообществу со словами: «Для окончательного утверждения этого вывода в современной историографии нужно вести весьма скрупулезные исследования истории военных действий на территории Хивинского ханства и Амударьинского отдела <...> в первой четверти XX века» [5, с. 83].

Теперь посмотрим, как Д. К. Жуманиязов описывает «жизнь и деяния любимого сына каракалпакского народа Максум-хана <...>, который сражался за свободу своего народа против большевиков...» [6, с. 384] и которого в советское время также охаивали не меньше Джунаид-хана. Джуманиязов возмущается тем, что «в письменных источниках старой (т. е. советской. — Д. А.) историографии он (т. е. Максум-хан. — Д. А.) представлен как религиозный фанатик и главарь местного басмачиского бандформирования» [6, с. 384]. Но, оказывается, по утверждению Джуманиязова «в устных сообщениях его родни, земляков и просто знавших его при жизни людей (и далее выделено нами. — Д. А.), Максум-хан открывается как лидер народного ополчения, преданно выполнивший свой общественный долг перед обществом» [6, с. 384].

С Жуманиязовым солидарен другой каракалпакский историк — Х. М. Отегенов, который не соглашается с концепцией узбекских ученых Отамуроода Кошанова и Гавхар Дурдиевой, утверждавших, что «Джунаид-хан — борец за независимость» [7, с. 99]. Так, Отегенов отмечает, что «не нашли архивного обоснования и другие выводы авторов (т. е. Кошанова и Дурдиевой. — Д. А.) о том, что Джунаид-хан посвятил всю жизнь за свободу и боролся за независимость» [8, с. 34].

Х. Отегенов положительно характеризует руководителя каракалпакских повстанцев Овезджан Ходжа, которого и в советское время характеризовали как одного из руководителей национально-освободительного движения в Хорезме, но в то же время он в крайне невыгодном свете показал роль Джунаид-хана в том восстании. На этот факт обратил внимание В. А. Германов: «В восстании 1916 г., как известно, активно участвовал бек города Ходжейли Овезджан Ходжа и Джунаид, поддержанные населением Хивинского ханства. Походы на Хиву Овезджана Ходжи и Джунаид-хана — это два звена одной цепи, но советские исследователи почему-то искусственно разделяли их. Выступление бека Овезджана Ходжи во главе повстанцев <...> характеризовалось как "прогрессивный этап хивинского восстания", а захват Джунаид-ханом Хивы расценивается как "угодничанье турецкому султану и английским правителям"» [2, с. 129–130].

Отегенов, отметив в заключении своей работы, что «усилился гнев узбеков, казахов, туркмен (из рода ата-туркмен), каракалпаков против действий хана и чиновников» [8, с. 43], явно старается принизить роль не только Джунаид-хана в восстании 1916 г., но и участие в нем вообще туркмен. К сведению автора: в восстании участвовали

не только туркмены-атинцы, но и другие крупные туркменские племена. Как отмечает сам автор, в распоряжении у одного только йомудского вождя Шаммы Келя, который 18 января двинулся в сторону Хивы, было 1500 всадников. А если добавить к всадникам Шаммы Келя еще и нукеров Джунаид-хана, Кочмамед-хана, Якши-Гельды-бека, Шамурад Бахши, Нияз Бахши и других вождей, то число туркмен, участвовавших в восстании, может утроиться и даже учетвериться.

Но в оценке деяний Джунаид-хана дальше всех дошла ученый из Таджикистана О. Б. Сайфутдинова, которая без предъявления каких-либо фактов или материалов бездоказательно обвиняет Джунаид-хана, умершего еще до начала Второй мировой войны, в пропаганде идей фашизма [9, с. 26]. Но самое тенденциозное, по нашему мнению, было написано М. В. Шалаевым в его романе, где по выдумке писателя один из «подручных» Джунаида якобы по его приказу убивает некоего туркменского старика, а его маленькую дочь привлекает к своему патрону, которому уже свыше 60 лет, ради его плотской утехы [10]. И это о глубоко верующем человеке, который за такое преступление лично убил своего двоюродного брата [11, с. 69].

Появление Джунаид-хана на политической арене Хивинского ханства, как политического противника местного хана, относится к 1912–1913 гг. До этого Хива жила своей размеренной жизнью. Все беды у подданных ханства — узбеков, туркменов, каракалпаков и казахов начались с начала второго десятилетия XX века. Наглость ханских вельмож и местных богатеев дошла до того, что, когда один из весьма влиятельных среди туркмен Ишан — мусульманский духовник, для установления мира и добрососедства в многонациональном государстве послал своего сына к одному из наместников, однако тот нанес ему смертельное оскорбление, изнасиловав его посланника. Оскорбленный и униженный Ишан обратился к содействию в справедливости Хивинскому правительству, а затем и к русским властям. Не получив помощи и поддержки от них, Ишан в конце концов обратился за помощью к мало кому известному тогда туркменскому вождю Курбанмамеда, главе йомудского рода Джунаид и в котором нашел поддержку. Новоявленный туркменский вождь наказал виновника, а Ишана принял к себе в качестве главного духовника [12, л. 22] — Хан Ишана. Впоследствии, по словам Караш хан оглы Йомудского и М. Соегова: «С быстротой скаковой лошади туркменские степи облетела весть <...>, что Джунаид, сильный духом и видный туркмен, со своими сорочниками и одноплеменниками выступил <...> с оружием в руках против гнета и насилий Хивинского хана и его управителей» [13, с. 12].

Следует также отметить, что именно благодаря Джунаид-хану известный туркменский вождь Шамурад Бахши был выпущен на свободу, которого в 1915 г. по приказу хивинского хана Исфендияра (1910–1918) бросили в темницу «за грабежи российских подданных» [14, с. 162]. Родственники Шамурад Бахши и Хан-Ишан обратились к Джунаиду с просьбой содействовать в его освобождении. Джунаид-хан, поддержанный рядом других туркменских вождей, в ультимативной форме потребовал от хивинских властей освободить Бахши из-под стражи. Для придания весомости своим требованиям он захватил в плен одного из ханских наместников. Далее, в ночь с 22 на 23 марта 1915 г., отряды Джунаид-хана осадили Хиву — случай

до этого беспрецедентный в колониальной истории ханства. Хивинский хан обратился за помощью к начальнику Амударьинского отдела, который срочно связался с Ташкентом. Однако туркестанский генерал-губернатор потребовал незамедлительного освобождения Бахши.

Как писал узбекский историк У. Абдурасулов, «именно эта история помогла ему выдвинуться из числа других туркменских лидеров. В глазах своих йомудских соплеменников Джунаид не только восстановил поруганную честь Шамурада Бахши и осадил столицу ханства, но смог говорить на равных с имперским наместником и хивинскими министрами, заставив признать себя “полноценной стороной конфликта”» [14, с. 162–163]. Забегая вперед, отметим, что через пять лет после этих событий Шамурад Бахши вместе с другими просоветскими туркменскими родоплеменными вождями, поддерживая большевиков, выступил против своего спасителя Джунаида и примет активное участие в свержении его власти.

Несколько лет тому назад российский ученый Т. В. Котюкова обнаружила и опубликовала письмо доверенного Русско-Азиатского банка в Новом Ургенче А. М. Кислякова от 12 марта 1916 г. на имя известного политического деятеля России П. Н. Милокова, в котором автор письма отмечает полнейшее отсутствие вражды туркмен к русским. Борьба туркмен, по признанию А. М. Кислякова, «идеализировалась благородными целями справедливости и, что в особенности знаменательно, выявила в себе искреннее стремление к отторжению от ханства и переходу в русское подданство. Идея перехода в русское подданство привилась в них настолько прочно, что ими неоднократно возбуждались в этом направлении ходатайства. Но власть российская ко всему была глуха, а туркмены, озлобляясь, подымали смуты, желая, хотя этим, обратить на себя <...> внимание русских» [15].

Слова А. М. Кислякова подтверждает и донесение начальника Туркестанского районного охранного отделения директору Департамента полиции от 8 августа 1916 г. Автор донесения, сообщая о настроениях местного населения Туркестана, отмечал: «Ярыми сторонниками мусульманских государств являются преимущественно люди пожилые, ишаны, муллы, мударрисы и отчасти кази, молодежь же везде и всегда указывала на преимущества русского порядка управления и приводила как примеры мятежи в Бухаре и **восстание йомудов с Джунаид-ханом во главе в Хиве**, где мечтой населения, пострадавшего в бедствиях и от поборов всеяного рода сборщиков податей, является полное присоединение этих ханств к государству Российскому» [16, л. 129].

Далее в письме А. М. Кислякова руководитель восстания Джунаид-хан был охарактеризован не как «враг русских» и не как главарь кучки грабителей, а как руководитель народного восстания, выступившего против произвола властей. Кисляков отмечал: «Наибольшим почетом и влиянием в туркменской среде этого момента, как герой событий и виновник успехов, пользовался предводитель одного рода, именуемый ханом Джунаидом. Хан Джунаид и начал деятельно распространять свое политическое влияние на Хиву, а так как сила и мощь туркменская в представлении мирного хивинца рисовались значительно выше ханской, то население доброй половины Хивы фактически перестало подчиняться ханству» [15].

Таким образом, Джунаид-хан начал играть роль главной угрозы для ханской и царской, а потом и Советской властей. Как писал У. Абдурасулов: «Еще недавно малоприметный член туркменского клана Урус-Кушчи (т.е. Орсукчи. — Д. А.), он в короткий срок <...> превратился в хана Джунаида — одну из ключевых фигур политического ландшафта Хорезма.

Сумев объединить под своей властью туркменские и узбекские группы Хорезма, Джунаид-хан бросил вызов казавшейся незыблемой власти российских имперских, а в последующем и советских властей» [14, с. 143].

С этого времени Джунаид-хан приобрел большую известность как защитник интересов туркмен и других народов Хивы. Так, уполномоченный НКВД в Средней Азии Л. М. Михайлов в ноябре 1923 г. писал: «Туркменское население относится к нему с необычайным уважением и доверием, памятуя его борьбу в 1915–1916 гг. против царских генералов Галкина и Модестова» [17, л. 224–225]. Михайлов также признался, что «сам Джунаид-хан <...> вряд ли может быть отнесен к категории неисправимых профессиональных грабителей и разбойников» [17, л. 224].

Царская администрация, чтобы сохранить и укрепить свое господство в Хорезме, а ее сателлит хивинский хан и его дворцовая камарилья — остались у власти, натравливали друг против друга полукочевников-туркмен и оседлое население ханства. Это и породило появление ненаучного тезиса, который твердил якобы о существующем в Хорезме испокон веков «туркмено-узбекской вражды». На это, между прочим, очень четко ответил К. Абдуллаев: «Простой народ жил в общинах, предпочитая договариваться, а не воевать с соседями. Это смячало конфликтность во взаимоотношениях, побуждало к сотрудничеству и терпимости. Были периоды вражды, но не они определяли характер взаимоотношений между народами. **На протяжении своей долгой истории, регион Средней Азии не знал этнических войн**» [18, с. 152].

Следует отметить, что полное и окончательное охаивание личности Джунаид-хана началось после 1927–1928 гг., когда он в последний раз поднял восстание против властей и был объявлен вне закона. И такое положение вещей продолжалось вплоть до «перестроечных времен» в СССР, когда на страницах местной туркменской периодической печати стали появляться первые популярные статьи любителей истории, посвященные «басмачам» и их «сардарам» — руководителем, содержание большинства из которых носило больше эмоциональный, нежели научный смысл. Однако постсоветская туркменская историография до сих пор не сказала свое окончательное слово о «басмаческом» движении и лидере повстанческого движения Туркменистана Джунаид-хане. Хотя стоит отметить, что советские авторы Б. В. Чепрунов [19] и Дж. Шарипов [20] все же осмелились написать о нем более объективно.

Надо отдать должное и тем авторам, стоявшим когда-то с ним лицом к лицу на поле боя, которые старались более взвешенно оценивать слабые и сильные стороны Джунаид-хана как противника. Советский военачальник И. С. Кутяков, под командованием которого было подавлено народное восстание в Хорезме в 1924 г., возглавленное Джунаид-ханом, писал: «В 1916 г. он объявил войну хану и русским. Эта была невиданная дерзость: поднять оружие против вассала всемогущего русского царя.

<...> Джунаид безумно храбрый, имеет 12 ран; совершенно безграмотен. Обладает колоссальным опытом, организаторскими способностями, имел вполне опытных заместителей в лице своих сыновей, которые сыграли немаловажную роль в ведении боевых действий» [21, с. 37]. Несмотря на то, что Джунаид-хан часто вел бои с войсками опытного противника и не раз подвергался военному разгрому, но за время всех боев с хивинскими, царскими и советскими войсками он ни разу не попал в плен.

По свидетельству того же Кутякова, в молодости Джунаид-хан был отчаянным и храбрым джигитом, и поэтому, благодаря этим качествам, он был определен в конвой хивинского хана, где за боевые отличия был произведен в начальники конвоя. В дальнейшем он с частью конвоя сбежал в пустыню, где организовал собственный отряд. Как отмечал известный советский военачальник Мелькумов, «Ряд удачных грабежей, полное личное бескорыстие в награбленных богатствах заставляли стекаться к нему все наиболее обиженные или просто бесшабашные элементы» [12, л. 23].

После Февральской революции, в сентябре 1917 г., Джунаид-хан, бежавший в Афганистан после восстания 1916 г., вернулся в Хиву. Началась острая борьба за власть между различными военнополитическими силами и группировками в ханстве. По данным А. В. Ганина [22, с. 198] и Р. Почекаева [23, с. 79], Джунаид-хан вступил в переговоры с полковником Зайцевым, главой российских войск в Хиве. Вскоре русские войска покинули территорию ханства и в январе 1918 г. Джунаид-хан, войдя в Хиву, взял власть в свои руки. В октябре 1918 г. Хивинский хан Исфандияр был убит людьми Джунаид-хана [24, с. 220–221], а вместо него был поставлен его дядя Сеид Абдулла.

Захватив власть в ханстве, Джунаид-хан не сидел сложа руки. Он устанавливает тесные связи с антисоветскими силами Бухары, Ферганы, Закаспийской области, Юга России и Сибири, получает помощь в виде вооружения и боеприпасов от Российского правительства А. В. Колчака.

5 ноября 1918 г. Джунаид-хан осуществил поход на территорию Амударьинского отдела, которая была отторгнута от Хивинского ханства по Гендеманскому договору 1873 г. между Российской империей и Хивой. В этом походе особенно пострадало мирное население. Как писал член РВС Туркфронта в Хиве Б. В. Скалов, «Разгром Амударьинского отдела, будучи **местью за русские карательные операции** (т.е. за 1916 г. — Д. А.), был особенно ужасен» [18, с. 153]. Несмотря на большие потери, Джунаид-хан не смог вернуть территорию Амударьинского отдела, и 4 апреля 1919 г., сидя за столом переговоров, он подписал мирный договор с большевиками.

Советская историография всегда утверждала, что Джунаид-хан в период своего двухгодичного правления занимался только разбоем и ограблением трудового народа. Представитель РВС 1-й Армии Я. А. Мелькумов еще в декабре 1920 г. писал: «Джунаид-хан в годы своей военной диктатуры проявлял уже некоторые заботы по улучшению экономического положения <...> населения Хивы, так, например, он изыскивал пути к искусственному орошению безводных пространств и пр.» [12, л. 29]. Об этом же говорится и в вышеупомянутом письме Л. М. Михайлова в ВЦИК [17, л. 223].

Однако, после того как Джунаид-хан стал властелином Хивы, у него возникла вражда не только

с большевистской властью Туркестана, но и местными «младохивинцами», которые ратовали за реформы в ханстве. Возникла вражда и с туркменскими вождями.

Главными союзниками большевиков и младохивинцев в этой борьбе стали могущественные туркменские вожди Кочмамед-хан, Гулям-Али-хан, Шамурад Бахши, Якши-Гельды-бек, Нияз Бахши, которые впоследствии, в первой половине 1920-х гг., были убиты самими большевиками. Это была старая туркменская болезнь, название которой — межплеменная и межродовая рознь. Крупные туркменские родоплеменные вожди просто из-за чистой зависти к Джунаиду встали к нему в оппозицию.

По донесению Скалова, это были внутритуркменские «родовые раздоры», а «политическую окраску им пытаются придать младохивинцы, не принимающие в движении непосредственного участия» [25, с. 5–7]. Однако, как писал С. А. Кузьмин: «Эту "окраску" пытались придать не только младохивинцы, но и советское правительство Туркестана» [26]. В качестве примера Кузьмин приводит слова уполномоченного Крайбюро РКП(б) Хасанова, который отмечал: «После нашей усиленной агитации пролетариат Хивы восстал против Джунаид-хана. Везде идут бои. К нам прибыла делегация [из Хивы], просит помощи. <...> прошу вашего разрешения выступить с отрядом в Хиву [на] помощь восставшему пролетариату Хивы» [26].

В результате советские войска, расположенные в Амударьинском отделе, вторглись на территорию Хивинского ханства. Решающие сражения развернулись 22–23 января 1920 г. в районе Газавата, в которых Джунаид-хан был разбит и с остатками своей конницы скрылся в песках.

В целом «бутафорская революция», как называл председатель Чрезвычайной комиссии по делам Хивы Г. И. Бройдо Хорезмскую революцию, нанесла большой удар престижу Советской власти на Востоке. «После этого вторжения какие нужны политические средства, — докладывал Бройдо на заседании Туркомиссии, — чтобы доказать Бухаре, Афганистану, что мы не империалисты, что мы действительно уважаем права малых народов и т.д. **Джунаид вынес кровавую борьбу с царскими генералами**, а мы отбрасываем его за помощью к англичанам, в Мешхед. Я тщательно просматриваю все известия из Хивы и вытравливаю все сообщения о наших отрядах в Хиве, заменяя их "хивинскими повстанцами". Но этими политическими подлогами никого в Бухаре, Персии, Афганистане не надуешь» [18, с. 159].

Таким образом, с участием частей Красной Армии и ополченцев просоветски настроенных туркменских родоплеменных вождей власть Джунаид-хана была свергнута и провозглашена Хорезмская Народная Советская Республика (ХНСР). Как писал К. Абдуллаев: «В скором времени красное командование готовило экспедицию против Джунаида. В то же время, по словам представителя РСФСР в Хорезме А. Измайлова и Бройдо, «иомудам Кош Магомед (Кочмамед. — Д. А.) Хану, Хану Гуляму Али был сделан намек, что за голову Джунаида можно дать 1 миллион [рублей]» [18, с. 155]. Однако от этой явно провокационной идеи пришлось отказаться по одной простой причине, что «убийство Джунаид-хана, лица высокоавторитетного среди туркмен, как мера карательная, в случае совершения послужит только к большему озлобле-

нию и объединению туркмен» [12, л. 26]. Поэтому РВС Туркфронта предлагал вступить в переговоры с Джунаид-ханом, а представитель 1-й Армии Я. А. Мелькумов даже не исключал возможности «привлечь и его (т.е. Джунаид-хана. — Д. А.) на сторону Советской власти» [12, л. 27]. Вопреки указаниям Туркестанских властей РВС 1-й Армии командировал в Хиву экспедицию во главе с уполномоченным Беляевым, чтобы добиться переговоров с Джунаид-ханом. Для этих целей был использован авторитет бывшего Ахалского хана Махтумкули, который являясь членом РВС 1-й Армии [27, л. 194], согласившегося быть посредником в переговорах между большевиками и Джунаид-ханом. Ахалский хан написал письмо Джунаиду и, гарантируя его безопасность, просил приехать в Ашхабад. Тот согласился, но командир экспедиционного отряда Белоусов, сопровождавший его в качестве почетного караула, с наганом в руках потребовал разоружения Джунаид хана и его сподвижников. В результате произошел вооруженный инцидент, в котором Белоусов был убит, а Джунаид ушел в пески [12, л. 28].

Как бы то ни было, Джунаид-хан был авторитетным и популярным деятелем, поэтому представители Советской власти не переставали надеяться на мирные отношения с Джунаидом. В итоге 7 апреля 1920 г. в Ашхабаде командование 1-й Армии и представители Джунаида подписали мирный договор, по которому стороны сделали большие уступки друг другу. Однако такой договор не устраивал Турккомиссию [12, л. 52–54]. В августе 1920 г. в северо-западной части Хорезмской республики возобновились бои, которые продолжались и в сентябре. Джунаид-хан в одном из своих писем указывал, что вина за нарушение договора падает не на него [17, л. 226].

Следует отметить, что Джунаид-хан был хорошо осведомлен о политических событиях, происходивших как в Советской России, так и за ее пределами. Когда происходили эти события, в сентябре 1920 г., в Баку открылся съезд народов Востока, в работе которого участвовали и представители среднеазиатских народов, в том числе и туркмены [28, с. 5]. Заки Валиди Тогон в своем воспоминании свидетельствовал о том, что Джунаид-хан знал о Бакинском съезде и намеревался отправить туда своего представителя, однако ему не удалось установить для этого нужных связей [29, с. 32]. Как известно, Бакинский съезд был организован и проведен Коминтерном, а им руководили большевики, свергнувшие Джунаида. Поэтому нам пока не известны причины, побудившие Джунаида попытаться участвовать в работе этого форума.

Несмотря на то, что Джунаид-хан был выжат из оазиса, правительство ХНСР все же старалось использовать его авторитет и военную мощь. В декабре 1921 г. в связи с нападениями казахских кочевников на северные районы Хорезма Председатель ревкома ХНСР Дж. Кучкаров обратился с письмом к Джунаид-хану, где он просил от него военную помощь. Сохранился ответ Джунаид-хана Кучкарову, в котором он писал: «Привет доверия и слава Дженар Берген Баю (т.е. Джеббарбергену Кучкарову. — Д. А.). <...>. Вы сообщили, что едете для переговоров с адаевцами-киргизами (т.е. казахами. — Д. А.) в Ходжейли и просили для помощи всадников. <...>. Мы слышали, что в Куня-Ургенче, Ходжейли адаевцев-киргизов как будто много. Ваши киргизы, с которыми Вы едете для перегово-

ров, кажется, едут со стороны Кунграда. Которые из них враги, которые друзья, мы не знаем. Это письмо посылаем с двумя всадниками. Вы сообщите, если где начнется война [с казахами, то], мы все будем готовы» [3, л. 114].

Образование Туркменской ССР стало переломным моментом в многовековой истории туркменского народа. Это событие повлияло на настроение не только простых людей, но даже таких оппонентов советской власти, каким был Джунаид-хан. Первый Председатель СНК ТССР К. С. Атабаев, зная о его дореволюционных заслугах, уважительно относился к его персоне и даже считал его «национальным героем туркменского народа» [30, л. 71].

К. Атабаев и позже считал, что во имя государственных интересов необходимо привлечь Джунаид-хана на сторону Советов, заключив с ним мирный договор, оказать всем, кто пойдет за ним, помощь хлебом и другими продуктами, наделить их землей в культурной полосе. Свою позицию в отношении Джунаид-хана Атабаев объяснил его большим авторитетом среди туркменского населения. Он считал, что Джунаид тянет за собой все рода йомудского племени, поэтому «привести местное население в советский строй возможно только через него» [4].

Таким образом, руководству ТССР во главе К. Атабаевым удалось убедить Джунаид-хана прекратить вооруженную борьбу против советской власти. В феврале 1925 г. Хан обратился с просьбой о помиловании к Первому Всетуркменскому съезду Советов, который проходил в Ашхабаде и Постановлением съезда он был амнистирован [31, л. 6 об.]. На съезде присутствовал его представитель Хан Ишан.

После образования Туркменской ССР между К. Атабаевым и Джунаид-ханом установились доверительные отношения, они имели личную переписку, правительство республики оказывало помощь Джунаид-хану деньгами и продовольствием [32, л. 27–28; 33, л. 58], который находился у колодца Чарышлы, что в 270 км севернее Ашхабада [34, л. 74].

Конечно, советская власть стремилась поселить Джунаид-хана далеко от Ташаузского округа, в низовьях Теджена. Однако он не соглашался с этим. Как отмечал К. Абдуллаев: «Джунаид-хан, ссылаясь на то, что у туркмен еще много врагов, не сдавал окончательно оружие и сохранил свои отряды» [18, с. 252]. К маю 1924 г. у Джунаид-хана было 700 вооруженных всадников [35, л. 6 об.].

Несмотря на то, что советской власти удалось заключить мир с Джунаид-ханом, напряженная обстановка в республике все же сохранялась, ситуация в любое время могла выйти из-под контроля. Несмотря на то, что Джунаид-хан заключил мир с советским правительством, он все же состоял на учете в органах ОГПУ ТССР как главарь басмаческой банды. В письме от 28 апреля 1929 г., направленном на имя командующего Среднеазиатским военным округом (САВО) П. Е. Дыбенко уполномоченная НКВД СССР А. Виноградова признавалась: «В 1927 г., в связи с углублением в Туркменистане басмачества, для которого Джунаид стал организующим центром, было решено принять меры к его ликвидации» [35, л. 82].

Конечно, Джунаид-хан так же чутко отслеживал ситуацию. Как указано в одной оперативной сводке, «Джунаид-хан имеет самые точные сведения обо всех мероприятиях, даже секретного характера, принимаемых в ЦИКе» [36, л. 82]. Это дает основа-

ние полагать, что среди государственных деятелей республики были люди, которые информировали Джунаида о планах советской власти.

15 сентября 1927 г. Джунаид-хан поднял восстание, названное в советской историографии «мятежом Джунаид-хана». В ответ ЦИК и СНК ТССР приняли Постановление от 9 октября 1927 г., согласно которому Джунаид-хан объявлен вне закона [37, л. 111].

Начались кровопролитные бои между противниками. Руководивший подавлением выступлений Джунаид-хана А. Борисов писал: «Среди бойцов добровольной милиции Джунаид-хан и Шалтай-Батыр¹ пользовались такой высокой боевой репутацией, что одно упоминание о их появлении вселяло страх в ряды добровольцев-милиционеров. Чтобы сделать отряды милиции боеспособными, необходимо было предварительно разбить Джунаида; только в этом случае они бы воочию убедились, что все разговоры о бесстрашии и непобедимости этих бандитов являются вздором» [38, с. 35–36].

Однако не только бойцы добровольной милиции боялись Джунаида, но и красноармейцы А. Борисова так же были не рады встрече с ними. Бывший красноармеец 84-го кавалерийского полка Н. Ф. Счастный впоследствии вспоминал: «Когда джунаидовцы начали атаковать, командирам трудно было успокаивать дрожащих от страха бойцов» [39, л. 25].

Несмотря на преследования лучших советских наземных и воздушных частей, Джунаид-хану удалось прорваться на территорию Ирана, причем с большим вооруженным отрядом и огромным транспортным караваном. Кстати сказать, что во многих неудачах в операции по подавлению выступления Джунаид-хана на 3-м Пленуме ЦК КП(б)Т, который проходил в марте 1928 г., тогдашний Ответственный секретарь ЦК КП(б)Т обвинил лично главу правительства К. Атабаева [30, л. 70–71].

Таким образом, наземные части, авиация САВО, отряды ОГПУ и милиции неустанно преследовали Джунаид-хана. Хотя им не удалось полностью разгромить повстанческую группировку Джунаид-хана, тем не менее они нанесли ей тяжелые удары. К тому же Джунаид-хану не удалось поднять на борьбу против советской власти даже население Ташаузского округа, не говоря уже обо всей Туркмении. Поэтому, устав от многолетней борьбы, испробовав все формы борьбы с большевиками, мятежный и непокорный туркменский сердар, наконец-то поняв бесперспективность борьбы с сильнейшим противником и почуввав смертельную опасность, в июне 1928 г. навсегда покинул свою родину.

После ухода из Туркмении Джунаид-хан сначала обосновался в Атреке (Иран), а потом окончательно осел в районе афганской провинции Герат. Находясь в Афганистане, он активно помогал вынужденным мигрантам-беженцам, приезжающим из СССР, организовал засылки вооруженных группировок в ТССР. В ответ советские спецслужбы готовили специальный план, направленный на то, чтобы рассорить его со своими приближенными и ликвидировать его самого и его наследников. В январе 1932 г. ОГПУ забросило в Афганистан агента, который в прошлом являлся сподвижником Джунаид-хана. Этот агент должен был спровоцировать его на переход границы, чтобы затем арестовать [40, с. 90]. Однако Джунаид-хан не поддавался на эту провокацию.

Но все же нельзя исключать, что к смерти Джунаид-хана советские спецслужбы могли иметь от-

ношение. В начале 1990-х гг. первый Президент Туркменистана С. А. Ниязов-Туркменбаши принял известных туркменских историков, чтобы обсудить с ними ключевые события ушедшей эпохи — советского времени. Глава государства тогда в беседе с ними признался, что у него имеются архивные сведения, по которым к смерти Джунаид-хана были причастны органы НКВД.

Лидер туркменских повстанцев Джунаид-хан Курбанмамед сердар скончался в 1938 г. в возрасте 76 лет. Он пожелал быть похороненным на родине, на знаменитом кладбище Исмамут-ата, находящемся в Ташаузской области Туркменистана. «Мое единственное, заветное желание, — говорил он, — быть преданным родной земле, там, где похоронен наш святой Исмамут-ата, мой далекий предок. Я знаю, что это будет нелегко. Если для этого понадобится отдать столько золота, соответствующего тяжести моего тела, не жалея отдайте! Самое главное, чтобы большевики разрешили похоронить меня на родной земле. Если не разрешат, то бросьте мое тело в Амударью. Я успокоюсь и найду вечное успокоение на том свете тогда, когда вода, искупавшая мое бездыханное тело, омоет родные берега» [41, с. 34].

Результаты исследования. Как показывают исторические материалы и исследования историков, Джунаид-хан был одновременно яркой, но в то же время неординарной личностью туркменской истории эпохи политических смут, социальных потрясений и гражданских войн, участников которых очень сложно считать добродетелями, а тем более народными героями! Но, в любом случае, сильные личности были всегда. В то беспокойное время у туркменского народа и с той — советской, и с другой — антисоветской — сторон были известные и сильные личности. Волей судьбы Джунаид-хан оказался среди тех, кто находился в антисоветском лагере, что впоследствии и определило его роль и место в истории туркменского народа.

Изучение новых материалов туркменских и российских архивов, а также данные монографических исследований, где помимо прочего рассказывается и о деятельности Джунаид-хана, показывают, что он вовсе не является таким, каким его представляла советская и, отчасти, постсоветская историография. К сожалению, большинство работ историков отличаются крайней тенденциозностью. Поэтому большинство из них носят больше пропагандистский нежели научный характер. Авторы сознательно умалчивали о фактах, которые свидетельствовали о том, что Джунаид-хан не был обыкновенным «граббителем и убийцей» или же «насильником и разбойником», а был стороной многолетнего конфликта с властями, у которого были свои конкретные цели и задачи относительно будущего своего народа. Так, главной его целью было прекращение всякого рода беззакония и насилия в отношении простого народа, он ратовал за сохранение старых традиционных устоев и религиозно-патриархальных институтов.

Однако следует отметить, что на начальном этапе «строительства социализма» в СССР туркменский народ переживал период разложения родового строя, поэтому Джунаид-хан, как и большая часть тогдашнего туркменского народа, придерживался консервативных политических, культурно-этических и религиозных взглядов и не смог предложить своим соплеменникам более передовой государственный строй, чем тот, которым он руководил в течение двух лет в Хиве. К тому же следует

признать и тот факт, что по своему политическому устройству ни ханская власть в Хиве, ни власть туркменской родоплеменной аристократии не соответствовали духу своего времени. Думается, что тогда не только простому туркмену — земледельцу или кочевнику, но даже образованным людям, жившим уже почти полвека в Российской империи, которая во внутренней политике придерживалась в основном европейских стандартов, трудно было понять и воспринимать их. Поэтому борьба Джунаид-хана за права и свободу туркменского народа и сохранение его традиционных порядков, начавшаяся в начале первого десятилетия прошлого века и завершившаяся в начале 1930-х гг., окончилась полной неудачей.

Примечание

¹Шалтай Батыр — бывший помощник просоветских вождей Кочмамед-хана и Якши-Гельды-бека, который после их убийства большевиками перешел на сторону Джунаид-хана, став его авторитетным джигитом. В январе 1930 г. он погиб в стычке с бойцами туркменского просоветского добровольческого отряда.

Библиографический список

1. Аннаоразов Дж. С. Басмаческое движение в Туркменистане — продолжение Гражданской войны 1918–1920 гг.: моногр. Ашхабад, 2022. 327 с.
2. Германов В. А. Милитаристские и антивоенные выступления, борьба за национальную самоидентификацию в ходе восстаний 1916 г. в Закаспийской области Туркестанского края // Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.). Москва: Русский импульс, 2017. С. 125–132.
3. Российский государственный архив социально-политических исследований (РГАСПИ). Ф. 544. Оп. 4. Д. 32.
4. Эсенов Р. М. Джунаид-хан — вождь туркменских повстанцев. URL: <https://www.kitaphana.net> (дата обращения: 03.06.2023).
5. Жуманиязов Д. К. Народное восстание 1916 года в Каракалпакстане // Вестник Каракалпакского государственного университета имени Бердаха. 2016. Т. 33, № 4. С. 82–85.
6. Жуманиязов Д. К. Полевые записи о судьбе Максум-хана (Убайдуллы Бахауддинова) // Бюллетень науки и практики. Исторические науки. 2016. № 10. С. 384–386. DOI: 10.5281/zenodo.161149.
7. Qo'shchanov O., Durdiyeva G. Xiva xonligi turkmanlari. Xiva, 2008. 234 p.
8. Отегенов Х. М. Народные восстания 1916 года в Хивинском ханстве и Амударьинском отделе: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Узбекистан: Нукус, 2020. 53 с.
9. Сайфутдинова О. Б. Ликвидация басмачества на территории Средней Азии // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2018. № 4 (57). С. 23–27. EDN: YXICJV.
10. Шалаев М. В. Сокровище Джунаида. Москва: Вече, 2008. 281 с. ISBN 978-5-9533-3580-5.
11. Нурыев А. Жүнейт хан. Түркмен ханлары ве сердарлары. Ашгабат, 1992. С. 68–76.
12. РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 31.
13. Караш хан оглы Иомудский. Туркмены и революция (Десять лет тому назад в Туркмении) // Туркменоведение. 1927. № 1. С. 12–18.
14. Абдурасулов У. Конфликт как ресурс: анатомия «туркменских беспорядков» в Хорезме, 1914–1916 гг. // Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и наци-

онализму в постсоветском пространстве. 2018. № 3. С. 141–186.

15. Котюкова Т. В. Восстание туркмен в Хивинском ханстве в 1916 г. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 3–18.

16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 97. Оп. 4. Д. 78.

17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 281.

18. Абдуллаев К. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции. Душанбе: Ирфон, 2009. 572 с. ISBN 978-99947-55-55-4.

19. Чепрунов Б. В. Джунаид-хан. Ташкент: Госиздат Узгиз, 1936. 342 с.

20. Шарипов Дж. Хорезм: роман в 3 кн. / пер. с узб. С. Виленского, М. Салиева. Москва: Сов. писатель, 1979. 704 с.

21. Кутяков И. С. Красная конница и Воздушный флот в пустыне в 1924 году. Москва; Ленинград: Гос. изд-во Отд. воен. лит-ры, 1930. 216 с.

22. Ганин А. В. Большая игра генерал-майора И. М. Зайцева // Белая гвардия. Альманах. Москва: Издательское, исследовательское и просветительское содружество «Посев», 2005. Т. 8. С. 193–207. EDN: XBKKXR.

23. Почекаев Р. «Под ближайшим руководством резидентства...». Временное правительство, Бухарский эмират и Хивинское ханство // Восток Свыше. 2016. Т. XL, № 1–2. С. 70–79.

24. Карпов Г. И. Хивинские туркмены и конец Кунградской династии. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1930. 230 с.

25. Генис В. А. Бутафорская революция, или Российское полпредство в Хиве // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2000. № 2. С. 5–26.

26. Кузьмин С. Л. Механизмы ликвидации монархий в странах Внутренней Азии в первой половине XX в. // Религия и общество на Востоке. 2018. № 2. С. 188–245. URL: <https://www.ivran.ru/articles?artid=10291> (дата обращения: 06.09.2023).

27. Аналитический материал ОО ГПУ ТуркССР о политико-экономическом состоянии Бахарденского района. 25 сентября 1931 г. // Центральный архив ФСБ России. Ф. 2. Оп. 9. Д. 759.

28. Первый съезд народов Востока. Баку, 1–8 сентября 1920 г. Петроград: Изд-во Коминтерна, 1920. 220 с.

29. Заки Валиди Тогон. Воспоминание. В 2 кн. Уфа: Китап, 1998. Кн. II. 368 с. ISBN 5-295-01566-1.

30. Центральный государственный архив политических документов Туркменистана (ЦГАПДТ). Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 74.

31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 441.

32. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25895. Оп. 1. Д. 641.

33. Центральный государственный архив Туркменистана (ЦГАТ). Ф. 1сч. Оп. 6сч. Д. 65; Ф. 2. Оп. 2 с. Д. 41.

34. ЦГАТ. Ф. 1сч. Оп. 6 сч. Д. 75.

35. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 441.

36. ЦГАТ. Ф. 2. Оп. 2 с. Д. 75.

37. ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103.

38. Борисов А. Б. Поход конной группы 8-й кавалерийской бригады в пустыню Каракум в 1927 г. Москва: Гос. воен. изд-во, 1932. 144 с.

39. ЦГАПДТ. Ф. 51. Оп. 16. Д. 754.

40. Эсенов Р. Духовная оппозиция в Туркменистане (1917–1935). Москва, 2002. 212 с.

41. Гутлыев Т. Союз хем Гарашсызлык. Ашгабат: «Алтын гушак» туркмен шахмачынын Ашгабат бөлүми, 1992. 37 с.

АННАОРАЗОВ Джумадулды Сейтекович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Всемирной истории Туркменского государственного университета имени Махтумкули, г. Ашхабад, Республика Туркменистан.
Адрес для переписки: j.annaorazow@gmail.com

Для цитирования

Аннаоразов Д. С. Действующие лица Гражданской войны в Туркменистане: правда и вымысел о Джунаид-хане // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 65–74. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-65-74.

Статья поступила в редакцию 12.09.2023 г.

© Д. С. Аннаоразов

ACTORS OF THE CIVIL WAR IN TURKMENISTAN: THE TRUTH AND FICTION ABOUT JUNAID KHAN

The article describes about little-known pages in the life of one of the key military and political leaders of the Civil War in Turkmenistan, Junaid Khan — Kurbanmamed serdar (1862–1938). The historiography of the issue is criticized. Based on unpublished sources from the funds of state and departmental archives, the details of the biography of this figure related to his participation in the fratricidal confrontation are clarified. The theoretical basis of the study is a combination of military anthropology, problematic and comparative historical methods. Summing up, the author assesses the personality of Junaid Khan against the backdrop of the controversial era in which this military and political figure lived.

Keywords: historical anthropology, Civil War, White Movement, insurgency, Basmachi, Khiva Khanate, Khorezm People's Soviet Republic, Turkmenistan.

References

1. Annaorazov Dzh. S. Basmacheskoye dvizheniye v Turkmenistane — prodolzheniye Grazhdanskoy voyny 1918–1920 gg. [The Basmach movement in Turkmenistan is a continuation of the Civil War of 1918–1920]. Ashgabat, 2022. 327 p. (In Russ.).
2. Germanov V. A. Militaristskiye i protivoyennyye vystupleniya, bor'ba za natsional'nyuy samoidentifikatsiyu v khode vosstaniy 1916 g. v Zakaspiyskoy oblasti Turkestanskogo kraya [Militarist and anti-war protests, the struggle for national self-identification during the uprisings of 1916 in the Trans-Caspian region of the Turkestan region] // Vosstaniya 1916 g. v Aziatskoy Rossii: neizvestnoye ob izvestnom (K 100-letiyu Vysochayshego poveleniya 25 iyunya 1916 g.). *Uprisings of 1916 in Asian Russia: the Unknown about the Known (To the 100th Anniversary of the Highest Command on June 25, 1916)*. Moscow, 2017. P. 125–132. (In Russ.).
3. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskikh issledovaniy (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political Research (RSASPR)]. File: 544/4/32. (In Russ.).
4. Esenov R. M. Dzhunaid-khan — vozhd' turkmenskikh povstaniy [Junaid Khan — leader of the Turkmen]. URL: <https://www.kitaphana.net/> (accessed: 03.06.2023). (In Russ.).
5. Jumaniyazov D. K. Narodnoye vosstaniye 1916 goda v Karakalpakstane [People's uprising of 1916 in Karakalpakstan] // Vestnik Karakalpakskogo Gosudarstvennogo Universiteta Imeni Berdakh. *The Herald of Karakalpak State University Named After Berdakh*. 2016. No. 4. P. 82–85. (In Russ.).
6. Jumaniyazov D. K. Polevyye zapisi o sud'be Maksimkhana (Ubaydully Bakhauaddinova) [Field notes about the fate of Maksim khan (Ubaydulla Bakhauaddinov)] // Byulleten' Nauki i Praktiki. Istoricheskoye Nauki. *Bulletin of Science and Practice. Historical Sciences*. 2016. No. 10. P. 384–386. (In Russ.).
7. Koschanov O., Durdiyeva G. Xiva xonligi turkmanlari [Turkmens of the Khiva Khanate]. Khiva, 2008. 234 p. (In Uzb.).
8. Otegenov Kh. M. Narodnyye vosstaniya 1916 goda v Khivinskoy khanstve i Amudar'inskom otdale [Popular uprisings of 1916 in the Khiva Khanate and the Amudarya department]. Uzbekistan: Nukus, 2020. 53 p. (In Russ.).
9. Saifutdinova O. B. Likvidatsiya basmachestva na territorii Sredney Azii [Basmachi's elimination in central Asia] // Uchenyye Zapiski Khudzhandskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. Akademika B. Gafurova. *Seriya Gumanitarno-Obshchestvennykh Nauk. Scientific Notes Khujand State University Named After Academician B. Gafurov. Series of Humanities and Social Sciences*. 2018. No. 4 (57). P. 23–27. EDN: YXICJV. (In Russ.).
10. Shalayev M. V. Sokrovishche Dzhunaida [Junaid's Treasure]. Moscow, 2008. 288 p. ISBN 978-5-9533-3580-5. (In Russ.).
11. Nuryyev A. Jyneyt khan. Tyrkmen khanlary ve serdarlary [Junaid khan. Turkmen khans and sardars]. Ashgabat, 1992. P. 68–76. (In Turk.).
12. RGASPI [RSASPR]. File: 544/4/31. (In Russ.).
13. Karash han ogly Iomudskiy. Turkmeny i revolyutsiya (Desyat' let tomu nazad v Turkmenii) [Turkmen and the revolution (Ten years ago in Turkmenistan)] // Turkmenovedeniye. *Turkmen Studies*. 1927. No. 1. P. 12–18. (In Russ.).
14. Abdurasulov U. Konflikt kak resurs: anatomiya «turkmenskikh besporyadkov» v Khorezme, 1914–1916 gg. [Conflict as a resource: the anatomy of the “turkmen unrest” in Khwarazm, 1914–1916] // Ab Imperio: Issledovaniya Novoy Imperskoy i Natsional'noy Istorii v Postsovetском Prostranstve. *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*. 2018. No. 3. P. 141–186. (In Russ.).
15. Kotyukova T. V. Vosstaniye turkmen v Khivinskoy khanstve v 1916 g. [Uprising of the Turkmen in the Khiva Khanate in 1916] // Voprosy Istorii. *Voprosy Istorii*. 2009. No. 9. P. 3–18. (In Russ.).
16. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. File: 97/4/78. (In Russ.).
17. RGASPI [RSASPR]. File: 17/33/281. (In Russ.).
18. Abdullayev K. Ot Sin'tszyana do Khorasana. Iz istorii sredneaziatskoy emigratsii [From Xinjiang to Khorasan. From the history of Central Asian emigration]. Dushanbe, 2009. 572 p. ISBN 978-99947-55-55-4. (In Russ.).
19. Cheprunov B. V. Dzhunaid-khan [Junaid Khan]. Tashkent, 1936. 122 p. (In Russ.).
20. Sharipov Dzh. Khorezm: roman v 3 kn. [Khorezm: novel in 3 bks.] / trans. from uzbek S. Vilensky, M. Saliev. Moscow, 1979. 704 p. (In Russ.).
21. Kutikov I. S. Krasnaya konnitsa i Vozdushnyy flot v pustynnykh [Red Cavalry and Air Fleet in the Deserts]. Moscow; Leningrad, 1930. 215 p. (In Russ.).

22. Ganin V. A. Bol'shaya igra general-mayora I. M. Zaitseva [The big game of Major General I. M. Zaitseva] // Belaya Gvardiya. *White Guard*. Moscow, 2005. Vol. 8. P. 193–207. EDN: XBKKXR. (In Russ.).
23. Pochekeyev R. «Pod blizhayshim rukovodstvom rezidentstva...». Vremennoye pravitel'stvo, Bukharskiy emirat i Khivinskoye khanstvo [«Under the immediate guidance of the residence...» Provisional Government, Bukhara Emirate and Khanate of Khiva] // Vostok Svyshe. *East Above*. 2016. Vol. XL, no. 1–12. P. 70–80. (In Russ.).
24. Karpov G. I. Khivinskiye turkmeny i konets Kungradskoy dinastii [Khiva Turkmens and the end of the Kungrad dynasty]. Ashgabat, 1930. 230 p. (In Russ.).
25. Genis V. L. Butaforskaya revolyutsiya, ili rossiyskoye polpredstvo v Khive [Fake revolution, or Russian embassy in Khiva] // Vostok. *Afro-Aziatskie Obshchestva: Istoriya i Sovremennost'*. East. *Afro-Asian Societies: History and Modernity*. 2000. No. 2. P. 5–26. (In Russ.).
26. Kuzmin S. L. Mekhanizmy likvidatsiya monarkhiy v stranakh Vnutrenney Azii v pervoy polovine XX v. [Mechanisms of elimination of monarchies in the states of Inner Asia in the first half of the 20th Century] // *Religiya i Obshchestvo na Vostoke. Religion and Society in the East*. 2018. No. 2. P. 188–245. URL: <https://www.ivran.ru/articles?artid=10291> (accessed: 06.12.2019). (In Russ.).
27. Analiticheskiy material OO GPU TurkSSR o politiko-ekonomicheskom sostoyanii Bakhardenskogo rayona. 25 Sentyabrya, 1931 g. [Analytical material from the NGO GPU of the TurkSSR on the political and economic state of the Bakhardensky district. September 25, 1931] // Tsentral'nyy arkhiv FSB Rossii. *Central Archive of the FSB of Russia*. File: 2/9/759. (In Russ.).
28. Pervyy s'yezd narodov Vostoka. Baku 1–8 sentyabrya 1920 g. [First Congress of the Peoples of the East. Baku, September 1–8, 1920]. Petrograd, 1920. 220 p. (In Russ.).
29. Zaki Validi Togon. Vospominaniye. V 2 kn. [Memory. In 2 bks.]. Ufa, 1998. Bk. II. 368 p. ISBN 5-295-01566-1. (In Russ.).
30. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv politicheskikh dokumentatsiy Turkmenistana (TSGAPDT) [Central State Archive of Political Documents of Turkmenistan (CSAPDT)]. File: 1/1/1/74. (In Russ.).
31. RGASPI [RSASPR]. File: 17/33/441. (In Russ.).
32. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenny arkhiv (RGVA) [Russian State Military Archive (RSMA)]. File: 25895/1/641. (In Russ.).
33. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Turkmenistana (TSGAT) [Central State Archive of Turkmenistan (CSAT)]. File: 1/6/65; 2/2/41. (In Russ.).
34. TSGAT [CSAT]. File: 1/6/75. (In Russ.).
35. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskiy issledovaniy (RGASPI) [Russian State Archive for Socio-Political Research (RSASPR)]. File: 544/4/32. (In Russ.).
36. TSGAT [CSAT]. File: 2/2/75. (In Russ.).
37. TSGAT [CSAT]. File: 1/1/103. (In Russ.).
38. Borisov A. B. Pokhod konnoy gruppy 8-y kavaleriyskoy brigady v pustynyu Karakum v 1927 g. [Campaign of the cavalry group of the 8th Cavalry Brigade into the Karakum Desert in 1927]. Moscow, 1932. 144 p. (In Russ.).
39. TSGAPDT [CSAPDT]. File: 51/16/754. (In Russ.).
40. Esenov R. Dukhovnaya oppozitsiya v Turkmenistane (1917–1935) [Spiritual opposition in Turkmenistan (1917–1935)]. Moscow, 2002. 212 p. (In Russ.).
41. Gutliyev T. Soyuz hem Garashsyzyk [The Union and Independence]. Ashgabat, 1992. 37 p. (In Turk.).

ANNAORAZOV Dzhumadurdy Seitekovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of World History Department, Magtymguly Turkmen State University, Ashgabat, Republic Turkmenistan.
Correspondence address: j.annaorazow@gmail.com

For citations

Annaorazov D. S. Actors of the Civil War in Turkmenistan: the truth and fiction about Junaid Khan // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 65–74. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-65-74.

Received September 12, 2023.

© D. S. Annaorazov

УДК 172+329.11+329.17
DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-75-84
EDN: YCRJNV

А. Д. ПАРФЕНОВ

Тюменский
государственный университет,
г. Тюмень

КОММУНИТАРНЫЕ МОДЕЛИ КУЛЬТУРНОГО КОНСЕРВАТИЗМА

В статье анализируются коммунитарные модели культурного консерватизма. Выявляются специфические черты культурного консерватизма как формы консервативной теории. Проводится сравнительный анализ различных коммунитарных моделей культурного консерватизма, выявляются их общие и специфические черты. Делается вывод о том, что исходные коммунитарные принципы культурных консерваторов могут приводить к разным оценкам роли государства в проведении культурной и национальной политики, а также наиболее предпочтительных способов защиты и сохранения ценностей.

Ключевые слова: консерватизм, культурный консерватизм, культурная политика, коммунитаризм.

1. Консерватизм как форма социальной и политической теории. Принято выделять два основных подхода к понятию консерватизма. Первый подход сводит понимание консерватизма к простой склонности предпочитать известное неизвестному, полагаться на настоящее (или прошлое) и скептически относиться к любым радикальным изменениям либо связанным с такими изменениями планам. Майкл Оукшотт, один из главных сторонников этого подхода, открыто заявляет, что консерватизм не следует рассматривать как целостное мировоззрение. Будучи консерватором в политике, вы не обязаны быть консерватором в культурных, экономических, социальных и иных вопросах [1]. Близок к такому подходу и Сэмюэль Хантингтон, описывавший консерватизм как неидеациональную ситуационную идеологию¹. Михаил Ремизов отмечает, что было бы неверным мыслить консерватизм как нечто дискретное и статичное по своему содержанию. Консерватизм — это реакция на 'ситуацию современности', которая представляет собой совокупность негативных тенденций, свидетельствующих об исчерпании материальных и духовных ресурсов² [4, с. 99].

Второй подход восходит к идеям Карла Мангейма, в концепции которого консерватизм трактуется как особый стиль мышления, наряду с либеральным и социалистическим стилями [5]. В рамках такого подхода нередко возникают попытки найти объяснение 'метафизике консерватизма'³ [8, с. 8 — 11]. Понимание консерватизма как особого стиля мышления дает нам возможность выделять различные варианты и формы консервативных теорий. И ниже

мы сосредоточим внимание на культурном консерватизме как форме консервативной теории.

2. Культурный консерватизм: сущность и базовые принципы. Одной из задач современного культурного консерватизма является обоснование того, как «неравенства, которые естественным образом возникают из консервативных ценностей, обретают легитимность в практиках собственной культуры» [9, р. 457]. Культуроцентризм служит альтернативой экономоцентризму, характерной тенденции западных неоконсервативных течений в период 1970-х годов (тэтчеризм и рейганизм). Культурный консерватизм — это ответ на культурный прогрессизм в странах Запада⁴, естественная реакция на крайности либерального индивидуализма [10, р. 4]. Консерватизм был вынужден реагировать на переориентацию левых теоретиков с проблем экономики на проблемы культуры⁵. И пространство конфликта между левыми и правыми постепенно сместилось в сферу культурного противостояния, в борьбу за утверждение определенных ценностей⁶ [14, с. 18]. Важнейшим фактором возникновения и развития культурного консерватизма становятся глобализационные процессы, и прежде всего связанные с ними проблемы 'столкновения культур'⁷.

Культурный консерватизм содержит ряд отличительных признаков:

(1) *Культуроцентризм.* Данная установка связана с акцентом на культуре, понятой, прежде всего, как система ценностей и основанных на них практик, благодаря которым обеспечивается стабильное и эффективное функционирование политических, социальных и экономических институтов. Сове-

менные тенденции, вызванные либерализмом, приводящие к ослаблению роли культурных факторов, культурные консерваторы называют 'антикультурой'⁸. Среди консерваторов распространены апелляции к 'естественности'. Культуры и институты 'естественны', если спонтанно формируются под воздействием реальных потребностей общества. Культурные консерваторы выступают против любых 'искусственных' культурных изменений в целях эмансипации или эгалитарной справедливости.

(2) *Роль традиционных ценностей и морали.* Культурные консерваторы в качестве установки выдвигают именно акцент на традиции. Разные культуры предполагают разные традиции. Однако любая традиция представляет собой особый способ передачи социального знания, опирающийся на практику. Культурные консерваторы полагаются на традицию как на способ передачи моральных норм и ценностей, они отрицают моральный субъективизм, и потому акцентируют внимание на воспитании добродетелей, что невозможно вне определенных культурных практик, укорененных в традиции.

(3) *Социальный порядок, антиэгалитаризм и свобода как самоуправление.* Культурные консерваторы больше заботятся о сохранении социальных связей, формирующих социальный порядок, нежели о справедливости. Порядок связан с сохранением социального как такового, а справедливость является проектом абстрактного характера [17, р. 128]. Сохранение социального порядка ассоциируется с институтами, поддерживающими стабильное развитие общества и его выживание. Эти институты встроены в культурные практики и согласуются с ценностями общества. Культурные консерваторы разделяют общую для большинства консервативных мыслителей идею об иерархии как необходимом условии поддержания порядка. Во-первых, в любом обществе возникает естественное неравенство, которое связано с формированием элит. Во-вторых, для консерваторов важны отношения, основанные на авторитете. Свобода для культурных консерваторов является результатом порядка как системы институциональных условий, обеспечивающих совмещение принципа защиты индивидуальных свобод и воспитания ответственности перед другими членами общества. Свобода в этом смысле есть «развивающийся консенсус между индивидуальными и общественными интересами» [11, р. 17]. Консерваторы противопоставляют свободу как самоуправление свободе как эмансипации. Свобода как самоуправление возможна лишь в случае развития добродетелей, а потому нуждается в соотвествующих институтах, воспитывающих индивидов через систему правил, которые индивиды усваивают в результате участия в социальных практиках. Таким образом, основным моральным ориентиром для консерваторов является ответственность⁹ [19, р. 18; 20]. Акцент на связи социального порядка с наличием социальных иерархий и на понимании свободы как самоуправления, опирающегося на ответственность и долг перед другими, ставит культурных консерваторов в оппозицию к прогрессистским идеалам равенства и эмансипирующей свободы [21, с. 31].

Можно выделить две основные модели культурного консерватизма: коммунитарную и либертарную. Методологический индивидуализм либертарных моделей противопоставляется холистическому подходу коммунитарных (националистических,

плюралистических, национальных). Хотя нормативные выводы у сторонников данных моделей могут совпадать [22]. Недостатки либертарной модели культурного консерватизма лежат именно в плоскости метода и связаны с проблемами, которые возникают при попытках обоснования перехода от чисто политической составляющей либертарианства к выводам в отношении некоторой ценностно-культурной позиции [23].

3. Особенности коммунитарных моделей культурного консерватизма. Консерватизм как политическая философия или, в терминах Мангейма, особый стиль мышления, с самого своего зарождения содержал ряд мировоззренческих, методологических и эпистемологических установок, которые можно охарактеризовать как коммунитарные. Уже в работах Эдмунда Бёрка содержатся два основополагающих для консерватизма коммунитарных тезиса. Первый тезис говорит об особой роли сообществ, которые формируют идентичность индивида, обеспечивая его привязанность, лояльность и преданность по отношению к определенным группам. Сообщества или, как их называет Бёрк, 'малые отряды' (little platoons), формируют посредством обычаев и традиций ценностные установки индивидов. Благодаря участию в практиках сообществ индивиды усваивают критерии благой жизни, нормы морали и добродетели, обретают статусы и роли, а также представления о своей цели внутри общества. Малые группы и ассоциации создают сеть взаимосвязей, которая представляет собой гражданское общество, своеобразную 'буферную зону' между индивидом и государством. Второй тезис связан с особым отношением к обществу, которое воспринимается как объединение живых, умерших и еще не рожденных [18, с. 175]. Таким образом, консерваторы воспринимают общество как протяженное во времени единство, связанное сетью обязательств.

Для многих консерваторов типична ссылка на различие между понятиями 'сообщество' и 'общество'. Наиболее ясно данное различие раскрыто в работах Фердинанда Тённиса, который использовал термины *Gemeinschaft* (общность) и *Gesellschaft* (общество) [24]. *Gesellschaft* связано с непрямым взаимодействием, контрактными отношениями формального характера между людьми и группами. *Gemeinschaft*, напротив, характеризуется как тесное социальное взаимодействие, основанное на личных связях индивидов в виде прямых неформальных контактов. Консерваторы стремятся поддерживать, защищать и сохранять такого рода 'органические сообщества' [25, р. 17].

Связь гражданина и общества следует рассматривать не как добровольную, а как естественную по причине того, что индивид не выбирает, в какой системе сообществ и ассоциаций он родится. Но именно сеть сообществ и ассоциаций формирует человека, обеспечивает преемственность институтов, норм, обычаев и традиций, поддерживающих социальный порядок и единство, обеспечивая безопасность и стабильность. Чувство долга перед обществом основывается не на договоре, а на уважении и чести. Семья выступает основным институтом, благодаря которому индивиды приобретают привычки лояльности и преданности [19, р. 270–275]. Для коммунитарных культурных консерваторов понятие сообщества призвано акцентировать наше внимание не на коллективной ответственности, а на ответственности и обязательствах отдельных

лиц перед самими собой и перед обществом в целом [26, р. 189–190].

Общей чертой коммунитарных моделей является критика методологических оснований либеральной теории и концепции общественного договора. Во-первых, это критика концепции абстрактного оторванного от сообществ и традиций индивида, делающего выбор, опираясь исключительно на свой разум и здравый расчет. Культурные консерваторы полагают, что любого индивида следует рассматривать как конституированную, социокультурно обусловленную единицу. Личность — артефакт, сформированный обычаями и институтами, преданный определенным группам: «Люди приходят в мир, обременённый обязательствами и институтами, которые содержат в себе мудрое наследие, без которого осуществление свободы невозможно» [11, р. 6, 37]. Не существует абстрактных индивидов, действующих вне системы социокультурных связей. Приобщение к культуре через участие в социокультурных практиках сообществ рассматривается как необходимое условие интеграции человека в общество. Культурные смыслы и ценности могут быть усвоены только через приобщение к практикам. Сами же процессы, посредством которых смыслы создаются в мире, лишённом смысла, становятся одной из ключевых забот консерваторов [26, р. 195].

Во-вторых, коммунитарные консерваторы настаивают на том, что в рамках либеральной модели общество и сообщества представляют собой просто ассоциации индивидов-атомов. Коммунитарные консерваторы критикуют саму идею общественно-го договора как в варианте Томаса Гоббса и Джона Локка, так и в варианте современных договорных концепций, прежде всего либеральной теории Джона Ролза¹⁰.

Роджер Скрутон отрицает договорную теорию в гоббсовском и локковском вариантах на том основании, что общественный договор уже в момент его заключения нуждался бы в наличии отношений членства. Люди, заключающие такой договор, принимают решение о совместном будущем, то есть уже должны осознавать и исходить из того, что являются членами одного сообщества, а не просто отдельными, ничем не связанными друг с другом индивидами. Бремя принадлежности накладывает на членов сообщества взаимные обязательства. Поэтому сам договор должен заключаться в условиях существования данных обязательств. Таким образом, у нас нет морального статуса вне сообщества, нас формирует 'бремя принадлежности' [27, р. 68]. Скрутон видит основную ошибку либерализма в том, что в нем допускается возможность агента делать рациональный выбор, не используя социальное знание. Однако мы знаем, что делать и как поступать, только когда у нас есть представление о правильном и неправильном. Именно поэтому опасно отбрасывать институты, которые воспроизводят это знание [27, р. 69].

Коммунитарные культурные консерваторы критикуют индивидуализм как основную психологическую установку в отношении институтов [28, р. 225]. Элементы либеральной методологии становятся не просто умозрительными инструментами обоснования институтов, а мировоззренческими установками, задающими понимание человека, общества и государства, а также создающими определенные ценности и идеалы. Если культурный либерализм при этом рассматривается как обычное безразличие в отношении культуры (культурные вопросы,

связанные с выбором ценностей и концепций блага остаются личным выбором автономного рационального агента), то культурный прогрессизм связан с идеей о возможности морального и культурного прогресса. Сам этот прогресс интерпретируется как приближение к идеалу социальной справедливости, мыслимому как достижение равенства через освобождение индивидов от ущемляющих их свободу социальных и культурных привязанностей. Эти привязанности рассматриваются прогрессистами как причина неравенства, дискриминации и угнетения. Перед прогрессистами стоит задача — борьба с социальными конструктами, способствующими укреплению иерархических отношений в обществе. Культурные консерваторы расценивают такие стремления прогрессистов как опасные, ведущие к распаду базовых социальных институтов (семьи, авторитета и т.д.) и ценностей.

Отличительной чертой коммунитарных моделей культурного консерватизма является оригинальная интерпретация проблемы соотношения рынка и государства. Для коммунитарных консерваторов она интерпретируется как проблема соотношения рынка, государства и гражданских сообществ. Свобода собственности рассматривается в качестве одного из ключевых условий существования гражданских сообществ [29, р. 56]. Рынок рассматривается как важная часть обеспечения стабильной жизни общества и государства. Однако рынок без других общественных институтов не способен формировать общественный порядок. Он имеет ценность в силу эпистемической функции и материальных благ, которые он приносит, но он должен быть ограничен культурными и моральными рамками [26, р. 197–198]. Социальный порядок как результат взаимодействия государства и гражданских сообществ должен накладывать ограничения на свободный рынок, так как между рыночными и общественными интересами может возникнуть конфликт [30, с. 63].

4. Националистическая модель коммунитарного консерватизма. Одной из наиболее распространенных форм культурно-консервативной мысли можно назвать националистические теории. В их основе лежит два принципа. Первый связан с монистической установкой в отношении культуры и политики. Второй опирается на представление о необходимости подчинения культурной сферы государству. На современных консервативных теоретиков — Пол Готфрид, Патрик Бьюкенен, Ален де Бенуа, — которых можно отнести к данной модели, серьезное влияние оказали представители континентальной социальной и политической философии, прежде всего, Карл Шмитт, Фридрих Ницше и консервативные революционеры (Освальд Шпенглер и др.) [31].

Шмиттовское понимание политики и политического порядка в данных теориях часто сочетается с грамшианской концепцией культурной гегемонии. Культура понимается как поле политического противостояния за доминирование определенных ценностей. Сохранение или возврат к традиционным ценностям (семья, авторитет и т.д.) делает необходимым приход к власти консервативных политических сил.

Сторонники националистической модели являются плюралистами на международном уровне, однако выступают за культурный монизм на уровне внутригосударственном. Поэтому во внешней политике консерваторы-националисты являются противниками гомогенизации, универсализма

и космополитизма. Социально ориентированный либерализм, опирающийся на прогрессизм в культурной сфере, рассматривается ими как основной политический 'враг'. Глобальная либеральная идеология воспринимается сторонниками этой модели как угроза традициям, социальным порядкам, государствам и идентичностям, которые противостоят ее экспансии. Глобальный либерализм представляет опасность: он разрушает традиционные сообщества, распространяет гедонистические ценности и практики, подрывающие чувство ответственности, добродетели и институты, обеспечивающие стабильность обществ и их дальнейшее развитие. Основная цель сторонников националистической модели — разрушить миф об абстрактном универсальном порядке, создать контрмиф о нации как об уникальном культурном порядке, требующем лояльности, солидарности и дисциплины. Причем нация мыслится здесь в нативистском смысле, то есть предполагает исключение тех, кто не адаптируется к ее культуре [32].

Консерваторы-националисты рассматривают либерализм и прогрессизм как концепции, в основании которых лежат идеалы эгалитаризма и эмансипации. Этот идеал продвигается классом 'новых менеджеров', который желает создать единое гомогенное сообщество, в котором не будет места значимым различиям, порождаемым традиционными привязанностями.

Помимо общей критики националистической модели со стороны 'естественных' противников в лице культурных прогрессистов и сторонников социальной справедливости, существует достаточно обширная критика и со стороны культурных консерваторов, придерживающихся альтернативных взглядов.

Данный тип культурного консерватизма был раскритикован в работах Ханса-Хермана Хоппе, который указал, как этатистское управление социокультурными процессами может приводить к разрушению традиционных институтов и ценностей путем подрыва системы моральных стимулов [33, р. 189–199]. Ответственность как ключевой моральный ориентир консерваторов перестает культивироваться на уровне гражданских сообществ. Это не означает, что государство не может само по себе культивировать моральные ориентиры. Однако вмешательство государства в сферу ценностей и социокультурных практик рассматривается как угроза гражданским ассоциациям, а также нарушение спонтанных процессов, порождающих 'естественные' институты и ценности. Кроме того, чрезмерное использование государственного аппарата, расширение его полномочий в социальной, экономической и культурной сфере в целях национально-культурной гомогенизации государства (для сохранения своей идентичности на глобальном уровне) несет в себе угрозы установления деспотической власти, а гражданское общество при этом перестаёт играть роль 'буфера' между государством и индивидом, обеспечивающего автономию сообществ и индивидов от центральной государственной власти.

5. Плюралистическая модель коммунитарного консерватизма. Внутри консерватизма можно выделить ряд теорий, для которых характерно неприятие универсализма, политического и культурного монизма. В качестве альтернативы такие теории предлагают плюралистическую модель. Наиболее яркими теоретиками консервативного плюрализма

считаются Роберт Нисбет, Джон Грей, Патрик Деннин и Аласдер Макинтайр.

Ключевые принципы модели следующие: (а) культура играет решающее значение для сохранения порядка и стабильности в обществе, для его воспроизводства; (б) культура нуждается в консервативном отношении; (в) сохранение культуры связано с сохранением сообществ; (г) наилучшим методом сохранения культура(ы) является политический и культурный плюрализм при условии децентрализации государства.

Нисбет в своих работах отталкивается от концепции плюрализма авторитетов (привязанностей), которая приводит к тому, что центральное правительство не монополизировало власть над индивидами. Отдельные сообщества индивидов имеют иерархию, основаны на отношениях авторитета, выдвигают определенные цели, порождают чувство солидарности, уникальности и систему духовных ценностей [34]. При этом не отвергается нация как культурное образование. Для всех консервативных культурных плюралистов характерно признание национальной идентичности как важного элемента, обеспечивающего единство различных сообществ. Нация в таком случае рассматривается как сообщество сообществ. Помимо общего патриотизма и преданности общей культуре плюралистическая модель предполагает процветание 'малых патриотизмов' и преданности локальным субкультурам [22, р. 2–3].

Централизация государственной политики с целью обеспечения идеалов равенства и эмансипирующей свободы (как свободы от традиций и сообществ) зачастую направляется на достижение ценностного и политического монизма, стирание различий, порождаемого разнообразием сообществ [35]. В работах Нисбета подробно описан процесс перехода от коммунитарного плюрализма, основанного на системе традиционных привязанностей, к деспотическим и тираническим формам правления. Основной причиной этого перехода, как указывает Нисбет, может служить чрезмерная индивидуализация, атомизация обществ, проистекающая из-за реализации политической программы, преследующей идеалы равенства и эмансипации от социальных и культурных привязанностей [36].

Коммунитарная теория Макинтайра — одна из коммунитаристских концепций, которая получила признание и среди консерваторов [4, с. 106]. Коммунитаризм Макинтайра можно сочетать с аксиологическими установками культурных консерваторов. Его концепция опирается на идею Аристотеля о сообществе, выстроенном на основе иерархии, в котором положение индивида и ценность деятельности оцениваются в соответствии с добродетелями и заслугами (вклад в общее благо) [37, с. 80–82]. Макинтайр отдельно подчеркивает особую роль сообществ в формировании добродетелей. При этом важное значение имеет участие индивидов в практиках именно локальных сообществ с их моральными традициями. Участие в практиках сообществ позволяет усваивать определенные стандарты совершенства и развивать добродетели, необходимые для достижения благ [38]. Несмотря на неоднозначное отношение самого Макинтайра к консерватизму, большинство его идей (ценность институтов как условия сохранения практик, акцент на внутренних ценностях, культивирование добродетелей, важная роль традиций) могут быть использованы в защиту коммунитарных культурно-консервативных теорий.

Коммунитарная теория Макинтайра, например, может дополнять плюралистическую концепцию Нисбета [39].

Грей в своих работах опирается на идею Исайи Берлина о плюрализме ценностей, который можно интерпретировать как культурный плюрализм. Так же, как и остальные консерваторы, он отвергает культурный и моральный релятивизм. Мир (порядок и стабильность) и справедливость — универсальные блага, но порой они выдвигают несовместимые требования. Антиэгалитаристский посыл концепции Грея заключается в критике равенства в качестве универсальной ценности. Он также является критиком прогрессистской концепции свободы как эмансипации от социально-культурных привязанностей.

Культуры по Грею являются несоизмеримыми, поэтому невозможно сделать правильный рациональный выбор между ними. Приверженность, например, либерализму опирается, скорее, на приверженность англо-американской культурной традиции. Лояльность либеральному государству — это лояльность к воплощаемой в нем культуре. Соответственно, данная культура может рассматриваться в качестве единой национальной культуры, которая допускает сосуществование внутри государства различных субкультур. По мнению Грея, не существует чисто политической лояльности, так как последняя всегда предполагает культурную идентичность, отраженную в политическом устройстве, к которому обращена эта лояльность. Политический порядок основан на дополитическом культурном порядке общества. Сохранение, например, либерального порядка связано напрямую с сохранением культурной идентичности граждан либеральных стран [40, с. 158].

Культурный (ценностный) плюрализм предполагает реализацию принципа *modus vivendi*. Данный принцип предполагает поиск условий для мирного сосуществования конфликтующих образов жизни. Справедливость интерпретируется по-разному различными сообществами. Основная задача политической философии должна состоять не в поисках принципов для построения справедливого общества в соответствии с каким-либо конкретным пониманием справедливости, а в поиске институтов, обеспечивающих сосуществование различных ценностных систем.

Плюрализм не предполагает разнообразия личных этических убеждений и идеалов. Он связан с признанием разных образов жизни. Для последнего характерно то, что они практикуются множеством людей, охватывают несколько поколений, порождают идентичности, содержат отличительные практики, убеждения и ценности, исключают тех, кто ведет иной образ жизни.

Ключевое замечание Грея в отношении современных либеральных теорий состоит в том, что различные взгляды на благо предполагают различные взгляды на справедливость. В то же время либеральные теории указывают на то, что требования справедливости должны иметь приоритет над любыми концепциями блага. Например, Грей указывает, что Джон Ролз и Фридрих фон Хайек по-разному понимают справедливость именно потому, что исходят из различных концепций блага [41].

Индивиды черпают идентичность из сообществ, к которым они принадлежат. Ценности, которые индивиды усваивают через участие в практиках сообществ, не создаются, а открываются. Поэтому

сообщества являются необходимым условием для формирования идентичности и ценностей каждого отдельного индивида. Рыночные и политические институты опираются на культурный фундамент, состоящий из ценностей и практик общества, которые придают определенную форму этим институтам.

Еще одним сторонником плюралистической модели можно назвать Денина, критикующего либеральный универсализм и монизм. Он пишет о культурном либерализме, а не о либеральных институтах. Более того, Денин описывает процессы формирования либеральных институтов в 'долиберальный' период [16, р. 21–23]. Процветание требует культуры как системы ограничений, дисциплины и формы. Сообщества поддерживают стандарты и модели поведения, выполняют образовательные и воспитательные функции. Плюралистическая система, предполагающая многообразие авторитетов и локальных культурных традиций — условие поддержания механизмов, порождающих чувство ответственности, дисциплинирующих индивида и включающих его в систему практик, в которых индивид усваивает ценности, воспитывает в себе добродетели.

Все сторонники плюралистической модели указывают на то, что, несмотря на приверженность принципу множественности центров авторитета, которые предполагают многообразие субкультур, необходимым условием поддержания единства и стабильности является чувство национальной идентичности у членов политического сообщества. Однако данный вопрос, как и вопрос о соотношении национальной и локальной культурной идентичностей, остается не до конца проясненным в рамках данных концепций.

Плюралистическая модель не связана с политической философией мультикультурализма, так как не ставит в центр внимания вопрос о справедливости в мультикультурном обществе. Более того, культурное разнообразие в рамках данной модели ограничено рамками комплиментарности культур. Порядок и мирное сосуществование имеют абсолютный приоритет перед правами на идентичность, сохранением культурных особенностей и так далее. Нередко консервативные плюралисты противопоставляют свои концепции мультикультурализму как абстрактной концепции, дающей сбои на практике.

6. Национальная модель коммунитарного консерватизма. Существует возможность выделить отдельную модель культурного консерватизма, сочетающую в себе элементы националистической и плюралистической теорий. Довольно часто плюралистические теоретики (Роберт Нисбет, Джон Грей) имплицитно придерживаются взглядов, схожих с данной моделью. Однако, заявляя о важности национальной идентичности, плюралисты не приводят доводов, а также не пытаются выстроить теоретического обоснования того, как должны решаться проблемы соотношения 'малых' культурных идентичностей с 'большой' национальной идентичностью. Кроме того, если вопрос локальной культурной идентичности ассоциируется с идеей спонтанного порядка, а возникновение локальных культурных практик и ценностей как часть естественного стихийного процесса, то национальная идентичность имеет для них искусственно сконструированный характер и связана с государственной культурной политикой.

Национальная модель культурного консерватизма представлена в работах Роджера Скрутона. Британский философ совмещает бёрковский принцип защиты свободы 'малых отрядов' с идеей нации и национальной идентичности как общей принадлежности и инструмента интеграции в единое политическое сообщество. Национальная идентичность опирается на представление об общей культуре. С точки зрения Скрутона, культура — это вопрос знания и понимания, она усваивается на практике, а не в теории. Общая культура имеет большое значение, так как она формирует поведение, мышление человека вплоть до его чувственно-эмоциональных реакций [42, р. 55–57]. Общая культура культивирует идентичность общества через язык, религию, искусство, историю. Она определяет сущность нации, проявляется в обычаях, верованиях и ценностях [43].

Государство в рамках данной модели рассматривается как институт, защищающий общую культуру от внутренних и внешних 'угроз' [9, р. 457]. Под 'внутренними угрозами' здесь понимаются прогрессистские эгалитаристские тенденции движений за эмансипацию, под 'внешними угрозами' — опасность диссоциации общей культурной идентичности из-за мультикультурализма.

Для Скрутона лояльность нации является необходимым условием стабильности общества, единства и чувства принадлежности [44, р. 1]. Национальная принадлежность — единственная форма членства, которая показала себя способной поддерживать демократический процесс и верховенство права. Национальная лояльность основана на любви к месту, обычаям и традициям, которую следует отличать от крайнего национализма, проявляющегося в нетерпимости к другим нациям и культурам [44, р. 10–17].

Национальная идентичность имеет ряд преимуществ перед другими формами обеспечения лояльности, она включает в себя связь через взаимные обязательства независимо от семейной принадлежности и вероисповедания, возможности совмещать данную идентичность с принципами свободы слова, совести, мнений. Законы в таком случае получают легитимность в глазах граждан данной страны и распространяются на территорию, которая им принадлежит. Национальная идентичность и преданность общей национальной культуре позволяет быстро объединиться перед лицом общей угрозы; создает условия для примирения представителей разных классов, слоев, групп и приводит к поиску консенсуса; сохраняет чувство уважения к суверенитету и правам личности.

Анализ концепции национального культурного консерватизма позволяет сделать три ключевых вывода. Во-первых, национальная модель связана с поиском ориентиров для формирования социальной культуры. При этом допускаются разговоры как о 'тонкой', так и о 'толстой' идентичности в силу толерантности консерватизма к национальным различиям, допущению множественности несоизмеримых культурных и политических традиций¹¹. Во-вторых, национальная модель позволяет расставить приоритеты: общие ценности и принципы, лежащие в основе национальной культуры, имеют приоритет перед локальными идентичностями, их разнообразие допускается, но для поддержания стабильности и порядка эти идентичности должны быть комплементарны общей культуре, тем самым фактически допускается лишь 'субкультурность'.

В-третьих, локальные сообщества имеют ценность, так как именно на уровне малых сообществ формируются ключевые добродетели ответственности, преданности и самоконтроля, важные для культурных консерваторов. Поэтому государство, проводя интегральную национально-культурную политику, должно заботиться о их состоянии. И, наконец, в-четвертых, в области культуры приоритет должен отдаваться соображениям порядка и безопасности перед соображениями справедливости (хотя последняя и не исключается из области ценностных приоритетов полностью).

7. Проблемы и перспективы коммунитарных моделей культурного консерватизма.

Коммунитарные модели культурного консерватизма направлены не столько на критику нормативных выводов либеральных теорий, сколько на критику методологических и аксиологических аспектов либерализма. Более того, культурный консерватизм в национальной и плюралистической форме приходит к выводам, близким к нормативным положениям классического либерализма и либертарианства. Основная задача коммунитарной культурно-консервативной критики связана с методологическими аспектами договорных теорий. Коммунитарные культурные консерваторы пытаются не просто показать несостоятельность либерально-прогрессистской методологии, а указать на опасность трансформации исходных методологических допущений в аксиологические ориентиры. Наделение абстрактных категорий либеральной теории статусом ценностных ориентиров для проведения определенной социальной и культурной политики для достижения общества равных эмансипированных индивидов с точки зрения культурных консерваторов несет опасность для стабильности социального порядка, приводит к исчерпанию материальных и социокультурных ресурсов, необходимых для воспроизводства обществ.

Различные коммунитарные модели культурного консерватизма подчеркивают разные способы и формы сохранения культурных инструментов поддержания социального порядка. Имея общие исходные методологические и аксиологические установки, сторонники разных коммунитарных моделей расходятся в вопросе институциональных ограничений. Основная проблема состоит в том, как именно должен решаться вопрос соотношения государства гражданского общества и рынка как трех элементов, играющих важную роль в культурных процессах. Националистическая модель имеет явный перекос в сторону государства как основного инструмента проведения социальной, культурной и экономической политики. Плюралистическая модель отдает приоритет гражданским сообществам и в меньшей степени занимается вопросом обеспечения общенационального единства. Национальная модель, совмещая две вышеуказанные, признает область культуры и ценностей внутренним делом гражданских сообществ, опирается (как и плюралистическая модель) на идею спонтанного порядка, но уделяет также важное внимание роли общей национальной культуры, имеющей социальный характер, для поддержания общей идентичности, что дает ей некоторые преимущества перед двумя другими моделями. Тем не менее все перечисленные модели, имея потенциал для дальнейшей разработки, все же не решают ряд важных проблем. Например, проблему выработки собственной концепции справедливости. Консерватизм считает приоритетным решение задач, связанных с поддер-

жанием стабильности, безопасности, социального порядка, но культурные консерваторы не выработали своей собственной теории справедливости. Создание такой теории в рамках консервативной интеллектуальной топики, принимая общие исходные принципы консервативного стиля мышления об ограниченной рациональности в вопросах социального и политического знания, а также выраженный практико-ориентированный характер консервативной мысли, — непростая задача. Но это вовсе не исключает возможности поиска дополнительных способов обоснования некоторых ключевых для культурного консерватизма положений (свободы как самоуправления, критики эгалитаризма, ориентации на традицию и культуру). Безусловно, культурный консерватизм — прежде всего критическая теория, тесно связанная с анализом либеральных и прогрессистских концепций. Однако он имеет и собственные концептуальные ориентиры в виде сообществ, защиты отношений авторитета, культивации ответственности и идентичности.

На наш взгляд, принятые в качестве исходных коммунитарные принципы предоставляют лучшие перспективы для развития культурно-консервативных теорий, нежели либертарные в силу двух обстоятельств. Во-первых, культурные консерваторы могут заимствовать и перерабатывать наработки теоретиков коммунитаризма, с позициями которых они в некоторой степени солидарны. Во-вторых, в своей изначальной форме консервативная мысль ориентировалась на коммунитарное понимание общества и человека.

Отдельно следует отметить, что аргументация культурных консерваторов не может быть выстроена исключительно дедуктивным способом, без ссылок на практический опыт, учета тех или иных ограничений применения рационального метода в политике. Поэтому обоснование роли ключевых для культурных консерваторов принципов является для них приоритетной концептуальной задачей, так как эффективная политико-философская теория не может исчерпываться лишь своей критической составляющей.

Примечания

¹ Консерватизм здесь «рассматривается в качестве идеологии, возникающей при особых, но повторяющихся исторических ситуациях, когда существует фундаментальная угроза устоявшимся институтам и при которых сторонники данных институтов используют консервативную идеологию в качестве защиты» [2, с. 232].

² Миссией консерватизма Ремизов называет 'возобновление истоков', под которым подразумевается сохранение ресурсов, вроде трудовой этики, семейной этики, ценностей общества и т.д. [3].

³ Сторонники мангеймовского подхода выделяют в качестве базовых консервативных оснований органицизм, холизм, а также иногда и культурный фундаментализм [4, с. 103]. Англо-американские консерваторы часто ссылаются на положение, выделенные Расселлом Кирком [6], продолжателем традиции Эдмунда Бёрка. Исследователи консерватизма делают попытки найти некий общий 'первопринцип' консерватизма. Интересная трактовка была предложена Ильей Дёминым, который считает, что таковым является 'защита границ' и/или 'апология ограниченности' [7].

⁴ Культурный прогрессизм можно охарактеризовать как установку в области ценностей и культурных практик, цель которой состоит в переориентации базовых ценностей и норм общества в соответствии с идеалами свободы и равенства.

Культурные прогрессисты критикуют традиционные нормы и ценности как преграды, стоящие на пути к более справедливому обществу.

⁵ Необходимо отличать культурный консерватизм в более узком значении, под которым понимается консерватизм в культуре как в особой сфере и который не имеет в качестве своего предмета политические институты или полномочия правительства [11, р. 57]. Теории и концепции, анализируемые в рамках данной статьи, делают акцент на обусловленности политических, экономических и социальных явлений культурой.

⁶ Некоторые исследователи указывают на то, что смена ориентации с экономической на социокультурную связана с интеллектуальной победой правых доктрин в экономике, кризисом социализма и успехом капитализма [12, с. 265–291]. В капиталистических западных обществах наметился ценностный раскол между сторонниками традиционных ценностей и прогрессистами [13].

⁷ Хантингтон отмечает, что в современном мире «культура и различные виды культурной идентификации определяют модели сплочённости, дезинтеграции и конфликта» [15, с. 15].

⁸ Патрик Денин использует термин 'антикультура', чтобы подчеркнуть, что либерализм (особенно в прогрессистской форме) опирается на идею личной автономии и прямо связан с идеей эмансипации от культурных традиций [16, р. 66–79].

⁹ По этому поводу Бёрк писал: «Что такое свобода без мудрости и добродетели? Это величайшее из всех возможных зол, порок и безумие, не поддающиеся обузданию» [18, с. 355].

¹⁰ В отношении критики ролзовской концепции часть консерваторов солидаризируется с Р. Нозиком. Существует и альтернативный подход в рамках консервативной теории к критике ролзовской «Теории справедливости», предложенный Грантом [27].

¹¹ Культурные консерваторы, допуская различия национальных культур, не выдвигают каких-либо единых требований. Социетальная культура может быть как 'тонкой' (язык, признание общих институтов и гражданства), так и 'толстой' (общая религия, история, ценности и т.д.).

Библиографический список

1. Oakeshott M. On Being Conservative // *Rationalism in Politics and Other Essays*. Indianapolis: Liberty Fund, 1991. P. 407–437.
2. Хантингтон С. Консерватизм как идеология / пер. с англ. А. Закутина // *Тетради по консерватизму*. 2016. № 1. С. 231–250. DOI: 10.24030/2409-2517-2016-1-231-250.
3. Ремизов М. В. Консерватизм как стиль мышления и политическая повестка // *Тетради по консерватизму*. 2014. № 1. С. 79–83.
4. Ремизов М. В. Миссия консерватизма в современном мире // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2010. № 4. С. 97–106.
5. Мангейм К. Идеология и утопия / пер. с нем. М. Левиной // *Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы*. Москва: Прогресс, 1991. С. 113–169.
6. Kirk R. *The Conservative Mind: From Burke to Eliot*. Washington, D.C.: Regnery Publishing, 2001. 535 p.
7. Дёмин И. В. К вопросу об 'общем знаменателе' различных типов консерватизма // *Политика и общество*. 2017. № 9. С. 42–57. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.9.23418.
8. Ионин А. Консерватизм // *Логос*. 2005. № 3 (48). С. 3–73.
9. Rayner J. *Philosophy into Dogma: The Revival of Cultural Conservatism* // *British Journal of Political Science*. 1986. Vol. 16, № 4. P. 455–473. DOI: 10.1017/S000712340000452X.
10. Trimcev E. *Conservatism: Empirical or Metaphysical?* // *Cosmos + Taxis*. 2019. Vol. 6, № 3/4. P. 3–14.
11. Scruton R. *Conservatism. An Invitation to the Great Tradition*. New York: St. Martin Press, 2018. 176 p.

12. Хикс С. Объясняя постмодернизм / пер. с англ. А. Шуваловой. Москва: РИПОЛ классик, 2021. 320 с.
13. Hunter J. D. Culture Wars: The Struggle to Define America. New York: Basic Books, 1991. 432 p.
14. Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. 2012. № 1 (85). С. 14–79.
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. Москва: АСТ, 2003. 603 с.
16. Deneen P. J. Why Liberalism Failed. New Haven: Yale University Press, 2018. 225 p.
17. Woods T. E. Defending the 'Little Platoons': Communitarianism in American Conservatism // American Studies. 1999. Vol. 40, № 3. P. 127–145.
18. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции / пер. с англ. С. Векслер. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. 411 с.
19. Scruton R. Conservative Texts: An Anthology. London: Palgrave Macmillan, 1991. 352 p.
20. Константинов М. С., Николаев И. В. Фреймы и концепты морального обоснования консерватизма // Политическая концептология. 2013. № 4. С. 213–226.
21. Руткевич Е. Д. Социологическая концепция Роберта Нисбета // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 27–43.
22. Nisbet R. Conservatives and Libertarians: Uneasy Cousins // Modern Age. 1980. Vol. 24, № 1. P. 2–8.
23. Парфенов А. Д. Либертарианская модель культурного консерватизма // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 3. С. 60–66. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-60-66.
24. Тённис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. Складнева. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2002. 452 с.
25. Henrie M. C. Understanding Traditional Conservatism // Varieties of Conservatism in America / Ed. P. Berkowitz. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2004. P. 1–30.
26. Ireland P. Reflections on a Rampage Through the Barriers of Shame: Law, Community, and the New Conservatism // Journal of Law and Society. 1995. Vol. 22, № 2. P. 189–211. DOI: 10.2307/1410403.
27. Cockram N. R. The Forked Road: Scruton, Grant and the Conservative Critique of Liberalism // Cosmos+Taxis. 2019. Vol. 6, № 3/4. P. 66–77.
28. Nisbet R. Community and Power (formerly The Quest for Community). New York: Oxford University Press, 1962. 303 p.
29. Sheahan L. C. Conservative, Pluralist, Sociologist: Robert Nisbet's Burke // Studies in Burke and His Time. 2019. Vol. 28. P. 28–63.
30. Скрутон Р. Как быть консерватором / пер. с англ. Б. Дынина. Москва, 2021. 211 с.
31. Drolet J. F., Williams M. C. America First: Paleoconservatism and the Ideological Struggle for the American Right // Journal of the Political Ideologies. 2020. Vol. 25, № 1. P. 28–50. DOI: 10.1080/13569317.2020.1699717.
32. Готфрид П. Палеоконсерваторы: правые изгои Америки / пер. с англ. П. Паршина // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 77–84. DOI: 10.24030/2409-2517-2016-1-77-84.
33. Hoppe H.-H. Democracy: The God That Failed. The Economics and Politics of Monarchy, Democracy, and Natural Order. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2007. 304 p.
34. Sheahan L. C. State, Community, and Individual: Robert Nisbet and Freedom of Association in American Constitutionalism: Ph. D. Dissertation in Political Sciences. Washington, D. C.: The Catholic University of America, 2016. 286 p.
35. Nisbet R. A. The New Despotism // Studies in Social Theory. Menlo Park, CA: Institute for Humane Studies, 1976. № 6. P. 3–34.
36. Nisbet R. A. The Quest for Community: A Study in the Ethics of Order and Freedom. New York: Oxford University Press, 1953. 303 p.
37. Канарш Г. Ю. Справедливость и идея сообщества // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. С. 77–86.
38. MacIntyre A. The Nature of the Virtues // The Hastings Center Report. 1981. Vol. 11, № 2. P. 27–34. DOI: 10.2307/3561072.
39. Young D. E. A Dead End in Alasdair MacIntyre's Political Thought? Institutions, Pluralism, and the Liberal Tradition // Journal of Religion, Culture & Democracy. 2022. Vol. 1. P. 1–16.
40. Грей Дж. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности / пер. с англ. Е. Переяславцевой, Е. Рудницкой, М. Фетисова. Москва: Практис, 2003. 368 с.
41. Gray J. Two Faces of Liberalism. New York: The New Press, 2002. 161 p.
42. Scruton R. The Significance of Common Culture // Philosophy. 1979. Vol. 54, № 207. P. 51–70. DOI: 10.1017/s0031819100024876.
43. Scruton R. Modern Culture. London: Bloomsbury, 2018. 192 p.
44. Scruton R. England and the Need for Nations. London: Civitas: Institute for the Study of Civil Society, 2004. 54 p.
- ПАРФЕНОВ Александр Дмитриевич**, аспирант, ассистент кафедры философии, медиа и журналистики Тюменского государственного университета, г. Тюмень.
AuthorID (РИНЦ): 1141812
ORCID: 0000-0003-1241-5409
Адрес для переписки: forlanatletico@mail.ru
- Для цитирования**
- Парфенов А. Д. Коммунитарные модели культурного консерватизма // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 75–84. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-75-84.
- Статья поступила в редакцию 17.11.2023 г.**
© А. Д. Парфенов

COMMUNITARIAN MODELS OF CULTURAL CONSERVATISM

The article analyses communitarian models of cultural conservatism. The specific features of cultural conservatism as a form of conservative theory are revealed. A comparative analysis of various communitarian models for cultural conservatism is carried out, their common and specific features are identified. It is concluded that the initial communitarian principles of cultural conservatives can lead to different assessments of the role of the state in the implementation of cultural and national policies, as well as the most preferable ways of protecting and preserving values.

Keywords: conservatism, cultural conservatism, cultural policy, communitarianism.

References

1. Oakeshott M. On Being Conservative // Rationalism in Politics and Other Essays. Indianapolis: Liberty Fund, 1991. P. 407–437. (In Engl.).
2. Huntington S. Konservatizm kak ideologiya [Conservatism as an Ideology] / trans. from Engl. A. Zakutin // Tetradi po konservatizmu. *Notebooks on Conservatism*. 2016. No. 1. P. 231–250. DOI: 10.24030/2409-2517-2016-1-231-250. (In Russ.).
3. Remizov M. V. Konservatizm kak stil' myshleniya i politicheskaya povestka [Conservatism as a Style of Thinking and Political Agenda] // Tetradi po konservatizmu. *Notebooks on Conservatism*. 2014. No. 1. P. 79–83. (In Russ.).
4. Remizov M. V. Missiya konservatizma v sovremennom mire [The Mission of Conservatism in the Modern World] // Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2010. No. 4. P. 97–106. (In Russ.).
5. Mannheim K. Ideologiya i utopiya [Ideology and Utopia] / transl. by Germ. M. Levinoy // Utopiya i utopicheskoye myshleniye. Antologiya zarubezhnoy literatury. [Utopia and Utopian Thinking. Anthology of Foreign Literature]. Moscow, 1991. P. 113–169. (In Russ.).
6. Kirk R. The Conservative Mind: From Burke to Eliot. Washington, D.C.: Regnery Publishing, 2001. 535 p. (In Engl.).
7. Demin I. V. K voprosu ob 'obshchem znamenateli' razliynykh tipov konservatizma [On the Question of the 'Common Denominator' of Different Types of Conservatism] // Politika i obshchestvo. *Politics and Society*. 2017. No. 9. P. 42–57. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.9.23418. (In Russ.).
8. Ionin L. Konservatizm [Conservatism] // Logos. *Logos*. 2005. No. 3 (48). P. 3–73. (In Russ.).
9. Rayner J. Philosophy into Dogma: The Revival of Cultural Conservatism // British Journal of Political Science. 1986. Vol. 16, no. 4. P. 455–473. DOI: 10.1017/S000712340000452X. (In Engl.).
10. Trimcev E. Conservatism: Empirical or Metaphysical? // Cosmos+Taxis. 2019. Vol. 6, no. 3/4. P. 3–14. (In Engl.).
11. Scruton R. Conservatism. An Invitation to the Great Tradition. New York: St. Martin Press, 2018. 176 p. (In Engl.).
12. Hicks S. Obyasnyaya postmodernizm [Explaining Postmodernism] / trans. from Engl. A. Shuvalovoy. Moscow, 2021. 320 p. (In Russ.).
13. Hunter J. D. Culture Wars: The Struggle to Define America. New York: Basic Books, 1991. 432 p. (In Engl.).
14. Kurennoy V. Issledovatel'skaya i politicheskaya programma kul'turnykh issledovaniy [Research and Policy Program of Cultural Studies] // Logos. *Logos*. 2012. No. 1 (85). P. 14–79. (In Russ.).
15. Huntington S. Stolknoveniye tsivilizatsiy [The Clash of Civilizations] / trans. from Engl. T. Velimeeva, Yu. Novikova. Moscow, 2003. 603 p. (In Russ.).
16. Deneen P. J. Why Liberalism Failed. New Haven: Yale University Press, 2018. 225 p. (In Engl.).
17. Woods T. E. Defending the 'Little Platoons': Communitarianism in American Conservatism // American Studies. 1999. Vol. 40, no. 3. P. 127–145. (In Engl.).
18. Burke E. Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii [Reflections on the Revolution in France] / trans. from Engl. S. Vekslera. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. 411 p. (In Russ.).
19. Scruton R. Conservative Texts: An Anthology. London: Palgrave Macmillan, 1991. 352 p. (In Engl.).
20. Konstantinov M. S., Nikolaev I. V. Freymy i kontsepty moral'nogo obosnovaniya konservatizma [Frames and Concepts of Moral Justification for Conservatism] // Political Conceptology. 2013. No. 4. P. 213–226. (In Russ.).
21. Rutkevich E. D. Sotsiologicheskaya kontseptsiya Roberta Nisbeta [Sociological Concept of Robert Nisbet] // Sotsiologicheskii zhurnal. *Sociological Journal*. 1999. No. 1/2. P. 27–43. (In Russ.).
22. Nisbet R. Conservatives and Libertarians: Uneasy Cousins // Modern Age. 1980. Vol. 24, no. 1. P. 2–8. (In Engl.).
23. Parfenov A. D. Libertarianskaya model' kul'turnogo konservatizma [Libertarian Model of Cultural Conservatism] // Omskiy nauchnyy vestnik. *Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 3. P. 60–66. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-60-66. (In Russ.).
24. Tönnies F. Obshchnost' i obshchestvo: osnovnyye ponyatiya chistoy sotsiologii [Community and Society: Basic Concepts in Pure Sociology] / trans. from Germ. D. B. Sklyadneva. Saint Petersburg, 2002. 452 p. (In Russ.).
25. Henrie M. C. Understanding Traditional Conservatism // Varieties of Conservatism in America / Ed. P. Berkowitz. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2004. P. 1–30. (In Engl.).
26. Ireland P. Reflections on a Rampage Through the Barriers of Shame: Law, Community, and the New Conservatism // Journal of Law and Society. 1995. Vol. 22, no. 2. P. 189–211. DOI: 10.2307/1410403. (In Engl.).
27. Cockram N. R. The Forked Road: Scruton, Grant and the Conservative Critique of Liberalism // Cosmos+Taxis. 2019. Vol. 6, no. 3/4. P. 66–77. (In Engl.).

28. Nisbet R. A. *Community and Power* (formerly *The Quest for Community*). New York: Oxford University Press, 1962. 303 p. (In Engl.).
29. Sheahan L. C. *Conservative, Pluralist, Sociologist: Robert Nisbet's Burke* // *Studies in Burke and His Time*. 2019. Vol. 28. P. 28–63. (In Engl.).
30. Scruton R. *Kak byt' konservatorom* [How to Be a Conservative] / trans. from Engl. B. Dynina. Moscow, 2021. 211 p. (In Russ.).
31. Drolet J. F., Williams M. C. *America First: Paleoconservatism and the Ideological Struggle for the American Right* // *Journal of the Political Ideologies*. 2020. Vol. 25, no. 1. P. 28–50. DOI: 10.1080/13569317.2020.1699717. (In Engl.).
32. Gottfried P. *Paleokonservatory: pravye izgoi Ameriki* [Paleoconservatives: America's Right-Wing Outcasts] / trans. by Engl. P. Parshina // *Tetradi po konservatizmu. Notebooks on Conservatism*. 2016. No. 1. P. 77–84. DOI: 10.24030/2409-2517-2016-1-77-84. (In Russ.).
33. Hoppe H.-H. *Democracy: The God That Failed. The Economics and Politics of Monarchy, Democracy, and Natural Order*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2007. 304 p. (In Engl.).
34. Sheahan L. C. *State, Community, and Individual: Robert Nisbet and Freedom of Association in American Constitutionalism*: Ph. D. Dissertation in Political Sciences. Washington, D. C.: The Catholic University of America, 2016. 286 p. (In Engl.).
35. Nisbet R. A. *The New Despotism* // *Studies in Social Theory* No. 6. Menlo Park, CA: Institute for Humane Studies, 1976. P. 3–34. (In Engl.).
36. Nisbet R. A. *The Quest for Community: A Study in the Ethics of Order and Freedom*. New York: Oxford University Press, 1953. 303 p. (In Engl.).
37. Kanarsh G. Yu. *Spravedlivost' i ideya soobshchestva* [Justice and Community Idea] // *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye. Knowledge. Understanding. Skills*. 2010. No. 4. P. 77–86. (In Russ.).
38. MacIntyre A. *The Nature of the Virtues* // *The Hastings Center Report*. 1981. Vol. 11, no. 2. P. 27–34. DOI: 10.2307/3561072. (In Engl.).
39. Young D. E. *A Dead End in Alasdair MacIntyre's Political Thought? Institutions, Pluralism, and the Liberal Tradition* // *Journal of Religion, Culture & Democracy*. 2022. Vol. 1. P. 1–16. (In Engl.).
40. Gray J. *Pominki po Prosveshcheniyu: Politika i kul'tura na zakate sovremennosti* [Enlightenment's Wake: Politics and Culture at the Close of the Modern Age] / trans. from Engl. E. Pereyaslavtsev, E. Rudnitskoy, M. Fetisova. Moscow, 2003. 368 p. (In Russ.).
41. Gray J. *Two Faces of Liberalism*. New York: The New Press, 2002. 161 p. (In Engl.).
42. Scruton R. *The Significance of Common Culture* // *Philosophy*. 1979. Vol. 54, no. 207. P. 51–70. DOI: 10.1017/s0031819100024876. (In Engl.).
43. Scruton R. *Modern Culture*. London: Bloomsbury, 2018. 192 p. (In Engl.).
44. Scruton R. *England and the Need for Nations*. London: Civitas: Institute for the Study of Civil Society, 2004. 54 p. (In Engl.).

PARFENOV Alexander Dmitrievich, Graduate Student, Assistant of Philosophy, Media and Journalism Department, Tyumen State University, Tyumen. AuthorID (RSCI): 1141812. ORCID: 0000-0003-1241-5409 Correspondence address: forlanatletico@mail.ru

For citations

Parfenov A. D. *Communitarian Models of Cultural Conservatism* // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 75–84. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-75-84.

Received November 17, 2023.
© A. D. Parfenov

УДК 17.036.2
DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-85-89
EDN: REEWIV

К. МакГинн

Колледж Иисуса,
Оксфордский университет,
Оксфорд, Великобритания

Перевод с английского

А. В. НЕХАЕВ

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

АБСУРДНЫЙ УТИЛИТАРИЗМ

В эссе содержится радикальная критика тотального утилитаризма действия. Последовательно реализуемый принцип максимизации совокупной полезности предполагает, что лучшим миром из тех, что мы можем создать (при некотором заданном объеме ресурсов R), будет мир с бесчисленными крысиными мозгами в бочках, перепрофилированными в сплошные центры удовольствия.

Ключевые слова: утилитаризм, максимизация совокупной полезности, популяционная этика, отвратительный вывод, мозги в бочках.

В соответствии с базовым принципом утилитаризма мы морально обязаны 'максимизировать полезность': имея некоторый фиксированный и конечный ресурс R , мы должны действовать так, чтобы произвести в мире с этим ресурсом R наибольшее количество полезности (счастья, удовольствия, удовлетворения предпочтений). Мы можем назвать это сильным принципом благодеяния (SPB); он предписывает использовать наши ресурсы таким образом, чтобы извлекать больший объем полезности, чем можно было бы получить любым другим способом, независимо от каких-либо альтернативных моральных требований, потенциально конкурирующих с подобными утилитарными расчетами. Принцип SPB предписывает создавать наилучший мир, который мы могли бы создать, исходя из требования максимизации полезности — 'наибольшего счастья для наибольшего числа людей'.

Считается, что данная доктрина в качестве следствия содержит предписание увеличивать число людей в мире, даже если средний уровень счастья будет ниже, чем при их меньшем числе, поскольку это позволит нам максимизировать общее совокупное счастье. При заданном объеме R распределение этого ресурса между двумя миллионами людей может дать большее суммарное счастье, чем между одним миллионом, даже если каждый человек при таком распределении будет менее счастлив. Принимая во внимание этот эмпирический факт, мы морально обязаны увеличивать численность населения. Чем больше людей, тем больше удовольствия, пусть даже каждый человек по отдельности

может быть и менее удовлетворен, чем при альтернативном способе распределения ресурса R . (Если бы мы решили, что нам нужно увеличивать не совокупный, а средний показатель полезности, тогда нам следовало бы сократить численность населения, чтобы увеличить показатель полезности в расчете на каждого человека, несмотря на потери в объемах совокупной полезности.) Такой результат многим кажется контринтуитивным, особенно если мы доводим его до предела (например, увеличиваем в десять раз миллионное население, где каждый из людей всего лишь на десятую долю счастливее, чем представитель исходного миллиона)¹; однако, некоторые готовы согласиться с тем, что это был бы морально правильный результат. Ниже я буду развивать взгляды сторонников подобной точки зрения, постепенно доводя их до абсурда.

Для начала предположим, что с помощью нейронауки мы обнаружили возможность перепрофилирования отдельных участков человеческого мозга в центры удовольствия, и теперь мы можем преобразовывать ткани мозга, отвечающие за интеллект, в такие ткани мозга, которые отвечали бы за удовольствие (счастье, удовлетворение предпочтений). Этой простой операцией мы могли бы значительно повысить показатель полезности каждого отдельного человека, хотя и путем соответствующего снижения уровня его интеллекта. Согласно требованиям принципа SPB, мы обязаны как можно скорее проделать такую операцию над каждым человеком, что привело бы к увеличению совокупной полезности в мире. Либо, как вариант, мы могли бы генети-

чески спроектировать будущих людей так, чтобы большая часть их мозга уже была задействована в производстве удовольствия, а меньшая — в работе центров, отвечающих за интеллект. Тем самым мы уменьшили бы общий IQ людей, но увеличили бы их совокупный UQ (коэффициент полезности). И в итоге мы получали бы счастливых улыбающихся людей, пусть и менее умных. Я считаю это чем-то явно неправильным — такой модификацией мозга мы никому не приносим блага. Допустим, что мы доведем результаты таких операций до предела, выделив значительную часть коры головного мозга для получения удовольствия и резко снизив при этом число центров, отвечающих за интеллект, — скажем, до среднего показателя IQ в 50 единиц. Скорее всего, кто-то должен будет управлять жизнью всех этих людей по причине общего дефицита интеллекта; но против этого SPB не имеет никаких принципиальных возражений — для него важно только, чтобы объем совокупной полезности в мире был максимальным².

Более того, я думаю, что некоторые даже в этом случае готовы продолжать спорить, поэтому рассмотрим еще одну возможность. Предположим, что центры удовольствия в мозге крысы более мощные, чем в мозге человека, а значит, ресурс R может произвести большее количество полезности в мозге крысы, чем в мозге человека, — в результате мы получаем больше утилитарных выгод, стимулируя центры удовольствия крыс, а не людей. Так что при заданном объеме R в мире будет больше совокупного удовольствия, если крыс будет больше, чем людей. Имеем ли мы тогда моральное обязательство сократить число людей и увеличить число крыс? Не предписывает ли нам принцип SPB в предельном случае полностью отказаться от людей и взамен создать массовую популяцию крыс, каждая из которых будет обладать высокопроизводительным центром удовольствия? Похоже, что именно так мы и должны поступить. Или предположим теперь, что у некоторых людей центры удовольствия могут работать более экономичным образом, чем у других: должны ли мы в таком случае стремиться отобрать и оставить только этих людей, вычеркнув всех остальных? Все подобные решения видятся мне абсурдными (и даже чудовищными), поэтому неограниченный в своих требованиях принцип SPB является морально неприемлемым. Мы не обязаны максимизировать полезность — ведь мир, в котором больше полезности, чем в каком-то другом, не обязательно является лучшим миром.

Если принять во внимание возможные издержки, мы, напротив, обязаны не максимизировать полезность.

И наконец, последний пример: предположим, что менее затратным для нас было бы содержать мозги в бочках, чем в способных к движению и восприятию телах, поэтому ресурс R мог бы быть использован нами более эффективно для производства полезности внутри мозгов в бочках, а не в полноценно функционирующих человеческих организмах. Обязаны ли мы тогда извлечь мозг каждого человека и поместить его в бочку (при условии, что нам доступна такая технология), чтобы таким образом обеспечить большее количество счастливых мозгов при некотором заданном объеме ресурса R ? Сторонник утилитаризма, конечно же, ответит утвердительно, — ведь тогда в совокупности мы получим больший объем полезности. Но, если объединить этот пример с моим первым примером, обязаны ли мы

тогда перепрофилировать ткани мозга людей в интересах производства большего удовольствия, чтобы затем все их поместить в бочки? Разве мир, где существует огромное число довольно глупых мозгов в бочках, был бы лучше, чем мир с меньшим числом умных нормальных людей? Несомненно, нет — это было бы полным абсурдом. А представим теперь, что мы могли бы извлечь наибольший объем совокупной полезности в мире путем перепрофилирования мозга крысы, выделяя в них как можно больше тканей мозга для работы центров удовольствия, уничтожив при этом все остальные виды, а затем поместив все крысиные мозги в бочки. Это кажется мне вполне правдоподобным сценарием, — и подобным образом мы действительно могли бы радикально максимизировать совокупную полезность в мире при некотором заданном объеме ресурса R . Тем не менее, как я понимаю, никто не готов зайти так далеко, оценивая миллиарды и миллиарды плавающих в бочках глупых крысиных мозгов как наилучший из миров, который мы могли бы создать. И это является опровержением утилитаризма.

Примечания

¹ Предлагаемые Колином МакГинном возражения против базовых оснований утилитаризма (и в частности, против принципа SPB) следует рассматривать как необычную по своему дизайну разновидность аргументов с так называемым *Отвратительным Выводом* (The Repugnant Conclusion). Критика утилитаризма на основе подобного рода аргументов стала особенно популярна благодаря усилиям Дерек Парфита, который в работе *Reasons and Persons* представил классическую формулировку *Отвратительного вывода*: «Для любой возможной популяции численностью не менее десяти миллионов человек, каждый из которых проживает свою жизнь с очень высоким уровнем благосостояния, должна быть представима какая-то гораздо большая популяция, существование которой при прочих равных условиях было бы лучшей альтернативой для мира, даже если жизнь каждого из членов такой популяции едва ли стоила бы того, чтобы ее прожить» [1, р. 388; подробнее об актуальных, связанных с *Отвратительным выводом* дискуссиях в области популяционной этики: 2–15; 16, р. 210–214; 17–22; **Прим. переводчика**].

² Вы можете возразить, что за счет снижения интеллекта этим людям были бы недоступны 'высшие удовольствия', однако, ради аргумента предположим, что это компенсировалось бы достаточным увеличением их 'низших удовольствий'.

Библиографический список

1. Parfit D. *Reasons and Persons*. Oxford: Oxford University Press, 1986. 560 p.
2. Anglin B. The Repugnant Conclusion // *Canadian Journal of Philosophy*. 1977. Vol. 7, № 4. P. 745–754. DOI: 10.1080/00455091.1977.10716193.
3. Hurka T. M. Average Utilitarianisms // *Analysis*. 1982. Vol. 42, № 2. P. 65–69. DOI: 10.1093/analysis/42.2.65.
4. Parfit D. Overpopulation and the Quality of Life // *Applied Ethics* / Ed. P. Singer. Oxford: Oxford University Press. P. 145–164.
5. Dasgupta P., Stiglitz J. Population Size and the Quality of Life // *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1989. Vol. 63, № 1. P. 23–54. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/63.1.23.
6. Sider T. Might Theory X Be a Theory of Diminishing Marginal Value? // *Analysis*. 1991. Vol. 51, № 4. P. 265–271. DOI: 10.1093/analysis/51.4.265.
7. Crisp R. Utilitarianism and the Life of Virtue // *The Philosophical Quarterly*. 1992. Vol. 42, № 167. P. 139–160. DOI: 10.2307/2220212.

8. Feldman F. Justice, Desert, and the Repugnant Conclusion // *Utilitas*. 1995. Vol. 7, № 2. P. 189–206. DOI: 10.1017/S095382080000203X.
9. Ryberg J. Parfit's Repugnant Conclusion // *The Philosophical Quarterly*. 1996. Vol. 46, № 183. P. 202–213. DOI: 10.2307/2956387.
10. Fotion N. Repugnant Thoughts about the Repugnant Conclusion Argument // *Contingent Future Persons: On the Ethics of Deciding Who Will Live, or Not, in the Future* / Eds. N. Fotion, J. C. Heller. Dordrecht: Springer Science + Business Media, 1997. P. 85–97.
11. Carlson E. Mere Addition and Two Trilemmas of Population Ethics // *Economics and Philosophy*. 1998. Vol. 14, № 2. P. 283–306. DOI: 10.1017/S0266267100003862.
12. Arrhenius G. An Impossibility Theorem for Welfarist Axiologies // *Economics and Philosophy*. 2000. Vol. 16, № 2. P. 247–266. DOI: 10.1017/S0266267100000249.
13. Tännsjö T. Why We Ought to Accept the Repugnant Conclusion // *Utilitas*. 2002. Vol. 14, № 3. P. 339–359. DOI: 10.1017/S0953820800003642.
14. Mulgan T. The Reverse Repugnant Conclusion // *Utilitas*. 2002. Vol. 14, № 3. P. 360–364. DOI: 10.1017/S0953820800003654.
15. The Repugnant Conclusion / Eds. J. Ryberg, T. Tännsjö. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2004. 260 p.
16. Broome J. *Weighing Lives*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 278 p.
17. Huemer M. In Defence of Repugnance // *Mind*. 2008. Vol. 117, № 468. P. 899–933. DOI: 10.1093/mind/fzn079.
18. Masny M. On Parfit's Wide Dual Person-Affecting Principle // *The Philosophical Quarterly*. 2020. Vol. 70, № 278. P. 114–139. DOI: 10.1093/pq/pqz049.
19. Beard S. Perfectionism and the Repugnant Conclusion // *The Journal of Value Inquiry*. 2020. Vol. 54, № 1. P. 119–140. DOI: 10.1007/s10790-019-09687-4.
20. Jensen K. K. Weak Superiority, Imprecise Equality and the Repugnant Conclusion // *Utilitas*. 2020. Vol. 32, № 3. P. 294–315. DOI: 10.1017/S0953820819000517.
21. Spears D., Budolfson M. Repugnant Conclusions // *Social Choice and Welfare*. 2021. Vol. 57, № 3. P. 567–588. DOI: 10.1007/s00355-021-01321-2.
22. Zuber S., Venkatesh N., Tännsjö T. [et al.]. What Should We Agree on about the Repugnant Conclusion? // *Utilitas*. 2021. Vol. 33, № 4. P. 379–383. DOI: 10.1017/S095382082100011X.

Сведения о переводчике

НЕХАЕВ Андрей Викторович, доктор философских наук, доцент (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры «Философия» Тюменского государственного университета, г. Тюмень; научный сотрудник Лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН, г. Томск.

SPIN-код: 5844-9381

AuthorID (РИНЦ): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Адрес для переписки: avnehaev@omgtu.ru

Источник перевода:

McGinn C. *Absurd Utilitarianism* // *Philosophical Provocations: 55 Short Essays*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2017. P. 267–268.

Ссылка на полный текст эссе:

https://www.google.ru/books/edition/Philosophical_Provocations/OAQxDwAAQBAJ?hl=ru&gbpv=1&dq

Для цитирования

МакГинн К. Абсурдный утилитаризм = McGinn C. *Absurd Utilitarianism* / пер. с англ. А. В. Нехаева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 85–89. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-85-89.

Статья поступила в редакцию 29.07.2023 г.

© К. МакГинн

ABSURD UTILITARIANISM

The essay contains a radical critique of the total act utilitarianism. The consistent implementation principle of aggregate utility maximization suggests that the best world what we can create (with a given amount of resource R) would be a world with countless rat brains in vats converted into solid pleasure centers.

Keywords: utilitarianism, maximization aggregate utility, population ethics, repugnant conclusion, brains in vats.

References

1. Parfit D. *Reasons and Persons*. Oxford: Oxford University Press, 1986. 560 p. (In Engl.).
2. Anglin B. The Repugnant Conclusion // *Canadian Journal of Philosophy*. 1977. Vol. 7, no. 4. P. 745–754. DOI: 10.1080/00455091.1977.10716193. (In Engl.).
3. Hurka T. M. Average Utilitarianisms // *Analysis*. 1982. Vol. 42, no. 2. P. 65–69. DOI: 10.1093/analys/42.2.65. (In Engl.).
4. Parfit D. Overpopulation and the Quality of Life // *Applied Ethics* / Ed. P. Singer. Oxford: Oxford University Press. P. 145–164. (In Engl.).
5. Dasgupta P., Stiglitz J. Population Size and the Quality of Life // *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1989. Vol. 63, no. 1. P. 23–54. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/63.1.23. (In Engl.).
6. Sider T. Might Theory X Be a Theory of Diminishing Marginal Value? // *Analysis*. 1991. Vol. 51, no. 4. P. 265–271. DOI: 10.1093/analys/51.4.265. (In Engl.).
7. Crisp R. Utilitarianism and the Life of Virtue // *The Philosophical Quarterly*. 1992. Vol. 42, no. 167. P. 139–160. DOI: 10.2307/2220212. (In Engl.).
8. Feldman F. Justice, Desert, and the Repugnant Conclusion // *Utilitas*. 1995. Vol. 7, no. 2. P. 189–206. DOI: 10.1017/S09538208000203X. (In Engl.).
9. Ryberg J. Parfit's Repugnant Conclusion // *The Philosophical Quarterly*. 1996. Vol. 46, no. 183. P. 202–213. DOI: 10.2307/2956387. (In Engl.).
10. Fotion N. Repugnant Thoughts about the Repugnant Conclusion Argument // *Contingent Future Persons: On the Ethics of Deciding Who Will Live, or Not, in the Future* / Eds. N. Fotion, J. C. Heller. Dordrecht: Springer Science + Business Media, 1997. P. 85–97. (In Engl.).
11. Carlson E. Mere Addition and Two Trilemmas of Population Ethics // *Economics and Philosophy*. 1998. Vol. 14, no. 2. P. 283–306. DOI: 10.1017/S0266267100003862. (In Engl.).
12. Arrhenius G. An Impossibility Theorem for Welfarist Axiologies // *Economics and Philosophy*. 2000. Vol. 16, no. 2. P. 247–266. DOI: 10.1017/S0266267100000249. (In Engl.).
13. Tännsjö T. Why We Ought to Accept the Repugnant Conclusion // *Utilitas*. 2002. Vol. 14, no. 3. P. 339–359. DOI: 10.1017/S0953820800003642. (In Engl.).
14. Mulgan T. The Reverse Repugnant Conclusion // *Utilitas*. 2002. Vol. 14, no. 3. P. 360–364. DOI: 10.1017/S0953820800003654. (In Engl.).
15. The Repugnant Conclusion / Eds. J. Ryberg, T. Tännsjö. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2004. 260 p. (In Engl.).
16. Broome J. *Weighing Lives*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 278 p. (In Engl.).
17. Huemer M. In Defence of Repugnance // *Mind*. 2008. Vol. 117, no. 468. P. 899–933. DOI: 10.1093/mind/fzn079. (In Engl.).
18. Masny M. On Parfit's Wide Dual Person-Affecting Principle // *The Philosophical Quarterly*. 2020. Vol. 70, no. 278. P. 114–139. DOI: 10.1093/pq/pqz049. (In Engl.).
19. Beard S. Perfectionism and the Repugnant Conclusion // *The Journal of Value Inquiry*. 2020. Vol. 54, no. 1. P. 119–140. DOI: 10.1007/s10790-019-09687-4. (In Engl.).
20. Jensen K. K. Weak Superiority, Imprecise Equality and the Repugnant Conclusion // *Utilitas*. 2020. Vol. 32, no. 3. P. 294–315. DOI: 10.1017/S0953820819000517. (In Engl.).
21. Spears D., Budolfson M. Repugnant Conclusions // *Social Choice and Welfare*. 2021. Vol. 57, no. 3. P. 567–588. DOI: 10.1007/s00355-021-01321-2. (In Engl.).
22. Zuber S., Venkatesh N., Tännsjö T. [et al.] What Should We Agree on about the Repugnant Conclusion? // *Utilitas*. 2021. Vol. 33, no. 4. P. 379–383. DOI: 10.1017/S095382082100011X. (In Engl.).

About the translator

NEKHAEV Andrei Viktorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of Philosophy Department, Tyumen State University, Tyumen; Research Associate of the Laboratory of

Logical and Philosophical Studies, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, RAS, Tomsk.

SPIN-code: 5844-9381

AuthorID (RSCI): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Correspondence address: avnehaev@omgtu.ru

For citations

McGinn C. Absurd Utilitarianism / trans. from Engl. A. V. Nekhaev // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 85–89. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-85-89.

Received July 29, 2023.

© C. McGinn

История философии с 1781 года
(года публикации первого издания *Критики чистого разума*)
в сущности представляет собой лишь серию сносков к Канту.
Роберт Ханна, *Kant in the Twentieth Century*, p. 149–150.

Наступивший 2024 год является юбилейным годом 300-летия со дня рождения Иммануила Канта (22.04.1724 – 12.02.1804) — без преувеличения одного из самых влиятельных исследователей за всю историю мировой философии. Родился он в семье Иоганна Георга Канта, небогатого шорника шотландского происхождения, и Анны Регины Кант (урожденной Рейтер), дочери выходцев из баварского города Нюрнберга, осевших в прусском городе Кёнигсберге. В этом городе на берегу Балтийского моря будущий великий философ практически безвыездно и провел всю свою жизнь. Система критической философии Канта представляет собой всеобъемлющую теорию человеческой природы, разработанную на основе детального анализа ключевых человеческих способностей (*Vermögen*), охватывающих области познания (*Erkenntnis*), воли (*Willkür*) и разума (*Vernunft*). Вклад Канта в метафизику, эпистемологию, этику и эстетику трудно переоценить, влияние его идей обнаруживается почти в каждом крупном философском течении XIX – XXI веков (немецкий идеализм, трансцендентализм, неокантианство, феноменология, аналитическая философия).

На протяжении всего юбилейного 2024 года в рамках нашей специальной рубрики IN MEMORIA CLASSICA мы будем публиковать материалы, посвященные философии Иммануила Канта (критические комментарии к ключевым идеям, переводы оригинальных текстов с аналитикой отдельных работ, биографические и библиографические обзоры и многое другое).

Главный редактор
А. В. НЕХАЕВ

КАНТИАНСКОЕ СМирЕНИЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Кант устанавливает различие между вещами-в-себе и феноменами. Вещи, какими мы их знаем, состоят 'целиком из отношений', так что мы не имеем никакого представления об их 'внутренней' сущности. Кант полагает, что у нас нет знания о внутренних свойствах вещей. Существуют неустраняемые ограничения на то, что мы можем знать, и непреодолимые пределы того, с чем мы можем познакомиться в своем опыте. По этой причине нам следует проявлять своего рода *Эпистемическое смирение*. Оно влечет за собой *Категориальное смирение*, согласно которому мы столь же неоправимо невежественны в отношении категориальных свойств сущностей. Невежество в отношении категориальной структуры мира создает две проблемы для защитников *Кантианского смирения*. Во-первых, если мы знаем о том, что тезис *Кантианского смирения* истинен, то он должен быть ложным. Во-вторых, если тезис о *Кантианском смирении* является истинным, то никакой аргумент в его защиту не может быть успешным.

Ключевые слова: Кант, эпистемическое смирение, категориальные свойства, внутренние свойства.

1. Кант и категории. Тезисы эпистемического смирения утверждают, что эпистемические агенты, вроде нас, неоправимо невежественны в отношении некоторых свойств мира. По мнению Лэнгтона [1], один из таких тезисов поддерживает Кант:

Кантианское смирение: подобные нам эпистемические агенты неоправимо невежественны в отношении внутренних свойств субстанций¹.

В соответствии с предложенной Лэнгтоном реконструкцией, аргумент в защиту *Кантианского смирения* опирается на следующие три принципа:

Различимость: вещи-в-себе — это субстанции, обладающие внутренними свойствами; феномены — это реляционные свойства субстанций² [1, р. 20].

Несводимость: отношения и реляционные свойства субстанций не сводимы к их внутренним свойствам³ [1, р. 109].

Рецептивность: человеческое знание зависит от восприятия, а оно рецептивно, — мы можем иметь знание об объекте только в той мере, в какой он воздействует на нас [1, р. 23].

Согласно принципу *Несводимости*, факты о внутренних свойствах объектов не фиксируют факты об их реляционных или каузальных свойствах. Как следствие, существуют возможные миры, неразличимые по внутренним свойствам объектов, но различимые по их каузальным свойствам. Согласно принципу *Рецептивности*, наше знание об объектах зависит исключительно от каузальных свойств объектов, которые определяют их воздействие на

нас. Опираясь на данные принципы, можно предложить хорошо знакомую форму скептического аргумента в защиту *Кантианского смирения*⁴. Миры W и W^* идентичны по внутренним свойствам объектов, но различны по их реляционным свойствам и каузальному воздействию на агентов, вроде нас. Но поскольку подобные нам агенты знают об объектах только через их каузальное воздействие, они не могут знать, является ли W или W^* актуальным миром. Из всего этого следует вывод в защиту *Кантианского смирения*: мы неоправимо невежественны в отношении внутренней природы объектов.

Я не берусь судить о том, одобрял ли Кант *Кантианское смирение*, ведь здесь меня интересует лишь вопрос, нужно ли нам самим его одобрять. Ниже я приведу два аргумента против тезиса о *Кантианском смирении*. Оба аргумента касаются вопросов, тесно связанных с онтологическими категориями и такими категориальными свойствами, как *быть объектом* и *быть свойством*. По этой причине для нас будет полезным более внимательно рассмотреть к понятию онтологической категории.

Онтологические категории разрезают реальность по ее самым глубоким сочленениям. В рамках систематической метафизики существует целый ряд предполагаемых онтологических категорий: *объект*, *свойство*, *регион*, *событие*, *абстракция* и т.д. И хотя в нашем распоряжении нет непредвзятого описания того, из чего составлены онтологические категории, некоторые выводы об их природе

представляются весьма правдоподобными. Например, кажется, что само понятие онтологической категории подразумевает, что они должны иметь всеохватывающий характер, чтобы каждая сущность (в данном случае я использую термин 'сущность' как категориально-нейтральный) принадлежала по крайней мере к какой-то одной онтологической категории. Помимо прочего, из этого следует вывод о природе *категориальных свойств*, который будет иметь для нас первостепенное значение в дальнейшем:

Внутренняя присущность: категориальные свойства сущностей являются внутренними.

Принимая во внимание разногласия по поводу того, что делает некоторое свойство внутренним, любая защита принципа *Внутренней присущности* может быть спорной. Поэтому лучший довод в пользу этого принципа — показать, что он поддерживается тривиальными представлениями, на которых основаны наши лучшие теории внутренних свойств. Это можно сделать, используя две диагностики для определения симптомов внутренней присущности свойства⁵. Во-первых, мы должны определить, различается ли рассматриваемое нами свойство между дубликатами? Во-вторых, необходимо оценить, является ли рассматриваемое свойство чем-то таким, что может быть инстанцировано в мире, где существует только его носитель? В обоих тестах категориальное свойство *быть объектом*, по-видимому, квалифицируется как внутреннее. Тест в рамках первой диагностики показывает, что объект и его дубликат не будут различаться в отношении того, инстанцируют ли они свойство *быть объектом*. Тест в рамках второй также выполняется: объект может инстанцировать свойство *быть объектом* в мире, где существует один только этот объект. Результаты данных тестов на внутреннюю присущность позволяют нам сделать вполне правдоподобное предположение о том, что свойство *быть объектом* является внутренним.

И хотя у нас есть веские основания полагать, что свойство *быть объектом* следует квалифицировать как внутреннее свойство, одного этого нам явно недостаточно, чтобы установить принцип *Внутренней присущности*. Обратите внимание, он требует, чтобы все категориальные свойства, такие как *быть свойством* и *быть событием*, также были внутренними. Правдоподобно ли считать эти свойства внутренними? Я считаю, что да, но с определенными оговорками. С нашим пониманием объектной присущности в целом все более или менее в порядке, чего, однако, нельзя сказать о понимании присущности свойства и событийной присущности. У нас нет никакой полезной диагностики оценки внутренней присущности этих категориальных свойств. Хотя есть (по крайней мере) один аргумент в защиту принципа *Внутренней присущности*: категориальные свойства имеют исключительно фундаментальный и унифицированный характер. Так что, если есть основания полагать, что одно категориальное свойство, например, *быть объектом*, является внутренним, есть также некоторые основания считать, что все подобные категориальные свойства внутренне присущи сущностям независимо от того, к какой категории они относятся. И поскольку свойство *быть объектом* является внутренним, из этого можно сделать вывод о том, что все категориальные свойства являются внутренними. Теперь, имея в своих руках подобную защиту для принципа *Внутренней присущности*, мы мо-

жем рассмотреть ее последствия для *Кантианского смирения*.

2. Категориальное смирение. Мир имеет категориальную структуру в виде некоторой дистрибуции категориальных свойств. Согласно принципу *Различимости*, эта структура включает в себя объекты и свойства, поэтому некоторые сущности должны инстанцировать свойства *быть объектом* и *быть свойством*. Заметим, однако, если тезис о *Кантианском смирении* и принцип *Внутренней присущности* верны, мы должны быть неоправимо невежественны в отношении категориальной структуры мира. Поскольку *Кантианское смирение* влечет за собой наше незнание внутренних свойств, а принцип *Внутренней присущности* предполагает, что категориальные свойства являются внутренними, *Кантианское смирение* означает для нас невозможность знать, что некоторый объект на самом деле является объектом. Таким образом, из *Кантианского смирения* и *Внутренней присущности* можно вывести следующий тезис:

Категориальное смирение: подобные нам эпистемические агенты неоправимо невежественны в отношении категориальных свойств сущностей.

Мы видим, что *Категориальное смирение* — это не тезис о нашем невежественном неведении относительно объектов. Это тезис о нашем незнании относительно *сущностей*. По этой причине тезис о *Категориальном смирении* является абсолютно общим по своей форме, он применим ко всем онтологическим категориям. Он отрицает, что о любой сущности мы можем знать, к какой именно онтологической категории она принадлежит. Поэтому, если тезис о *Категориальном смирении* верен, мы не знаем, является ли наш мир миром объектов и свойств, или Трактарианским миром фактов⁶, или Дэвидсоновским миром событий, или даже берклианским миром идей в сознании Бога. Очевидно, что *Категориальное смирение* имеет неприятные последствия для систематической метафизики. Однако ниже я покажу, что оно также имеет исключительно неприятные следствия для защитников *Кантовского смирения*.

Напомним, что *Кантианское смирение* — это тезис о наших эпистемических ограничениях относительно знания свойств объектов. Если тезис о *Кантианском смирении* и принцип *Внутренней присущности* верны, мы должны принять тезис о *Категориальном смирении*. Но, в свою очередь, если тезис о *Категориальном смирении* верен, мы не можем знать, что наш мир — это мир, в котором сущности подпадают под онтологические категории объектов и свойств. Невежество относительно категориальной структуры мира создает две проблемы для защитников *Кантианского смирения*. Во-первых, если агент знает о том, что тезис *Кантианского смирения* истинен, то тезис о *Кантианском смирении* должен быть ложным. Во-вторых, если тезис о *Кантианском смирении* является истинным, то аргумент в его защиту не может быть успешным.

Позвольте мне дать пояснения к первой проблеме, согласно которой знание истинности тезиса *Кантианского смирения* влечет за собой его ложность. Предположим, агент знает, что тезис о *Кантианском смирении* истинен. Если он это знает, то он также знает, что в нашем мире существуют объекты, в отношении внутренних свойств которых он неоправимо невежественен. Итак, агент знает, что существуют некие реальные сущности, которые инстанцируют свойство *быть объектом*. Однако

из истинности тезиса о *Кантианском смирении* выводится также истинность тезиса о *Категориальном смирении*. И если тезис о *Категориальном смирении* истинен, тогда рассматриваемый нами агент не может знать, что существуют некие реальные сущности, инстанцирующие свойство *быть объектом*, поскольку данное свойство является внутренним и его инстанцирование непознаваемо. В результате агент, имеющий знание о том, что тезис *Кантианского смирения* истинен, одновременно и знает, и не знает, что наш мир — это мир, в котором есть объекты. Поэтому, чтобы избежать противоречия, защитник *Кантианского смирения* должен отрицать, что любой эпистемический агент, вроде нас, может знать, что тезис о *Кантианском смирении* истинен.

Теперь можно дать пояснения ко второй проблеме. Если тезис о *Кантианском смирении* истинен, то из этого также следует истинность тезиса о *Категориальном смирении*, в соответствии с которым мы не можем ничего знать о категориальной структуре мира. Напомним, однако, что аргумент в защиту *Кантианского смирения* апеллирует к принципу *Различимости*, чтобы зафиксировать границы области непоправимого невежества агентов, вроде нас, — области, конституирующей *Кантианское смирение*. Примечательно то, что, коль скоро принцип *Различимости* утверждает нечто о категориальной структуре мира, знание о самом этом принципе не может быть получено агентом, если тезис о *Кантианском смирении* истинен. А поскольку из тезиса о *Кантианском смирении* следует, что важнейшая посылка аргумента в его защиту принципиально непознаваема, то либо *Кантианское смирение* должно быть отвергнуто, либо следует признать, что аргумент в защиту *Кантианского смирения* несостоятелен, так как одна из его посылок непознаваема.

Выявленные проблемы не доказывают ложность тезиса о *Кантианском смирении*. Они лишь свидетельствуют о том, что даже если данный тезис истинен, то либо он непознаваем, либо аргументы в его защиту несостоятельны. И хотя сам я считаю это достаточным основанием для отказа от *Кантианского смирения*, в заключение я рассмотрю четыре ответа, которые могли бы предложить его защитники.

Первый ответ может опротестовать попытку отождествления субстанций с объектами и вместо этого заявить, что термин 'субстанция' означает только 'носитель внутренних свойств', и он не выражает подлинное категориальное свойство, такое как *быть объектом*. На самом деле, я подозреваю, что именно к этому подходу, по мнению Лэнгтона, склоняется Кант. Однако такой ответ не снимает опасений с нашей стороны. Если субстанции выделяются исключительно как носители внутренних свойств, тогда из принципа *Внутренней присутности* следует крайне неудобный вывод о том, что все сущности являются субстанциями. Это, в свою очередь, означает, что мы не имеем знания о внутренних свойствах таких сущностей, как свойства (например, о том, что значит *быть свойством*). По этой причине указанные проблемы все равно возникают, поскольку аргументы в защиту *Кантианского смирения* апеллируют к нашему знанию о свойствах.

Второй ответ, доступный защитникам *Кантианского смирения*, состоит в том, чтобы заявить, что наше знание категориальных свойств составляет принципиальное исключение. Есть несколько не *ad hoc* способов примирения *Кантианского сми-*

рения и знания категориальных свойств, но наиболее правдоподобный связан с различием между категориальными и внутренними возможностями. Так же, как и представленный мной выше аргумент в защиту *Кантианского смирения*, он основывается на неразличимой природе двух миров, которые различаются в отношении внутренних свойств объектов. Можно принять весьма правдоподобный тезис о том, что миры действительно могут различаться по внутренним свойствам объектов, но считать, что миры не могут различаться по категориальной структуре. То есть можно считать, что мир с необходимостью имеет свою категориальную структуру, возможно, состоящую из объектов и свойств. Это позволяет защитникам тезиса о *Кантианском смирении* утверждать, что категориальные свойства составляют принципиальное исключение из области действия *Кантианского смирения*. И поскольку не существует миров, различающихся только категориально, то не существует и неразличимых миров, допускающих аргументы в пользу непоправимого категориального невежества.

Для правильной оценки этого ответа, следует понимать, что возможности, релевантные установлению *Эпистемического смирения* или скептицизма, не обязательно должны быть метафизическими. Для установления тезисов *Эпистемического смирения* требуются только эпистемические возможности. И хотя утверждение о том, что категориальная структура мира имеет место в силу *метафизической* необходимости, может быть весьма правдоподобным, было бы неправдоподобным полагать, что она сохраняется во всех *эпистемически* возможных мирах. Рассмотрим, например, бесчисленное множество описаний категориальной структуры мира, предложенных в метафизических теориях прошлого и настоящего. Согласно этим теориям, мир построен из фактов или событий, а не из объектов и свойств. А поскольку эти теории представляют собой подлинные эпистемические возможности, существует достаточное число эпистемически возможных миров, которые допускают строительство аргументов в защиту *Категориального смирения*. Поэтому данный ответ не позволяет утверждать, что категориальные свойства составляют принципиальное исключение из области действия тезиса о *Кантианском смирении*, запрещающем знание внутренних свойств.

Третий ответ гласит, что аргументы в защиту *Кантианского смирения* вовсе не предполагают знания категориальной структуры, поскольку могут быть переформулированы в категориально-нейтральной терминологии. Выше я использовал термин 'сущность' как категориально-нейтральный. Аналогичным образом можно было бы ввести еще один якобы категориально-нейтральный термин 'признак', который определяет, какими могут быть сущности, не требуя при этом, чтобы признаки были свойствами. Например, это могли бы быть адвербиальные модификаторы событий. Наконец, можно ввести понятие 'внутренний признак' [intimate feature], которое также следует понимать по аналогии: внутренние признаки сущности являются для нее тем же, чем являются внутренние свойства для объектов.

Приняв такую якобы нейтральную по отношению к категориям терминологию, можно перестроить аргумент в защиту *Кантианского смирения* в терминах интимных признаков и считать, что апелляция к категориальному знанию для форму-

лирования принципа *Различимости* является необязательной.

Вопрос о том, что именно (если оно вообще есть) позволяет термину быть категориально-нейтральным, является сложным. Например, было бы довольно обескураживающим для нас узнать, что мы не можем использовать понятие 'сущность' предложенным мной способом. Тем не менее мы можем достаточно прямолинейно трактовать 'сущность' как включающую в себя все, что подпадает под любой порядок наших неограниченных кванторов. (Здесь я предполагаю, что неограниченная квантификация является допустимой.) В отличие от этого, мы не можем предложить столь же естественного понимания 'признака' или 'внутреннего признака'. И хотя эти термины претендуют на категориальную нейтральность, их значение может либо оставаться неясным, либо они могут выполнять роли замаскированных понятий свойства и внутреннего свойства. По этой причине сама попытка переформулировать соответствующие тезисы в категориально-нейтральных терминах не кажется мне многообещающей.

Четвертый и последний ответ связан с нашим пониманием того, что есть знание *Кантианского смирения*. В соответствии с этим ответом, для знания *Кантианского смирения* достаточно просто знать о том, что в *каких бы мирах* ни существовали объекты и свойства, подобные нам агенты не знают, что эти сущности являются объектами и свойствами. Если бы это было все, что нам требуется для знания *Кантианского смирения*, оно не предполагало бы знания категориальной структуры актуального мира, поскольку выражало бы лишь наше невежество, которое имело бы место в контрфактических сценариях. Подобные взгляды кажутся вполне совместимыми с тезисом о *Категориальном смирении*, поскольку они не требуют от нас знания *об этом мире*, что он состоит из объектов и свойств.

Последний ответ подразумевает, что, хотя агент и может знать *Кантианское смирение*, само это знание потенциально не имеет особого значения. Прежде всего, следует отметить, что, даже если этот ответ может устранить опасения по поводу того, что знание *Кантианского смирения* влечет за собой ложность тезиса о *Кантианском смирении*, он никак не снимает опасений относительно несостоятельности самого аргумента в защиту *Кантианского смирения*. Этот аргумент опирается на принцип *Различимости*, знание которого, безусловно, является знанием категориальной структуры актуального мира. Еще один момент, на который следует обратить внимание, состоит в том, что этот ответ, по всей видимости, искажает очевидную значимость *Кантианского смирения*, ведь он выдвигается как тезис о нас и нашем собственном эпистемическом затруднении. Тезис о *Кантианском смирении* утверждает, что мы невежественны в отношении свойств тех объектов, реляционные свойства которых оказывают на нас непосредственное влияние. Думая об этом тезисе лишь как о предположении относительно эпистемологии других миров, где существуют определенные категориальные структуры, мы лишаем его той значимости, которую ему приписывают Кант и остальные исследователи. Поэтому попытка отрицать, что знание *Кантианского смирения* есть знание актуального мира, кажется мне несостоятельной.

3. Заключение. Тезис о *Кантианском смирении* утверждает, что мы непоправимо невежественны

в отношении внутренних свойств объектов. Я считаю, что, поскольку категориальные свойства являются внутренними, *Кантианское смирение* обязательно влечет за собой тезис о *Категориальном смирении*, в соответствии с которым мы столь же непоправимо невежественны и в отношении категориальных свойств сущностей.

В свете данного вывода у защитников *Кантианского смирения* есть две проблемы. Во-первых, знание *Кантианского смирения* влечет за собой его ложность, так как для знания *Кантианского смирения* необходимо знание категориальной структуры мира. Во-вторых, если тезис о *Кантианском смирении* истинен, то аргумент в защиту его истинности несостоятелен, поскольку тогда мы должны были бы быть непоправимо невежественными в отношении одной из его посылок. Этих проблем недостаточно, чтобы доказать ложность тезиса о *Кантианском смирении*, но они показывают, что в некоторых важных отношениях он не только непривлекателен, но и непознаваем.

Примечания

¹ В своей статье я буду рассматривать понятия 'субстанции' и 'объект' как взаимозаменяемые. Заметим, однако, что Лэнгтон [1, р. 21] характеризует *Кантианское смирение* в терминах субстанций как носителей внутренних свойств. При интерпретации Канта это вызывает целый ряд вопросов, которые я оставляю в стороне [подробнее см.: 1, р. 19–31]. Меня интересует *Кантианское смирение* как живая философская альтернатива. В связи с этим я рассматриваю аргументы, независимо от того, ориентируемся ли мы на 'субстанции' или на простые 'объекты'; впрочем, я еще вернусь к данному вопросу в разделе 2.

² Строго говоря, данные категории не исключают друг друга, поскольку свойство, вроде свойства *быть таким*, может быть одновременно и реляционным, и внутренним. И хотя это вызывает дополнительные опасения по поводу состоятельности аргумента в защиту *Кантианского смирения*, в своей статье я их не затрагиваю.

³ Активное применение дистинкции внутренних и внешних свойств часто связывают с фигурой и исследованиями Дэвида Льюиса, одного из наиболее влиятельных метафизиков второй половины XX века. Наиболее простое и интуитивно понятное различие данных двух видов свойств можно найти в его работе *On the Plurality of Worlds*: «Мы различаем *внутренние* свойства, которыми вещи обладают в силу того, каковы они сами, от *внешних* свойств, которыми они обладают в силу их отношений или отсутствия отношений с другими вещами» [2, р. 61; ср. также: 3, р. 178]. Понятный и очень удобный практический тест для определения свойства ϕ как внутреннего предлагает техника *максимального метафизического сжатия* некоторого мира W , в котором в момент времени t существует объект x , инстанцирующий данное свойство ϕ . Результатом такого сжатия будет мир W^* , полученный путем удаления из некоторого исходного мира W всех отличных от x объектов, всех не занятых x пространственных местоположений, а также всех временных состояний, кроме момента времени t . Кросс-мировой анализ позволяет установить определение следующего вида: ϕ является внутренним свойством, если и только если ϕ одновременно инстанцируется x в мирах W и W^* , во всех остальных случаях ϕ является внешним [4, р. 211–213]. В соответствии с данным определением, например, свойства *быть красным* и *быть круглым* являются внутренними, а свойства *быть длинным* и *быть толстым* — внешними [дополнительно см.: 5–8; Прим. переводчика].

⁴ Лэнгтон не излагает аргумент подобным образом. Я реконструирую его здесь ради иллюстрации.

⁵ Каноническое представление этих и ряда других родственных диагностик можно найти в работе Льюиса [9].

⁶ В данном случае речь идет о мире, описываемом Витгенштейном в его *Logisch-Philosophische Abhandlung* [Прим. переводчика].

Библиографический список

1. Langton R. Kantian Humility: Our Ignorance of Things in Themselves. Oxford: Clarendon Press, 1998. 232 p.
2. Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford: Basil Blackwell, 1986. 276 p.
3. Dunn J. M. Relevant Predication 2: Intrinsic Properties and Internal Relations // *Philosophical Studies*. 1990. Vol. 60, № 3. P. 177 – 206. DOI: 10.1007/BF00367469.
4. Vallentyne P. Intrinsic Properties Defined // *Philosophical Studies*. 1997. Vol. 88, № 2. P. 209 – 219. DOI: 10.1023/A:1004250930900.
5. Sider T. Intrinsic Properties // *Philosophical Studies*. 1996. Vol. 83, № 1. P. 1 – 27. DOI: 10.1007/BF00372433.
6. Denby D. A. The Distinction between Intrinsic and Extrinsic Properties // *Mind*. 2006. Vol. 115, № 457. P. 1 – 17. DOI: 10.1093/mind/fzl001.
7. Cowling S. Intrinsic Properties of Properties // *The Philosophical Quarterly*. 2017. Vol. 67, № 267. P. 241 – 262. DOI: 10.1093/pq/pqw052.
8. Harris R. A 'Mere Cambridge' Test to Demarcate Extrinsic from Intrinsic Properties // *Acta Analytica*. 2018. Vol. 33, № 2. P. 199 – 225. DOI: 10.1007/s12136-017-0336-1.
9. Lewis D. Extrinsic Properties // *Philosophical Studies*. 1983. Vol. 44, № 2. P. 197 – 200. DOI: 10.1007/BF00354100.

Сведения о переводчике

НЕХАЕВ Андрей Викторович, доктор философских наук, доцент (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры «Философия» Тюменского государственного университета, г. Тюмень; научный сотрудник Лаборатории логики-философских исследований Томского научного центра СО РАН, г. Томск.

SPIN-код: 5844-9381

AuthorID (РИНЦ): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Адрес для переписки: avnehaev@omgtu.ru

Источник перевода:

Cowling S. Kantian Humility and Ontological Categories // *Analysis*. 2010. Vol. 70, № 4. P. 659 – 665. DOI: 10.1093/analys/anq066.

Ссылка на полный текст эссе: <https://doi.org/10.1093/analys/anq066>

Для цитирования

Коулинг С. Кантианское смирение и онтологические категории = Cowling S. Kantian Humility and Ontological Categories / пер. с англ. А. В. Нехаева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 91 – 96. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-91-96.

Статья поступила в редакцию 24.07.2023 г.

© С. Коулинг

KANTIAN HUMILITY AND ONTOLOGICAL CATEGORIES

Kant has a distinction between things in themselves and phenomena. Things as we know them consist 'wholly of relations' therefore we have no insight into 'the inner' of things. Kant says that we have no knowledge of the intrinsic properties of things. There are irremediable constraints on what we can know, inevitable limits on what we can become acquainted with. This is a kind of *Epistemic Humility*. It entails *Categorical Humility*, according to which we are just as irremediably ignorant of the categorical properties of entities. Ignorance of the categorical structure of the world creates two problems for defenders of *Kantian Humility*. First, if we know that *Kantian Humility* to be true, it must be false. Second, if *Kantian Humility* is true, the argument for it cannot succeed.

Keywords: Kant, epistemic humility, categorical properties, intrinsic properties.

References

1. Langton R. Kantian Humility: Our Ignorance of Things in Themselves. Oxford: Clarendon Press, 1998. 232 p. (In Engl.).
2. Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford: Basil Blackwell, 1986. 276 p. (In Engl.).
3. Dunn J. M. Relevant Predication 2: Intrinsic Properties and Internal Relations // Philosophical Studies. 1990. Vol. 60, no. 3. P. 177–206. DOI: 10.1007/BF00367469. (In Engl.).
4. Vallentyne P. Intrinsic Properties Defined // Philosophical Studies. 1997. Vol. 88, no. 2. P. 209–219. DOI: 10.1023/A:1004250930900. (In Engl.).
5. Sider T. Intrinsic Properties // Philosophical Studies. 1996. Vol. 83, no. 1. P. 1–27. DOI: 10.1007/BF00372433. (In Engl.).
6. Denby D. A. The Distinction Between Intrinsic and Extrinsic Properties // Mind. 2006. Vol. 115, no. 457. P. 1–17. DOI: 10.1093/mind/fzl001. (In Engl.).
7. Cowling S. Intrinsic Properties of Properties // The Philosophical Quarterly. 2017. Vol. 67, no. 267. P. 241–262. DOI: 10.1093/pq/pqw052. (In Engl.).
8. Harris R. A 'Mere Cambridge' Test to Demarcate Extrinsic from Intrinsic Properties // Acta Analytica. 2018. Vol. 33, no. 2. P. 199–225. DOI: 10.1007/s12136-017-0336-1. (In Engl.).
9. Lewis D. Extrinsic Properties // Philosophical Studies. 1983. Vol. 44, no. 2. P. 197–200. DOI: 10.1007/BF00354100. (In Engl.).

About the translator

NEKHAEV Andrei Viktorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of Philosophy Department, Tyumen State University, Tyumen; Research Associate of the Laboratory of Logical and Philosophical Studies, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, RAS, Tomsk.

SPIN-code: 5844-9381

AuthorID (RSCI): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Correspondence address: avnehaev@omgtu.ru

For citations

Cowling S. Kantian Humility and Ontological Categories / trans. from Engl. A. V. Nekhaev // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 91–96. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-91-96.

Received July 24, 2023.

© S. Cowling

УДК 171
DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-97-101
EDN: RAUEJE

Х. ИДАЛЬГО

Университет Ричмонда,
Ричмонд, США

Перевод с английского
А. В. НЕХАЕВ

Омский государственный
технический университет,
г. Омск, Россия

ВЫЖИВАНИЕ ПРИ ТЕЛЕПОРТАЦИИ

Предположим, что существует возможность телепортации. Телепорт уничтожает ваш старый мозг и тело и создает идентичный мозг и тело в новом месте. Выживаете ли вы при телепортации? Многие полагают, что попытка телепортации вас убивает. Человек, который выйдет из Телепорта, будет вашей копией, но не вами. Напротив, я считаю, что нет никакой существенной разницы между телепортацией и обычным выживанием. Если вы выживаете в обычной жизни, значит вы выживаете и при телепортации. Предложенный мной аргумент, однако, также демонстрирует, что в целом у нас есть очень мало пруденциальных причин заботиться о своем выживании.

Ключевые слова: тождество личности, телепортация, выживание, телесный критерий, особая забота, пруденциальные причины.

Вообразите, что вы находитесь в будущем, где ученые недавно разработали технологию телепортации. Данная технология регистрирует и записывает точное состояние вашего тела и отправляет скан с этой информацией на другой портал, который расположен на луне Сатурна — Титане. Телепорт создает на Титане из новой материи тело и мозг в точности такие же, как ваши собственные. В результате человек, который появится на Титане, будет обладать всеми вашими мыслями, воспоминаниями, намерениями и чертами характера. Но ваши старые тело и мозг на Земле будут безболезненным образом уничтожены. В ближайшее время вы планируете посетить Титан с целью осмотра новой колонии. И перед вами встает выбор: вы можете либо полететь на Титан на космическом корабле, либо воспользоваться технологией телепортации, чтобы добраться туда быстрее. Назовем наш пример *Телепортом*.

Люди расходятся во мнениях о том, что происходит с вами, когда вы заходите в Телепорт. Некоторые считают, что телепортация вас убивает. Человек, который появляется на Титане, есть лишь ваша копия, но не вы сами. Другие полагают, что Телепорт — это просто очень удобный способ путешествовать¹. Они верят, что вы выживаете в процессе телепортации.

Я поддерживаю точку зрения последних и думаю, что телепортация и обычное выживание почти идентичные процессы. Нет никакой существенной разницы между телепортацией и обычным выживанием. Если вы выживаете в обычной жизни, вы выживете и при телепортации. Таким образом, нет причин выбирать космический корабль вместо Телепорта. Мой аргумент состоит в следующем: в обычной жизни ваше тело постоянно разрушается путем постепенной замены составляющих его атомов. Мы просто не замечаем этого процесса, потому что он невероятно медленный.

Для примера рассмотрим наши клетки. Большинство из них будет заменено в течение нашей жизни. Согласно оценкам ученых, средний возраст всех клеток в организме взрослого человека составляет от 7 до 10 лет [2]. Хотя некоторые из наших клеток намного моложе. Средняя продолжительность жизни клеток кишечника составляет около 5 дней. Мышечные клетки ребер способны прожить более 15 лет [3]. Примерно половина клеток, из которых состоит наше сердце, будет заменена к пятидесяти годам [4, р. 15]. С клетками мозга ситуация иная. Известно, что большинство млекопитающих способны создавать новые клетки мозга, но в случае с людьми мы не располагаем точными сведениями. Ряд ученых утверждает, что человеческий мозг

ежедневно создает примерно 700 новых нейронов, в то время как другие нейроны отмирают по мере своего старения [5].

В меньшем масштабе наши тела заменяются еще быстрее. Состав клеток меняется по мере того, как они делятся, восполняют энергию и восстанавливают себя. Новые молекулы постоянно входят и выходят из состава клеток. Для изучения атомного состава наших тел радиохимики и биологи применяют изотопные индикаторы, измеряя скорости атомного обновления органов. Дьёрдь де Хевеши, венгерский радиохимик, получивший Нобелевскую премию за разработку этой методики, обнаружил, что значительная часть атомов в скелете взрослого кролика заменяется в течение 50 дней. Скорость 'атомного обновления' скелета кролика варьируется от 6,7 % до 100 % в зависимости от конкретной составляющей [6]. Подобные результаты можно получить и для людей. Мы знаем, что вся вода в нашем организме заменяется каждые несколько недель, и она составляет около 55–65 % нашего тела [4, р. 16]. И хотя нам трудно назвать точную цифру, можно предположить, что практически все атомы нашего тела заменяются каждую пару лет. При этом большая часть нашего тела заменяется гораздо быстрее.

Смысл приведенных выше научных данных в том, чтобы показать, насколько обычное выживание похоже на процесс телепортации. Единственное их различие заключается в скорости. В обычной жизни наши тела постепенно заменяются новой материей. При телепортации это происходит одновременно. Трудно понять, почему скорость замены имеет какое-то рациональное значение. Какая разница, заменяется ли наше тело одновременно или в течение года?

Давайте представим следующую версию примера с Телепортом. Перед вами стоит выбор: лететь на Титан на космическом корабле либо телепортироваться. Полет на космическом корабле займет год. Компьютер корабля введет вас в коматозное состояние вплоть до прибытия на Титан, хотя ваши метаболические функции будут продолжать работать в обычном режиме. В качестве альтернативы вы можете туда телепортироваться. Однако технология телепортации неисправна и работает в нештатном режиме. Телепорт на Земле будет постепенно разрушать ваше тело и передавать отдельные сканы на Титан. Он введет вас в коматозное состояние, и вы не будете чувствовать боли. По мере получения сканов с Земли Телепорт на Титане будет медленно воссоздавать ваше тело. Весь этот процесс займет год. Назовем новый пример *Медленным Телепортом*.

Большинство людей не будут спорить с тем, что вы выживаете, если выберете полет на космическом корабле, но менее уверены в том, выживаете ли вы при медленной телепортации. Однако заметьте, что оба эти сценария практически идентичны. На космическом корабле ваши метаболические функции работают. Это означает, что ваши клетки и составляющие их атомы заменяются. Допустим, что через год все атомы в вашем теле будут постепенно заменены новыми. Так что, какой бы сценарий вы ни выбрали, ваше тело будет постепенно разрушаться путем замены составляющих его атомов.

Заметьте также, что Медленный Телепорт исключает возможное возражение, связанное с апелляцией к непрерывности сознания. Вопрос о разнице между телепортацией и обычным выживанием

кажется вполне резонным, принимая во внимание тот факт, что ваше сознание сохраняет непрерывность при обычном выживании, в то время как при телепортации она нарушается. Принято считать, что непрерывность сознания имеет значение для того, выживете вы или нет. Но мы видим, что в примере с Медленным Телепортом непрерывность сознания нарушается в обоих сценариях, поскольку и при телепортации, и при полете на космическом корабле вас вводят в коматозное состояние. И если мы согласны с тем, что в данном примере вы выживаете при полете на космическом корабле, несмотря на нарушение непрерывности сознания, то непонятно, почему что-то изменится, если вы воспользуетесь технологией телепортации.

На это можно было бы возразить с помощью следующего аргумента: «Хотя вы и находитесь в коматозном состоянии на космическом корабле, вы все еще *способны* к сознанию. Но когда Телепорт на Земле уничтожает ваш мозг, вы, очевидно, больше не способны к сознанию. А значит, вы не выживаете при телепортации, поскольку ваша способность к сознанию имеет значение для выживания».

Но тогда задумайтесь о таком повороте в нашем мысленном эксперименте. Предположим, что система управления космического корабля постоянно вводит вам препарат, который отключает ваше сознание (что-то вроде общего наркоза). Ваш мозг *совершенно не способен* производить сознание до тех пор, пока ваше тело содержит препарат. В таком сценарии утверждение, что ваш мозг способен вырабатывать сознание во время полета, было бы в буквальном смысле ложным. Как только космический корабль прибывает на Титан, система управления прекращает инъекции, и вы просыпаетесь. Разумеется, в этом путешествии вы выживаете. При таком описании телепортация и космический полет казались бы практически идентичными процессами. В обоих сценариях ваш мозг не обладает способностью производить сознание. И лишь позднее он снова ее обретает. Поэтому вы выживаете при любом сценарии.

Другое возражение: у вас нет правильной каузальной связи с человеком, который появится в результате телепортации на Титане. Чтобы выжить, вам необходима соответствующая каузальная связь со своим будущим 'Я'. Поэтому тот, кто появится на Титане в результате телепортации, — это не вы. Но каким должен быть этот правильный вид каузальной связи? Некоторые настаивают, что каузальная связь между вашим настоящим и будущим 'Я' должна иметь *нормальные* причины. Телепортация просто не является чем-то нормальным. Это в буквальном смысле ненормальный процесс. И, стало быть, вероятнее всего, мы не выживаем при телепортации, хотя и выживаем в обычной жизни.

Трудно понять, почему нормальность причин имеет такое важное значение для выживания. Под 'нормальным' люди часто подразумевают 'статистически нормальное', то есть сценарии, в которых отсутствует значительное отклонение от некоего принятого среднего значения. В среднем, действительно, кажется верным, что мы выживаем, если наш мозг и тело остаются неповрежденными. Вопрос в том, какое значение имеет тот факт, что наше выживание обусловлено нормальной причиной?

Чтобы ответить на него, воспользуемся аналогией. До изобретения антибиотиков нормальной при-

чиной выживания при инфекции была естественная реакция иммунной системы человека. Ваша иммунная система либо боролась с инфекцией, либо нет. Если вы выжили, значит, ваша иммунная система сработала. Возьмем теперь ситуацию, когда антибиотики только-только появились. В большинстве случаев они помогали нам справляться с инфекцией. Однако антибиотики не были чем-то нормальным в то время. Они были чем-то необычным и новым. И это не имело никакого значения. Антибиотики работали, обеспечивая наше выживание. Было бы абсурдным, если бы кто-то в 1915 году стал настаивать на том, что человек на самом деле не выжил после инфекции, потому что причиной его дальнейшего существования стали антибиотики, которые в то время казались чем-то необычным. С технологией телепортации аналогичная ситуация. Для нас сейчас телепортация является чем-то необычным. Но, как и в случае с антибиотиками, непонятно, почему это должно иметь такое значение.

На самом деле, у нас есть веские основания оспаривать тезис о том, что *любые* каузальные связи между вашим нынешним 'Я' и вашим будущим 'Я' имеют *какое-либо* значение в вопросах нашего выживания. Для этого давайте представим другую версию примера с Телепортом. Здесь, как и прежде, Телепорт создает на Титане из новой материи тело и мозг точно такие же, как у вас, а его сканер уничтожает ваше старое тело. Но в этот раз что-то пошло не так. Телепорт выдает ошибку при отправке сканов с вашей информацией на Титан, и вся она теряется. Однако рядом с Телепортом на Титане, где вы намеревались оказаться, расположена лаборатория сумасшедшего ученого. И он пытается использовать свой личный Телепорт, чтобы создать нового человека. Разработанное им устройство телепортации хранит в своих банках памяти сканы огромного числа психологий, мозгов и тел. Он программирует свой Телепорт на создание нового человека на основе синтеза этой информации. По невероятному совпадению его Телепорт создает нового человека, точно такого же, как и вы в тот самый момент, когда должны были телепортироваться на Титан. Созданный сумасшедшим ученым человек — ваша полная копия, он имеет ваш мозг, тело и психологию. Назовем такой пример *Чудесным Перерождением*.

Вы можете протестовать против фантастического дизайна моего мысленного эксперимента. Однако для того, чтобы он был вами правильно понят, мне нужно, чтобы вы поверили, что этот мысленный эксперимент концептуально возможен. И, по всей видимости, он возможен. В Чудесном Перерождении ваше тело и мозг уничтожаются на Земле, а ваша полная копия создается на Титане. Каузально эти два события никак не связаны. Очевидно, что ни одно ваше действие до момента неудачной телепортации не влекло за собой создание вашей полной копии на Титане. Но вот вопрос: выживаете ли вы в сценарии Чудесного Перерождения? Я предполагаю, что в случае, если вы готовы признать, что вы выживаете в сценарии Телепорта, вы обязаны принять и вывод о своем выживании в сценарии Чудесного Перерождения. Почему ваша каузальная история должна иметь какое-то значение, если во всем остальном вы идентичны со своей полной копией? Тот факт, что ваша полная копия на Титане каузально никак не связана с вами на Земле, видимо, не имеет значения для того, выживаете вы или нет.

Но даже если вы признаете, что каузальные связи имеют значение, остальная часть моего аргумента остается в силе. В исходном примере Телепорта вы каузально связаны со своим будущим 'Я' на Титане. Ваш мозг, тело и психология на Титане каузально зависят от вашего мозга, тела и психологии на Земле. Ваша полная копия на Титане просто никогда не существовала бы без этих причин. И если каузальная зависимость между прошлым и будущим 'Я' все же необходима для выживания, данное условие выполняется в сценарии Телепорта, даже если оно и не выполняется в сценарии Чудесного Перерождения. Конечно, возможно, существует какой-то 'особый' дополнительный ингредиент, обеспечивающий выживание, и что именно он теряется в процессе телепортации. Однако трудно даже представить, что бы это могло быть.

Рассмотрим последнее возражение. Многим кажется ошибкой думать, что вы выживаете в процессе телепортации. Лучшее описание того, что происходит в Телепорте: вас убивают и заменяют кем-то другим. Разумеется, заменяющая вас копия имеет вашу психологию и тело. Но этого недостаточно. Есть разница между изменением атомного состава человеческого тела и его разрушением с последующей заменой. Телепортация требует замены, тогда как полет на космическом корабле простого изменения. Кроме того, у нас нет особых причин заботиться о наших копиях. Предположим, вы узнали, что завтра кого-то будут пытаться. Новость, конечно, неприятная, но, вероятнее всего, она не мешает вам провести день за привычными занятиями. Допустим теперь вам стало известно, что кто-то, кого будут пытаться, имеет тело и психологию, чрезвычайно похожие на ваши. Скорее всего, такая новость огорчила бы вас в большей степени, хотя я не думаю, что это переживалось бы вами как катастрофа. Представим, наконец, из надежных источников вы узнаете, что этим человеком будете вы сами². Рискну предположить, что в этом случае вы потеряете душевное равновесие. Подобный мысленный эксперимент показывает, что у нас нет таких же причин для заботы о наших копиях, как и о себе.

Мой ответ заключается в том, что различие между 'заменой' и 'изменением' является крайне зыбким и нестабильным. По этой причине разница между вами и вашей копией иллюзорна, хотя это и весьма захватывающая иллюзия. Чтобы продемонстрировать это, давайте вернемся к примеру с Медленным Телепортом. Рассмотрим два сценария. В сценарии 1 вы решаете отправиться на Титан на космическом корабле. Напомним, что во время путешествия вы будете находиться в коматозном состоянии и совершенно не способны к сознанию, хотя и сохраните свои обычные метаболические функции. В сценарии 2 вы выбираете телепортацию. Из-за неисправности Телепорт на Земле будет медленно сканировать и разрушать ваше тело и мозг, а Телепорт на Титане постепенно их восстанавливать по мере получения новых сканов.

Представьте теперь, что в обоих сценариях спустя шесть месяцев 70 % вашего тела было заменено новой материей. В сценарии 1 за такие изменения отвечает нормальный процесс замены атомного состава вашего тела. В сценарии 2 за них отвечает Телепорт. Как думаете, вы просто изменились или были заменены в любом из сценариев? Если вы все еще сомневаетесь, вы можете выбрать любые цифры. Вы просто изменены или заменены на 31 %, 53 %, 76 % или 96 %? Выбор какой-то конкретной

точки отсчета кажется произвольным. В обычной жизни понятия 'изменение' и 'замена' полезны как средства фиксации более или менее заметных различий с течением времени в окружающих нас вещах. Однако они не описывают ничего качественно отличного от лежащей в их основе реальности. Как только вы узнаете, что, скажем, 47 % вас заменены, то вы уже знаете все, что вам нужно знать. Неважно, называете ли вы это 'изменением' или 'заменой'. Это просто спор о словах.

Вы можете возразить: «Но ведь в сценарии 2 тело находится в двух разных местах одновременно. Одна часть вашего тела разрушается в Телепорте на Земле. Другая часть восстанавливается в Телепорте на Титане. В сценарии 1, напротив, ваше тело находится в одном месте. И именно это, безусловно, имеет значение для того, выживете ли вы после телепортации». Но почему? Большинство из нас признает, что мы можем выжить, даже если часть нашего тела отделена от нас. Представьте, что я попал в аварию и потерял конечность, но позже врачи ее пришили обратно. Я выживаю, даже несмотря на то, что в какой-то момент мое тело находилось в двух местах одновременно. Заметьте также, что мы считаем, что некоторые объекты выживают тогда, когда они разбросаны в пространстве. Предположим, у меня есть костюм. Некоторые части костюма находятся в моем шкафу, а другие — в химчистке. Мой костюм тем не менее продолжает существовать³. И я не вижу причин, по которым то же самое не могло бы быть верным и в отношении нас.

На этом моя аргументация в пользу точки зрения, что вы выживаете при телепортации, если вы выживаете в обычной жизни, завершается. Телепортация столь же хороша или столь же плоха, как и обычное выживание. В заключение позвольте мне немного поразмышлять о некоторых следствиях этого. Если вас убеждают мои аргументы, скорее всего вы с большим энтузиазмом отнесетесь к возможностям такой технологии будущего, как телепортация. Если будет изобретена безопасная форма телепортации, вы будете ощущать уверенность в том, что все будет хорошо, когда вы ею воспользуетесь.

Но возможно и другое следствие. Вы можете прийти к мысли, что обычное выживание не столь уж и хорошо, как мы привычно считаем. Многие признают, что даже полная их копия просто не была бы ими и что у них нет никаких пруденциальных причин проявлять заботу о благополучии подобной копии. Предположим, что это действительно так и что у нас нет никаких существенных пруденциальных причин заботиться о благополучии своих полных копий. Если мои аргументы имеют под собой основания, то из этого следует, что у нас также нет и никаких существенных пруденциальных причин заботиться о нашем собственном выживании в обычной жизни. Получается, что с пруденциальной точки зрения не так уж и важно, выживем ли мы сами или нет. Я предоставляю читателю самому решить, хорошо это или плохо.

Примечания

¹ Наиболее известная защита подобной точки зрения представлена в работах Дерек Парфита [см. например: 1, p. 199].

² Данный мысленный эксперимент был позаимствован мной у Джима Стоуна [7, p. 525–526].

³ Этим примером я обязан Майклу Хьюмеру [8, p. 139].

Библиографический список

1. Parfit D. *Reasons and Persons*. Oxford: Oxford University Press, 1986. 560 p.
2. Wade N. Your Body Is Younger Than You Think // *The New York Times*. 2005. August 2. URL: <https://www.nytimes.com/2005/08/02/science/your-body-is-younger-than-you-think.html> (дата обращения: 14.04.2023).
3. Spalding K. L., Bhardwaj R. D., Buchholz B. A. [et al.]. Retrospective Birth Dating of Cells in Humans // *Cell*. 2005. Vol. 122, № 1. P. 133–143. DOI: 10.1016/j.cell.2005.04.028.
4. Schrijver K., Schrijver I. *Living with the Stars: How the Human Body Is Connected to the Life Cycles of the Earth, the Planets, and the Stars*. New York: Oxford University Press, 2015. 224 p.
5. Spalding K. L., Bergmann O., Alkass K. [et al.]. Dynamics of Hippocampal Neurogenesis in Adult Humans // *Cell*. 2013. Vol. 153, № 6. P. 1219–1227. DOI: 10.1016/j.cell.2013.05.002.
6. Hevesy G. Nobel Lecture. Nobel Media AB, 2020. May 12. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/chemistry/1943/hevesy/lecture/> (дата обращения: 14.04.2023).
7. Stone J. Parfit and the Buddha: Why There Are No People // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1988. Vol. 48, № 3. P. 519–532. DOI: 10.2307/2107477.
8. Huemer M. Existence Is Evidence of Immortality // *Noûs*. 2021. Vol. 55, № 1. P. 128–151. DOI: 10.1111/nous.12295.

Сведения о переводчике

НЕХАЕВ Андрей Викторович, доктор философских наук, доцент (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры «Философия» Тюменского государственного университета, г. Тюмень; научный сотрудник Лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН, г. Томск.

SPIN-код: 5844-9381

AuthorID (РИНЦ): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Адрес для переписки: avnehaev@omgtu.ru

Источник перевода:

Hidalgo J. You Survive Teletransportation // *Think*. 2022. Vol. 21, № 61. P. 83–92. DOI: 10.1017/S147717562100049X.

Ссылка на полный текст эссе:

<https://www.cambridge.org/core/journals/think/article/abs/you-survive-teletransportation/FE76F4855643D6463B9AA0C77A9EE8B5>

Для цитирования

Идальго Х. Выживание при телепортации = Hidalgo J. You Survive Teletransportation / пер. с англ. А. В. Нехаева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 9, № 1. С. 97–101. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-97-101.

Статья поступила в редакцию 16.04.2023 г.

© Х. Идальго

YOU SURVIVE TELETRANSPORTATION

Suppose that it was possible to teletransport. The teletransporter would destroy your old brain and body and construct an identical brain and body at a new location. Would you survive teletransportation? Many people think that teletransportation would kill you. On their view, the person that emerges from the teletransporter would be a replica of you, but it wouldn't be you. In contrast, I argue that there's no relevant difference between teletransportation and ordinary survival. So, if you survive ordinary life, then you survive teletransportation. Yet my argument may also show that we have little prudential reason to care about our survival in general.

Keywords: personal identity, teletransportation, survival, bodily criterion, special concern, prudential reasons.

References

1. Parfit D. *Reasons and Persons*. Oxford: Oxford University Press, 1986. 560 p. (In Engl.).
2. Wade N. Your Body Is Younger Than You Think // *The New York Times*, 2005. August 2. URL: <https://www.nytimes.com/2005/08/02/science/your-body-is-younger-than-you-think.html> (accessed: 14.04.2023). (In Engl.).
3. Spalding K. L., Bhardwaj R. D., Buchholz B. A. [et al.] // *Cell*. 2005. Vol. 122, no. 1. P. 133–143. DOI: 10.1016/j.cell.2005.04.028. (In Engl.).
4. Schrijver K., Schrijver I. *Living with the Stars: How the Human Body Is Connected to the Life Cycles of the Earth, the Planets, and the Stars*. New York: Oxford University Press, 2015. 224 p. (In Engl.).
5. Spalding K. L., Bergmann O., Alkass K. [et al.]. Dynamics of Hippocampal Neurogenesis in Adult Humans // *Cell*. 2013. Vol. 153, no. 6. P. 1219–1227. DOI: 10.1016/j.cell.2013.05.002. (In Engl.).
6. Hevesy G. Nobel Lecture. Nobel Media AB, 2020. May 12. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/chemistry/1943/hevesy/lecture/> (accessed: 14.04.2023). (In Engl.).
7. Stone J. Parfit and the Buddha: Why There Are No People // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1988. Vol. 48, no. 3. P. 519–532. DOI: 10.2307/2107477. (In Engl.).
8. Huemer M. Existence Is Evidence of Immortality // *Noûs*. 2021. Vol. 55, no. 1. P. 128–151. DOI: 10.1111/nous.12295. (In Engl.).

About the translator

NEKHAEV Andrei Viktorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of Philosophy Department, Tyumen State University, Tyumen; Research Associate of the Laboratory of Logical and Philosophical Studies, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, RAS, Tomsk.

SPIN-code: 5844-9381

AuthorID (RSCI): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Correspondence address: avnehaev@omgtu.ru

For citations

Hidalgo J. You survive teletransportation / trans. from Engl. A. V. Nekhaev // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 97–101. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-97-101.

Received April 16, 2023.

© J. Hidalgo

ТЕЛЕПОРТ И ОРИГАМИ

В статье представлена критика мысленного эксперимента о выживании в телепорте. Демонстрируются слабые стороны проблемы о выживании личности в телепорте, которыми являются неявный дуализм и некритичная посылка о множественной реализации в условиях мысленного эксперимента. Критикуется допущение о качественном тождестве тел после телепортации через категорию мереорганической преемственности.

Ключевые слова: тождество личности, выживание, мысленные эксперименты, сознание, тело.

1. Зачем нужны мысленные эксперименты? Посредством воображаемых ситуаций можно ясно поставить проблемы, которые вне изоляции ограниченными условиями могут теряться среди более очевидного и насущного. Мастерство мысленного эксперимента, таким образом, состоит в том, чтобы, рассмотрев интуицию или проблему в изоляции, показать, что она имеет значение и вне ситуаций со столь ограниченными условиями. Поскольку значение содержания самого мысленного эксперимента находится в сильной зависимости от формулировки его условий, то всегда может быть поставлен вопрос, а не является ли проблема или интуиция мысленного эксперимента столь значимой только из-за удобной формулировки условий эксперимента?

Отсюда следует, что важно рассматривать мысленные эксперименты не только с позиции пользователя, принимающего условия и постановку проблемы, но и с позиции своего рода тестировщика, задача которого не сыграть в предложенную игру типичным образом, а проверить её на прочность и выявить фундаментальные недостатки, используя уязвимости и недоработки правил.

2. Внутренний вопрос и внешние импликации. Обычно мысленный эксперимент с выживанием в телепорте формулируется так: предлагается вообразить, что в недалеком будущем ученые изобретают технологию телепорта, которая в точке А полностью фиксирует состояние тела субъекта, передаёт информацию об этом в точку Б, уничтожает тело в точке А и в точке Б из органических материалов создает точную копию тела, зашедшего в телепорт в точке А. Например, так мысленный эксперимент описывают Дерек Парфит¹ и Хавьер Идальго² [1, 2].

Как правило, после описания технологии телепорта философы переходят к постановке самых разнообразных вопросов, связанных с тождеством личности, природой сознания, моральной ответственностью и так далее. Всё это — *внешние импликации* внутреннего для мысленного эксперимента вопроса о том, выживает ли человек, пользующийся такой технологией? Мой подход предполагает, что, прежде чем перейти к внешним импликациям, стоит задуматься о том, как выбранные условия (описание технологии телепорта) влияют на характер внутреннего вопроса эксперимента.

И технология телепорта описана удивительно плохо. Чтобы это понять, представим другую, совершенно нефантастическую ситуацию. Допустим, я покупаю пачку бумаги, половину беру к себе домой, а половину оставляю другу. Дома я собираю из этой бумаги оригами птицы. Мы договариваемся с другом, что я приду к нему и принесу это оригами. У себя дома я сжигаю имеющееся оригами, прихожу к другу, беру лист и складываю точно такую же птицу. После этого я даю птицу другу и говорю, что таким образом «телепортировал» её из своего дома.

В чем пример с оригами такой же, как с телепортом? И там, и там имеются две точки в пространстве. В точке А имеется материя определенной формы, которая сжигается, чтобы в точке Б материя приобрела такую же форму из материала такого же рода. Если вам принципиально, чтобы материя уничтожалась в тот же самый момент, когда и складывалась в нужную форму в другом месте, то вы можете представить, что в случае с оригами мы с другом договорились сделать это с удивительной синхронностью (однако, как мне видится, это необязательное условие, хотя вас может и смутить, что какое-то время оригами или тело пребывали в небытие). Иначе говоря, на уровне того, что происходит с материей эти примеры идентичны, поскольку технология моих рук по отношению к оригами как материи работает точно так же как и технология телепорта по отношению к телу как материи.

Что же тогда отличает телепорт от примера с телепортом? То, что в случае с телепортом предполагается неявный дуализм материи и сознания. Если переводить это в пример с оригами, то представим, что я и мой друг верим, что у каждого оригами существует некоторое внутреннее качество, которое мы называем «оквалиа». Каждое оригами имеет своё индивидуальное оквалиа, которое каким-то образом связано с бумагой (материей). В таком случае у примера с оригами появляется дополнительная область вопросов — не только о тождестве материи или её формы, но и о тождестве оквалиа одного и другого оригами. То есть если мы заведомо ставим вопрос о том, сохраняется ли при телепорте оригами оквалиа, то мы исходим из неявного дуализма материи и оквалиа. Становится ли ситуация лучше, если мы предполагаем, что оквалиа реализуется в некоем конкретном изгибе бумаги?

Как кажется, при текущем рассмотрении это только сужает вопрос от физического тождества всего origami до тождества этого конкретного изгиба.

Неявный дуализм в посылках — это не единственная проблема воображаемой технологии телепорта. Будем откровенны, скорее всего в случае с origami вам не кажется, что оно было телепортировано. Вам не кажется, что в этом случае достаточно, чтобы в точке А материя определенной формы исчезла, а в точке Б появилась материя такой же формы. Если вы так считаете, то у вас нет причины считать, что и в случае с телепортом происходит телепортация, что и в этом случае сохраняется материальное (или нумерическое) тождество³. Проще говоря, если вы считаете, что у моего друга всё-таки не то же самое origami птицы, то вы, как минимум, вынуждены считать, что и в телепорте в точке Б появляется другое тело. В таком случае *вопрос выживания* сознания — это вопрос возможности *множественной реализации* сознания на различных носителях. При принятии тезиса возможности множественной реализации, возникает вопрос об условиях, при которых сознание может быть множественно реализовано на другом носителе. Иначе говоря, принятие тезиса множественной реализации как истинного, конечно же, допускает возможность выживания в технологии, подобной телепорту, однако этого недостаточно для содержательного ответа о выживании, поскольку оно в итоге оказывается зависимо от критериев множественной реализации и того, может ли конкретная технология им удовлетворить. Поскольку описание технологии телепорта в мысленном эксперименте является предельно обобщенным, то ответ на вопрос о таких критериях не может быть получен из рассмотрения именно этого случая.

Внутренняя проблема выживания в телепорте подпитывается неявным дуализмом, связанным с тем, что переменная человеческого сознания или оквалиа origami должна быть введена и высвечена отдельно, чтобы мы задумались и над тем, что личность может выжить в телепорте, и над тем, что уничтожение и восстановление тела значит для сознательной личности. Некоторую абсурдность такого подхода, вероятно, легче понять, если оборвать на полуслове повествование о мысленном эксперименте с телепортом. Например, так: представьте, что вы заходите в машину, которая уничтожает ваше тело; о том, что ещё она сделала или сделает, вы более ничего не знаете; что это значит для выживания личности? Как ни странно, но последовательный сторонник выживания личности в телепорте должен будет сказать, что, если некая машина уничтожила ваше тело, то у вас ещё есть шансы на выживание, поскольку может оказаться, что она отсканировала состояния вашего тела и отослала их на Титан или Марс.

По предложенному описанию технологии некоторые предметы вы можете «телепортировать» уже сейчас, ощущая, насколько незначительной кажется проблема, если исключить из условий сознание или не предполагать существование оквалиа у origami.

Что любопытно, неявный дуализм случая с телепортом хорошо смешивается с физикалистскими и функционалистскими интуициями. Так, если нам кажется, что сознание автоматически не переносится вслед за телом или не восстанавливается в новом теле, то это повод поволноваться в ситуации, когда телепорт сжигает оригинальное тело. На этом этапе

условный дуалист может быть полностью согласен с условным физикалистом. Однако мысленный эксперимент явно намекает и на условие множественной реализации. Если нам кажется, что сознание может быть реализовано на другом носителе, то это повод поволноваться о том, чтобы материя на входе и выходе действительно соблюдала некие условия, при которых сознание с тела на входе сможет быть реализовано на теле на выходе.

Соответственно, значимость внешних импликаций данного мысленного эксперимента (будь то вопросы о тождестве личности или моральной ответственности) зависит в первую очередь от отношения конкретного автора к возможности истинности тезиса множественной реализации⁴ и поддерживается неявным дуализмом. Если хотя бы какой-то из тезисов истинен, то проблема с выживанием в телепорте, видимо, имеет значение хотя бы в некоторых из возможных внешних импликаций.

3. Преемственность нерожденного. Рассмотрение мысленного эксперимента с телепортом у Идальго предполагает достаточно существенное внимание к телесной стороне вопроса, что подтверждает вывод о том, что в конечном счёте всё сводится к вопросу того, в каком виде должно восстановиться тело в точке Б, чтобы личность выжила в телепорте. Есть ли у множественной реализации некие необходимые и достаточные условия? Полагаю, что самый очевидный ответ — это полное телесное тождество, но это очевидно слишком сильное требование, поскольку компьютерная метафора подсказывает нам, что один тот же софт запускается на разном железе⁵. Не менее очевиден и ответ с тождеством мозга или хотя бы наиболее значимых его частей. Для простоты полное телесное тождество далее будет рассмотрено как игрушечная теория, чтобы прояснить разницу между объектами в точке А и точке Б.

В точке А тело и мозг человека, шагнувшего в телепорт, были развиты из эмбриона. Прошлое этого тела включает в себя факт того, что оно было рождено естественным образом, аналогичным образом развивалось, имело родителей и предков в обычном смысле этих слов. Тело, появляющееся на выходе из телепорта в точке Б, не включает в свое прошлое ни одного такого факта. Разнообразные факты происхождения и материального наследования, имевшиеся в точке А, заменяются в точке Б единственным фактом того, что это тело было пару минут назад создано из органической материи. Даже если представить, что телепорт работает, в конечном счете, так, что вас искусственно или естественно рождают, то любопытным образом такой телепорт лишает тело факта рождения прошлым родителем.

Здесь можно возразить, что по условиям мысленного эксперимента телепорт восстанавливают также всё как было, а поэтому в генетическом смысле происхождение сохраняется. Мне это кажется предельно фантастическим условием. Слишком удобным для того, кто желает исходить из того, что в точке Б появляется такое же тело. Скрипя зубами, допустим, что это так. Даже в таком случае индивид теряет телесные или физические факты своего происхождения: он помнит об этом, как о том, что происходило с телом в точке А, но всё это в буквальном смысле не происходило с телом в точке Б.

Вопросы нарастают снежным комом, а что вообще будет собой представлять такой нерождённый? Можно ли каким-то непротиворечивым способом представить, что в точке Б будет создано тело, ко-

торое сохранило всё то, что пережило тело в точке А, не переживая этого? Если в точке А на теле путешественника была татуировка, которую он не обновлял 10 лет, то будет ли машина в точке Б восстанавливать её и имитировать состаривание? Если да, то какой безумец и каким образом мог заложить в телепорт такую функцию? Если нет, то идея о полном тождестве тела, переносимого через телепорт, оказывается под угрозой. Вслед за допущением даже небольшой неточности в восстановлении под угрозой оказывается и идея того, что на той стороне будет восстановлено идентичное тело. Вполне ясно, что восстановление идентичной биологической нейронной сети со всеми связями — это задача более сложная, чем восстановление рисунка на теле.

Подчеркну это отдельно. Идентичность тел личности, входящей в телепорт, является условием, принимаемым вначале мысленного эксперимента, но, как мы видим, оно сталкивается не только с проблемой утраты фактов физического наследования и преемственности, но и с *проблемой дотошного воспроизведения*. Если тело воспроизводится технологией дотошно, то сам дизайн технологии выглядит откровенно нереалистичным. Если тело воспроизводится не дотошно, то в буквальном смысле на другой стороне телепорта возникает неидентичное тело⁶.

Можно сказать, что какие-то внешние атрибуты тела не имеют значения для возможности множественной реализации сознания, но в таком случае можно продолжить эту интуицию дальше, выяснив, а что вообще является минимальным набором? Мозги в чане? Такая позиция фактически была у Парфита. Если этого достаточно, то, возможно, в телепорт будет добавлена аварийная программа, воспроизводящая в экстренной ситуации только мозги в бочке? Пожалуй, реализация такой программы будет крайне травматичным опытом для, так называемой, локкеанской личности (то есть личности как психологического состояния, в котором личность самостоятельно утверждает своё психическое наследование другим психологическим состоянием). Вполне представимы ситуации, когда локкеанская личность исчезает не исключительно из-за органических поражений, а из-за безумия, которое превращает оригинальную личность в нечто иное (другая линия критики психологического тождества в вопросе о выживании в телепорт представлена здесь: [4, 5]).

В своей статье Идальго пробует разрешить момент с неидентичностью тел, апеллируя к тому, что в нашем актуальном теле меняются клетки вплоть до того, что в какой-то момент мы будем полностью обновлены. Правда, он не замечает, что в таком случае телепорт попросту будет работать иначе. Если он запечатлевает и посылает точные данные состояния вашего тела, то за тот момент, пока телепорт это делает, ваше тело может минимальным образом обновиться, и данные будут неточными. В строгом смысле в точке Б в итоге будет восстанавливаться «резервная копия», отсканированная за мгновение до вашего следующего обновления.

Более ярко схожий момент прослеживается в модификации Идальго с медленным телепортом. Он предлагает две опции: полет в анабиозе, где тело изменяется естественным образом посредством обновления клеток, и телепорт, который медленно сжигает и восстанавливает вас за то же самое время из новой органической материи. В этих случаях хо-

рошо виднеется разница в фактах происхождения, ведь тело, в котором обновляются клетки, всегда содержит более старые клетки, которые присутствовали в этом теле тогда, когда в нем были ещё более старые клетки, и так далее до первых моментов развития человеческого организма. То есть когда тело полностью обновляется, то оно сохраняет в себе клетки, которые были в теле в тот момент, когда там были и клетки, которых уже не было в момент появления новых. Такая цепочка связей, судя по всему, связывает все существовавшие клетки одного и того же тела. Я затрудняюсь с тем, как лучше именовать эту цепочку связей между материальными частями одного объекта или же конкретно этот особый тип межклеточных связей, поэтому условно обозначим такую цепочку и тип связей как непрерывную органическую преемственность частей или как просто *мереорганическую преемственность*⁷.

В смысле мереорганической преемственности клеток организм в буквальном смысле сохраняет связь со всем тем, что он представлял собой до некоего момента t_x . Телепорт в точке Б воссоздает состояние тела, но не может воссоздать подобную связь между клетками. В аспекте мереорганической преемственности каждая клетка организма в точке Б будет отличаться от каждой клетки в точке А. Восстановление тела посредством телепорта — это куда более радикальное изменение в теле, чем естественное обновление клеток. Путешествие через телепорт в плане сохранности своего тела отличается от того, что происходит в обычной жизни, поскольку в ней вы не столкнетесь с ситуацией, когда все клетки, существовавшие одновременно с более ранними клетками, исчезнут, заменившись абсолютно новыми, которые не присутствовали в вашем организме тогда, когда присутствовали старые клетки.

По большому счёту мы обсуждаем здесь классическую проблему корабля Тесея, который ремонтируется в море и в какой-то момент оказывается полностью собранным из частей, которых изначально в нём не было. Это, скажем так, естественная ситуация нашего организма и у корабля, который чинят на ходу, сохраняются детали, которые были тогда же, когда и иные, убранные детали, которые были в оригинальной комплектации. Если представить, что корабль Тесея заходит в порт, разрушается и после этого из новых материалов собирается новый — то это ситуация восстановления тела в телепорте. Вполне ясно, что в первом случае мы имеем одну и ту же, но обновляемую вещь, тогда как во втором одна вещь уничтожается, но создается другая — идентичная ей.

Но так ли значимо сохранение мереорганической преемственности? Полагаю, что здесь был бы крайне полезен естественнонаучный ответ на вопрос о том, что будет с организмом, если его клетки утратят такой вид связи. В рамках же философского рассмотрения вопроса можно отметить, что такая вещь определенно может влиять на личность человека (далее в целях рассуждения о мысленном эксперименте допускается возможность множественной реализации). Кажется, что не каждый будет доволен тем, что посредством телепорта он стал нерождённым — телом, которое никогда не рождалось в обычном смысле слова, а было создано технологическим образом. Если рассмотреть две возможные ситуации, где некто предпочел путешествие в анабиозе на корабле и остался рожденным, а в другой альтернативе воспользовался теле-

портом и оказался нерожденным, то можем ли мы предположить какую-то психологическую разницу между этими людьми? Учитывая, что в актуальный момент времени люди уделяют особое внимание проблемам биологического родства и аборт, то можно предположить, что нерожденному предстоит отразить свою нерожденность и отсутствие мереорганической преемственности нового тела со старым.

Что же касается психологического тождества локкеанской личности по критерию психологической преемственности, то в некотором смысле такая преемственность действительно может быть. Однако не возникает ли у нерожденного поводов не сохранять психологическую преемственность с личностью из точки А, коль уж ничто из жизни личности в точке А с нерожденным в буквальном смысле не происходило? Рефлексия нерожденного, вероятно, может привести его к осознанию того, что психологическое тождество с личностью в точке А фактически нерожденному навязано, а он сам, будучи биологически новым и самостоятельным существом, может таким образом осознать, что оказался несвободным от желания личности в точке А навязать нерожденному психологическое тождество с самим собой. Короче говоря, всё это осознание странности и уникальности своей ситуации даёт нерожденному поводы желать разрушения психологического тождества с личностью в точке А, дабы реализовать себя как личность, свободную от гнёта психологического наследия личности в точке А.

Как бы то ни было, мысленный эксперимент с телепортом предполагает возможность существования нерожденных — людей, которые не были рождены, а были воссозданы из машины. Более того, эксперимент предполагает, что рожденный человек может стать нерожденным. На этом этапе мы имеем дело с ещё одним нежелательным следствием условий оригинального мысленного эксперимента, поскольку представленные рассуждения скорее обнаруживают несколько зацепок для хоррора о неисправном телепорте, чем философские интуиции.

4. Заключение. Первая часть статьи была призвана продемонстрировать слабые стороны проблемы о выживании личности в телепорте, которыми являются неявный дуализм и некритичная посылка о множественной реализации в условиях мысленного эксперимента. Вторая часть была призвана поставить под вопрос допущение о качественном тождестве тел после телепортации и показать лакуну в вопросе о необходимых и достаточных условиях реализации одного и того же сознания на разных носителях. В итоге получается, что (1) сравнение с мысленным экспериментом про оригами показывает, что без неявного дуализма проблема сохранения материи при телепортации теряет свою важность, (2) предположение качественного тождества тел перед и после телепортации сталкивается с проблемой дотошности в восстановлении тела, (3) качественное тождество при данных условиях невозможно ввиду нарушения мереорганической преемственности, а (4) идея психологического тождества сталкивается с проблемой нерожденных, мотивированных нарушить свою психологическую преемственность с личностью на той стороне телепорта. Исходя из этого, можно заключить, что споры о выживании личности в мысленной ситуации с телепортом имеют меньше значимых внешних

импликаций, чем об этом принято думать, поскольку часть следствий, связанных с позициями о том, что личность выживет в телепорте, существенным образом зависит от некритичного принятия условный мысленного эксперимента со всеми вышеописанными проблемами.

Примечания

¹ «Начнем с мысленного эксперимента. Допустим, здесь, на Земле, я захожу в Телепорт. Я нажимаю кнопку, и машина уничтожает мое тело, фиксируя точное состояние всех его клеток. Эти данные с помощью радиосигнала отправляют на Марс, где другая машина из органических материалов воссоздает точную копию моего тела. Очнувшись на Марсе, такая личность помнит все события моей жизни, вплоть до момента нажатия кнопки, так же как и во всем остальном она в точности походит на меня» [1].

² «Вообразите, что вы находитесь в будущем, где ученые недавно разработали технологию телепортации. Данная технология регистрирует и записывает точное состояние вашего тела и отправляет скан с этой информацией на другой портал, который расположен на луне Сатурна — Титане. Телепорт создает на Титане из новой материи тело и мозг в точности такие же, как ваши собственные. В результате человек, который появится на Титане, будет обладать всеми вашими мыслями, воспоминаниями, намерениями и чертами характера. Но ваши старые тело и мозг на Земле будут безболезненным образом уничтожены» [2].

³ Важный момент схожести примеров с оригами и телепортом состоит в том, что они явным образом исключают возможность нумерического тождества. Единственное, на что мы можем рассчитывать — это качественное тождество тел или оригами. В таком случае, если вы заведомо считаете, что нумерическое тождество важно для выживания (важно, чтобы выжили конкретно вы, а не клон или точная реплика), то, согласно условиям эксперимента, выживание в телепорте невозможно. Статья Идальго интересна тем, что он пробует то ли сохранить нумерическое тождество, то ли указать на то, что оно не имеет такого большого значения, когда приводит довод об обновлении клеток тела, космическом путешествии в анабиозе и медленном телепорте. Этот довод будет рассмотрен далее.

⁴ Если тезис множественной реализации ложен и сознание не может быть реализовано на другом, пускай и идентичном носителе, то уже по условию задачи никакое сознание в телепорте не выживает. Без тезиса множественной реализации мысленный эксперимент может работать, только если предположить, что сознание может существовать без носителя вообще.

⁵ С точки зрения физикализма, судя по всему, «одинаковый» софт на разном железе — это всё-таки разные, хотя и схожие, физические состояния разного железа.

⁶ Рецензент этого текста отметил, что с проблемой дотошности открывается интересная проблематика того, что вообще является частью тела для личности. Им был предложен следующий мысленный эксперимент, а что, если в процессе использования телепорта будут уничтожаться раковые клетки? Для начала проведем разницу между телепортом, уничтожающим раковые клетки, и футуристичным медицинским оборудованием, уничтожающим раковые клетки. Далее по тексту я ввожу концепцию «мереорганической преемственности», нарушение которой и отличает телепорт от оборудования, воспроизводит ли телепорт тело дотошно или не очень. Как мне видится, что действительно говорит такая вариация мысленного эксперимента, так это то, что исходная личность может по-разному оценивать результат действия телепорта (воспринимает ли она человека на той стороне как себя же, но изменившуюся, или как новую личность). В первом случае одни телесные изменения могут восприниматься

как предпочтительные, а поэтому неидентичность тела может и не восприниматься как проблема в *моральном смысле*. Второй случай, когда человек воспринимает ситуацию так, что на выходе из телепорта (вероятно) возникнет новая (необязательно связанная с ним) личность, чем-то походит на рассуждение от занавеса неведения [3, с. 26–32]. В этом плане *моральная сторона* проблемы дотошности может быть решена построением принципа, регулирующего, какие части тела *справедливо* воспроизводить на выходе из телепорта (вне зависимости от того, будет ли личность на выходе той же, что и на входе). Для этого принципа, естественно, будет крайне актуален метафизический вопрос о том, что вообще является частью тела для личности, о котором упомянул рецензент, поскольку если что-то не является такой частью тела, то нет никакой проблемы с тем, чтобы она не воспроизводилась. В остальном же ясно, что, находясь за вуалью неведения, можно было бы пожелать, чтобы телепорт удалял раковые клетки и, допустим, сохранял развитую мускулатуру. Более того, нетрудно представить аргументацию, которая на этом же основании показывала, что, как минимум, в некоторых случаях было бы приемлемо, если бы телепорт в целом менял личность (если, конечно, преобразование личности в телепорте или её замена не являются злом само по себе). Например, если бы телепортом захотел бы воспользоваться серийный убийца, то посчитали ли бы мы морально допустимым, чтобы телепорт изменил тело убийцы таким образом, чтобы он более им не был? Как ни странно, но здесь в целом появляется определенная линия для своеобразного *морального транс- или постгуманизма* — позиций, которые могли бы настаивать на том, что всевозможные (включая генетические и аугментационные) изменения тела, вошедшего в телепорт, не только допустимы, но и желательны.

⁷ Отдельно хочется поблагодарить Ивана Кудряшова, Константина Морозова, Матвея Сысоева, Артема Юнусова и Андрея Нехаева за обсуждение этого момента и предложение своих вариантов наименования обсуждаемой вещи. В конце концов, мною был выбран микс из предложенных вариантов. Также отмечу наблюдения коллег, что мереограническая преемственность, как мне видится, действительно имеет некое концептуальное сходство с идеей психологической непрерывности у Парфита [6, р. 199–219] и позицией мереологического органицизма, согласно которой множество частей составляют целое только, если их активность составляет жизнь (в случае с телепортом, поскольку в точке Б все части тела (целого в точке А) меняются, то в точке Б возникает и новое целое, составленное из активности других, хотя и схожих или даже идентичных частей) [7, р. 187; 8]. Также мереограническая преемственность — это в некотором смысле часть более общей каузальной истории. Акцент на ней делается для того, чтобы показать, что в этом смысле каузальная история между человеком в точке А и Б не сохранится, в отличие от того, как об этом думает Идальго. Он пишет, что «возможно, существует дополнительный «специальный» элемент, благодаря которому выживает личность». Собственно, мереограническая

преемственность — это нечто вроде этого ингредиента, но для тела. Если идентичность тел имеет значение для выживания личности, то мереограническая преемственность оказывается крайне важной частью каузальной истории, которая не воспроизводится в процессе телепортации, как он описан по условиям мысленного эксперимента.

Библиографический список

1. Парфит Д. Мы — нечеловеческие существа = Parfit D. We are not human beings / пер. с англ. У. В. Добронравовой // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 4. С. 82–95. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-4-82-95.
2. Hidalgo J. You Survive Teletransportation // Think. 2022. Vol. 21, Issue 61. P. 83–92. DOI: 10.1017/S147717562100049X.
3. Ролз Д. Теория справедливости / ред. В. В. Целищев; пер. с англ. В. В. Целищева, В. Н. Карповича, А. А. Шевченко. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. 532 с.
4. Кэмпбелл С. Стремительное психологическое изменение = Campbell S. Rapid Psychological Change / пер. с англ. О. М. Кадочниковой // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 3. С. 95–100. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-95-100.
5. Нехаев А. В. Перегрузка личности и выживание // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 3. С. 101–108. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-101-108.
6. Parfit D. Reasons and Persons. Oxford: Oxford University Press, 1984. 560 p.
7. Cotnoir A. J., C. Varzi Achille. Mereology. Oxford: Oxford University Press, 2021. 424 p.
8. Cornell D. Material Composition. URL: <https://iep.utm.edu/mat-comp/> (дата обращения: 01.06.2023).

КАРДАШ Алексей Михайлович, младший научный сотрудник, аспирант отдела теории познания и методологии науки Института философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.
SPIN-код: 8810-5990
AuthorID (РИНЦ): 1145532
ORCID: 0000-0002-9683-0601
ResearcherID: AGN-9675-2022
Адрес для переписки: krdwalexai@gmail.com

Для цитирования

Кардаш А. М. Телепорт и оригами // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 102–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-102-107.

Статья поступила в редакцию 01.06.2023 г.

© А. М. Кардаш

TELETRANSPORTER AND ORIGAMI

The author criticizes the thought experiment about survival in a teletransporter. The weakness of the experiment lies in the implicit dualism and the uncritical premise of multiple implementations in the conditions. The assumption about the qualitative identity of bodies after teleportation through the category of mereorganic continuity is criticized.

Keywords: personal identity, survival, thought experiments, mind, body.

References

1. Parfit D. My — nechelovecheskiye sushchestva [We are not human beings] / trans. from Engl. U. V. Dobronravovoy // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2020. Vol. 5, no. 4. P. 82–95. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-4-82-95. (In Russ.).
2. Hidalgo J. You Survive Teletransportation // Think. 2022. Vol. 21, Issue 61. P. 83–92. DOI: 10.1017/S147717562100049X. (In Engl.).
3. Rawls J. Teoriya spravedlivosti [A Theory of Justice] / Ed. V. V. Tselishchev; trans. from Engl. V. V. Tselishcheva, V. N. Karpovicha, A. A. Shevchenko. Novosibirsk, 1995. 532 p. (In Russ.).
4. Campbell S. Stremitel'noye psikhologicheskoye izmeneniye [Rapid Psychological Change] / trans. from Engl. O. M. Kadochnikovoy // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2020. Vol. 5, no. 3. P. 95–100. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-95-100. (In Russ.).
5. Nekhaev A. V. Perezagruzka lichnosti i vyzhivaniye [Personal reboot and survival] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2020. Vol. 5, no. 3. P. 101–108. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-101-108. (In Russ.).

6. Parfit D. Reasons and Persons. Oxford: Oxford University Press, 1984. 560 p. (In Engl.).
7. Cotnoir A. J., C. Varzi Achille. Mereology. Oxford: Oxford University Press, 2021. 424 p. (In Engl.).
8. Cornell D. Material Composition. URL: <https://iep.utm.edu/mat-comp/> (accessed: 01.06.2023). (In Engl.).

KARDASH Aleksey Mikhaylovich, Junior Researcher, Graduate Student of the Theory of Cognition and Methodology of Science Department, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
SPIN-code: 8810-5990
AuthorID (RSCI): 1145532
ORCID: 0000-0002-9683-0601
ResearcherID: AGN-9675-2022
Correspondence address: krdwalexexi@gmail.com

For citations

Kardash A. M. Teletransporter and origami // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 102–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-102-107.

Received June 01, 2023.
© A. M. Kardash

УДК 332.05
DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-108-119
EDN: DAWLTL

Е. В. ЛЕУН¹
С. Е. ПЧЕЛКИН²
Т. Н. ГУПАЛОВА²

¹ АО «НПО Лавочкина»,
г. Химки

² Российский государственный
аграрный университет—
МСХА имени К. А. Тимирязева,
г. Москва

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЛАСТИ РЫБОВОДСТВА И РЫБОЛОВСТВА В 2003—2022 ГОДАХ С УЧЕТОМ АНАЛИЗА ПАРАМЕТРОВ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассмотрены четыре группы результатов интеллектуальной деятельности России, США, Европейского союза и Китая в области рыбоводства и рыболовства за период 2003—2022 годов. В первую группу включены патенты, найденные, согласно международной патентной классификации, для подкласса A01K. Вторая группа основана на высокотехнологичных патентах, выбранных для подкласса A01K совместно с классом G—физика. В третьей группе рассматриваются коммерциализированные патенты России, выбранные из первой группы. Четвертая группа включает российские патенты из первой группы и диссертации по научным специальностям 05.18.17 «Промышленное рыболовство», 06.04.01 «Рыбное хозяйство и аквакультура». Произведен анализ этих четырех групп, выявлены особенности инновационной активности организаций, сделан прогноз их развития.

Ключевые слова: рыбоводство, рыболовство, патент, диссертация, инновационная активность, результат интеллектуальной деятельности, жизненный цикл инноваций.

Текущее состояние экономики России во многом характеризуется активным поиском внутренних резервов ее развития с приоритетами скорейшего достижения продовольственной безопасности, в частности, в областях рыбоводства и рыболовства, а также технологического суверенитета и импортонезависимости [1]. Залогом этого является повышение инновационной активности (ИА) и информа-

тивности (прозрачности) отчетности организаций за счет эффективного анализа, учета, контроля и управления интеллектуальной собственностью, в частности, результатами интеллектуальной деятельности (РИД). В основе этого лежит выбор информативных параметров разносторонне характеризующих РИДы для выявления максимума закономерностей развития, взаимосвязей, струк-

туры, особенностей динамики и текущего уровня ИА.

Особенностью современных методов расчета и анализа параметров ИА является необходимость рыночной оценки РИДов [2–4] с учетом общемировых трендов за счет обработки больших многофакторных массивов информации, получаемых различными доступными способами, в т.ч. через интернет с использованием прогрессивных цифровых технологий и даже искусственного интеллекта.

Прогресс методов определения и анализа параметров ИА организаций, интеллектуальной собственности, патентных исследований разных отраслей экономики является актуальной задачей современных исследований [4–9]. Цель данной работы — выявление закономерностей развития, взаимосвязей, структуры, особенностей динамики и текущего состояния ИА организаций за счет изучения патентной и научной активности на основе анализа РИД в виде патентов России, США, Европейского союза (в дальнейшем — Евросоюз), Китая и диссертаций России в области рыбоводства и рыболовства за 2003–2022 годы.

1. Четыре группы РИД и открытые источники информации для их поиска. В разделе описаны четыре группы РИД, найденные из существующих открытых российских и международным источников информации.

1.1. Первая группа РИД на основе патентов России, США, Евросоюза, Китая.

Первая группа РИД состоит из патентов России, США, Евросоюза, Китая. Согласно Международной патентной классификации (МПК) и с учетом технических ограничений информационно-поисковой системы сайта ФИПС [10] выбраны следующие тематические подклассы (без более мелкого разбиения):

1) рыбоводство; аквариумы; террариумы: А01К61 — разведение водных животных, А01К63 — емкости для живой рыбы, например аквариумы; террариумы;

2) рыболовство: А01К69 — стационарные устройства для рыбной ловли; А01К73 — буксируемые рыболовные сети; А01К74 — прочие сети и т.п. для рыбной ловли; А01К75 — принадлежности для рыболовных сетей; конструктивные элементы рыболовных сетей, например составные части; А01К77 — подсачки для рыбной ловли; сачки для рыбной ловли; А01К79 — прочие способы и устройства для промыслового лова рыбы, не предусмотренные в других группах; А01К80 — сбор устриц, мидий, губок и т.п.; А01К81 — лов рыбы с помощью метательных орудий (за исключением оружия, метательных снарядов, иных, чем гарпуны для ловли рыбы); А01К83 — рыболовные крючки; А01К85 — искусственные приманки для рыбной ловли; А01К87 — рыболовные удилища; А01К89 — рыболовные катушки для лесок; А01К91 — рыболовные лески; А01К93 — поплавки для ужения с сигнальными устройствами или без таковых; А01К95/00 — грузила для ужения; А01К97 — принадлежности для ужения (за исключением куканов; подсачков или рыболовных сачков). Найденные РИД для каждого года суммируются по всем этим подклассам.

1.2. Вторая группа РИД на основе высокотехнологических патентов.

Вторую группу РИД составляют высокотехнологические патенты России, США, Евросоюза и Китая, выбранные из вышеуказанных подклассов при одновременном наличии у них класса МПК G — Физика. В таких патентах применяются принципы

измерений, испытаний, оптики, управления, регулирования, обработки данных, вычислений, счета, сигнализации, согласно подклассам G01, G02, G03, G04 и др. [10, 11], реализованные в информационных измерительных и/или автоматизированных устройствах и системах с видеонаблюдениями, интернетом, мобильными гаджетами и другими подобными новшествами для рыбоводства и рыболовства.

1.3. Третья группа РИД на основе коммерциализированных патентов России.

Третья группа РИД включает российские патенты из первой группы, патентообладатели которых решили их коммерциализировать. Так, согласно пункту 1 статьи 1366 части четвертой ГК РФ, патентообладатель обязуется заключить договор об отчуждении патента [10] в пользу гражданина или организации России, первыми изъявившими желание его приобрести. Очевидно, что такие патенты, будучи интеллектуальной собственностью, являются наиболее законченными и апробированными новшествами и готовыми к экономически эффективному использованию с большим влиянием на ИА.

1.4. Четвертая группа РИД на основе российских патентов и диссертаций.

В четвертой группе рассматриваются российские патенты из первой группы и диссертации по научным специальностям 05.18.17 «Промышленное рыболовство»; 06.04.01 «Рыбное хозяйство и аквакультура». Согласно изменениям в 2021 году была создана новая научная специальность 4.2.6. «Рыбное хозяйство, аквакультура и промышленное рыболовство» с заменой двух вышеуказанных [12]. Однако с момента ее появления по ней не найдено ни одной диссертации, поэтому в дальнейшем она не рассматривается.

Российские патенты и диссертации характеризуют патентную и научную составляющие ИА, рассматриваются и утверждаются двумя независимыми друг от друга организациями: ФИПСом и диссертационными советами под контролем Высшей аттестационной комиссии соответственно. Возможность их количественного анализа и сравнения позволяет выявить особенности и связи между этими двумя составляющими ИА.

1.5. Открытые источники информации для поиска РИД

Открытыми и доступными для получения патентной информации можно считать три источника. Первым источником, позволяющим найти информацию по патентам России (RU) с рефератами изобретений и формулами полезных моделей, является информационно-поисковая система сайта ФИПС [10]. По вышеуказанным подклассам МПК для каждого года из заданного периода 2003–2022 годов находится искомое количество патентов, используемое для учета и анализа РИД. Международная поисковая патентная база Espacenet [11] была вторым источником патентной информации США (US), Евросоюза (EP) и Китая (CN). Основным открытым электронным источником информации по российским диссертациям является каталог Российской государственной библиотеки (РГБ) [12], который является третьим источником информации.

2. Параметры РИД и возможности их использования для анализа инновационной активности. Для оценивания динамики и особенностей РИД и полноценного анализа ИА важны разные основные и дополнительные информативные параметры, выбор и особенности применения которых рассмотрены далее.

2.1. Параметры РИД на основе патентов России, США, Евросоюза, Китая.

Согласно [9] первым параметром для оценки ИА можно использовать коэффициент патентной активности (КПА) $K_{i, \text{пат}}$, определяемый как отношение числа выданных патентов P_i к численности населения (на миллион людей) N_i

$$K_i = \frac{P_i}{N_i}, \quad (1)$$

где i — страна из ряда Россия, США, Евросоюз, Китай.

Вторым информативным набором параметров можно считать семейство коэффициентов относительной патентной активности (КОПА) $K_{\text{пат}/j}$, определяемых как отношение КПА России $K_{\text{пат}}$ к КПА других трех стран: США $K_{\text{пат}/\text{сша}}$, Евросоюза $K_{\text{пат}/\text{ес}}$ и Китая $K_{\text{пат}/\text{кит}}$ по следующей общей формуле (в процентах):

$$K_{\text{пат}/j} = \frac{K_{\text{пат}}}{K_j} \cdot 100 \%, \quad (2)$$

где j — страна из ряда США, Евросоюз, Китай.

Известно, что почти любая инновация развивается по трем условным этапам жизненного цикла [5, 7]: детство, зрелость и старость, а функция КПА $K(T)$ для нее имеет двухгорбый характер с вершинами на T_1 и T_2 . Датировка событий T_1 и T_2 является третьим и четвертым искомыми параметрами. После наступления третьего этапа жизненного цикла, которым является этап старости, потенциал $W(T)$ постепенно приближается к своему пределу, «потолку», значение которого может быть пятым информативным параметром РИД.

С помощью второй группы РИД рассчитывается шестой параметр в виде коэффициента высокотехнологических патентов (КВТП) $K'_{i, \text{вп}}$, как доля таких патентов P'_i в их общем количестве P_i , определяемый по формуле (в процентах):

$$K'_i = \frac{P'_i}{P_i} \cdot 100 \%, \quad (3)$$

где i — страна из ряда Россия, США, Евросоюз, Китай.

Третья группа РИД с коммерциализированными патентами России позволяет оценить их долю в общем количестве патентов как седьмой параметр в виде коэффициента коммерциализированных патентов (ККП), рассчитываемый с помощью уравнения (в процентах):

$$K_{\text{ком}} = \frac{P_{\text{ком}}}{P_{\text{пат}}} \cdot 100 \%. \quad (4)$$

Для рядов значений могут использоваться аппроксимирующие функции, определенные решателем [13] методом наименьших квадратов.

Такая усредненная функция позволяет определить ее основные особенности с прогнозом на будущее. Для небольшого количества найденных патентов также могут использоваться следующие дополнительные параметры: структура патентообладателей коммерциализированных и высокотехнологических патентов: организации/частные лица, среднее количество патентов, приходящееся на диссертацию и другие.

2.2. Параметры РИД на основе российских патентов и диссертаций.

Восьмой параметр определяется отношением количества выданных патентов $P_{\text{пат}}$ к числу диссертаций D , формируя отношение патент/диссертация (ОПД) $K_{\text{опд}}$. Известно выражение для него с учетом корректировки ошибки дублирования информации по количеству диссертаций D_n [9]:

$$K_{\text{опд}} = \frac{P_{\text{пат}}}{D_m} = \frac{P_{\text{пат}}}{\left[\frac{D_k + A_k}{1,75} \right]}, \quad (5)$$

где D_k и A_k — количество диссертаций и авторефератов, найденных в электронном каталоге РГБ [12].

Параметр ОПД можно трактовать как корреляцию между инновациями, обусловленными преимущественно «инициативой снизу», связанными с нацеленностью на получение патента как охранного документа и нематериального актива, и продвижением «сверху вниз» РИД, создаваемых в НИР, НИОКР, завершившихся защитами диссертаций [12]. Представляется, что в наши дни в основном первое связано с частной инициативой отдельных авторов и/или небольших организаций, а второе с крупными научными организациями с государственной поддержкой.

Дополнительным параметром для этой группы РИД может быть соотношение между научными P_n и целевыми $P_{\text{цел}}$ патентами: $P_n/P_{\text{цел}}$. Этот параметр, вероятно, может отразить ИА, основанную на научной деятельности (НИРы, НИОКРы) и коммерческим использованием патента, для стоимостной оценки интеллектуальной собственности, подтверждения интеллектуального уровня автора при обращении в банк за кредитом/ипотекой и т.п.).

2.3. Методы расчета инновационной активности.

Параметр ИА I является комплексной функцией разных факторов $Q_1, Q_2 \dots Q_n$:

$$I = F(Q_1; Q_2 \dots Q_n). \quad (6)$$

Среди важных факторов Q , подлежащих мониторингу, могут быть следующие:

- рынки рыбопродуктов и профильного оборудования для всех этапов их жизненного цикла: от выращивания и добычи до хранения и применения;
- особенности инновационных стратегий фирм-производителей профильного оборудования, венчурных фондов или рискованного финансирования наукоемких производств, прорывных проектов, стартапов, новых технологий; судя по презентациям, информации с выставок и конференций;
- особенности бюджетного и внебюджетного финансирования основной и смежных отраслей, подведомственных организаций;
- патентная, научная и публикационная активности ведущих ученых, специалистов и научных коллективов;
- рыночные стратегии, определяющие патентные взаимоотношения с конкурентами: «рыночный лидер» и «рыночный последователь», предпочитающие зонтичные, блокирующие, ложные, маскирующие и обходящие, деблокирующие и рекламирующие патенты соответственно [4];
- количество студентов, стажеров, аспирантов и докторантов по профильным учебным и научным специальностям.

Успешный мониторинг таких факторов возможен передовыми методами с широким сбором информации из разных источников, эффективной обработке патентной информации, анализе текстов патентов системами, подобными Derwent Innovation [4], корректной оценке стоимости патентов [2, 3], использовании сложных алгоритмов с высокой формализацией данных на мощных компьютерах и в настоящее время под силу, вероятно, только средствами искусственного интеллекта.

Однако можно допустить использование вышеприведенных параметров РИД для упрощенного численного расчета составляющих двух типов ИА России. Первую в виде внешней ИА $I_{\text{внеш}}$ можно оценить относительно средней ИА общемирового рынка, определяемого в основном суммарно США, Евросоюзом и Китаем за счет использования патентной информации. Информация по зарубежным диссертациям труднодоступна, многоязычна, не имеет единой классификации, и поэтому она в расчетах внешней ИА $I_{\text{внеш}}$ не учитывается.

Вторую составляющую ИА России можно обозначить как внутрироссийскую, внутреннюю $I_{\text{внут}}$ за счет учета патентной и научной информации российских РИД. С учетом этого далее представлены два метода для оценки этих двух составляющих ИА.

2.3.1. Метод расчета внешней инновационной активности на основе КОПА.

В общем случае внешнюю ИА $I_{\text{внеш}}$ предлагается оценить подобно расчету КОПА по формуле (2), учитывая доли России в общемировой ИА через долю патентов России в общемировом числе патентов по формуле:

$$I \approx K_{\text{рос} / \text{мир}} = \frac{1}{K_{\text{мир} / \text{рос}}} . \quad (7)$$

Знаменатель этого выражения во многом формируется как среднее арифметическое обратного КОПА для США, Евросоюза и Китая с одним общим знаменателем, определенным по уравнению (7):

$$K_{\text{мир} / \text{рос}} = \frac{1}{3} (K_{\text{сша} / \text{рос}} + K_{\text{ес} / \text{рос}} + K_{\text{кит} / \text{рос}}) . \quad (8)$$

С учетом подстановки формулу (8) в уравнение (7) получаем искомое выражение для внешней ИА $I_{\text{внеш}}$ (в процентах), которое будет использоваться далее:

$$I_{\text{внеш}} \approx \frac{1}{\frac{1}{3} (K_{\text{сша} / \text{рос}} + K_{\text{ес} / \text{рос}} + K_{\text{кит} / \text{рос}})} = \frac{3}{(K_{\text{рос} / \text{сша}} + K_{\text{рос} / \text{ес}} + K_{\text{рос} / \text{кит}})} , \quad (9)$$

где $K_{\text{рос} / \text{сша}}$, $K_{\text{рос} / \text{ес}}$, $K_{\text{рос} / \text{кит}}$ — значения КОПА Россия/США, Россия/Евросоюз и Россия/Китай.

Это выражение будет использовано далее для расчета внешней ИА $I_{\text{внеш}}$.

2.3.2. Метод расчета внутренней инновационной активности.

Эмпирически можно выделить четыре компоненты внутрироссийской ИА $I_{\text{внут}}$, три из которых следующие: от высокотехнологичных $I_{\text{вт}}$, коммерци-

ализированных $I_{\text{ком}}$ патентов и от т.н. стандартных патентов $I_{\text{ст}}$ т.е. всех российских патентов без учета двух предыдущих типов, позволяя записать:

$$P_{\text{ст}} = P_{\text{рос}} - P_{\text{ком}} - P_{\text{вт}} . \quad (10)$$

Четвертая компонента определяется общероссийским средним научно-техническим достигнутым уровнем ИА $I_{\text{н}}$, создаваемым результатами НИР и НИОКР, отраженными в диссертациях. С учетом этого запишем:

$$I_{\text{внут}} = I_{\text{ст}} + I_{\text{вт}} + I_{\text{ком}} + I_{\text{н}} . \quad (11)$$

Каждая из этих компонент зависит от количества соответствующих патентов и диссертаций, а ее вклад определяется весом, влиянием на результирующее значение, ранжированием, выраженным с помощью коэффициентов $k_1 - k_4$:

$$I_{\text{внут}} = I_{\text{ст}} + I_{\text{вт}} + I_{\text{ком}} + I_{\text{н}} = k_1 \cdot P_{\text{ст}} + k_2 \cdot P_{\text{вт}} + k_3 \cdot P_{\text{ком}} + k_4 \cdot D_{\text{н}} . \quad (12)$$

Подставляя выражение (10) в выражение (12) и преобразовывая его, получаем:

$$\begin{aligned} I_{\text{внут}} &= k_1 \cdot (P_{\text{рос}} - P_{\text{ком}} - P_{\text{вт}}) + \\ &+ k_2 \cdot P_{\text{вт}} + k_3 \cdot P_{\text{ком}} + k_4 \cdot D_{\text{н}} = \\ &= k_1 \cdot P_{\text{рос}} + (k_2 - k_1) \cdot P_{\text{вт}} + (k_3 - k_1) \cdot P_{\text{ком}} + k_4 \cdot D_{\text{н}} . \end{aligned} \quad (13)$$

Вопрос определения веса, ранжирования каждой компоненты в этом выражении является главным при определении его окончательного вида. Эмпирически можно принять базовое значение $k_1 = 1$ (1/патент), тогда вклад высокотехнологичных и коммерциализированных патентов как наиболее продвинутых и доработанных можно принять равными $k_2 = k_3 = 3$ (1/патент), а для диссертаций, создающих основу и фундамент всех новшеств — $k_4 = 7$ (1/диссертация). Тогда выражение (13) примет исковый вид:

$$I_{\text{внут}} = P_{\text{рос}} + 2P_{\text{вт}} + 2P_{\text{ком}} + 7D_{\text{н}} . \quad (14)$$

Для более объективного уточнения значений коэффициентов $k_1 - k_4$ и окончательного вида уравнения (14) должны быть проведены дополнительные исследования. Однако в этой работе для расчетов ежегодных значений внутрироссийской ИА $I_{\text{внут}}$ будет использовано это уже полученное выражение.

3. Расчет и анализ параметров четырех групп РИД. На основе информации из открытых источников в области рыболовства и рыболовства за период 2003–2022 годов были рассчитаны ежегодные значения вышеприведенных параметров для четырех групп РИД, представленные далее.

3.1. Расчет и анализ параметров первой группы РИД.

Ежегодные значения параметров первой группы РИД сведены в табл. 1: по количеству патентов России, США, Евросоюза, Китая $P_{\text{рос}}$, $P_{\text{сша}}$, $P_{\text{ес}}$, $P_{\text{кит}}$ и количеству населения $N_{\text{рос}}$, $N_{\text{сша}}$, $N_{\text{ес}}$, $N_{\text{кит}}$ приведены в строках 1–8, значения КПА $K_{\text{рос}}$, $K_{\text{сша}}$, $K_{\text{ес}}$ и $K_{\text{кит}}$ и КОПА $K_{\text{рос} / \text{сша}}$, $K_{\text{рос} / \text{ес}}$, $K_{\text{рос} / \text{кит}}$ приведены в строках 9–12 и 13–15, а их графики представлены на рис. 1, 2 соответственно. Полученная информация показала следующее:

Таблица 1

Значения параметров РИД на основе патентов России, США, Евросоюза и Китая в области рыболовства за период 2003–2022 годов

№	Параметр	Годы																			2022
		2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	
1	$P_{\text{рос}}^{\text{патент}}$	70	61	78	87	81	82	116	79	47	92	95	76	86	60	55	77	81	59	59	73
2	$P_{\text{евр}}^{\text{патент}}$	707	702	751	692	597	525	519	533	478	485	518	623	742	703	779	747	791	839	764	753
3	$P_{\text{ев}}^{\text{патент}}$	173	211	202	219	179	178	173	184	164	146	147	197	205	234	224	231	251	271	262	238
4	$P_{\text{евр}}^{\text{патент}}$	565	608	763	948	1056	1248	1333	1994	2724	3470	5040	5566	7389	8179	9369	11615	10415	11191	12796	12212
5	$N_{\text{рос}}^{\text{патент}}$ чел.	144,96	144,33	143,8	143,24	142,86	142,75	142,74	142,83	142,87	143,06	143,35	143,67	146,27	146,54	146,8	146,88	146,78	146,75	146,17	146,98
6	$N_{\text{евр}}^{\text{патент}}$ чел.	290,33	293,05	295,75	298,59	301,58	304,38	307,01	309,33	311,58	313,87	316,13	319,11	321,44	323,10	325,72	326,69	328,24	331,45	331,84	333,20
7	$N_{\text{ев}}^{\text{патент}}$ чел.	431,19	433	434,4	435,8	437,2	438,7	440,05	440,66	439,94	440,55	441,26	442,88	443,67	444,80	445,53	446,21	446,56	447,49	447,00	446,83
8	$N_{\text{евр}}^{\text{патент}}$ чел.	1292,3	1299,9	1307,6	1314,5	1321,3	1328,0	1334,5	1340,9	1349,2	1359,2	1367,3	1376,5	1383,3	1392,3	1400,1	1405,4	1410,1	1412,1	1412,6	1411,8
9	$K_{\text{рос}}^{\text{патент}}$ млн.чел.	0,483	0,423	0,542	0,61	0,57	0,57	0,81	0,55	0,33	0,64	0,66	0,53	0,59	0,41	0,37	0,52	0,55	0,4	0,4	0,5
10	$K_{\text{евр}}^{\text{патент}}$ млн.чел.	2,44	2,4	2,54	2,32	1,98	1,72	1,69	1,72	1,53	1,55	1,64	1,95	2,31	2,18	2,39	2,29	2,41	2,53	2,3	2,26
11	$K_{\text{ев}}^{\text{патент}}$ млн.чел.	0,4	0,49	0,46	0,5	0,41	0,41	0,39	0,42	0,37	0,33	0,33	0,44	0,46	0,53	0,5	0,52	0,56	0,61	0,59	0,53
12	$K_{\text{евр}}^{\text{патент}}$ млн.чел.	0,44	0,47	0,58	0,72	0,8	0,94	1,0	1,49	2,02	2,55	3,69	4,04	5,34	5,87	6,69	8,26	7,39	7,92	9,06	8,65
13	$K_{\text{рос}}^{\text{патент}}$ %	19,83	17,64	21,36	26,21	28,64	33,30	48,07	32,1	21,44	41,62	40,45	27,10	25,47	18,82	15,67	22,93	22,90	15,88	17,53	21,98
14	$K_{\text{ев}}^{\text{патент}}$ %	120,35	86,68	116,65	120,87	138,49	141,59	206,72	132,46	88,25	194,05	198,94	118,93	127,25	77,83	74,52	101,26	98,18	66,39	68,86	93,25
15	$K_{\text{рос}}^{\text{патент}}$ %	110,44	90,36	92,95	84,22	70,94	61,13	81,36	37,19	16,29	25,19	17,98	13,08	11,01	6,97	5,60	6,34	7,47	5,07	4,46	5,74
16	$I_{\text{инвест}}$ %	44,25	37,84	45,36	51,46	53,35	56,13	79,09	45,74	25,14	43,56	35,14	24,64	21,74	14,32	11,73	14,21	15,98	10,90	10,14	13,02

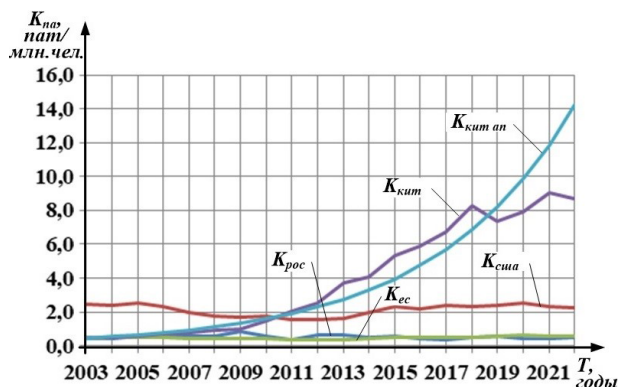

Рис. 1. Графики ежегодных значений КПА для России $K_{рос}$, США $K_{сша}$, Евросоюза $K_{ес}$, Китая $K_{кит}$ и аппроксимирующей функции т.н. китайского «технологического чуда» $K_{кит ап}(T)$

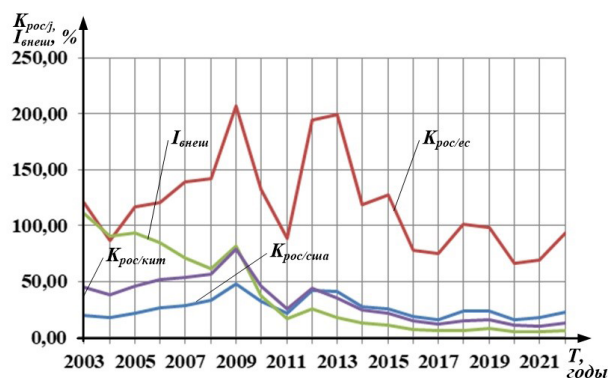

Рис. 2. Графики ежегодных значений КОПА: Россия/США $K_{рос/сша}$, Россия/Евросоюз $K_{рос/ес}$, Россия/Китай $K_{рос/кит}$ и внешней ИА $I_{внеш}$

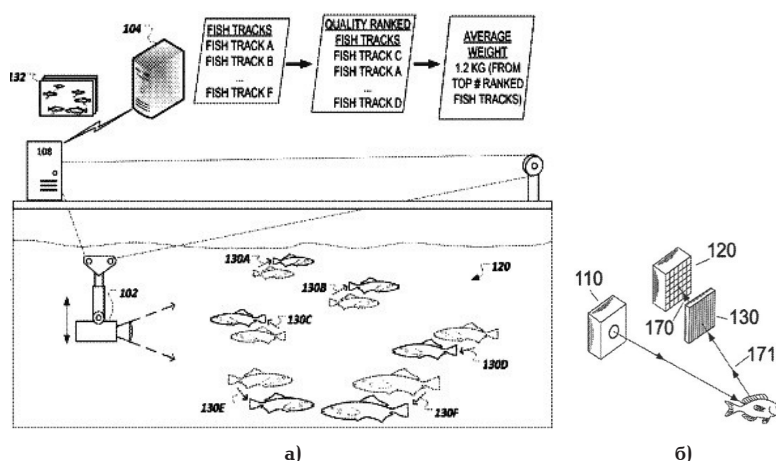

Рис. 3. Высокотехнологические патенты США: US 11615638 [14] и US 2022180508 [15]

1. По максимальному значению КПА $K_{на}$ в пат/млн чел. (рис. 1) страны можно расположить по мере уменьшения в следующем порядке ($K_{на}$, год): Китай (9,06; 2021 г.), США (2,54; 2005 г.), Россия (0,81; 2009 г.), Евросоюз (0,61; 2020 г.). Видно явное превосходство Китая к 2020–2021 гг.

2. С помощью решателя [13] были определены аппроксимирующие «функции роста» $K_{кит ап}(T)$, т.н. китайского «технологического чуда» (рис. 1). Со средней ошибкой аппроксимации $\approx 17,69\%$ их можно записать следующим образом:

$$K_{кит ап}(T) \approx e^{-366,335 + 0,1824T} \approx e^{-0,99658 + 0,1824(T-2002)}, \quad (15)$$

где T — годы рассматриваемого периода 2003–2022 годов.

Полученные выражения можно использовать в качестве базовых, опорных при анализе других подобно бурно развивающихся экономик мира.

3. Как видно из графиков на рис. 1, реальное значение $K_{кит}(T)$ начинает существенно отличаться от экспоненциального роста, описываемого функцией (15), начиная с ≈ 2021 года. Можно предположить, что в будущем эта разница увеличится.

4. Явно выраженные горбы в графиках $K_{рос}$, $K_{сша}$, $K_{ес}$ просматриваются слабо. Возможный горб в графике $K_{кит}$ трудноопределяем, т.к. спад 2022 года может быть объяснен небольшим спадом мировой экономики из-за СВО.

5. Значения КОПА: Россия/США $K_{рос/сша}$, Россия/Евросоюз $K_{рос/ес}$, Россия/Китай $K_{рос/кит}$ за 20

лет с 2003 года по 2022 год изменились с $\approx 19,83\%$ до $\approx 21,98\%$, с $\approx 120,35\%$ до $\approx 93,25\%$ и с $\approx 110,44\%$ до $\approx 5,74\%$ соответственно. Графики для $K_{рос/сша}$ и $K_{рос/ес}$ на рис. 2 (без учета колебаний) в среднем меняются слабо, показывая, что уже имеющееся отставание от США и Евросоюза более не увеличивается, а, судя по графику $K_{рос/кит}$, отставание от Китая существенно растёт.

3.2. Особенности конструкций, расчет и анализ параметров второй группы РИД.

Особенности конструкции высокотехнологических патентов видны на двух следующих примерах. Первым является способ «Оценки веса на основе обработки изображений для аквакультуры» (рис. 3а) [14]. Согласно этому патенту, используют погруженную в рыбный вольтер перемещаемую видеокамеру, в пределах ее поля зрения осуществляют захват изображения рыбы, определяют траекторию ее движения, по которой рассчитывают ее вес. Эту информацию хранят и периодически обновляют за счет регулярного мониторинга веса рыб.

Второй пример посвящен «Способу обнаружения морских вшей и устройству для его реализации» (рис. 3б) [15].

В нем разработана оптическая система на основе светоизлучающего устройства, двумерного матричного детектора, поляризационного фильтра и системы обработки изображений. Рыба освещается многокомпонентным оптическим потоком, отраженный от нее свет фильтруется поляризационным фильтром, создавая ее высококонтрастное изобра-

Таблица 2

Значения параметров высокотехнологических патентов России, США, Евросоюза и Китая и коммерциализированных патентов России в области рыболовства за период 2003–2022 годов

№	Параметр	Годы																			
		2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Высокотехнологические патенты России, США, Евросоюза и Китая																					
1	$P'_{\text{рос' патент}}$	5	1	3	2	1	2	1	1	0	5	2	1	2	2	2	1	3	3	0	1
2	$P'_{\text{сша' патент}}$	22	27	36	25	21	15	20	18	20	21	27	29	46	49	59	82	76	80	82	85
3	$P'_{\text{ев' патент}}$	9	4	15	12	3	9	4	6	7	4	4	4	11	14	15	25	23	28	24	27
4	$P'_{\text{кит' патент}}$	10	8	11	6	14	31	40	55	95	69	93	80	131	158	308	449	442	642	772	622
5	$N_{\text{рос' млн. чел.}}$	144,96	144,33	143,8	143,24	142,86	142,75	142,74	142,83	142,87	143,06	143,35	143,67	146,27	146,54	146,8	146,88	146,78	146,75	146,17	146,98
6	$N_{\text{сша' млн. чел.}}$	290,33	293,05	295,75	298,59	301,58	304,38	307,01	309,33	311,58	313,87	316,13	319,11	321,44	323,10	325,72	326,69	328,24	331,45	331,84	333,20
7	$N_{\text{ев' млн. чел.}}$	431,19	433	434,4	435,8	437,2	438,7	440,05	440,66	439,94	440,55	441,26	442,88	443,67	444,80	445,53	446,21	446,56	447,49	447,00	446,83
8	$N_{\text{кит' млн. чел.}}$	1292,3	1299,9	1307,6	1314,5	1321,3	1328,0	1334,5	1340,9	1349,2	1359,2	1367,3	1376,5	1383,3	1392,3	1400,1	1405,4	1410,1	1412,1	1412,6	1411,8
9	$K'_{\text{рос' \%}}$	7,1	1,6	3,8	2,3	1,2	2,4	0,9	1,3	0	5,4	2,1	1,3	2,3	3,3	3,6	1,3	3,7	5,1	0	1,4
10	$K'_{\text{сша' \%}}$	3,1	3,8	4,8	3,6	3,5	2,9	3,9	3,4	4,2	4,3	5,2	4,7	6,2	7,0	7,6	11,0	9,6	9,5	10,7	10,5
11	$K'_{\text{ев' \%}}$	5,2	1,9	7,4	5,5	1,7	5,1	2,3	3,3	4,3	2,7	2,7	2,0	5,4	6,0	6,7	10,8	9,2	10,3	9,2	11,3
12	$K'_{\text{кит' \%}}$	1,77	1,32	1,44	0,63	1,33	2,48	3,00	2,76	3,49	1,99	1,85	1,44	1,77	1,93	3,29	3,87	4,24	5,74	6,03	5,09
13	$K'_{\text{кит' \%}}$	1,77	1,32	1,44	0,63	1,33	2,48	3,00	2,76	3,49	1,99	1,85	1,44	1,77	1,93	3,29	3,87	4,24	5,74	6,03	5,09
14	Орг./част.	3 о/2 ч	1 о	1 о/2ч	2 ч	1 о	2 о	1 о	1 о	-	4 о	2 о	1 о	2 о	2 о	2 о	1 о	2 о/1ч	2 о/1ч	—	1 о
Коммерциализированные патенты России																					
15	$P_{\text{ком' патент}}$	0	1	5	1	5	4	3	1	1	0	2	3	5	2	5	3	2	0	0	2
16	$K_{\text{ком' \%}}$	0	1,6	6,4	1,1	6,2	4,9	2,6	1,3	2,1	0	2,1	3,9	5,8	3,3	9,1	3,9	2,5	0	0	2,7
17	Орг./част.	-	1ч	5 ч	1 ч	5 ч	4 ч	3 ч	1ч	1ч	-	2 ч	3 ч	5 ч	2 ч	5 ч	3 ч	2 ч	—	—	2 ч
18	$I_{\text{выб'г}}$	122	170	108	156	128	108	180	111	140	165	138	98	163	124	160	99	119	93	80	142

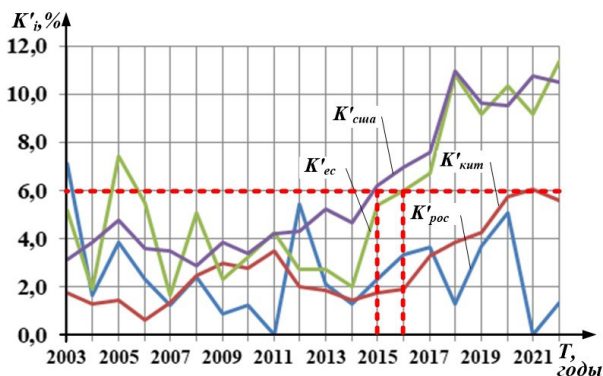

Рис. 4. Графики ежегодных значений КВТП K'_i для России, США, Евросоюза и Китая

жение, по особенностям которого судят о наличии морских вшей на рыбе.

Данные по количеству найденных высокотехнологических патентов России, США, Евросоюза, Китая $P'_{рос}, P'_{сша}, P'_{ес}, P'_{кит}$ ежегодные значения КВТП $K'_{рос}, K'_{сша}, K'_{ес}, K'_{кит}$ рассчитанные по формуле (3) и представленные графиком на рис. 4, о структуре патентообладателей по принципу: организации/частные лица приведены в строках 1–14 табл. 2 соответственно. Эта информация показала следующее.

1. По максимальному значению КВТП K'_i (рис. 4) страны можно расположить по мере уменьшения в следующем порядке (K'_i год): США (11 %; 2018 г.), Евросоюз (11,3 %; 2022 г.), Россия (7,1 %; 2003 г.), Китай (6,03 %; 2021 г.). Видно почти двукратное превосходство США и ЕС над Россией и Китаем к 2018–2022 годам.

2. Видно, что до 2015–2016 годов значения КВТП K'_i в среднем не превышают 6 %. Однако в дальнейшем в США и Евросоюзе начал проявляться резкий устойчивый рост $K'_{сша}$ и $K'_{ес}$, отражающий, вероятно, стремление к технологическому доминированию, свойственное ранее периоду «холодной войны». Возможно, это есть реакция на события, связанные с вхождением Крыма в состав России. Уже с 2018 г. США и Евросоюз почти в два раза превышают по этому параметру Россию и Китай.

3. Количество высокотехнологических патентов России, созданных в организациях, существенно превосходит этот показатель одиночными изобретателями или небольшими частными коллективами.

3.3. Расчет и анализ параметров третьей группы РИД.

Данные по количеству найденных коммерциализированных патентов России, $P_{ком}$ и ежегодные значения ККП $K_{ком}$, рассчитанные по формуле (4), а также о структуре патентообладателей по принципу: организации/частные лица приведены в строках 15–17 табл. 2. Эта информация показывает следующее:

1. Среди коммерциализированных высокотехнологические патенты отсутствуют.

2. Авторами коммерциализированных патентов являются только одиночные изобретатели или небольшие частные коллективы, а организации среди них отсутствуют, вероятно, из-за отсутствия устоявшейся практики у них купли-продажи таких РИД.

3. Значение ККП $K_{ком}$ выросло с 0 % (2003 г.) до 2,7 % (2022 г.).

3.4. Особенности расчета и анализа параметров четвертой группы РИД.

Таблица 3

Значения параметров РИД на основе российских патентов и диссертаций в области рыбоводства за период 2003–2022 годов

№	Параметр	Годы																			
		2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1	$P_{рос' патент}$	70	61	78	87	81	82	116	79	47	92	95	76	86	60	55	77	81	59	59	73
2	$D_{ит. дис.}$	6	15	2	9	5	2	8	4	13	9	5	2	9	8	13	2	4	4	3	9
3	$K_{ком' пат./ дис.}$	11,7	4,1	39,0	9,7	16,2	41,0	14,5	19,8	3,6	10,2	19,0	38,0	9,6	7,5	4,2	38,5	20,3	14,8	19,7	8,1
4	$I_{шугт}$	122	170	108	156	128	108	180	111	140	165	138	98	163	124	160	99	119	93	80	142

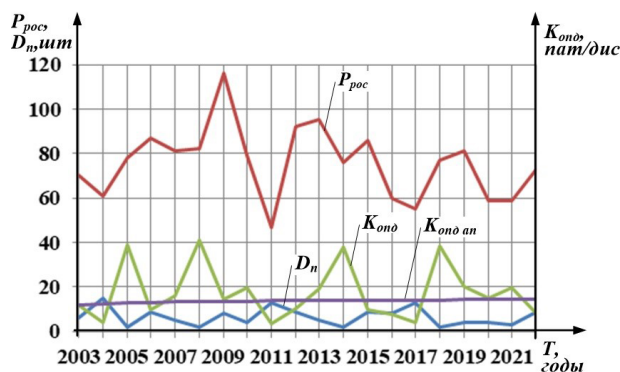

Рис. 5. Графики ежегодных значений научной D_n и патентной $P_{\text{рос}}$ активностей, ОПД $K_{\text{опд}}$ и ее аппроксимирующей функции $K_{\text{опд ап}}$

Эта группа РИД позволяет рассмотреть взаимосвязи между патентной и научной информацией, влияющими на внутрироссийскую ИА $I_{\text{внут}}$.

Для расчетов ОПД используется формула (5), которая корректна для большого числа диссертаций и авторефератов начиная с ≈ 50 . Но их меньшее количество позволяет устранить дублирование и троирования при непосредственном просмотре всех выбранных диссертаций или авторефератов.

Данные по ежегодным количествам российских диссертаций D_n , патентов $P_{\text{рос}}$ и отношения патент/диссертация $K_{\text{опд}}$, внесены в табл. 3 (строки 1–3), и на их основе построены графики на рис. 5. Эта информация и ее анализ показал следующее:

1. Наблюдается слабый рост количества диссертаций $N_{\text{гис}}$ с 6 (2003 г.) до 9 (2022 г.) диссертаций в год. Ежегодно количество патентов $P_{\text{рос}}$ имеет слабый рост с 70 (2003 г.) до 73 (2022 г.) патентов в год.

2. Функция $K_{\text{опд}}(T)$ имеет явно выраженный циклический характер. Это можно объяснить, вероятно, связью между патентными и научными исследованиями и естественной природной цикличностью рождения, роста и вылова рыбы.

3. С помощью решателя [15] была определена аппроксимирующая функция $K_{\text{опд ап}}(T)$ для интервала 2003–2022 гг., отражающая динамику ОПД, которую можно записать для линейной регрессии со средней ошибкой аппроксимации, равной $\approx 71,5\%$ в следующих двух видах (рис. 5):

$$K_{\text{опд ап}}(T) \approx e^{-2,2833+0,0024T} \approx e^{2,5890+0,0024(T-2002)}, \quad (16)$$

где T — годы рассматриваемого периода 2003–2022 годов.

С учетом экстраполяции графика данной функции можно предположить, что значение ОПД будет почти неизменно и в ближайшем будущем.

3.5. Расчет и анализ внешней инновационной активности.

Применение формулы (9), полученной ранее, и рассчитанных значений КОПА позволило определить набор ежегодных значений внешней ИА $I_{\text{внеш}}$. Полученные значения $I_{\text{внеш}}$ приведены в строке 16 табл. 1, а график ее ежегодных значений приведен на рис. 2. Эта информация показала следующее:

1. Значения внешней ИА $I_{\text{внеш}}$ имеют отрицательную динамику, упав с 44,25 % до 13,02 % за 20 лет, сигнализируя о замедлении ИА в отрасли.

2. Для двадцати рассчитанных значений внешней ИА $I_{\text{внеш}}$ соответствующий периоду 2003–2022 годов с помощью решателя [13] и со средней ошибкой аппроксимации $\approx 19,11\%$ было определено

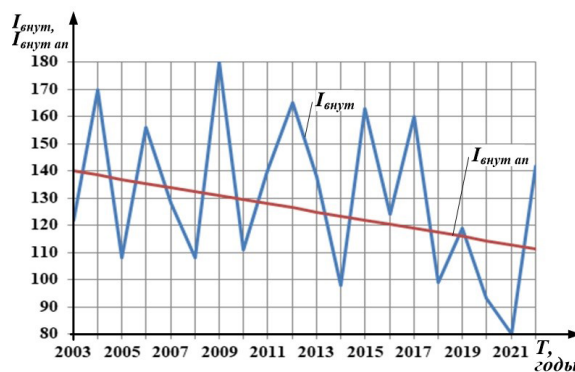

Рис. 6. Графики ежегодных значений внутрироссийской ИА $I_{\text{внут}}$ и ее аппроксимирующей функции $I_{\text{внут ап}}$

уравнение в двух формах для линейной аппроксимированной (усредненной) функции $I_{\text{внут}}(T)$ (в процентах):

$$I_{\text{внеш}} \approx -2,6T + 5262,08 \approx -2,6(T - 2002) + 59,97, \quad (17)$$

где T — годы исследуемого периода 2003–2022 годов.

3.6. Расчет и анализ внутренней инновационной активности.

Используя выведенную ранее формулу (14) и найденное из открытых источников ежегодное количество всех российских $P_{\text{рос}}$, высокотехнологичных $P_{\text{вт}}$ и коммерциализированных $P_{\text{ком}}$ патентов, а также диссертаций D_n , были рассчитаны ежегодные значения внутрироссийской ИА $I_{\text{внут}}$. Коммерциализированные и высокотехнологические патенты не пересекаются и их учет не вносит ошибку в расчеты. Полученные значения $I_{\text{внут}}$ приведены в строке 4 табл. 3, а график этой функции показан на рис. 6. Расчетная информация показала следующее:

1. Функция ИА на внутрироссийском уровне $I_{\text{внут}}$ имеет явно выраженный циклический характер с периодом два-три года. Это можно объяснить в значительной степени естественной природной цикличностью рождения, роста и вылова рыбы. Так, например, природная цикличность основной массы лососевых, без учета пагубного вмешательства человека, составляет от двух до пяти лет.

2. Значения внутренней ИА $I_{\text{внут}}$ имеют отрицательную динамику, упав с 140 до 111 за 20 лет, сигнализируя о замедлении ИА в отрасли.

3. С помощью решателя [13] на основе двадцати рассчитанных ежегодных значений внутрироссийской ИА $I_{\text{внут}}$ были определены два уравнения для аппроксимирующей функции $I_{\text{внут ап}}(T)$, показанной на рис. 6. Со ошибкой аппроксимации $\approx 19,11\%$ их можно записать следующим образом:

$$I_{\text{внут ап}}(T) \approx -1,5T + 3144,41 \approx -1,5(T - 2002) + 145,93, \quad (18)$$

где T — годы исследуемого периода 2003–2022 годов.

Заключение

1. Использование четырех групп РИД, состоящих из патентов России, США, Евросоюза, Китая, высокотехнологических и коммерциализированных

патентов России, а также российских диссертаций позволяет полно определить ежегодные значения патентных и научных параметров в областях рыбоводства и рыболовства.

2. Применение патентных и научных параметров вышеупомянутых четырех групп РИД позволяет упрощенно численно рассчитать соответствующие составляющие ИА России для двух ее типов. Первую в виде внешней ИА $I_{\text{внеш}}$, определяемой относительно средней ИА общемирового рынка, примерно образуемыми США, Евросоюзом и Китаем. Вторую в виде внутрироссийской ИА $I_{\text{внут}}$ за счет учета патентной и научной информации российских РИД.

3. Усредненные аппроксимирующие функции значений внешней ИА $I_{\text{внеш}}$ и внутрироссийской ИА $I_{\text{внут}}$ имеют отрицательную динамику, сигнализирующую о замедлении патентной и научной компонент ИА отрасли.

4. Для высокотехнологических патентов, судя по значениям КВТП $K_{\text{внт}}$, в США и Евросоюзе, начиная с 2015–2016 гг. стал проявляться резкий устойчивый рост $K_{\text{внт}}$, вероятно, связанный с вхождением Крыма в состав России и отражающий стремление к технологическому доминированию, свойственное раннее периоду т.н. «холодной войны».

5. Количество высокотехнологических патентов России, созданных в организациях, существенно превосходит этот показатель для одиночных изобретателей или небольших частных коллективов.

6. Авторами коммерциализированных патентов России являются одиночные изобретатели или небольшие частные коллективы, а организаций среди них не найдено, вероятно, из-за отсутствия устоявшейся практики купли-продажи таких РИД.

Библиографический список

1. Леун Е. В., Пчелкин С. Е., Гупалова Т. Н. К вопросу поиска возможностей инновационно-цифрового прорыва для повышения темпов достижения технологического суверенитета России // Социально-экономические проблемы и перспективы развития трудовых отношений в инновационной экономике: материалы 13-й Международ. науч.-тех. конф. (Омск, 22 апреля 2022 г.). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2023. С. 95–97. EDN: AZHKZJ.
2. Валдайцев С. В. Определение «справедливой рыночной стоимости» патентов на изобретения с использованием метода оценки реальных опционов (метод ROV, real options value method) // Инновации. 2007. № 3 (101). С. 64–70.
3. Пат. 77987 Российская Федерация, МПК G 06 F 17/00. Компьютерная система для определения ценности патентов / Скорняков Э. П., Петров Д. В., Бабин А. В. № 2008125050; заявл. 23.06.2008; опубл. 10.11.2008. Бюл. № 31.
4. Шепелев Р. Е. Использование патентной информации для повышения конкурентоспособности предприятий нефтегазового комплекса: дис. ... канд. экон. наук. Санкт-Петербург, 2021. 223 с.
5. Рябokonь М. С., Скуйбин Б. Г., Щеглов Д. К. Патентные исследования как инструмент анализа рынка технических решений // Управленческое консультирование. 2019. № 11 (131). С. 155–162. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-11-155-162. EDN: VZGSBU
6. Мингалева Ж. А. Влияние активности патентной деятельности на инновационное развитие национальной экономики // Экономика региона. 2010. № 4 (24). С. 71–77. DOI:

10.17059/2010-4-8.

7. Gao L., Porter A. L., Wang J. [et al.]. Technology life cycle analysis method based on patent documents // Technological Forecasting and Social Change. 2013. Vol. 80, no. 3. P. 398–407. DOI: 10.1016/j.techfore.2012.10.003.
8. Карпов Е. С. Статистическое исследование патентной активности в России и странах мира: дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2014. 150 с.
9. Леун Е. В., Пчелкин С. Е., Романов А. Ю. Анализ инновационной активности в организациях АПК в области общего земледелия и растениеводства за период 2003–2022 годов с учетом особенностей динамики результатов интеллектуальной деятельности // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 3. С. 147–158. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-147-158.
10. Сайт Федерального института промышленной собственности. URL: <https://www1.fips.ru> (дата обращения: 05.01.2024).
11. Международная поисковая патентная база Espacenet. URL: <https://ru.espacenet.com/> (дата обращения: 05.01.2024).
12. Сайт Российской государственной библиотеки. URL: <https://www.rsl.ru> (дата обращения: 05.01.2024).
13. Аппроксимация функции одной переменной. URL: <https://planetcalc.ru/5992/> (дата обращения: 05.01.2024).
14. Sandvik A. L. M., Lein B. H. Sea lice detection device and method for detection of sea lice. US patent 2022180508; filed March 03th, 2019; published June 09th, 2022.
15. John J. B. Image processing-based weight estimation for aquaculture. US patent US11615638; filed May 12th, 2022; published March 28th, 2023.

ЛЕУН Евгений Владимирович, кандидат технических наук, ведущий инженер АО «НПО Лавочкина», г. Химки.

SPIN-код: 6060-8056

AuthorID (РИНЦ): 367560

AuthorID (SCOPUS): 57200722184

Адрес для переписки: stankin1999@mail.ru

ПЧЕЛКИН Сергей Евгеньевич, аспирант кафедры «Экономическая безопасность и право» Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К. А. Тимирязева (РГАУ – МСХА имени К. А. Тимирязева), г. Москва.

SPIN-код: 2977-0598

Адрес для переписки: ser13765@mail.ru

ГУПАЛОВА Татьяна Николаевна, кандидат экономических наук, и. о. заведующего кафедрой «Экономическая безопасность и право» РГАУ – МСХА имени К. А. Тимирязева, г. Москва.

SPIN-код: 7921-1764

AuthorID: 306082

Адрес для переписки: gupalova@rgau-msha.ru

Для цитирования

Леун Е. В., Пчелкин С. Е., Гупалова Т. Н. Исследование особенностей инновационной активности организаций в области рыбоводства и рыболовства в 2003–2022 годах с учетом анализа параметров результатов интеллектуальной деятельности // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 108–119. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-108-119.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024 г.

© Е. В. Леун, С. Е. Пчелкин, Т. Н. Гупалова

THE STUDY OF INNOVATIVE ACTIVITY FEATURES OF ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF FISH FARMING AND FISHING IN 2003 – 2022 TAKING INTO ACCOUNT THE ANALYSIS OF PARAMETERS RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY

The article considers four groups of results of intellectual activity of Russia, the USA, the European Union and China in the field of fish farming and fisheries for the period 2003–2022. The first group includes patents found according to the international patent classification for the A01K subclass. The second group is based on high-tech patents selected for the A01K subclass together with the G- physics class. The third group considers the commercialized patents of Russia, selected from the first group. The fourth group includes Russian patents from the first group and dissertations on scientific specialties 05.18.17 «Industrial fisheries», 06.04.01 «Fisheries and aquaculture». The analysis of these four groups is carried out, the features of innovative activity of organizations are identified, and the forecast of its development is made.

Keywords: fish farming, fishing, patent, dissertation, innovative activity, result of intellectual activity, life cycle of innovation.

References

1. Leun E. V., Pchelkin S. E., Gupalova T. N. K voprosu poiska vozmozhnostey innovatsionno-tsifrovogo proryva dlya povysheniya tempov dostizheniya tekhnologicheskogo suvereniteta Rossii [On the issue of searching for opportunities for an innovative digital breakthrough to increase the pace of achieving Russia's technological sovereignty] // *Sotsial'no-ekonomicheskiye problemy i perspektivy razvitiya trudovykh otnosheniy v innovatsionnoy ekonomike. Socio-economic Problems and Prospects for the Development of Labor Relations in an Innovative Economy*. Omsk, 2023. P. 95–97. EDN: AZHKZJ. (In Russ.).
2. Valdaytsev S. V. Opredeleniye «spravedlivoy rynochnoy stoimosti» patentov na izobreteniya metodom real'noy stoimosti optsiyonov (metod ROV, metod real'noy stoimosti optsiyonov) [Determination of the «fair market value» of invention patents using the real options valuation method (ROV method, real options value method)] // *Innovatsii. Innovations*. 2007. No. 3 (101). P. 64–70. (In Russ.).
3. Patent 77987 Russian Federation, IPC G 06 F 17/00. Komp'yuternaya sistema opredeleniya stoimosti patentov

[Computer system for determining the value of patents] / Skornyakov Ye. P., Petrov D. V., Babin A. V. No. 20081250. (In Russ.).

4. Shepelev R. Ye. Ispol'zovaniye patentnoy informatsii dlya povysheniya konkurentosposobnosti predpriyatiy neftegazovoy otrasli [Using patent information to improve the competitiveness of oil and gas enterprises]. Saint Petersburg, 2021. 223 p. (In Russ.).

5. Ryabokon M. S., Skuybin B. G., Shcheglov D. K. Patentnyye issledovaniya kak instrument analiza rynka tekhnicheskikh resheniy [Patent research as a tool for analysis of the technical solutions market] // *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye. Administrative Consulting*. 2019. No. 11 (131). P. 155–162. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-11-155-162. EDN: VZGSBU. (In Russ.).

6. Mingaleva Zh. A. Vliyaniye patentnoy deyatel'nosti na innovatsionnoye razvitiye natsional'noy ekonomiki [The influence of patent activity on innovation development of the national economy] // *Ekonomika regiona. Economy of Regions*. 2010. No. 4 (24). P. 71–77. DOI: 10.17059/2010-4-8. (In Russ.).

7. Gao L., Porter A. L., Wang J. [et al.]. Technology life cycle analysis method based on patent documents // *Technological Forecasting and Social Change*. 2013. Vol. 80, no. 3. P. 398–407. DOI: 10.1016/j.techfore.2012.10.003. (In Engl.).

8. Karpov E. S. Statisticheskoye issledovaniye patentnoy aktivnosti v Rossii i stranakh mira [Statistical study of patent activity in Russia and countries of the world]. Moscow, 2014. 150 p. (In Russ.).

9. Leun E. V., Pchelkin S. E., Romanov A. Yu. Analiz innovatsionnoy aktivnosti v organizatsiyakh APK v oblasti obshchego zemledeliya i rasteniyevodstva za period 2003–2022 godov s uchetom osobennostey dinamiki rezul'tatov intellektual'noy deyatel'nosti [Analysis of innovative activity in agricultural organizations in the field of general farming and crop production for the period 2003–2022 taking into account the peculiarities of the dynamics of the results of intellectual activity] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 3. P. 147–158. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-147-158.

10. Sayt Federal'nogo instituta promyshlennoy sobstvennosti [Website of the Federal Institute of Industrial Property]. URL: <https://www1.fips.ru> (accessed: 05.01.2024). (In Russ.).

11. Mezhdunarodnaya poiskovaya patentnaya baza Espacenet [International patent search database Espacenet]. URL: <https://ru.espacenet.com> (accessed: 05.01.2024). (In Russ.).

12. Sayt Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki [Website of the Russian State Library]. URL: <https://www.rsl.ru> (accessed: 05.01.2024). (In Russ.).

13. Approksimatsiya funktsii odnoy peremennoy [Approximation of a function of one variable]. URL: <https://planetcalc.ru/5992/> (accessed: 05.01.2024). (In Russ.).

14. Sandvik A. L. M., Lein B. H. Sea lice detection device and method for detection of sea lice. US patent 2022180508; filed March 03th, 2019; published June 09th, 2022. (In Engl.).

15. John J. B. Image processing-based weight estimation for aquaculture. US patent US11615638; filed May 12th, 2022; published March 28th, 2023. (In Engl.).

LEUN Evgeny Vladimirovich, Candidate of Technical Sciences, Lead Engineer, Lavochkin Association, Khimki.

SPIN-code: 6060-8056

AuthorID (RSCI): 367560

AuthorID (SCOPUS): 57200722184

Correspondence address: stankin1999@mail.ru

PCHELKIN Sergey Evgenievich, Graduate Student of Economic Security and Law Department, Russian State Agrarian University—Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow.

SPIN-code: 2977-0598

Correspondence address: ser13765@mail.ru

GUPALOVA Tatyana Nikolayevna, Candidate of Economic Sciences, Acting Head of Economic Security and Law Department, Russian State Agrarian University—Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow.

SPIN-code: 7921-1764

AuthorID: 306082

Correspondence address: gupalova@rgau-msha.ru

For citations

Leun E. V., Pchelkin S. E., Gupalova T. N. The study of innovative activity features of organizations in the field of fish farming and fishing in 2003–2022 taking into account the analysis of parameters results of intellectual activity // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 108–119. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-108-119.

Received January 09, 2024.

© E. V. Leun, S. E. Pchelkin, T. N. Gupalova

МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ ДЛЯ УВЕЛИЧЕНИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ ВУЗОВ В ПРОИЗВОДСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье рассматриваются механизмы углубления взаимодействия вузов и предприятий с целью повышения качества подготовки специалистов и решения научно-производственной проблемы в первую очередь, рассматривая проблематику организации производства на базе университета, в частности рассматривается проблематика создания малых инновационных предприятий в условиях вуза и возможности коммерциализации научной и образовательной деятельности. Авторы рассматривают особенности деятельности малых инновационных предприятий и возникающих рисков. Предлагают механизмы выстраивания взаимоотношений с индустриальными партнерами. Обращают внимание на достаточно сложную процедуру и правила создания производственной деятельности на базе вуза, анализируют опыт функционирования малых инновационных предприятий в России, выделяют несколько проблем, так или иначе препятствующих широкому распространению организации производств на базе вузов. Научной новизной статьи является попытка объединить в единую систему все формы и методы взаимодействия университета, школы и индустриального партнера через создание холдинга на основе базовых кафедр. Основные методы исследования: изучение опыта ведущих вузов страны через анализ их уставов и анализ интернет-ресурсов по функционированию малых инновационных предприятий в вузах.

Ключевые слова: коммерциализация, малые инновационные предприятия (МИП), холдинг, индустриальный партнер, базовая кафедра, подшефная школа, результат интеллектуальной деятельности (РИД).

Требования сегодняшнего рынка труда по повышению качества подготовки специалистов высшего образования существенно выше и динамичнее существующих в вузах программ подготовки специалистов, о чем 21 сентября 2023 года в Великом Новгороде говорил президент В. В. Путин на расширенном заседании Президиума Государственного Совета по вопросу «О развитии рынка труда в Российской Федерации», особо подчеркнув, что «по всем направлениям развития образования и подготовки кадров усилия следует только наращивать. И чтобы результат был действительно системным, мы должны ясно понимать, какие специалисты понадобятся нашей экономике, предприятиям уже сегодня, конечно, и в ближайшей перспективе. Обязательно учитывать формирующиеся тенденции технологического, индустриального развития», также президент отметил, что «наставники вузов, техникумов, что называется, на кончиках пальцев, конечно, должны чув-

ствовать изменения на рынке труда, реагировать на них своевременно, не дожидаясь каких-то сигналов сверху. Надо напрямую работать с теми, ради кого вы работаете, и, безусловно, налаживать предметное взаимодействие с работодателями с этой целью, причём прямо у себя — в конкретном городе, в регионе», вместе с тем В. В. Путин добавил, что «в рамках среднего и высшего профобразования следует шире использовать новые подходы, а именно получение сразу нескольких квалификаций и даже смену специальности и направлений подготовки в ходе учёбы» и особо акцентировал внимание на том, что «мы внедрили такие новации именно в интересах молодёжи, чтобы она была максимально готова к началу трудовой карьеры, чтобы у молодых людей было больше возможностей реализовать себя и в разных отраслях, и в разных регионах нашей страны» [1].

Выполнение целей, поставленных президентом, и решение проблематики, им озвученной, возмож-

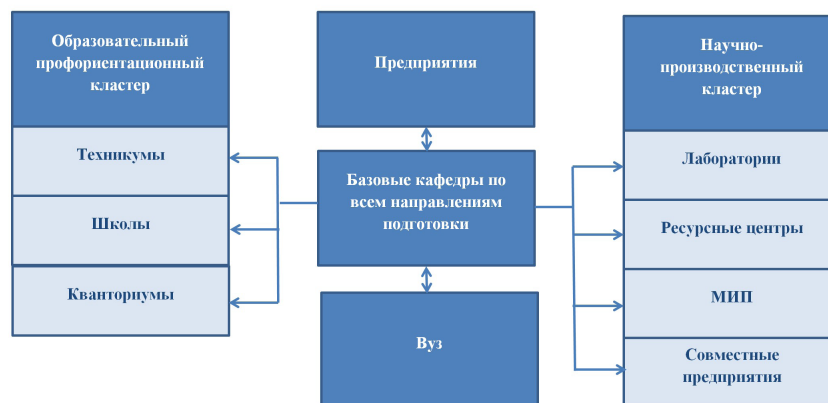

Рис. 1. Структура взаимодействия
в научно-производственно-образовательном холдинге

но через максимальную вовлеченность научно-образовательного процесса в производственную деятельность предприятий. Кроме этого, слабая вовлеченность вузов в проблематику организации производственных процессов предприятия влияет и на вузовскую науку, которая недостаточно вовлечена в решение производственных проблем, а также является причиной сложности внедрения уже имеющихся разработок. Для решения этих и множества сопутствующих проблем в условиях рыночных отношений и высокой конкуренции перед высшим учебным заведением стоит задача формирования при университетах научных и технологических парков, инкубаторов технологий и создания производств, которые должны стать связующим звеном между вузом, экономикой и социальной сферой.

Несмотря на это многообразие форм, вузы в большей степени дают академическое образование, а не прикладное, и главной причиной является низкая активность и нежелание, а зачастую невозможность предприятий финансово поддерживать подготовку кадров, так как она не закладывается в накладные расходы предприятий. То же относится к малому и среднему бизнесу. То есть системного подхода на уровне государства для решения этой проблемы нет.

Реализация новых подходов подготовки кадров в высшем образовании через специалитет, при всей правильности построения учебных планов образовательных программ, неизбежно потребует решения проблем, которые есть сейчас: организация качественного набора; организация качественного учебного процесса, учитывающего постоянно повышающиеся требования предприятия к компетенциям выпускников; связь и отклик на проблемы предприятий; трудоустройство выпускников.

Круг возникших проблем невозможно решить в одиночку ни одному из участников процесса: школе, техникуму, вузу или предприятию; результативно решать эти проблемы возможно только во взаимодействии. Но такое взаимодействие будет жизнеспособным, если каждый из участников будет видеть четкую и понятную выгоду для своего существования. Поэтому предприятия и вузы, опираясь на мировой опыт, ищут свои пути выстраивания практико-ориентированных образовательных программ.

Анализ опыта ведущих университетов по построению системы взаимодействия с работодателем [2] показывает, что одним из наиболее перспектив-

ных направлений является интеграция через создание базовых кафедр на предприятиях.

Наиболее полно это может быть реализовано через создание структурных объединений в виде научно-производственно-образовательных холдингов (рис. 1).

Стратегия развития университета и тем более факультета, если она предусматривает глубокую интеграцию с производством, берет в свою основу процесс планирования и создания базовых кафедр. Это должен быть не хаотичный процесс, а процесс выбора и интеграции лидеров от производства с лидерами внутри факультетов.

Основным звеном взаимодействия является базовая кафедра университета по одному или нескольким направлениям подготовки, которую возглавляет руководитель или главный инженер предприятия. Такая кафедра обязательно размещается на предприятии. На базовой кафедре интегрируются и гармонизируются интересы всех участников холдинга и вырабатываются организационные формы реализации взаимодействий. Благодаря погружению в проблемы предприятия, базовая кафедра будет способствовать их решению по кадровой (образовательной) деятельности, а также организации взаимодействия между вузом, индустриальным партнером, техникумом и школой. Базовая кафедра будет содействовать созданию совместных или новых структур для решения проблем по перечисленным выше направлениям взаимодействия, по производственной деятельности в части проблематики реализации технологических процессов предприятия, сбору научной проблематики критичной для реализации технологических процессов предприятия.

Для предприятия при создании базовой кафедры важна возможность комплексной целевой подготовки специалистов разных направлений включая основное, наиболее массовое. Вместе с тем важна готовность университета, гарантировать высокий уровень подготовки, то есть кафедры университета должны являться одним из лидеров инженерного образования в своем направлении подготовки. Поэтому очевидна целесообразность того, что первыми должны создаваться те базовые кафедры, которые удовлетворяют этим двум требованиям. Данная концепция в перспективе может стать основой для создания передовой инженерной школы.

Конечно, создание базовых кафедр — процесс сложный, в первую очередь, в силу большого количества административных и нормативных барьеров. Глубина интеграции в практико-ориентированной

Рис. 2. Схема взаимодействия «школа-вуз-предприятие»

подготовке специалистов и научно-технического взаимодействия для каждого предприятия будет разной: от широко применяемых договоров о совместной реализации образовательных программ до создания совместных производств с реализацией образовательного процесса. Такое сотрудничество также позволит решить целый ряд таких задач, как сопровождение профессионального самоопределения обучающихся, оказание помощи школьным педагогам в раннем выявлении, поддержке организации образовательного сопровождения талантливых детей, привлечение обучающихся к выполнению научно-исследовательских проектных работ, популяризация физики и других предметов естественно-научного профиля и вовлечение детей в образовательное и культурное пространство университета.

Для выстраивания такого взаимодействия с индустриальным партнером необходима организация целого ряда процессов от профориентации и организации гарантированного притока абитуриентов до их мотивационной подготовки для поступления в вуз. Одним из путей привлечения мотивированных абитуриентов является построение процесса довузовской подготовки по системе «школа – вуз – предприятие», которая подразумевает сотрудничество университета, индустриальных партнеров и подшефных базовых школ (рис. 2).

Опыт реализации подобных программ уже существует, и если выделить подобный подход как процесс, и стандартизировать его в университете, закрепив требования к нему во внутренних стандартах университета, это бы позволило распространить данный опыт на широкое количество направлений подготовки, а объединение таких направлений в крупные группы позволит ускорить процесс установления партнерских отношений с представителями промышленности. Создание такого единого образовательного пространства и организация эффективного взаимодействия: школа – вуз – предприятие позволит увеличить набор качественных абитуриентов, в том числе и на инженерные специальности, которые в настоящее время недостаточно востребованы.

Безусловно, главный приоритет деятельности и взаимодействия на базовой кафедре — это повышение качества подготовки специалистов через реализацию учебного процесса.

По кадровой (образовательной деятельности) в функционал базовой кафедры будет входить:

- создание новой образовательной организационной среды, обеспечивающей на базе инновационного технологического и исследовательского принципа практико-ориентированной подготовки специалистов;

- анализ потребности и обеспечение предприятия специалистами по критичным технологическим процессам на всех уровнях подготовки от рабочего до инженера высшей квалификационной категории с целью обеспечения его кадрового и научно-технического превосходства;

- согласование и корректировка учебных планов и рабочих программ подготовки для всех уровней специалистов путем использования в образовательной деятельности совместных достижений технологического и научно-технического развития предприятий;

- составление списка тем выпускных квалификационных работ, которые соответствуют задачам и проблемам предприятия (индустриального партнера);

- подбор кадров других специальностей с обучением по основным технологическим процессам индустриального партнера;

- осуществление научной подготовки специалистов в аспирантуре и докторантуре;

- проведение научных конференций, в том числе молодых специалистов;

- развигать публикационную активность сотрудников;

- подбор кадров других специальностей с обучением по основным технологическим процессам индустриального партнера;

- создание горизонтальных связей между базовой кафедрой одного направления с кафедрами университета по другим направлениям;

- согласование и организация программ дополнительного образования и профессиональной переподготовки;

- организация практик;

- содействие трудоустройству выпускников;

- организация профориентации в школах и создание базовых классов;

- содействие в создании и работе профессионалитета рабочих профессий в техникумах, содействие последующему переходу в вуз.

Базовая кафедра наиболее качественно может обеспечить целевую комплексную подготовку специалистов по нескольким направлениям или целевую подготовку под заказ, то есть подготовку нескольких направлений под вновь создаваемое производство.

По производственной деятельности базовая кафедра будет интересна всем участникам процесса взаимодействия, если она будет оснащена оборудованием на уровне мировых требований и компетентными специалистами из вуза и предприятия. В этом случае на базовой кафедре может осуществляться производственная деятельность, в которую могут быть вовлечены как сотрудники вуза, так и студенты, может осуществляться апробация и внедрение новых технологических процессов и их оптимизация.

Следующим этапом становится проникновение в проблематику технологических предприятий и формирование научной повестки взаимодействия и только после её формирования становится ясным вектор взаимодействия: то ли следует развивать участие в расширке проблем производств, то ли заниматься внедрением новых разработок. Для этого необходимо выполнять НИОКР по заказам и тематике предприятия. Принимать участие в подготовке и выполнении проектов, в том числе для получения внешних источников финансирования.

По научной деятельности базовая кафедра на основании анализа проблем функционирования предприятия будет выявлять главные, для которых требуется научное решение как в части внедрения новых технологий, так и импортозамещения, что будет способствовать повышению уровня решаемых научных проблем и консолидации научного коллектива кафедры. Внедрение такого подхода будет способствовать улучшению показателей вуза, увеличению добавленной ценности и стоимости нематериальных активов.

Главной проблемой для реализации через базовую кафедру производственной и научной деятельности является отсутствие универсального нормативного механизма. На сегодняшний день единственным регламентированным механизмом создания таких производств является создание малых инновационных предприятий. Процедура создания и государственной регистрации МИП определяется положениями Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения результатов интеллектуальной деятельности» от 02.08.2009 г. № 217-ФЗ [3], Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023 г.) [4], Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об акционерных обществах» [5].

В связи со специфическими особенностями МИП были разработаны определенные правила — принципы их создания:

— устав вуза и законодательство РФ дают ему право стать учредителем или соучредителем хозяйственных обществ без согласия собственника его имущества, но с предварительным его уведомлением;

— основные организационно-правовые формы создания хозяйственных обществ — общество с ограниченной ответственностью (ООО) и акционерное общество (АО);

— хозяйственное общество может быть создано вузом и совместно с другими юридическими или физическими лицами при соблюдении следующих условий: доля образовательного учреждения в уставном капитале акционерного общества должна составлять не менее двадцати пяти процентов, в уставном капитале ООО — не менее чем одну треть;

— вклад вуза в уставный капитал хозяйственного общества (ХО) представляет собой использование одного или нескольких результатов интеллектуальной деятельности (РИД), при этом исключительные права на них сохраняются за вузом;

— соучредители ХО должны внести в уставный капитал финансовые средства не менее 50 % своей доли;

— окончательное решение о создании ХО принимает ректор вуза на основании предварительного рассмотрения и решения ученого совета и специально созданного научно-технического совета [6].

Создание малых инновационных предприятий в России стремительно развивается, и выпуск инновационной продукции набирает обороты. По данным института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ фактический объем инновационных товаров, работ, услуг, произведенных малыми предприятиями промышленного производства, в 2021 г. достиг 118,8 млрд руб., это на 51 % больше, чем в 2019 г. (в постоянных ценах). Основной прирост обеспечили производители компьютеров, электронных и оптических изделий, машин и оборудования, готовых металлических изделий, прочей неметаллической минеральной продукции [7].

Опыт применения данной практики показал, что создание таких предприятий, особенно в условиях вуза, связано с определенными сложностями и рисками, такими как низкий уровень финансирования при достаточно высокой стоимости научных разработок, «утечка мозгов», не востребованность многих научных разработок. Отдельной проблемой является высокая зарегулированность бизнес-процессов в университетах, которая, соответственно, влечет большие временные затраты для их реализации (рис. 3).

Потеря времени при функционировании бизнес-процессов сказывается на взаимоотношениях с потенциальным партнером — хозяйствующим субъектом, а ведь зачастую научные разработки можно реализовать только в условиях реально действующего рыночного агента. Немаловажным аспектом в деле создания производства является коммерциализация. Проблемы коммерциализации связаны с недостаточной разработкой экспертной (финансовой) оценки результатов интеллектуальной деятельности.

Одним из путей минимизации данной проблематики могло бы стать создание производств на базе университетов при помощи другого механизма взаимодействия между университетом, индустриальным партнером и рынком, и такой опыт уже внедрен ведущими вузами страны.

В уставе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донской государственный технический университет» в пункте 6.20 прописано, что Университет вправе без согласия собственника имущества с уведомлением Министерства быть учредителем (в том числе с другими лицами) хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств,

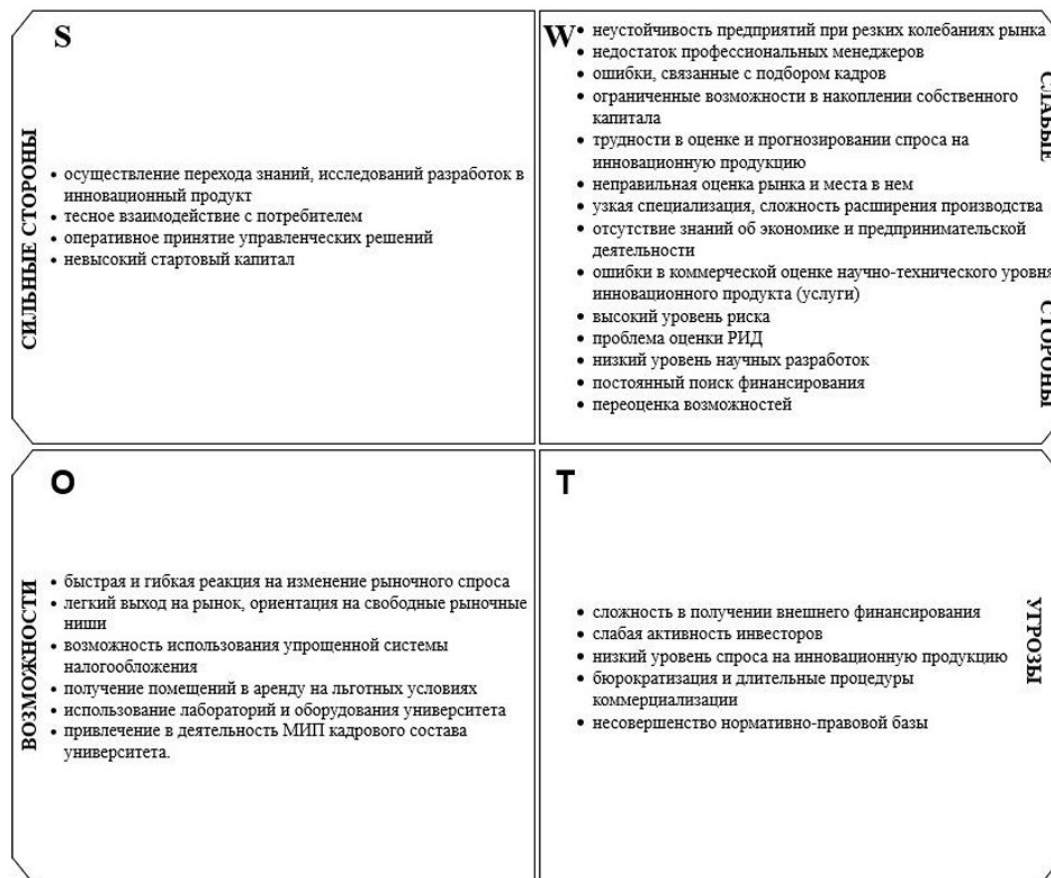

Рис. 3. SWOT-анализ функционирования МИП на базе образовательных учреждений [8]

деятельность которых заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности (программ для электронных вычислительных машин, баз данных, изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, секционных достижений, топологий интегральных микросхем, секретов производства (ноу-хау), исключительные права на которые принадлежат университету (в том числе совместно с другими лицами).

Доходы от распоряжения долями или акциями в установленных капиталах хозяйственных обществ и вкладами в складочный капитал хозяйственных партнерств, учредителем (участником) которых является Университет, поступают в его самостоятельное распоряжение [9].

Аналогичным образом подходят и в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС» [10], а в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет» в Уставе в п. 6.19 дополнено, что университет вправе выступать учредителем (соучредителем) средств массовой информации, включая иностранных, в том числе научных журналов, обеспечивающих распространение накопленного научного и профессионального опыта работником университета на российском и международном уровне [11].

Распространение подобного опыта создания производств, где университет сам или с предприятием является соучредителем или учредителем хозяйственных обществ, позволит ускорить вне-

дрение интеллектуального продукта на рынок, при этом использование практики блокирующего пакета акций, который предполагает наличие 25 % акций плюс одна акция. Хотя юридического определения блокирующего пакета акций не существует, в Федеральном законе от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» говорится о том, что ряд решений на общем собрании акционеров должен приниматься квалифицированным большинством голосов, то есть участников.

В законе приводится закрытый перечень таких вопросов:

- внесение изменений и дополнений в устав общества или его утверждение в новой редакции;
- реорганизация общества;
- ликвидация общества, назначение ликвидационной комиссии и утверждение промежуточного и окончательного ликвидационных балансов;
- определение количества, номинальной стоимости, категории (типа) объявленных акций и прав, предоставляемых этими акциями;
- приобретение обществом размещенных акций в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом.

Кроме того, предусмотрено, что в уставе общества может быть записан перечень решений, которые также могут приниматься определенным минимальным числом голосов. Таким образом, в общем виде для того, чтобы гарантированно иметь возможность отклонить принятие решения по одному из ключевых вопросов, требуются 25 % плюс одна акция.

Инвестор, владеющий таким количеством активов, имеет право запретить или отложить выполнение значимых решений общего собрания, для

принятия которых требуется более 75 % голосов акционеров, позволит минимизировать риски. Таким образом, университет получает право серьезно воздействовать на деятельность хозяйственного общества, а само общество, в свою очередь, не входя в структуру университета, получает возможность быстрого и оперативного принятия тактических решений и функционирования, ключевых и вспомогательных бизнес-процессов. При взаимодействии с промышленными предприятиями такие инновационные структуры могут создаваться от совместной эксплуатации отдельных участков производств до создания совместных предприятий по внедрению новых разработок и выпуска новой продукции. Также в виде услуг можно предоставить и гуманитарную составляющую деятельности вузов.

Результатом создания таких производств станет практическое внедрение результатов интеллектуальной деятельности и, что особо важно, будет способствовать вовлечению сотрудников университетов в востребованную научно-техническую деятельность, даст им возможность реализации в своем профессиональном поле, будет способствовать постоянному повышению квалификации. Вышеперечисленные факторы помогут удержать в системе вуза перспективных выпускников, а это возможность привлечь в систему высшего образования молодых специалистов и сформировать сильный профессорско-преподавательский состав. Интеграция университетов в реальный сектор экономики обеспечит качественно новый уровень подготовки специалистов, будет способствовать активизации и развитию научных исследований и инновационной деятельности, что является актуальной и главной целью системы высшего профессионального образования.

Исходя из вышеизложенного, наиболее перспективным является гармонизация уставов вузов автономных учреждений под создание собственных или совместных производств и формирование уставных документов, таких предприятий, чтобы выгодно было всем участникам процесса. Создание всей нормативной базы для организации такого процесса. Но, прежде чем решать задачу создания совместных предприятий, необходимо создать историю взаимодействия взаимного погружения вуза в проблемы индустриального партнера и наоборот. Создание такого единого образовательного пространства и организация эффективного взаимодействия его участников позволит увеличить набор качественных абитуриентов, в том числе и на инженерные специальности, которые в настоящее время недостаточны востребованы. Развитие партнерства между вузом и индустриальным партнером позволит увеличить качество подготовки инженерных кадров, будет способствовать улучшению показателей вуза, увеличению добавленной ценности и стоимости нематериальных активов.

Резюмируя, можно сделать следующие выводы:

1. Для повышения качества образования в будущем необходима четко выстроенная и законодательно поддерживаемая взаимосвязь всех участников процесса школа — колледж — вуз — предприятие через базовую кафедру или другую подобную структуру.

2. Необходимы разработки нормативных механизмов, облегчающих как процесс создания, так и процесс функционирования базовых кафедр.

3. Необходима гармонизация уставов, в первую очередь автономных образовательных учреждений,

как для упрощения и нормирования процессов холдингового взаимодействия, так и для упрощения процесса создания совместных или собственных предприятий.

Библиографический список

1. Расширенное заседание Президиума Государственного Совета по вопросу «О развитии рынка труда в Российской Федерации». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72319> (дата обращения: 10.10.2023).
2. Троян П. Е., Сахаров Ю. В., Жидик Ю. С. [и др.]. Партнерство инженерных вузов и предприятий. Опыт ТУСУР // Инженерное образование. 2022. № 32. С. 84–96.
3. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности: Федер. закон от 02.08.2009 № 217-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Российская Федерация. Законы. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федер. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023). Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
5. Российская Федерация. Законы. Об акционерных обществах: Федер. закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 04.08.2023). Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
6. Филиппова Л. Г. Проблемы создания малых инновационных предприятий в вузах // Вестник Марийского государственного университета. 2018. Т. 12, № 1 С. 104–105. EDN: YTFBGX.
7. В малом бизнесе все больше инноваций. URL: <https://issek.hse.ru/news/796503109.html> (дата обращения: 10.10.2023).
8. Зиновьева Е. Л. Анализ функционирования малых предприятий в рамках университетов. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/99822/1/978-5-91256-519-9_2021_043.pdf (дата обращения: 10.10.2023).
9. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» // Документы. URL: <https://donstu.ru/sveden/document/> (дата обращения: 10.10.2023).
10. Устав автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский технологический университет» МИСИС. URL: <https://misis.ru/university/documentation/ustav/> (дата обращения: 10.10.2023).
11. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет» // Документы. URL: <https://tpu.ru/sveden/document> (дата обращения: 10.10.2023).

ХОДОРЕВА Елена Викторовна, кандидат технических наук, доцент кафедры «Нефтегазовое дело, стандартизация и метрология» Омского государственного технического университета (ОмГТУ), г. Омск.

AuthorID (PИНЦ): 591427

AuthorID (SCOPUS): 56610293100

Адрес для переписки: l.khodoreva@yandex.ru

ШАЛАЙ Виктор Владимирович, доктор технических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой «Нефтегазовое дело, стандартизация и метрология» ОмГТУ, г. Омск.

SPIN-код: 2322-6820

AuthorID (PИНЦ): 9913

ORCID: 0000-0003-0635-4849

AuthorID (SCOPUS): 35792469000
AuthorID (SCOPUS): 56755298300
AuthorID (SCOPUS): 57190972363
ResearcherID: P-8233-2015

управления образованием для увеличения вовлечения вузов в производственную деятельность предприятия // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 120–127. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-120-127.

Для цитирования

Ходорева Е. В., Шалай В. В. Механизм развития систем

Статья поступила в редакцию 11.11.2023 г.

© Е. В. Ходорева, В. В. Шалай

UDC 658.5

DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-120-127

EDN: YUTDMC

**E. V. KHODOREVA
V. V. SHALAY**

**Omsk State Technical University,
Omsk, Russia**

A MECHANISM FOR DEVELOPMENT OF EDUCATION MANAGEMENT SYSTEMS TO INCREASE THE INVOLVEMENT OF UNIVERSITIES IN PRODUCTION ACTIVITIES OF THE ENTERPRISE

The article examines mechanisms for deepening interaction between universities and enterprises in order to improve the quality of training of specialists and solve scientific and production problems, first of all, considering the problems of organizing production on the basis of a university, in particular, the problems of creating small innovative enterprises in a university environment and the possibility of commercialization are considered scientific and educational activities. The authors consider the features of the activities of small innovative enterprises and emerging risks. They offer mechanisms for building relationships with industrial partners. They pay attention to the rather complex procedure and rules for creating production activities on the basis of a university, analyze the experience of the functioning of small industrial enterprises in Russia, and highlight several problems that in one way or another hinder the widespread organization of production on the basis of universities. The scientific novelty of the article is the attempt to combine into a single system all forms and methods of interaction between the university, school and industrial partner through the creation of a holding company based on basic departments. The main research methods: studying the experience of the country's leading universities, through the analysis of their charters and the analysis of Internet resources on the functioning of small innovative enterprises — in universities.

Keywords: commercialization, small innovative enterprises (SIE), holding, industrial partner, basic department, sponsored school, result of intellectual activity (RIA).

References

1. Rasshirennoye zasedaniye Prezidiuma Gosudarstvennogo Soveta po voprosu «O razvitiy rynka truda v Rossiyskoy Federatsii» [Extended meeting of the Presidium of the State Council on the issue of «On the development of the labour market in the Russian Federation»]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72319> (accessed: 10.10.2023). (In Russ.).
2. Troyan P. E., Sakharov Yu. V., Zhidik Yu. S. [et al.]. Partnerstvo inzhenernykh vuzov i predpriyatiy. Opyt TUSUR [Partnership of engineering universities and enterprises. the

experience of TUSUR] // Inzhenernoye obrazovaniye. *Engineering Education*. 2022. No. 32. P. 84–96. (In Russ.).

3. Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. O vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosam sozdaniya byudzhетnymi nauchnymi i obrazovatel'nymi uchrezhdeniyami khozyaystvennykh obshchestv v tselyakh prakticheskogo primeneniya (vnedreniya) rezul'tatov intellektual'noy deyatel'nosti: feder. zakon ot 02.08.2009 № 217-FZ [Russian Federation. Laws. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation concerning the creation by budgetary scientific and educational institutions of economic

societies for the practical application (implementation) of the results of intellectual activity: federal law of 02.08.2009 No. 217-FZ]. Available at «Consultant Plus» System. (In Russ.).

4. Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. Ob obshchestvakh s ogranichennoy otvetstvennost'yu: feder. zakon ot 08.02.1998 № 14-FZ (red. ot 13.06.2023) [Russian Federation. Laws. On Limited Liability Companies: Federal Law of 08.02.1998 No. 14-FZ (ed. of 13.06.2023)]. Available at «Consultant Plus» System. (In Russ.).

5. Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. Ob aktsionnykh obshchestvakh: feder. zakon ot 26.12.1995 № 208-FZ (red. ot 04.08.2023) [Russian Federation. Laws. On Joint Stock Companies: Federal Law of 26.12.1995 No. 208-FZ (ed. of 04.08.2023)]. Available at «Consultant Plus» System. (In Russ.).

6. Filippova L. G. Problemy sozdaniya malykh innovatsionnykh predpriyatiy v vuzakh [Problems of creating small innovative enterprises at universities] // Vestnik mariyskogo gosudarstvennogo universiteta. *Vestnik of the Mari State University*. 2018. Vol. 12, no. 1. P. 102–108. EDN: YTFBGX. (In Russ.).

7. V malom biznese vse bol'she innovatsiy [Small businesses are increasingly innovating]. URL: <https://issek.hse.ru/news/796503109.html> (accessed: 10.10.2023). (In Russ.).

8. Zinov'yeva E. L. Analiz funktsionirovaniya malykh predpriyatiy v ramkakh universitetov [Analysing the functioning of small enterprises within universities]. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/99822/1/978-5-91256-519-9_2021_043.pdf (accessed: 10.10.2023). (In Russ.).

9. Federal'noye gosudarstvennoye byudzhethoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshego obrazovaniya «Donskoy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet» [Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Don State Technical University»] // Dokumenty. *Documents*. URL: <https://donstu.ru/sveden/document/> (accessed: 10.10.2023). (In Russ.).

10. Ustav avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Natsional'nyy issledovatel'skiy tekhnologicheskii universitet» MISIS [The Charter of the Autonomous Educational Institution of Higher Education «National University of Science and Technology «MISIS»]. URL: <https://misis.ru/university/documentation/ustav/> (accessed: 10.10.2023). (In Russ.).

11. Federal'noye gosudarstvennoye avtonomnoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshego obrazovaniya «Natsional'nyy issledovatel'skiy Tomskiy politekhnicheskiy universitet» [Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «National Research Tomsk Polytechnic University»] // Dokumenty. *Documents*. URL: <https://tpu.ru/sveden/document> (accessed: 10.10.2023). (In Russ.).

KHODOREVA Elena Viktorovna, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of Transport, Oil and Gas Storage, Standardization and Certification Department, Omsk State Technical University (OmSTU), Omsk.

AuthorID (RSCI): 591427

AuthorID (SCOPUS): 56610293100

Correspondence address: l.khodoreva@yandex.ru

SHALAY Viktor Vladimirovich, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of Transport, Oil and Gas Storage, Standardization and Certification Department, OmSTU, Omsk.

SPIN-code: 2322-6820

AuthorID (RSCI): 9913

ORCID: 0000-0003-0635-4849

AuthorID (SCOPUS): 35792469000

AuthorID (SCOPUS): 56755298300

AuthorID (SCOPUS): 57190972363

ResearcherID: P-8233-2015

For citations

Khodoreva E. V., Shalay V. V. A mechanism for development of education management systems to increase the involvement of universities in production activities of the enterprise // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 120–127. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-120-127.

Received November 11, 2023.

© E. V. Khodoreva, V. V. Shalay

Институт экономики и управления
Федерального государственного
автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»,
Республика Крым, г. Симферополь

ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И АРМЕНИИ: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ

Рассматриваются внешнеторговые отношения Российской Федерации и Республики Армения в современных условиях. Проводится анализ динамики внешней торговли России и Армении за 2014–2021 годы. Дается обзор структуры экспорта и импорта России и Армении за 2014 и 2021 годы. Выявляются факторы, влияющие на внешнеторговую деятельность между странами. Особое внимание уделяется геополитическим и геоэкономическим аспектам внешнеторгового сотрудничества. Рассматривается роль интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (далее по тексту — ЕАЭС) в развитии торгово-экономических отношений между странами. Освещаются основные направления межрегионального сотрудничества, определенные в Программе развития на 2022–2027 годы. Оценивается эффективность существующих механизмов торгово-экономического сотрудничества и предлагаются рекомендации по дальнейшему укреплению внешнеторговых связей между Российской Федерацией и Республикой Армения в контексте геополитической обстановки и мировых экономических трендов.

Ключевые слова: Российская Федерация, Республика Армения, ЕАЭС, внешнеторговые отношения, товарооборот, экспорт, импорт.

Постановка проблемы. В контексте глобализированных экономических связей Армения, интегрированная в Содружество Независимых Государств (СНГ), проявляет себя как стабильный торгово-экономический партнер Российской Федерации. Исторические, географические и социально-экономические аспекты играют ключевую роль в этом сотрудничестве. Динамика торгово-экономических отношений между данными странами демонстрирует чувствительность к внутренним и внешним экономическим шокам. В качестве значимых внутренних факторов дестабилизации выступают политическая нестабильность в Армении и ограниченная диверсификация национальной экономики, что усиливает её зависимость от внешнеторговых операций и иностранных инвестиций. Во внешнем контексте особое внимание уделяется геополитическим и геоэкономическим аспектам в отношениях Армении и России с государствами кавказского региона, оказывающими влияние на формирование экономической стратегии и торговой политики. Пандемия COVID-19, вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе и последовавший внутривластный кризис в Республике Армения существенно повлияли на их внешнеторговые отношения. Обозначенные экзогенные шоки акцентировали особое внимание на необходимости переосмысления и адаптации существующих торгово-экономических стратегий в сложившихся условиях. При этом в результате

политических и экономических трансформаций появились новые траектории в эволюции торговых связей между странами, что обуславливает актуальность глубокого исследования данной тематики.

Актуальность исследования заключается в том, что анализ текущего состояния и перспектив развития торгово-экономических отношений между Россией и Арменией, а также их влияния на макроэкономические показатели и внешнеэкономическую деятельность стран, позволит выработать рекомендации по улучшению двустороннего сотрудничества и определению перспективных направлений совместной деятельности.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросы исследования торгово-экономического сотрудничества Российской Федерации и Республики Армения занимались такие отечественные исследователи, как И. А. Совик, А. Г. Пылин, Г. Р. Вазигатова [1–3]. Особое внимание учёных уделено анализу внешней торговли, внешнеэкономической деятельности и межрегионального сотрудничества между странами. Несмотря на активное изучение данных аспектов, вопросы развития торгово-экономических отношений России и Армении в контексте интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, а также геополитических и геоэкономических вызовов в отечественной науке не получили широкого освещения [4]. В связи с этим данный вопрос является актуальным в современных геополитических

Армения во внешнеэкономических показателях Российской Федерации*

Показатели	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
млн долл. США								
Экспорт товаров из РФ	497,4	343,51	285,65	357,26	450,28	424,26	337,1	493,1
в т.ч. в Армению	1,09	1,06	0,94	1,75	1,35	1,69	1,66	1,89
Импорт товаров в РФ	287,1	182,9	137,29	227,87	238,71	244,57	231,67	293,53
в т.ч. из Армении	0,31	0,21	0,39	0,53	0,63	0,86	0,65	0,71
Внешнеторговый оборот товаров РФ	784,4	526,41	422,94	585,13	688,99	668,83	568,77	786,63
в т.ч. с Арменией	1,41	1,27	1,33	1,78	1,98	2,55	2,3	2,6
Внешнеторговое сальдо РФ	210,3	160,61	148,36	129,39	211,57	179,69	105,43	199,57
в т.ч. с Арменией	0,78	0,85	0,55	1,22	0,72	0,83	1,01	1,18
процентов, %								
Экспорт товаров РФ	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в т.ч. в Армению	0,22	0,31	0,33	0,49	0,3	0,4	0,49	0,38
Импорт товаров РФ	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в т.ч. из Армении	0,11	0,11	0,28	0,23	0,26	0,35	0,28	0,24
Внешнеторговый оборот товаров	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100
в т.ч. с Арменией	0,18	0,24	0,31	0,3	0,29	0,38	0,4	0,33
Внешнеторговое сальдо РФ	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в т.ч. с Арменией	0,37	0,53	0,37	0,94	0,34	0,46	0,96	0,54
Коэффициент покрытия экспорта импортом								
Коэффициент покрытия	3,5	5,01	2,4	3,3	2,14	1,97	2,55	2,65

*Составлено автором по материалам [2]

и геоэкономических реалиях и требует комплексного изучения и определения ключевых направлений дальнейшего взаимодействия. Это подтверждается и практическими мерами, отражёнными в Программе межрегионального сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения на 2022–2027 годы, где акцентируется внимание на оптимизации показателей товарооборота между странами и привлечении взаимных инвестиций [5].

Целью статьи является комплексный анализ внешнеэкономических отношений Российской Федерации и Республики Армения.

Изложение основного материала. Вхождение Армении в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в 2014 г. стало ключевым элементом геоэкономических и геополитических процессов и стратегии национальной экономической политики, направленной на поддержание мира и укрепление торгово-экономических связей с Российской Федерацией в контексте интеграционного блока. 29 мая 2014 г., на заседании Высшего Евразийского экономического Совета, лидеры государств-членов Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) ратифицировали Договор о ЕАЭС, предусматривающий более глубокую интеграцию [6]. В октябре того же года в Минске было подписано соглашение о присоединении Армении к ЕАЭС, а 23 декабря 2014 г. в Москве заключен аналогичный контракт с Киргизией, что является свидетельством расширения интеграционного поля действия ЕАЭС.

В торговых отношениях Россия является основным экспортно-импортным партнером Армении.

Анализ внешнеэкономического оборота между двумя государствами за период с 2014 по 2021 годы выявляет колебания в объемах торговли, свидетельствующие о переменчивых экономических условиях (табл. 1).

За исследуемый период (2014–2021 гг.) наблюдалось неустойчивое положение экспортно-импортных операций Армении с Россией, о чем свидетельствуют резкие скачки и спады внешнеэкономических показателей как в денежном эквиваленте, так и в процентном. В целом, за анализируемый период экспорт и импорт товаров достигли рекордных значений в 2021 г. и составили при этом 1,89 млн долл. (+73,39 % по сравнению с 2014 г.) и 0,71 млн долл. (+129 % по сравнению с 2014 г.) соответственно. Наименьшие значения по экспорту из РФ зафиксированы в 2016 г. (0,94 млн долл.), а по импорту в РФ в 2015 г. (0,21 млн долл.). Также резкое снижение экспортно-импортных операций прослеживалось в 2020 г., главной причиной которого являлось обострение карабахского конфликта.

Армения осуществляет экспортно-импортные операции с Российской Федерацией, но импорт товаров в страну существенно превышает экспорт, о чем свидетельствуют показатели коэффициента покрытия импорта экспортом (табл. 1). Данный феномен объясняется, прежде всего, наложившимися на Республику Армения геополитическими ситуациями, вытекающими из них внешнеэкономическими отношениями с другими странами, а также воздействием пандемии COVID-19 на экономические процессы [1]. Однако можно сказать, что существуют благоприятные предпосылки, в числе которых устойчивые торговые отношения с Россией и потенциал производственных мощностей Арме-

Таблица 2

Товарная структура экспорта Российской Федерации в Республику Армения, %*

Товарные группы	2014 г.	2021 г.
Пищевые продукты, напитки, табак	6,8	9,0
Минеральные продукты	13,5	34,8
Продукция растительного происхождения	5,2	4,5
Металлы и изделия из них	6,1	8,4
Машины, оборудование и аппаратура	5,5	9,3
Продукция химической промышленности	2,7	5,6
Текстиль	0,3	1,7
Продукты животного происхождения	0,4	1,3
Драгоценности	0,5	3,1
Транспорт	1,6	6,7
Другое	57,4	15,7

*Составлено автором по материалам [2]

Таблица 3

Товарная структура импорта Российской Федерации в Республику Армения, %*

Товарные группы	2014 г.	2021 г.
Пищевые продукты, напитки, табак	55,5	39,2
Минеральные продукты	0,5	1,6
Продукция растительного происхождения	9,2	13,2
Металлы и изделия из них	0,5	2,6
Машины, оборудование и аппаратура	2,4	2,4
Продукция химической промышленности	1,0	2,0
Текстиль	0,8	12,0
Продукты животного происхождения	13,0	8,7
Драгоценности	0,8	11,2
Транспорт	0,0	0,9
Другое	17,1	6,1

*Составлено автором по материалам [2]

нии, которые могут способствовать наращиванию как импортных, так и экспортных потоков, с последующим укреплением экономических связей с Российской Федерацией.

Следует отметить, что основу российско-армянского товарооборота составляют главным образом: Российская Федерация преимущественно экспортирует минеральные продукты, необработанный алюминий и пшеницу, в то время как Армения фокусируется на поставках продовольственных товаров, напитков и текстильной продукции [2, с. 16]. Таким образом, торговый баланс между странами отражает специфическую продуктовую ориентацию, о чем свидетельствуют данные, приведенные в табл. 2, 3.

Анализируя структуру экспорта, можно отметить, что в 2021 г. доминирующей товарной группой были минеральные продукты, занимавшие 34,8 % всего экспорта, что на 21,3 % больше, чем в 2014 г. Далее следуют машины, оборудование и технические аппараты с долей 9,3 % (рост на 3,8 %) и продовольственные товары, напитки и табачные изделия с увеличением на 2,8 %. В то же время в меньшей степени представлены такие группы, как драгоценности (3,1 %), текстиль (1,7 %) и продукция животного происхождения (1,3 %). Особенно значительный рост доли за исследуемый период наблюдается в таких категориях, как минеральные продукты (на 21,3 %) и транспортные средства (на 5,1 %).

В свою очередь, структура импорта Российской Федерации с Республикой Армения преимущественно определяется потребностями российского рынка. Так, более половины армянского экспорта составляют продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё. В частности, выделяются алкогольные напитки, фрукты и овощи (табл. 3).

Исследуя структуру импорта Российской Федерации с Республикой Армения за анализируемый период (2014 и 2021 гг.), можно сделать вывод, что в 2021 г. наибольшую долю в структуре занимали пищевые продукты, напитки и табачные изделия, составляющие в совокупности 39,2 % от общего объема, что на 16,3 % ниже по сравнению с 2014 г. Продукция растительного происхождения занимает 13,2 %, демонстрируя рост на 4 %. Текстильные изделия составляют значительную часть импорта — 12,0 %, увеличившись на 11,2 % по сравнению с 2014 годом. Также наблюдается заметное увеличение в сегменте драгоценностей, которые в 2021 г. составили 11,2 % от общего импорта, увеличив свою долю на 10,4 %. Значительно уступают в общей структуре импорта такие товарные группы: продукция химической промышленности — 2,0; минеральные продукты — 1,6 %; транспорт — 0,9 %. Среди товарных групп, по которым прослеживается значительный рост удельного веса в структуре импорта за исследуемый период: текстиль (в 15 раз), драгоценности (в 14 раз).

Таблица 4

Сбалансированность экспортно-импортных отношений России и Армении*

Показатели	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Внешнеторговое сальдо, млрд долл. США	0,78	0,85	0,55	1,22	0,72	0,83	1,01	2,0
Товарооборот, млрд долл. США	1,41	1,27	1,33	1,78	1,98	2,55	2,3	2,6
Коэффициент сбалансированности	0,55	0,67	0,41	0,69	0,36	0,33	0,44	0,77

*Составлено автором по материалам [2]

На макроэкономическом уровне анализ эффективности международной торговли представляет собой комплексный процесс, требующий применения определенных методологических инструментов и глубокого понимания теоретических подходов [3]. В контексте настоящего исследования важным этапом такого анализа является экономическая оценка внешнеторговых отношений между Россией и Арменией, для чего рекомендуется использовать коэффициент сбалансированности торговли, данные о котором представлены в табл. 4. Этот коэффициент отражает пропорциональность между экспортными и импортными потоками, указывая на степень взаимной выгоды от торговых отношений. Анализ динамики коэффициента сбалансированности за последние годы выявляет значительные колебания: в 2021 г. он достиг максимального значения 0,77, в то время как в 2019 г. упал до минимума в 0,33.

Следовательно, структура торговых отношений между странами демонстрирует отклонения от равновесного уровня, что свидетельствует о наличии определенных асимметрий в экспортно-импортных операциях.

Анализируя экономические взаимоотношения между Россией и Арменией, критично важно учитывать влияние присоединения Армении к ЕАЭС в январе 2015 года. Данное стратегическое решение, обусловленное, среди прочего, усилением роли Турции на Южном Кавказе, экономическим укреплением Азербайджана, украинским кризисом и обострением отношений между РФ и ЕС, значительно повлияло на торговые связи региона. По официальным данным, за период 2015–2019 гг. наибольшую выгоду от интеграции в ЕАЭС получила именно Армения, демонстрируя рост внутрирегионального экспорта в 2,3 раза и увеличение общего экспорта в страны союза на сумму более 1,3 млрд долл., что составило 9,7 % от ВВП страны [4, с. 343]. Особенно значительным стало увеличение армянского экспорта в Россию по разнообразным товарным группам.

Таким образом, торговля товарами является ключевым фактором экономического взаимодействия между двумя странами, внося значительный вклад в экономику Армении. Россия, в свою очередь, укрепила свою позицию в структуре внешней торговли Армении: с 2016 по 2021 год доля России в товарном экспорте Армении возросла с 20,6 % до 26,9 %, а в товарном импорте — с 30,8 % до 33,5 % [7].

Россия сохраняет позиции ключевого прямого инвестора в экономику Армении. Однако анализ актуальных данных по динамике прямых иностранных инвестиций демонстрирует тенденцию к умеренному снижению ее участия. Исходя из отчетов международных финансовых институтов, прогнозируется, что доля инвестиций из России может продолжить сокращаться в связи с геополитической обстановкой и внутренними экономическими изменениями в обеих странах [8].

Наряду с этим, экономическая составляющая Армении, характеризующаяся относительно либеральным режимом предпринимательства, создаёт благоприятные условия для привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Тем не менее значительные инвестиционные риски, обусловленные транспортными барьерами и нестабильностью финансового сектора, ограничивают потенциал привлечения капитала. Данный факт подтверждается текущей экономической ситуацией в Республике

Армения, которая сталкивается с острым дефицитом ПИИ.

Согласно данным Международного валютного фонда (МВФ), к концу 2021 года Россия инвестировала в Армению 2 млрд долл., что составляет 40 % от общего объёма ПИИ в стране, в сравнении с 49,7 % в 2014 году [8]. Большая часть ведущих армянских предприятий функционирует на основе иностранного капитала, причём российские инвестиции затрагивают практически все ключевые сектора экономики. В Армении действует приблизительно 1300 предприятий с российским участием, что представляет более четверти всех компаний с иностранным капиталом. Кроме того, в стране работают более 40 ведущих российских компаний, включая «Газпром-Армения», «ГеоПроМайнинг Голд», «МТС-Армения» и другие, которые являются одними из крупнейших налогоплательщиков [9]. Российские инвестиции в основном сосредоточены в таких секторах, как инфраструктура, цветная металлургия, энергетика, связь, ИТ и транспорт.

Ключевым аспектом российско-армянских инвестиционных отношений является их многоуровневая природа, где экономические и геополитические факторы тесно переплетены. Стратегическое положение Армении на Кавказе определяет её особую роль в геополитических планах России, что, в свою очередь, оказывает влияние на объём и структуру российских инвестиций в страну. Однако, несмотря на эти аспекты, наблюдается снижение притока российского капитала в последние годы [2, с. 15]. Данный тренд подчеркивает текущий дефицит Армении в разрезе привлечения ПИИ, особенно в сравнении с соседней Грузией, где приток ПИИ в 2017–2019 гг. достигал 1,3–2,0 млрд долл. [8], что указывает на необходимость активизации усилий по диверсификации источников прямого инвестирования, включая привлечение капитала из других стран.

Перспективы межрегионального сотрудничества России и Армении представлены в Программе развития на 2022–2027 годы [5]. В этом документе акцентируется внимание на оптимизации товарооборота, выделяя ключевые сферы для взаимных инвестиций и создавая основу для развития потенциала в области совместных капиталовложений. Важным шагом в этом направлении представляется создание Российско-Армянского делового Совета, задачей которого является инициирование новых проектов, развитие производственных мощностей и усиление инвестиционного сотрудничества [10]. Программа также определяет стратегические цели и приоритетные направления взаимодействия, включая торговлю, промышленность, транспорт, здравоохранение, образование, науку, культуру и туризм.

Таким образом, в результате проведенного исследования, можно сделать следующие **выводы**:

1. Национальная экономика Армении характеризуется невысокими доходами, малой емкостью внутреннего рынка, высокой степенью зависимости экономики от внешнеэкономических связей. В этих условиях Российская Федерация выступает в качестве основного и стратегически важного внешнеторгового партнера, играя ключевую роль в торгово-экономических отношениях Армении.

2. Тенденции внешней торговли между Россией и Арменией складываются в сложных геозэкономических и геополитических условиях. Кроме того, они связаны с ограниченной диверсификацией то-

варной структуры и невысокой конкурентоспособностью. Товарный обмен между странами включает поставки минеральных продуктов, необработанного алюминия и пшеницы со стороны Российской Федерации и продовольственных товаров, напитков, текстильных изделий со стороны Армении.

3. Рассматривая общую динамику развития торгово-экономических связей между Россией и Арменией, можно выделить потенциал их дальнейшего сотрудничества через совместные инвестиции, развитие стратегических платформ и усиление инвестиционного взаимодействия. Такие меры будут способствовать укреплению национальной безопасности и эффективному использованию экономических возможностей обеих стран.

Библиографический список

1. Совик И. А. Перспективы межрегионального сотрудничества Российской Федерации и Республики Армения // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2022. № 1 (58). С. 157–168. EDN: VGCOIU.
2. Пылин А. Г. Проблемы и перспективы торгово-экономического сотрудничества Армении и России в современных условиях // Инновации и инвестиции. 2021. № 6. С. 13–17. DOI: 10.24412/2307-180X-2021-6-13-17.
3. Вазигатова Г. Р. Оценка эффективности внешнеэкономической деятельности // Журнал «У». Экономика. Управление. Финансы. 2021. № 4 (26). С. 178–183. EDN: TSYYFZ.
4. Гринберг Р. С., Пылин А. Г. Евразийский экономический союз: основные тренды развития на фоне глобальной неопределенности // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 2. С. 340–351. DOI: 10.17059/2020-2-1.
5. Программа межрегионального сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения на 2022–2027 годы (принята в г. Ереване 22.12.2021). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
6. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
7. Экспорт и импорт России по товарам и странам // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL:

https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya (дата обращения: 11.09.2023).

8. Международный валютный фонд. URL: <https://www.imf.org/ru/Home> (дата обращения: 13.09.2023).

9. Торгово-экономическое сотрудничество // Посольство Российской Федерации в Республике Армения. URL: <https://armenia.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/trade-economic-cooperation/> (дата обращения: 13.09.2023).

10. Российско-армянские отношения // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/print/?id=1701709&lang=ru> (дата обращения: 15.09.2023).

АБЛИТАРОВ Эрнест Рефатович, студент гр. Э-6-о 205 Института экономики и управления Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»), г. Симферополь.

SPIN-код: 1864-6815

AuthorID (РИНЦ): 1222974

ORCID: 0009-0002-8956-9596

Адрес для переписки: ablitaroff@mail.ru

КАМИНСКАЯ Анна Олеговна, кандидат экономических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Экономика предприятия» Института экономики и управления ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», г. Симферополь.

SPIN-код: 5402-3128

AuthorID (РИНЦ): 832795

ORCID: 0000-0002-3372-6508

Адрес для переписки: anna_kaminskaya329@mail.ru

Для цитирования

Аблитаров Э. Р., Каминская А. О. Внешнеторговые отношения России и Армении: особенности и тенденции // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 128–134. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-128-134.

Статья поступила в редакцию 05.12.2023 г.

© Э. Р. Аблитаров, А. О. Каминская

Institute of Economics
and Management (structural unit)
Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
«V. I. Vernadsky Crimean
Federal University», Simferopol,
Republic of Crimea, Russia

FOREIGN TRADE RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND ARMENIA: FEATURES AND TRENDS

The article considers the foreign trade relations of the Russian Federation and the Republic of Armenia in modern conditions. The analysis of the dynamics of foreign trade between Russia and Armenia for 2014–2021 is carried out. An overview of the structure of exports and imports of Russia and Armenia for 2014 and 2021 is given. The factors influencing the foreign trade activity between the countries are identified. Special attention is paid to the geopolitical and geo-economic aspects of foreign trade cooperation. The role of integration processes within the framework of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the EAEU) in the development of trade and economic relations between the countries is considered. The main directions of interregional cooperation defined in the Development Program for 2022–2027 are highlighted. The effectiveness of the existing mechanisms of trade and economic cooperation is assessed and recommendations are proposed for further strengthening foreign trade relations between the Russian Federation and the Republic of Armenia in the context of the geopolitical situation and global economic trends.

Keywords: Russian Federation, Republic of Armenia, EAEU, foreign trade relations, trade turnover, export, import.

References

1. Sovik I. A. Perspektivy mezhregional'nogo sotrudnichestva Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Armeniya [Prospects for interregional cooperation between the Russian Federation and the republic of Armenia] // Nauchnyy vestnik: finansy, banki, investitsii. *Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments*. 2022. No. 1 (58). P. 157–168 EDN: VGCOIU. (In Russ.).
2. Pylin A. G. Problemy i perspektivy torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva Armenii i Rossii v sovremennykh usloviyakh [Problems and prospects of trade and economic cooperation between Armenia and Russia in the current context] // Innovatsii i investitsii. *Innovations and Investments*. 2021. No. 6. P. 13–17. DOI: 10.24412/2307-180X-2021-6-13-17. (In Russ.).
3. Vazigatova G. R. Otsenka effektivnosti vneshne-ekonomicheskoy deyatel'nosti [Evaluation of the effectiveness of foreign economic activity] // Zhurnal «U». *Ekonomika. Upravleniye. Finansy. Journal «U». Economy. Management. Finance*. 2021. No. 4 (26). P. 178–183. (In Russ.).
4. Grinberg R. S., Pylin A. G. Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz: osnovnyye trendy razvitiya na fone global'noy neopredelennosti [Eurasian Economic Union: the main development trends amid Global Uncertainty] // *Ekonomika regiona. Economy of Region*. 2020. Vol. 16, no. 2. P. 340–351. DOI: 10.17059/2020-2-1. (In Russ.).
5. Programma mezhregional'nogo sotrudnichestva mezhdru Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Respubliki Armeniya na 2022–2027 gody (prinyata v g. Erevane 22.12.2021) [The program of interregional cooperation between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Armenia for 2020–2027 (adopted in Yerevan on 22.12.2021)]. Available at «Consultant Plus» System. (In Russ.).
6. Dogovor o Evraziyskom ekonomicheskom soyuze (podpisan v g. Astane 29.05.2014) (red. ot 24.03.2022) (s izm. i dop., vstup v silu s 03.04.2023) [The Treaty on the Eurasian Economic Union (Signed in Astana on 29.05.2014) (as amended on 24.03.2022) (with amendments and additions, effective from 03.04.2023)]. Available at «Consultant Plus» System. (In Russ.).
7. Eksport i import Rossii po tovaram i stranam [Export and import of Russia by goods and countries] // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki (Rosstat). Federal State Statistics Service (Rosstat). URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya (accessed: 11.09.2023). (In Russ.).
8. Mezhdunarodnyy valyutnyy fond [International Monetary Fund]. URL: <https://www.imf.org/ru/Home> (accessed: 13.09.2023). (In Russ.).
9. Torgovo-ekonomicheskoye sotrudnichestvo [Trade and economic cooperation] // Posol'stvo Rossiyskoy Federatsii v Respublike Armeniya. *Embassy of the Russian Federation in the Republic of Armenia*. URL: <https://armenia.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/trade-economic-cooperation/> (accessed: 13.09.2023). (In Russ.).
10. Rossiysko-armyanskiye otnosheniya [Russian-Armenian relations] // Ministerstvo inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii.

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: <https://www.mid.ru/print/?id=1701709&lang=ru> (accessed: 15.09.2023). (In Russ.).

ABLITAROV Ernest Refatovich, Student of gr. E-b-o 205, Institute of Economics and Management (structural unit), Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «V. I. Vernadsky Crimean Federal University» (KFU), Simferopol.

SPIN-code: 1864-6815

AuthorID (RSCI): 1222974

ORCID: 0009-0002-8956-9596

Correspondence address: ablitaroff@mail.ru

KAMINSKAYA Anna Olegovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Enterprise Economics Department,

Institute of Economics and Management (structural unit) KFU, Simferopol.

SPIN-code: 5402-3128

AuthorID (RSCI): 832795

ORCID: 0000-0002-3372-6508

Correspondence address: anna_kaminskaya329@mail.ru

For citations

Ablitarov E. R., Kaminskaya A. O. Foreign trade relations between Russia and Armenia: features and trends // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 128 – 134. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-128-134.

Received December 05, 2023.

© E. R. Ablitarov, A. O. Kaminskaya

